

Журнал по юриспруденции

Вопросы российского
и международного
права

Том 7, № 1А, 2018.

С. 1-234.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС»

Московская область, г. Ногинск

Law Journal

Matters of Russian
and International
Law

January 2018, Volume 7, Issue 1A.

Pages 1-234.

ANALITIKA RODIS publishing house

Noginsk, Moscow region

«Вопросы российского и международного права»

Том 7, № 1А, 2018

Выпуски журнала издаются в двух частях: А и В. Периодичность части А – 12 номеров в год. Периодичность части В – 12 номеров в год.

Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются членами редсовета и редколлегии, а также другими ведущими учеными.

Журкина Ольга Вячеславовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права *Оренбургского государственного университета* – главный редактор журнала.

Исаенкова Оксана Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского процесса, *Саратовская государственная юридическая академия*, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ – заместитель главного редактора.

В журнале рассматриваются актуальные проблемы теории и практики российского, зарубежного и международного права, формулируются научно обоснованные выводы, предложения и рекомендации, направленные на совершенствование законодательства и правоприменительной практики в области гражданского, налогового, банковского, авторского, международного, частного и других отраслей права.

Авторами материалов, представленных в журнале, являются руководители и ведущие специалисты государственных органов и коммерческих организаций, российские и зарубежные ученые, занимающиеся различными областями юридической науки и практики, а также аспиранты и докторанты. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Журнал «Вопросы российского и международного права» включен в **«Перечень рецензируемых научных изданий»**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» в соответствии с приказом Минобрнауки России от 25 июля 2014 г. № 793 с изменениями, внесенными приказом Минобрнауки России от 03 июня 2015 г. № 560 (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 25 августа 2014 г., регистрационный № 33863), вступившим в силу 1 декабря 2015 года.

Генеральный директор издательства	Е.А. Лисина
Главный редактор	О.В. Журкина, кандидат юридических наук
Зам. главного редактора	О.В. Исаенкова, доктор юридических наук
Официальный представитель издательства в Литве	Д. Штилис (Вильнюс, Литва)
Ответственный редактор	Л.В. Луковникова
Научный редактор и переводчик	К.И. Кропачева
Корректор	Л.Л. Куприяничик
Переводчики	В.Н. Ермаков, А.А. Тесленко
Дизайн и верстка	М.А. Пучков
Адрес редакции и издателя	142400, Московская область, г. Ногинск, ул. Рогожская, 7
Телефоны редакции	+7 (495) 210 0554; +7 915 056 9894
E-mail	info@publishing-vak.ru
Сайт	http://www.publishing-vak.ru

Журнал издается с мая 2011 г. Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-43675 от 24.01.2011.

ISSN 2222-5129. Учредитель и издатель: «АНАЛИТИКА РОДИС»

Индекс по Объединенному каталогу «Пресса России»:

42394 «Вопросы российского и международного права»

Цена договорная. Подписано к печати 15.01.2018. Печ. л. 31,25 Формат 60x90/8.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Периодичность: 12 раз в год. Тираж 1000 экз. Заказ № 7108.

Отпечатано в типографии «Книга по Требованию». 127918, г. Москва, Сушевский вал, 49.

"Matters of Russian and International Law"

January 2018, Volume 7, Issue 1A

The issues of the journal are published in two parts: A and B. The publication frequency of part A is 12 times a year. The frequency of part B is 12 times per year.

All articles published in the journal are reviewed by the members of the editorial board and editorial staff as well as by other leading scientists.

Zhurkina Olga Vyacheslavovna, PhD in Law, Associate Professor at the Department of criminal law, *Orenburg State University* (Russia) – editor-in-chief.

Isaenkova Oksana Vladimirovna, Doctor of law, Professor, Head of the Department of civil process, *Saratov State Law Academy*, member of the Scientific (advisory) council under the Supreme Court of the Russian Federation (Russia) – deputy editor-in-chief.

The journal publishes articles concerning current problems of theory and practice of Russian, foreign and international law, as well as formulates scientifically grounded conclusions, proposals and recommendations aimed at improvement of legislation and law-enforcement practice in the field of civil, tax, banking, copyright, international, private and other branches of law.

The authors of the submitted materials are chief executives and leading experts of government bodies and commercial organizations, Russian and foreign scientists working in different fields of legal science and practice, as well as postgraduate and doctoral students.

The views and opinions of the publisher may not necessarily coincide with those of the authors.

The journal "Matters of Russian and International Law" ("Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava") was included in the "**List of the peer-reviewed scientific journals**, in which the major scientific results of dissertations for obtaining Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees should be published" in accordance with Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 793 of July 25, 2014 (as amended by Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 560 of June 3, 2015 that was registered by the Ministry of Justice of the Russian Federation on August 25, 2014 (registration No. 33863) and entered into force on December 1, 2015).

CEO of the publishing house	E.A. Lisina
Editor-in-chief	O.V. Zhurkina, PhD in Law
Deputy editor-in-chief	O.V. Isaenkova, Doctor of Law
The official representative of the publishing house in Lithuania	D. Stitilis (Vilnius, Lithuania)
Executive editor	L.V. Lukovnikova
Science editor and translator	K.I. Kropacheva
Proof-readers	L.L. Kupriyanchik
Translators	V.N. Ermakov, A.A. Teslenko
Styling and make-up	M.A. Puchkov
Address of the Publisher and the Editorial Board	P.O. Box 142400, 7 Rogozhskaya st., Noginsk, Moscow region, Russian Federation
Phones of the Editorial Board	+7 (495) 210 0554; +7 915 056 9894
E-mail	info@publishing-vak.ru
Website	http://www.publishing-vak.ru

The journal is issued since May 2011. The publication is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR).

Mass media registration certificate: PI No. FS77-43675 of 24.01.2011.

ISSN 2222-5129. Founder and Publisher: "ANALITIKA RODIS"

Subscription index of the union catalogue "The Press of Russia":

42934 "Matters of Russian and International Law".

Contract price. Passed for printing on 15.01.2018. 31.25 printed sheets. Format 60x90/8.

Offset printing. Offset paper. Periodicity: 12 issues per year. Circulation 1,000 issues. Order No. 7108.

Printed from make-up page in the "Kniga po Trebovaniyu" printing house.

P.O. Box 127918, 49 Sushchevskii val st., Moscow, Russian Federation.

Редакционный совет

Астанин Виктор Викторович – доктор юридических наук, профессор, Вице-президент Российской криминологической ассоциации, заместитель директора по научной и учебной работе Федерального бюджетного учреждения «Научный центр правовой информации при Министерстве юстиции Российской Федерации».

Баранов Владимир Михайлович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности.

Батлер Уильям Эллиотт – заслуженный профессор права им. Джона Эдварда Фоулера, Университет штата Пенсильвания (США), Профессор Emeritus сравнительного правоведения (Лондонский Университет), иностранный член Национальной Академии наук Украины и Российской академии естественных наук.

Волосова Нонна Юрьевна – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права Оренбургского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования.

Горшенков Геннадий Николаевич – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, заведующий сектором криминологии центра уголовного права и процесса научно-исследовательского отдела юридического факультета Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Дуюнов Владимир Кузьмич – доктор юридических наук, профессор, проректор по научной работе Самарской гуманитарной академии.

Исламова Эльнара Рафисовна – кандидат юридических наук, доцент Санкт-Петербургского юридического института (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург.

Кудерская Надежда Ивановна – кандидат юридических наук, доцент, Одесский государственный университет внутренних дел (Украина).

Пауль Альбина – почетный доктор юридических наук Университета им. Г. Робакидзе (Грузия), доцент по специальностям «Русский юридический язык» и «Введение в Российское право», научный сотрудник на кафедре уголовного права, уголовно-процессуального права, теории права и правовой информатики университета Юлиуса-Максимилиана, г. Вюрцбург (Германия).

Прозументов Лев Михайлович – доктор юридических наук, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Юридического института Томского государственного университета.

Сайгидов Умалат Темирсултанович – кандидат юридических наук, доцент.

Сынкова Елена Михайловна – доктор юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права, Донецкий национальный университет.

Теохарис Григориадис – доктор философии политических наук Калифорнийского университета г. Беркли, ассистент экономического факультета Калифорнийского университета г. Беркли (США).

Тужилова-Орданская Елена Марковна – доктор юридических наук, профессор, завкафедрой гражданского права Института права Башкирского государственного университета, Заслуженный юрист Республики Башкортостан, Почетный работник высшего профессионального образования РФ.

Хаски Юджин – доктор политических наук, доктор экономических наук, советолог, профессор, университет Стэтсона, Делэнд, Флорида (США).

Хильгендорф Эрик – доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, декан и завкафедрой уголовного права, уголовно-процессуального права, теории права, информационного права и правовой информатики, университет Юлиуса Максимилиана, г. Вюрцбург (Германия).

Черкасов Константин Валерьевич – доктор юридических наук, доцент, завкафедрой административного, финансового и информационного права Нижегородского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Шлёер Бернхард – доктор юридических наук, профессор Мюнхенского университета, советник Бундестага по вопросам конституционного и административного права в странах СНГ, г. Мюнхен (Германия).

Юрьев Сергей Сергеевич – доктор юридических наук, профессор Российской академии адвокатуры и нотариата, г. Москва.

Редакционная коллегия

Альбов Алексей Павлович – доктор юридических наук, профессор, декан факультета права Академии бюджета и казначейства Министерства финансов РФ.

Анисимов Алексей Павлович – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Борисов Геннадий Александрович – доктор юридических наук, профессор, завкафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Белгородского государственного университета.

Гришко Александр Яковлевич – доктор юридических наук, профессор, уполномоченный по правам человека в Рязанской области.

Дудко Игорь Геннадьевич – доктор юридических наук, профессор, завкафедрой государственного и административного права Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева.

Литвинов Николай Дмитриевич – доктор юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии, проректор Воронежского государственного архитектурно-строительного университета.

Малько Александр Васильевич – доктор юридических наук, профессор, директор Саратовского филиала Института государства и права РАН.

Прокофьев Виктор Федорович – кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета, завкафедрой государственно-правовых дисциплин Новгородского государственного университета.

Сорокина Юлия Владимировна – доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Воронежского государственного университета.

Editorial Board

Astanin Viktor Viktorovich – Doctor of Law, Professor, Vice-President of the Russian Association for Criminology, Deputy Director for Research and Academic Affairs of the Scientific Centre for Legal Information under the Ministry of Justice of the Russian Federation (Russia).

Baranov Vladimir Mikhailovich – Doctor of Law, Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Assistant Head of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for innovative development and scientific activities (Russia).

Butler William Elliott – the John Edward Fowler Distinguished Professor of Law, the Pennsylvania State University (USA), Emeritus Professor of Comparative Law (the University of London), foreign member of the National Academy of Sciences of Ukraine and the Russian Academy of Natural Sciences.

Cherkasov Konstantin Valer'evich – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of administrative, financial and data protection law of Nizhny Novgorod Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia).

Duyunov Vladimir Kuz'mich – Doctor of Law, Professor, Pro-Rector for scientific work at Samara Academy for the Humanities (Russia).

Gorshenkov Gennadii Nikolaevich – Doctor of Law, Professor at the Department of criminal law, Head of the Criminology Sector of the Centre for Criminal Law and Criminal Procedure of the Research Department of the faculty of law of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Russia).

Hilgendorf Eric – Doctor of Law, Doctor of Philosophy, Professor, Dean and Head of the Department of criminal law, criminal procedure, legal theory, data protection law and computer science law of Julius-Maximillan University, Wurzburg (Germany).

Huskey Eugene – Doctor of Political Sciences, Doctor of Economics, sovietologist, Professor, Stetson University in Deland, Florida (USA).

Islamova El'nara Rafisovna – PhD in Law, Associate Professor at St. Petersburg Law Institute (branch) of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation (Russia).

Kuderskaya Nadezhda Ivanovna – PhD in Law, Associate Professor, Odessa State University of Internal Affairs (Ukraine).

Paul' Al'bina – Doctor of Law honoris causa, Associate Professor in the field "Russian legal language", "Introduction to Russian law", Grigol Robakidze University (Georgia), research fellow at the Department of criminal law, criminal procedure law, legal theory and legal informatics, Julius-Maximilian's University, Wurzburg (Germany).

Prozumentov Lev Mikhailovich – Doctor of Law, Professor at the Department of criminology and correctional law of Tomsk State University (Russia).

Saigidov Umalat Temirsultanovich – PhD in Law, Associate Professor (Russia).

Schleyer Bernhard – Doctor of Law, Professor at Munich University, Bundestag Counsellor for constitutional and administrative law in CIS countries, Munich (Germany).

Synkova Elena Mikhailovna – Doctor of Law, Associate Professor at the Department of administrative and financial law, Donetsk National University.

Theocharis Grigoriadis – Doctor of Philosophy in Political Science, Assistant Lecturer at the Department of economics, University of California, Berkeley (USA).

Tuzhilova-Ordanskaya Elena Markovna – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of civil law of the Institute of Law of Bashkir State University, Honoured Lawyer of the Republic of Bashkortostan, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Russia).

Volosova Nonna Yur'evna – Doctor of Law, Docent, Head of the Department of criminal law, Orenburg State University, Honorary Worker of Higher Professional Education (Russia).

Yur'ev Sergei Sergeevich – Doctor of Law, Professor of the Russian Academy of Advocacy and Notaries, Moscow (Russia).

Advisory Board

Al'bov Aleksei Pavlovich – Doctor of Law, Professor, Head of the law faculty of the Budget and Treasury Academy of the Ministry of Finance of the Russian Federation (Russia).

Anisimov Aleksei Pavlovich – Doctor of Law, Professor at the Department of constitutional and administrative law of Volgograd branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia).

Borisov Gennadii Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of theory and history of state and law of the faculty of law of Belgorod State University (Russia).

Dudko Igor' Gennad'evich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of public and administrative law of Ogarev Mordovia State University (Russia).

Grishko Aleksandr Yakovlevich – Doctor of Law, Professor, Commissioner for human rights in the Ryazan region (Russia).

Litvinov Nikolai Dmitrievich – Doctor of Law, Associate Professor at the Department of criminal law and criminology, Pro-Rector of Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering (Russia).

Mal'ko Aleksandr Vasil'evich – Doctor of Law, Professor, Head of Saratov branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Prokof'ev Viktor Fedorovich – PhD in Law, Associate Professor, Dean of the law faculty, Head of the Department of state legal disciplines of Novgorod State University (Russia).

Sorokina Yuliya Vladimirovna – Doctor of Law, Professor at the Department of theory and history of state and law of Voronezh State University (Russia).

Содержание

Теория и история права и государства

Тугельбаева Бермета Галиевна

Хамзаева Джамия Даулетбековна

Исторические предпосылки и современные причины сохранения дискриминирующих женщин обычаев в Кыргызстане7

Пушкарев Максим Сергеевич

Интернет вещей (IoT): понятие и значение для формирования правовой основы цифровой трансформации экономики.....16

Храмова Ольга Евгеньевна

Понятие гражданской правосубъектности государства: правовой аспект28

Гражданский процесс; арбитражный процесс

Панфилов Михаил Анатольевич

Ямашкина Марина Вячеславовна

Установление сервитута на земельный участок в практике применения районных судов Республики Мордовия36

Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право

Магдалинская Юлия Васильевна

Особенности правового статуса института независимого директора в законодательных системах США и России.....42

Петрова Елена Анатольевна

Правовая природа перехода прав на объекты будущей недвижимости52

Рустамов Павел Анварович

О положении товариществ в российском и французском правопорядках59

Сарангова Мария Петровна

О правовом статусе иностранных граждан в Российской Федерации65

Моданов Владимир Вячеславович

Правовая характеристика добросовестности как оценочной категории гражданского права Российской Федерации74

Чумакова Ольга Вячеславовна

Основные этапы девелопмента: правовые средства, используемые на каждом из этапов его реализации83

Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право

Казаков Максим Геннадьевич

Сунцов Александр Павлович

Защита прав ребенка в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации92

Молчанова Дария Кирилловна

Конституционно-правовой статус совещательных органов при Президенте Республики Сингапур100

Павловский Александр Сергеевич

Гарантии реализации конституционного права иностранных граждан на жилище в Российской Федерации112

Сороколетова Марина Александровна

Согласительные процедуры и коллизионные правоотношения: специфика конституционно-правового регулирования123

Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность

Лопина Мария Владимировна

Новиков Алексей Валерьевич

Слабкая Диана Николаевна

Криминологическая характеристика захвата заложников в учреждениях ФСИН России. Экспертные выводы и рекомендации.....130

Новиков Алексей Валерьевич

Слабкая Диана Николаевна

Захват заложника в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Экспертные выводы, рекомендации и заключение139

Петров Сергей Анатольевич

Объективные признаки преступления при нарушении правил дорожного движения, совершенных пешеходами149

Сотов Александр Игоревич

Использование материальных следов в процессе расследования преступлений157

Леонов Александр Иванович

Соловьев Олег Демьянович

Софьин Александр Александрович

Выявление преступлений в сфере банкротства экономико-криминалистическими средствами162

Уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность

Петрухина Алсу Наилевна

Попова Вера Владимировна

Оценка доказательств в современном уголовном судопроизводстве169

Финансовое право; налоговое право; бюджетное право

Запорожцев Дмитрий Сергеевич

Государственные гарантии как форма поддержки инвестиционной и предпринимательской деятельности: финансово-правовой аспект175

Максимкин Кирилл Игоревич

Особенности современной налоговой системы Российской Федерации.....182

Международное право; Европейское право

Наку Антон Аркадьевич

Макаренко Анастасия Кирилловна

Соглашение о зоне свободной торговли между Европейским союзом и Сингапуром188

Нуцалханов Гамзат Нуцалханович

Институциональные механизмы договора о безъядерной зоне в Северо-Восточной Азии197

Шашкова Анна Владиславовна

Проблемы местного самоуправления в Италии204

Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность

Бармашов Владимир Игоревич

Правовой статус и классификация субъектов инновационной деятельности в производственном секторе уголовно-исполнительной системы212

Магомедов Магомед Исалмагомедович

К вопросу об уголовной ответственности юридических лиц за преступления в сфере валютного обращения.....218

Административное право, финансовое право, информационное право

Петров Иван Владимирович

Экстремистская деятельность с позиции административного права225

Рецензия

Мартышин Орест Владимирович

Рецензия на монографию «Прогнозирование правовых рисков» кандидата юридических наук, доцента Агамирова Карэна Владимировича.....233

Contents

Theory and history of the state; history of doctrines of law and state

Bermeta G. Turgelbaeva

Altynay D. Khamzaeva

Saule D. Hamzaeva

Historical prerequisites and the modern reasons of preservation of the discriminating women of customs in Kyrgyzstan.....7

Maksim S. Pushkarev

Internet of Things (IoT): concept and importance for the formation of legal framework of the digital transformation of the economy16

Olga E. Khramova

The concept of civil capacity of the state: the legal aspect28

Civil process; arbitration process

Mikhail A. Panfilov

Marina V. Yamashkina

Establishment of easement on the land plot in the practice of the district courts of the Republic of Mordovia.....36

Civil law; business law; family law; international private law

Yuliya V. Magdalinskaya

The legal status of the independent director's institution in the legislative systems of the USA and Russia42

Elena A. Petrova

The legal nature of the transfer of rights to future real estate52

Pavel A. Rustamov

On the position of partnerships in Russian and French legal systems59

Mariya P. Sarangova

On the legal status of foreign citizens in the Russian Federation.....65

Vladimir V. Modanov

Legal characterization of good faith as an assessment category of civil law of the Russian Federation.....74

Olga V. Chumakova

Main stages of development: legal means used at each stage of its implementation83

Constitutional law; constitutional litigation; municipal law

Maksim G. Kazakov

Aleksandr P. Suntsov

Protection of the rights of the children in the Constitutional Court of the Russian Federation92

Dariya K. Molchanova

Constitutional and legal status of the deliberative bodies under the President of the Republic of Singapore.....100

Aleksandr S. Pavlovskii

Guarantees of the realization of the constitutional right of foreign citizens to housing in the Russian Federation112

Marina A. Sorokoletova

Conciliation procedures and conflict relations: specific features of the constitutional and legal regulation.....123

Criminalistics; forensic activities; operational search activities

Mariya V. Lopina

Aleksei V. Novikov

Diana N. Slabkaya

Criminological characteristics of hostage-taking in the institutions of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation. Expert conclusions and recommendations130

Aleksei V. Novikov

Diana N. Slabkaya

Hostage-taking in the institutions of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation. Expert opinions, recommendations and conclusions139

Sergei A. Petrov

Objective elements of crime at traffic offense committed by pedestrians149

Aleksandr I. Sotov

The use of material traces in the process of crime investigation.....157

Aleksandr I. Leonov

Oleg D. Solov'ev

Aleksandr A. Sof'in

Detection of crimes in the sphere of bankruptcy by economic and criminalistic means162

Criminal process, criminalistics; operational-search activity

Alsu N. Petrukhina

Vera V. Popova

Evaluation of evidence in modern criminal proceedings169

Financial law; tax law; budget law

Dmitriy S. Zaporozhtsev

State guarantees as a form of support for investment and entrepreneurial activity: the financial and legal aspect175

Kirill I. Maksimkin

Features of modern tax system of the Russian Federation182

International law; European law

Anton A. Naku

Anastasiya K. Makarenko

Free Trade Agreement between the European Union And Singapore188

Gamzat N. Nutsalkhanov

Institutional arrangements for a nuclear-weapon-free zone treaty in North-East Asia197

Anna V. Shashkova

Problems of local government in Italy204

Judicial activity, public prosecutors' activities, human rights practices and law enforcement

Vladimir I. Barmashov

Legal status and classification of the subjects of innovative activity in the productive sector of the correctional system.....212

Magomed I. Magomedov

To the question of criminal liability of legal persons for crimes in the sphere of currency circulation.....218

Administrative law, financial law, information law

Ivan V. Petrov

Extremist activity from the standpoint of administrative law225

Review

Orest V. Martyshin

Review of the monograph «Forecasting Legal Risks» by Ph.D. in Law Karen V. Agamarov233

УДК 339.545 (575.2) (04)**Исторические предпосылки и современные причины сохранения дискриминирующих женщин обычаев в Кыргызстане****Тугельбаева Бермета Галиевна**

Доктор юридических наук, доцент
Кыргызско-Российский Славянский университет,
720022, 6 проспект Чуй, Бишкек, Кыргызская Республика
e-mail: tbermeta@yandex.ru

Хамзаева Алтынай Даулетбековна

Кандидат юридических наук, доцент
Кыргызско-Российский Славянский университет,
720022, 6 проспект Чуй, Бишкек, Кыргызская Республика
e-mail: khamzaeva.ad@yandex.ru

Хамзаева Сауле Даулетбековна

Кандидат исторических наук, главный специалист
Южно-Казахстанский университет им. М.Ауэзова,
160012, проспект Тауке хана 5, Шымкент, Республика Казахстан
e-mail: surepsk@mail.ru

Аннотация

В статье рассмотрены факторы, вызывающие распространение в современном Кыргызстане таких явлений, как принуждение женщин к вступлению в брак, причем часто через их похищение, а также полигинии, которая порождает двоеженство и многоженство. Показано, что этому способствуют некоторые дискриминационные обычаи, сохранившиеся в Кыргызстане. Они имеют место, благодаря поддерживаемой традиционной культурой и гендерными стереотипами субординации гендерных ролей женщин и мужчин в обществе и семье, в основе которой лежит гендерное неравенство.

Для цитирования в научных исследованиях

Тугельбаева Б.Г. Хамзаева А.Д. Исторические предпосылки и современные причины сохранения дискриминирующих женщин обычаев в Кыргызстане // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 7. № 1А. С. 7-15.

Ключевые слова

Дискриминационные обычаи, гендерные стереотипы, гендерные роли женщин и мужчин в обществе и семье, гендерное неравенство.

Введение

Начавшийся в 90-х годах процесс суверенизации советских республик, способствовал внутреннему процессу переосмысления их политических, экономических, социальных институтов. На волне национального возрождения в Кыргызстане вдруг начали всплывать, казалось бы, давно исчезнувшие как позитивные, так и негативные традиции, и обычаи, характерные прежде всего для приватной сферы, в которой существовали и могли сохраняться многие нормы поведения, считающиеся в публичной жизни архаизмами, например, патриархальные традиции жестокого обращения с женщинами в семье. Почему же легко возродилась идеология дискриминационных в отношении женщин обычаев, и что послужило основой для ее реанимации? Этот вопрос является сегодня актуальным не только для надлежащего соблюдения прав женщин в современных, достаточно непростых условиях жизнедеятельности общества Кыргызстана, но и для других мусульманских народов Центральной Азии.

Исторические перспективы сохранения дискриминирующих женщин обычаев

Если посмотреть на исторические предпосылки данного вопроса, то следует признать, что советская власть придавала раскрепощению женщин Центральной Азии огромное значение [Сыдыкова, 2014, с.12-14]. Об этом говорит тот факт, что уже 1921 году Центральным исполнительным комитетом Туркестана был издан декрет «О запрещении калыма и многоженства», который отменял уплату калыма за невесту и устанавливал брачный возраст с 16 лет. Затем, в 1922 году в Уголовном кодексе РСФСР была введена уголовная ответственность за преступления, посягающие на равноправие женщин. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года содержал уже нормы, запрещающие такие местные обычаи как калым, принуждение женщины к супружеству, вступление в фактически брачные отношения с лицом, не достигшим брачного возраста, двоеженство и многоженство. Они были объявлены вредными пережитками патриархально-родового быта, с которыми следует вести непримиримую борьбу. Указанные нормы имелись и в Уголовных кодексах всех советских республик Центральной Азии.

Все последующие годы, вплоть до распада Советского Союза, борьба с пережитками местных обычаев в этих республиках не прекращалась, о чем свидетельствуют исследования М. Д. Байназаровой, Д. Ж. Сопиевой и др. [Байназарова; 1986, 8]. Тем не менее, в сфере семейных отношений продолжали существовать вышеуказанные дискриминационные обычаи и проявление насилия в вопросах выхода замуж, которое могло даже выражаться в доведении женщин до самоубийства через самоожжение.

Вместе с тем, научных исследований этнографического, исторического и особенно криминологического характера, вскрывающих причины живучести пережитков патриархально-родового быта в советский период было весьма мало. Априори считалось, что корни этих явлений при социализме полностью уничтожены вместе с бай-манапской феодальной психологией, поэтому данные обычаи постепенно исчезнут и изучать их особой надобности, нет.

Причины же сохранения данных пережитков советская власть видела только в недостаточности идеологической работы, слабости воспитательных мер, усилении мер уголовного характера. Действительно, например, обычаи похищения невест подвергались репрессиям как политическими и пропагандистскими методами, так и уголовному

преследованию [Байназарова, с. 15], что значительно уменьшило число их проявлений и привело к доминированию имитационных видов похищения. В этой связи, уместно заметить, что на практике обычай «ала-качуу» (умыкание невесты) исторически существовал в трех видах [Клейнбах, Салимжанова, 2011; с. 89-90]. Первый подразумевал, что невеста согласна, но не согласны ее родители. Тогда после умыкания молодые просили прощения у родителей невесты, которые, как правило, их прощали. Второй вид был имитацией похищения, когда молодые и их родители согласны, но хотят избежать больших затрат на брачные церемонии. И только третий вид был настоящим похищением без согласия девушки. Он редко использовался, поскольку мог вызвать конфликт между семьями и родами. Другие дискриминационные обычаи также жестко преследовались в советское время, что привело, в частности, к практическому искоренению в семейных отношениях полигинии в 90-х годах прошлого века. Тем не менее, уплата калыма за невесту продолжала скрытно существовать.

Постсоветский период характеризовался всплеском научного интереса к изучению данной проблемы в государствах Центральной Азии. Наиболее полные и репрезентативные социологические исследования проявлений дискриминационных в отношении женщин обычаев при заключении браков в южных регионах Казахстана были проведены С. Вернер [Werner, 2014], а у российских казахов – Е. И. Лариной и О. Б. Наумовой [Ларина, Наумова, 2010]. Изучение умыкания невест как специфической ритуализированной брачной стратегии в Кыргызстане было предпринято Л. Хандрахан [Handrahan, 2004] и Р. Клейнбахом с соавторами [Клейнбах, Салимжанова, 2011]. Кыргызские криминологи [Сыдыкова, 2014] представили обобщенные исследования по ситуации с кражей невест и многоженству в государствах Центральной Азии. В контексте изучения более общей проблемы насилия в отношении женщин [Сыдыковой, Тугельбаевой, 2007; Тугельбаева, 2003], авторами также были изучены вопросы существования в Кыргызстане принуждения женщины к вступлению в брак, двоеженства и многоженства.

Обобщая результаты вышеприведенных исследований, полагаем, что дискриминационные обычаи и сегодня имеют место, благодаря поддерживаемой традиционной культурой субординации гендерных ролей в семейных отношениях, в основе которой лежит гендерное неравенство. Следует признать, что советское государство по-своему пыталось решать вопросы преодоления гендерного неравенства не только де-юре, но и де-факто, например, через расширение диапазона социальных ролей женщин, а также путем использования протекционистской политики в отношении работающих женщин [Хамзаева, с. 24]. Тем не менее, советские методы гендерной модернизации общественных отношений не смогли преодолеть дифференциацию социальных ролей женщин, особенно в центральноазиатском регионе. Хотя эмансипация женщин здесь политически и идеологически поощрялась, но в частной сфере (быт и семья) продолжали существовать облеченные в неформальные гендерные стереотипы традиционные нормы морального поведения, которые накладывали на женщин определенные ограничения. В этой связи, считаем, что назрела необходимость рассмотреть обстоятельства, способствующие сохранению гендерного неравенства в семье и обществе, несмотря на демократические преобразования, активно идущие в Кыргызстане.

Целью проведенного авторами в 2016 году социологического исследования является изучение современных факторов, детерминирующих гендерное неравенство в мусульманских семьях, как основу сохранения дискриминационных обычаев. Методом углубленного интервью на основе стандартизированного вопросника, содержащего 40 вопросов (открытого, закрытого, полужакрытого типа), было опрошено 3260 респондентов из числа компактно проживающих в южных и северных областях Кыргызстана представителей мусульманских этносов кыргызской,

узбекской, таджикской, казахской, дунганской и уйгурской национальности. Респонденты были отобраны путем многоступенчатой выборки в соответствии с заложенными параметрами: (город/село), область (север-юг), возраст, образование, национальность, семейное положение и наличие детей, социальный статус и вероисповедание. Последний параметр был введен в связи с тем, что часто практика дискриминационных обычаев связывается с исламом.

Исследование выявило, что во всех мусульманских семьях доминирующей пока остается неравнопартнерская модель взаимоотношений. Эта модель характеризуется тем, что главой семьи, владельцем имущества и бизнеса, а также их наследником традиционно является мужчина. Сама система воспитания в семье направлена на приоритетную поддержку мужчин через соблюдение для них определенных праздников (рождение сына, акт мужской инициации – обрезание и др.), снятие некоторых запретов в поведенческой сфере (позднее возвращение домой, самостоятельный отдых). Также расширение диапазона предоставляемых для юношей образовательных услуг, поддержку даже насильственных браков, положительного восприятия многоженства, соблюдения пышных ритуалов похорон и поминок.

Признаются нежелательными, ущемляющими главенствующую позицию мужчины в семье, браки, в которых возраст, экономический и социальный статус жениха ниже статуса невесты, что в принципе подтверждается исследованиями Г.И. Ибраевой, рассматривающей брак как обмен определенными стоимостями [Ибраева, 2006, с. 78-79]. Когда мужчина не может уравнять обменные стоимости с ресурсами выбранной девушки, которая оценивает свой брак как регрессивный (с понижением), он прибегает к ее похищению. Недостаток обменных стоимостей мужчины компенсируется в этом случае «испорченной честью» девушки.

В отношении женщин семья требует соблюдения множества правил и запретов, воспитание нацелено, в основном, на замужество, под эту цель подстраивается образование девочки, приобретение ею различных навыков хозяйствования. Даже в случае насильственного принуждения вступления в брак, семья редко поддерживает девочку, а чаще пытается сохранить нейтральное статус-кво. При этом обычай насильственного похищения невест распространен в основном среди кыргызского и казахского сельского населения, в других мусульманских этносах придерживаются практики договора между родителями, причем девушка часто может и не видеть будущего мужа до свадьбы.

Браки с повышением для девочек приветствуются практически для всех мусульманских этносов, так как они экономически выгодны. При этом каких-либо особых семейных праздников для девочек нет, даже не всегда отмечаются дни рождения, а похоронные и поминальные ритуалы для женщин чаще всего достаточно скромны по сравнению с мужчинами. Многоженство в отношении женщин прямо не поддерживается, но и особо не осуждается, также отмечаются сопутствующие ему положительные факторы, в частности, оказываемая женщинам экономическая помощь. Положительно к ношению женщинами хиджаба относится только определенная часть респондентов, преимущественно из религиозных сельчан. По национальному признаку здесь преобладают представители таджикского, узбекского и дунганского этносов.

Эта модель неравнопартнерских отношений поддерживается в определенной степени другими институтами социализации личности через неформальное воздействие ряда гендерных стереотипов. Если проанализировать влияние на социализацию личности системы образования в Кыргызстане и прежде всего роль дошкольных учреждений, то следует признать, что в детских садах южных и северных областей особых различий в процессе воспитания детей не выявлено. Для мальчиков и девочек проводят одинаковые музыкальные занятия и спортивные мероприятия, им читают одни и те же книги, показывают мультфильмы. Но дети все равно

выбирают разные игрушки и сами игры в детских садах различаются в зависимости от пола. Таким образом, гендерно-нейтральная дошкольная среда практически не воспитывает в детях установок на возможность равнопартнерских отношений в будущем.

В школе на уроках истории дети убеждаются, что в историческом прошлом (древний мир, средневековье и др.) женщин в публичной жизни было весьма мало, и они вышли на сцену жизни только недавно. В современных учебниках по истории Кыргызстана уже можно встретить упоминание о женщинах, участвовавших в индустриализации страны в годы первых советских пятилеток, героически сражавшихся в Великой отечественной войне 1941-1945 гг., а также познакомиться с биографиями известных в республике женщин-ученых, артистов и др.

В системе высшей школы в Кыргызстане, как показал анализ государственных образовательных стандартов гуманитарных специальностей, не представлены учебные курсы по гендерной теории, гендерным и женским исследованиям, проблемам равноправия мужчин и женщин. Предполагается, что по вопросам равенства достаточно тех сведений, которые содержатся в учебниках по правоведению. В целом, это приводит к репродукции сложившихся гендерных стереотипов о предназначении полов в мировоззрении молодого поколения.

Что касается сферы занятости, то доля женщин в экономически активном населении республики на протяжении последних 5 лет стабильно составляет 40-41%. Женщины представлены в преобладающем количестве в сфере здравоохранения, социального обслуживания, образования, где они работают в основном по найму. Растет занятость женщин в финансовой, научной деятельности, в организации развлечений и отдыха. Мужчины доминируют в строительстве, энергетике, государственном управлении, транспортной, информационной, финансовой и административной деятельности [www..., с. 65-67]. При этом практически все сектора занятости характеризуются гендерной асимметрией в распределении должностей (руководящие посты занимают преимущественно мужчины, а исполнительские должности – в основном женщины) [www..., с. 75]. Например, удельный вес женщин на руководящих должностях составляет в транспортной деятельности всего 2,2%, в энергетике 10,7%, в государственном управлении 10,1%.

Сильным агентом социализации является система средств массовой информации. Контент-анализ материалов наиболее распространенных периодических изданий («Слово Кыргызстана», «Общественный Рейтинг», «Вечерний Бишкек», «Дело №») за одну неделю (ноябрь 2016 г.) показал, что 78% упомянутых в них имен – это мужские имена. Поскольку три первых издания пишут в основном о событиях, происходящих в политической и экономической жизни страны, то данный анализ позволяет даже в первом приближении признать, что в этих сферах доминируют мужчины. Исключение составляет «Дело №», где женские имена встречались в 1,5 раза чаще, что объясняется, по нашему мнению, криминальной направленностью материалов этого издания. Женщины здесь упоминаются и как преступницы, но чаще как жертвы.

Особо следует отметить, что на протяжении последних 5-10 лет в некоторых СМИ навязчиво популяризируются идеи об исламской основе традиционных гендерных отношений в кыргызском обществе. Например, утверждается, что ношение хиджаба девушками должно приветствоваться, так как это показатель их нравственной чистоты. Полигиния же есть спасение от проституции, поэтому многоженство не должно преследоваться законом и др. Что касается выступлений религиоведов с разъяснениями по этим вопросам, то они носят несистемный характер, нет массовой пропаганды восприятия указанных обычаев как дискриминационных.

Из проведенного исследования видно, что в настоящее время в Кыргызстане в семье,

системе образования, трудовых отношениях и СМИ продолжают неформально функционировать гендерные стереотипы, которые накладывают значительный отпечаток на процесс социализации личности, репродуцируя гендерное неравенство в семье и обществе. Это, в свою очередь, создает основу для архаизации уклада жизни народов Кыргызстана, который способствует реанимации дискриминирующих женщин обычаев (насильственное похищение девушки с целью вступления в брак, договорные браки, ношение хиджаба, полигиния). Данные обычаи не только ущемляют права женщин, но и накладывают ограничения на их стремление к реализации своей жизненной парадигмы. Вследствие существования такой системы социализации, значительная часть населения республики из числа мусульман считает указанные выше обычаи исконно национальными, не видя в них дискриминации в отношении женщин, и хотя эти обычаи официально (на уровне государства) не поддерживаются, это позволяет им сохраняться и транслироваться из поколения в поколение.

Подтверждает вышесказанное, проведенное с участием авторов исследование в 2000-2002 годах проблемы насилия в отношении женщин, в котором из 770 опрошенных школьников сельских школ 57% полагали, что насильственная кража невест – это нормальный кыргызский обычай [Тугельбаева, 2003, с. 91], поскольку они не дифференцировали виды умыканий. Опросы, проведенные в Кыргызстане Р. Клейнбахом в 2007 году, показывают, что из общего числа респондентов-женщин, похищенных для вступления в брак, две трети были украдены без их согласия. При этом каждая пятая женщина, похищенная без согласия, предварительно не знала своего похитителя [Клейнбах, Салимжанова, 2011, с. 89-90]. Можно предполагать, что идеология насильственного похищения невест становится нормой поведения. В других работах также отмечается, что мусульманские семьи возвращаются к старым брачным стратегиям, например, определенная часть молодых женщин-мусульманок готова в настоящее время вступить в брак по договору родителей, в целях соблюдения родовых и семейных, в том числе экономических, интересов [Ибраева, 2006, с. 74]. Что касается полигинии, то она также в большинстве случаев связана и оправдывается даже женщинами именно интересами материального характера.

По нашему мнению, существует еще один аспект криминологического характера, связанный с активным возрождением дискриминационных обычаев. По сведениям криминальной статистики [Сыдыкова, 2014, с. 35-36], амплитуда насильственных (уголовно наказуемых) похищений невест имела максимум, приходящийся на 2006-2007 годы. По времени он совпадает с нестабильной ситуацией в Кыргызстане, сложившейся после, так называемой, «тюльпановой революции» 2005 года. Слабость системы государственного управления в этот период, отсутствие позитивной идеологии перемен, отстраненность власти от решения проблем, связанных с воспитанием молодого поколения, а также митинговые настроения в массе сельского и городского населения, обусловили всплеск вседозволенности среди молодежи. На фоне существующего в обществе гендерного неравенства, это породило безответственное отношение ко многим социальным вопросам, в том числе и к брачным стратегиям.

Заключение

Проведенное исследование позволило прийти к следующим выводам:

- в социокультурном пространстве Кыргызстана в среде мусульманских этносов воссоздаются дискриминационные в отношении женщин практики. Причины их существования в определенной мере обусловлены наличием в обществе гендерного неравенства, которое

поддерживается культурными и религиозными традициями, неформально функционирующими гендерными стереотипами, архаическими моральными нормами;

- решающую роль в сохранении гендерного неравенства играет социализация личности, в ходе которой репродуцируются и закрепляются гендерные (социальные) роли женщин и мужчин. В Кыргызстане система социализации личности направлена на воспроизводство их традиционной субординации патриархального типа;

- «цветные» революции, порождая безответственность и разрушая идеологию, провоцируют легитимность дискриминационных практик и усиливают политические, экономические, социальные факторы, приводящие к гендерному неравенству в обществе и семье.

Библиография

1. Байназарова М. Д. Ответственность за доведение до самоубийства женщин на почве пережитков местных обычаев: автореф. дис. ... к.ю.н. М., 1986. 20 с.
2. Женщины и мужчины Кыргызской Республики. Бишкек, 2017. 122 с. [Режим доступа: <http://stat.kg/ru/publications/sbornik-zhenshiny-i-muzhchiny-kyrgyzskoj-respubliki/>]
3. Ибраева Г. К. Брачные стратегии в Кыргызстане: поколение отцов и детей. Бишкек: Салам, 2006. 108 с.
4. Клейнбах Р., Салимжанова Л. «Кыз ала качуу» и киргизский адат: умыкание невесты и обычное право в Кыргызстане. Центральное-азиатские исследования // Этнографическое обозрение, 2011. №3. С.89-90.
5. Кража невест и многоженство: социальный, правовые и криминологические аспекты предупреждения / Отв. ред. Л.Ч. Сыдыкова. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2014. 98 с.
6. Ларина Е.И., Наумова О.Б. «Кража – это вечный наш обычай»: умыкание невесты у российских казахов // Этнографическое обозрение, 2010. №5. С. 4-20.
7. Права женщин в Кыргызстане: мусульманские традиции, исламские ценности, современное право и гендерная политика: коллективная монография // Под общ. ред. Л.Сыдыковой, Б.Тугельбаевой. Изд 3-е перераб. и допол. - Бишкек, 2007. 182 с.
8. Сопиева Д.М. Проблемы борьбы с преступлениями, посягающими на брачно-семейные отношения (по материалам Туркменской ССР): автореф. дис. ... к. ю. н. М., 1990. 27 с.
9. Тугельбаева Б.Г. Проблемы предупреждения преступного насилия в отношении женщин. Бишкек, 2003. 376 с.
10. Хамзаева С.Д. Роль и место женщины в демократических преобразованиях в кыргызском обществе: 1991-2004 гг. Монография. Бишкек, 2007. 169 с.
11. Handrahan L. Hunting for women: bride-kidnapping in Kirgызstan // International Feminist Journal of Politics. 6:2. June 2004.
12. Werner C. Women, marriage, and the nation-state: the rise of nonconcensual bride kidnapping in post-Soviet Kazakhstan // The transformation of Central Asia: states and societies from Soviet rule to independence. N.Y. 2004.

Historical prerequisites and the modern reasons of preservation of the discriminating women of customs in Kyrgyzstan

Bermeta G. Turgelbaeva

Doctor of Law, Associate Professor
Kyrgyz-Russian Slavic University,
720022, 6 Chui Avenue, Bishkek, Kyrgyz Republic
e-mail: tbermeta@yandex.ru

Altynay D. Khamzaeva

PhD in Law, Associate Professor
Kyrgyz-Russian Slavic University,
720022, 6 Chui Avenue, Bishkek, Kyrgyz Republic
e-mail: khamzaeva.ad@yandex.ru

Saule D. Hamzaeva

PhD on Historical Sciences, Chief Specialist
South Kazakhstan University. M. Auezov,
160012, Tauke Khan Avenue 5, Shymkent, Republic of Kazakhstan
e-mail: surepsk@mail.ru

Abstract

In article the factors causing distribution in modern Kyrgyzstan of such phenomena as compulsion of women to marriage, and is frequent through their stealing and also a poliginiya which generates bigamy and polygamy are considered. It is shown that it is promoted by some discrimination customs which have remained in Kyrgyzstan. They take place, thanks to maintained by the traditional culture and gender stereotypes of subordination of gender roles of women and men in society and family which cornerstone gender inequality is.

For citation

Turgelbaeva B.G., Khamzaeva A.D., Hamzaeva S.D. (2018) Istoricheskie predposylki i sovremennye prichiny sohraneniya diskriminirujushhih zhenshin obychev v Kyrgyzstane [Historical prerequisites and the modern reasons of preservation of the discriminating women of customs in Kyrgyzstan]. Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava [Matters of Russian and International Law], 7 (1A), pp. 7-15.

Keywords

Discrimination customs, gender stereotypes, gender roles of women and men in society and family, gender inequality.

References

13. 1. Bajnazarova M. D. Otvetstvennost' za dovedenie do samoubijstva zhenshin na pochve perezhitkov mestnyh obychev [Responsibility f for bringing women to suicide on the basis of n local customs]: avtoref. dis. ... k.ju.n. M., 1986. 20 s.
14. 2. Zhenshhiny i muzhchiny Kyrgyzskoj Respubliki [Woman and man in Kyrgyz Republic]. Bishkek, 2017. 122 s. [Rezhim dostupa: <http://stat.kg/ru/publications/sbornik-zhenshiny-i-muzhchiny-kyrgyzskoj-respubliki/>]
15. 3. Ibraeva G. K. Brachnye strategii v Kyrgyzstane: pokolenie otcov i detej [Marriage strategies in Kyrgyzstan: generation of fathers and children]. Bishkek: Salam, 2006. 108 s.
16. 4. Klejnbah R., Salimzhanova L. «Kyz ala kachuu» i kirgizskij adat: umykanie nevesty i obychnoe pravo v Kyrgyzstane. Central'no-aziatskie issledovaniya // Jetnograficheskoe obozrenie, 2011. №3. S.89-90.
17. 5. Krazha nevest i mnogozhenstvo: social'nyj, pravovye i kriminologicheskie aspekty preduprezhdeniya [Bride theft I mnogozhenstvo: washing social, legal and kriminolog] / Otv. red. L.Ch. Sydykova. – Bishkek: Izd-vo KRSU, 2014. 98 s.
18. 6. Larina E.I., Naumova O.B. «Krazha – jeto vechnyj nash obyčaj»: umykanie nevesty u rossijskih kazahov //

Jetnograficheskoe obozrenie, 2010. №5. S. 4-20.

19. 7. Prava zhenshhin v Kyrgyzstane: musul'manske tradicii, islamskie cennosti, sovremennoe pravo i gendernaja politika: kollektivnaja monografija [Women's rights in Kyrgyzstan: 'manske Muslim traditions, Islamic values, modern law and politics gendernaja: kollektivnaja monograph] // Pod obshh. red. L.Sydykovej, B.Tugel'baevoj. Izd 3-e pererab. i dopol. - Bishkek, 2007. 182 s.
20. 8. Sopiaeva D.M. Problemy bor'by s prestuplenijami, posjagajushhimi na brachno-semejnye otnoshenija (po materialam Turkmenskoj SSSR): avtoref. dis. ... k. ju. n. M., 1990. 27 s.
21. 9. Tugel'baeva B.G. Problemy preduprezhdenija prestupnogo nasilija v otnoshenii zhenshhin. Bishkek, 2003. 376 s.
22. 10. Hamzaeva S.D. Rol' i mesto zhenshhiny v demokraticeskikh preobrazovanijah v kyrgyzskom obshhestve: 1991-2004 gg. Monografija. Bishkek, 2007. 169 s.
23. 11. Handrahan L. Hunting for women: bride-kidnapping in Kirgызstan [Hunting for women: bride-kidnapping in Kyrgyzstan]// International Feminist Journal of Politics. 6:2. June 2004.
24. 12. Werner C. Women, marriage, and the nation-state: the rise of nonconcensual bride kidnapping in post-Soviet Kazakhstan // The transformation of Central Asia: states and societies from Soviet rule to independence. N.Y. 2004.

УДК 338.2**Интернет вещей (IoT): понятие и значение для формирования правовой основы цифровой трансформации экономики****Пушкарев Максим Сергеевич**

Адвокат,

Соискатель,

Институт государства и права РАН,

Сектор предпринимательского права,

119019, Российская Федерация, Москва, ул. Знаменка, 10;

e-mail: maks74@list.ru

Аннотация

На основе всестороннего анализа российского и иностранного законодательства, технической, экономической и юридической научной литературы рассмотрено содержание понятия «интернет вещей», дано его авторское определение. Проанализировано соотношение понятия «интернет вещей» с понятиями «индустриальный интернет» и «промышленный интернет». Исследовано влияние концепции интернета вещей на экономику и правовую систему Европейского союза, Германии, КНР, России. Интернет вещей рассматривается как стратегический фактор экономического роста, под влиянием которого создаются новые сегменты бизнеса, меняются существующие в настоящее время бизнес-модели, структура отраслевых рынков, экономика и общество в целом, эволюционирует правовая материя. Происходит трансформация вновь возникающих социально-экономических отношений в правоотношения. Отмечена необходимость формирования в Российской Федерации благоприятного правового режима для возникновения и развития современных технологий, а также для осуществления экономической деятельности, связанной с их использованием. Автором сделаны выводы о необходимости принятия в России федерального закона «О государственном регулировании экономики», что позволит сформировать системный подход к созданию научно обоснованного фундамента проведения единой правотворческой политики реформирования экономики.

Для цитирования в научных исследованиях

Пушкарев М.С. Интернет вещей (IoT): понятие и значение для формирования правовой основы цифровой трансформации экономики // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 7. № 1А. С. 16-27.

Ключевые слова

Концепция интернета вещей, правовое регулирование, цифровая экономика, инновации, правовая политика, государственное регулирование, индустриальный интернет, промышленный интернет.

Введение

В Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 1 декабря 2016 г. отмечено, что «необходимо запустить масштабную системную программу развития экономики нового технологического поколения, так называемой цифровой экономики».

Неясность содержания отдельных терминов, возникающих в ходе процесса перехода к цифровой экономике, создает значительные сложности в правопонимании сущности целого ряда новых явлений, инициированных массовым внедрением и усвоением цифровых технологий.

Подходы к определению содержания понятия «интернет вещей»

Одним из ключевых понятий цифровой экономики, по поводу содержания которого на настоящий момент не утихают научные дискуссии, является интернет вещей (Internet of Things – IoT).

В литературе доминирует точка зрения, что первую в мире интернет-вещь в 1990 г. создал один из разработчиков протокола TCP/IP Джон Ромки, когда подключил к сети свой тостер. Архитектура интернета вещей была разработана в Центре автоматической идентификации (Auto-ID Center) Массачусетского технологического института (MIT USA), который занимался новыми сенсорными технологиями, в 1999 г. Тогда же его основателем Кэвином Эштаном на презентации для руководства компании Procter&Gamble и был введен в оборот термин «Internet of Things». Однако следует заметить, что изначально в качестве предпосылки для понятия «интернет вещей» он предпочитал фразу «интернет для вещей».

Толкуя содержание предложенного им понятия, К. Эштон в 2007 г. писал: «Если бы у нас были компьютеры, которые бы знали все, что только можно знать о вещах, используя данные, которые они собрали без нашей помощи, мы могли бы отслеживать и считать все и значительно сократить отходы, потери и затраты. Мы бы знали, когда продукцию необходимо заменить, отремонтировать или отозвать со складов магазинов и каков процент ее износа. Мы должны дать возможность компьютерам использовать собственные средства сбора информации так, чтобы они могли видеть, слышать и чувствовать мировые тренды во всей их красоте. Технологии радиочастотной идентификации и сенсорные технологии позволяют компьютерам наблюдать, выявлять и понимать мир без ограничений данных, введенных человеком» [Дюбравак, Рати, www].

Анализ научной литературы показывает, что на настоящий момент учеными так и не выработано единого подхода к определению содержания данного понятия.

По мнению консалтингового подразделения Cisco IBSG (Internet Business Solutions Group), интернет вещей – всего лишь момент времени, когда количество «вещей», или материальных объектов, подключенных к Интернету, превысило число людей, пользующихся Всемирной паутиной [Эванс, www]. Однако большинство специалистов, основываясь на подходе К. Эштана, определяют интернет вещей через понятие вычислительной сети связанных между собой и внешней средой вещей (физических объектов).

Группа экспертов Европейской комиссии полагает, что феномен интернета вещей представляет собой «долгосрочную технологию и направление развития рынка, основанные на соединении объектов повседневной деятельности с сетью Интернет. Объединенные объекты обмениваются информацией об их физическом окружении, накапливают и обрабатывают ее, для того чтобы повышать ценность сервисов, оказываемых конечным пользователям, от частных

лиц до компаний и общества в целом».

Директор Бюро развития электросвязи (БРЭ) Международного союза электросвязи Брахима Сану в отчете «Измерение информационного общества» за 2015 г. предлагает следующее определение: «Интернет вещей (IoT) – это глобальная инфраструктура информационного общества, лежащая в основе динамично развивающейся сети физических объектов или устройств, имеющих адрес протокола Интернет (IP) для возможности установления соединения с Интернетом, а также связь, имеющая место между такими объектами и системами, что делает возможным их применение на основе интернета» [Measuring the Information Society Report, www].

Аналогичного подхода придерживается и российский законодатель. В частности, Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 г. определяет интернет вещей как «информатизацию различных предметов и включение их в единую сеть сетей». В свою очередь, Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» содержит следующую дефиницию: «Интернет вещей – концепция вычислительной сети, соединяющей вещи (физические предметы), оснащенные встроенными информационными технологиями для взаимодействия друг с другом или с внешней средой без участия человека».

В этой связи чрезвычайно интересным для настоящего исследования является определение, данное в рекомендациях МСЭ-Т У. 2060 от 06.2012, согласно которым «в широком смысле Интернет вещей (IoT) можно воспринимать как перспективную концепцию, имеющую технологические и социальные последствия. С точки зрения технической стандартизации IoT можно рассматривать как глобальную инфраструктуру для информационного общества, которая обеспечивает возможность предоставления более сложных услуг путем соединения друг с другом (физических и виртуальных) вещей на основе существующих и развивающихся функционально совместимых информационно-коммуникационных технологий (ИКТ)» [Рекомендация МСЭ-Т У.2060 (06/2012)..., www].

Под «вещами» здесь понимаются предметы физического мира (физическая вещь) или объект информационного мира (виртуальная вещь), которые могут быть идентифицированы и интегрированы в сети связи (например, мультимедийный контент или прикладное программное обеспечение). Любая физическая вещь может быть представлена в информационном мире с помощью одной или более виртуальных вещей (отображение), при этом виртуальная вещь может существовать и без соответствующей ей физической вещи.

Наряду с понятием «вещь» в МСЭ-Т также вводится понятие «устройство», под которым понимается элемент оборудования с обязательными возможностями связи и дополнительными возможностями измерения, срабатывания, а также ввода, хранения и обработки данных.

Осмысление правовой природы IoT невозможно без понимания принципов его функционирования. Исследуя сущность явления интернета вещей, по нашему мнению, необходимо учитывать следующий посыл: «Виртуальные объекты существуют только актуально, только «здесь и теперь», пока в порождающей реальности происходят генерирующие их процессы; с окончанием процесса порождения соответствующие виртуальные объекты исчезают» [Helsen, Roth, 1991]. Ведущую роль играют именно устройства, которые могут собирать различную информацию и распространять ее по коммуникационным сетям различными способами: через шлюзы и через сеть; без шлюзов, но через сеть; напрямую между собой [Росляков, Ваняшин, Гребешков, 2015].

Авторы книги «Designing the Internet of Things» полагают, что Элементы IoT сводятся в

простую формулу: физические объекты + контроллеры, сенсоры, исполнительные механизмы + Интернет = IoT.

В этой связи следует заметить, что в июле 2016 г. Национальный институт стандартов и технологий США (NIST), известный своими работами в области интернета вещей, на своем сайте разместил любопытную публикацию «NIST Special Publication 800-183, Networks of ‘Things’». В этом документе используются два акронима – IoT и NoT (Сеть вещей – Network of Things). Связь между IoT и NoT тонкая. В частности, IoT представляет собой экземпляр NoT и имеет свои «вещи», привязанные к интернету. Другой тип NoT может быть локальной сетью (ЛВС), при этом не одна из его вещей не подключена к интернету. В широком смысле сети социальных сетей, сенсорные сети и промышленный интернет – это варианты NoT [Куприяновский, Шнепс-Шнеппе, Намиот и др., 2017].

Аналогичный подход просматривается в эталонной модели IoT, описанной в рекомендациях Y. 2060. Модель рассматривает IoT как сеть устройств, тесно связанных с вещами. Сенсорные и исполнительные устройства взаимодействуют с физическими вещами в окружающей среде. Устройства сбора данных считывают данные из физических вещей или записывают данные на физические вещи путем взаимодействия с устройствами переноса данных или носителями данных, подключенными или связанными с физическими объектами тем или иным образом [Сталлингс, www].

Дальнейшим развитием модели МСЭ-Т стала эталонная модель, опубликованная в октябре 2014 г. комитетом по архитектуре IoT всемирного форума IoT. Здесь акцент делается на разработке приложений, промежуточного программного обеспечения и функций поддержки для корпоративного интернета вещей.

Архитектура IoT состоит из четырех функциональных уровней. Самый нижний уровень (уровень сенсоров и сенсорных устройств) состоит из объектов, интегрированных с сенсорами (датчиками), которые обеспечивают сбор и обработку информации в реальном масштабе времени. Следующий уровень (шлюзов и сетей) состоит из конвергентной сетевой инфраструктуры, которая создается путем интеграции разнородных сетей в единую сетевую платформу. Сервисный уровень содержит определенный разработчиком системы набор услуг, автоматизирующих ряд технологических и хозяйственных операций. Четвертый уровень архитектуры IoT включает различные типы приложений для соответствующих промышленных секторов и сфер деятельности [Росляков, Ваняшин, Гребешков, 2015].

При этом следует заметить, что М2М (межмашинное взаимодействие) давно используется в различных отраслях экономики. Эта технология является надежным способом сбора данных, однако на стадии принятия решений требует обязательного участия человека. Отличие интернета вещей заключается как раз в автоматизации рутинных действий, основанных на анализе данных.

Обобщая вышесказанное, интернет вещей можно определить как информационно-технологическую концепцию построения информационных и коммуникационных инфраструктур на основе вычислительной сети, соединяющей вещи (физические объекты), оснащенные информационными технологиями для осуществления коммуникационного обмена друг с другом и глобальной информационно-коммуникационной инфраструктурой непосредственно, или через интегрированные с ними иные устройства, имеющие адрес протокола Интернет (IP) без участия человека, с целью сбора, передачи, накопления и обработки информации.

Введение Указом Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития

информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» наравне с понятием «интернет вещей» понятия «индустриальный интернет» вызывает вопросы об их соотношении. В частности, индустриальный интернет определяется российским законодателем как концепция построения информационных и коммуникационных инфраструктур на основе подключения к информационно-телекоммуникационной сети Интернет промышленных устройств, оборудования, датчиков, сенсоров, систем управления технологическими процессами, а также интеграции данных программно-аппаратных средств между собой без участия человека.

Критический анализ научной литературы [Индустриальный (Промышленный) Интернет Вещей..., [www](#); Интернет вещей, [www](#); Прохоров, [www](#)] показывает, что экспертное сообщество не делает формальных различий между интернетом вещей (IoT) и индустриальным интернетом вещей (IIoT). Индустриальный интернет вещей является глобальным сегментом интернета вещей для корпоративного (отраслевого) применения. Для обозначения еще более узкого промышленного сегмента IIoT применяются взаимозаменяемые понятия «промышленный интернет», или «промышленный интернет вещей» [Индустриальный (Промышленный) Интернет Вещей..., [www](#)].

В работах по теории государства и права подчеркивается, что «эффективность права в регулировании экономических (общественных) отношений зависит от того, насколько верно и полно оно отражает экономические потребности общества» [Быков, Кененов, Козлов, 1979, 19-22]. Поэтому познание сущности феномена интернета вещей (IoT) требует его рассмотрения через призму экономической науки.

В последние десятилетия происходят масштабные сдвиги в технологиях и организации производства, влекущие за собой существенные изменения в экономических отношениях и состоянии общества в целом [Гулин, Ермолов, 2016]. Подобные явления получили название промышленных революций.

В конце XX – начале XXI в. стали появляться предпосылки третьей промышленной революции. Она базировалась на переходе к возобновляемым источникам энергии, развитии электроники, автоматизации и переходе к цифровому производству. Несмотря на то, что реалии третьей революции пока не распространились повсеместно в мире, в настоящее время мы наблюдаем ее трансформацию в четвертую индустриальную революцию (термин введен в 2011 г. в рамках инициативы «Индустрия 4.0»).

Четвертая революция стоит на фундаменте цифровой экономики и характеризуется, по словам председателя Всемирного экономического форума в Давосе Клауса Шваба, технологическими прорывами в таких областях, как искусственный разум, робототехника, интернет вещей, самоуправляемые автомобили, 3D-печать, нанотехнологии, биотехнологии, материаловедение, хранение энергии и квантовые вычисления.

По мнению аналитиков компании Deloitte [2016 Global Manufacturing Competitiveness Index, [www](#)], интернет вещей по итогам опроса 500 руководителей крупных компаний входит в пятерку наиболее перспективных технологий, лежащих в основе четвертой промышленной революции. Экспертные оценки показывают, что инвестиции в IoT увеличиваются в Европе и Северной Америке на 30% в год, к 2020 г. сети «умных» вещей будут состоять из 30-50 млрд подключенных устройств, объем рынка IoT может составить 3,04 трлн долларов [Серова, [www](#)].

Интернет вещей оказывает все большее влияние на эффективность производственных процессов. По экспертным оценкам, IoT к концу будущего десятилетия станет технологической основой цифровизации экономики и даст эффект для мировой экономики в размере 11% ВВП, позволит повысить производительность труда на 25% и снизить потребление энергоресурсов на

25% [Гулин, Усков, 2017]. Эти тенденции неизбежно приведут к значительному повышению производительности капитала и активизации конкуренции на рынке, что, в свою очередь, будет содействовать внедрению инноваций. Уже сейчас по объему рыночной капитализации в лидеры вырвались глобальные IT-компании, хотя в недалеком прошлом пальма первенства принадлежала энергетическим гигантам.

Наибольший рост будет отмечаться на рынках устройств для общественного сектора (в 6 раз к 2020 г. – до 1,5 млрд шт.), медицины (в 6 раз к 2020 г. – до 770 млн шт.), транспорта (в 5 раз к 2020 г. – 1,4 млн шт.) [Индустриальный (Промышленный) интернет вещей..., www].

Инновационные процессы в экономике, запущенные с началом внедрения в хозяйственную деятельность IoT, набирают все большие обороты. Уже сейчас созданы технологические заделы для объединения в одну сеть станков, сборочных линий и целых предприятий. Децентрализованный интеллект служит основой для создания автономно управляемых посредством виртуальных связей промышленных объектов. Происходит постепенное размытие границ между промышленностью и сферой услуг. Образуются новые «гибридные» предприятия, работающие по замкнутой программно-аппаратно-сервисной модели полного цикла. Большое значение придается кастомизации, когда каждое изделие может быть сделано производителем по индивидуальному заказу. Все это стимулирует создание новых рабочих мест, увеличивает человеческий капитал, создает дополнительные выгоды для потребителя.

Таким образом, меняется парадигма мировой экономики. Интернет вещей становится стратегическим фактором экономического роста. Под его влиянием создаются новые сегменты бизнеса, существенно меняются существующие в настоящее время бизнес-модели, структура отраслевых рынков, экономика и общество в целом.

Однако формирование экономики нового технологического поколения (цифровой экономики) требует установления институционального экономического режима, заинтересованного в создании благоприятного инновационного климата. При этом основным инструментом государственного воздействия на экономику является право, без которого она не может развиваться. Эффективность экономики во многом определяется правовой базой, в должной мере отвечающей насущным потребностям общества.

Странами – лидерами мировой экономики в настоящее время уже принят ряд неотложных мер законодательного характера, направленных на формирование новой регуляторной среды, обеспечивающей условия для закрепления достигнутого лидерства, экономического роста и сбалансированного развития в условиях четвертой промышленной революции. В частности, в 2010 г. в Европейском союзе принята инициатива «Цифровая Европа». Она является первой из семи ведущих инициатив в рамках стратегии ЕС «Европа 2020», направленных на стимулирование разумного, устойчивого и всеобъемлющего экономического роста. Инициатива содержит 101 действие, сгруппированные вокруг семи приоритетных областей для стимулирования условий создания и роста рабочих мест в Европе:

- 1) создание новой стабильной нормативно-правовой базы для широкополосной связи;
- 2) новые инфраструктуры общественного цифрового сервиса посредством соединяющих Европу кредитных фондов;
- 3) запуск Большой коалиции по цифровым навыкам и рабочим местам;
- 4) стратегия кибербезопасности и директивы ЕС;
- 5) модернизация основы авторского права ЕС;
- 6) ускорение cloud computing посредством покупательной способности государственного сектора;

- 7) запуск новой электронной промышленной стратегии Airbus of Chips [Франк Лейман, Цифровая повестка дня для Европы (Электронный ресурс: <http://egov.md/ru/communication/news/cifrovaya-povestka-dnya-dlya-evropy>].

В апреле 2016 г. Европейская комиссия опубликовала и первые выводы по оцифровке промышленности [Цифровой рынок – оцифровка промышленности..., www]. Размещенная на официальном сайте органа публикация под названием «Цифровой рынок – оцифровка промышленности: вопросы и ответы» содержит серию предложений Европейской комиссии. Среди них значительное место уделено концепции IoT. Поднимаются вопросы создания единого рынка услуг, стандартизации, открытости и ориентированности интернета вещей на европейские ценности [там же].

В 2011 г. в Ганновере Хеннингом Кагерманном, Вольф-Дитером Лукасом и Вольфгангом Вальстером общественности была представлена инициатива, направленная на повышение глобальной конкурентоспособности экономики ФРГ, – «Индустрия 4.0». В ее основе лежат концепции интернета вещей и интернета услуг. Авторы документа указывают на необходимость приведения германского законодательства в соответствие с новыми реалиями. Особое внимание обращается на защиту корпоративных данных, вопросы ответственности, обращение с персональными данными, торговые ограничения. Согласно плану, «к 2030 году в Германии должна заработать вся система интернетизированной промышленности. Транснациональная компания Siemens уже разработала платформу Digital Factory, которую назвали Digital Enterprise» [там же].

В 2015 г. КНР разработала стратегию «Интернет плюс», которая состоит из ряда направлений: Интернет + обрабатывающая промышленность, Интернет + финансы, Интернет + медицина, Интернет + правительство, Интернет + АПК. В частности, направление Интернет + обрабатывающая промышленность призвано стимулировать производственные предприятия к внедрению информационных и коммуникационных технологий для повышения эффективности производства. Используя интернет-технологии, производители могут установить аппаратное и программное обеспечение на автомобилях, бытовой технике, аксессуарах и других промышленных продуктах для достижения функции дистанционного управления, автоматического сбора и анализа данных [Информационно аналитический отчет..., www].

Большинство экспертов указывают на обусловленный техническим отставанием недостаточный уровень конкурентоспособности российской экономики. Ведущие ученые-юристы единодушны во мнении, что право, являясь «юридической формой экономических отношений» [Быков, Кененов, Козлов, 1979], «никогда не может быть выше, чем экономический строй» (Маркс, Энгельс).

На настоящий момент в России назрела насущная необходимость в формировании эффективной правовой базы, обеспечивающей благоприятный правовой режим для возникновения и развития современных технологий, а также для осуществления экономической деятельности, связанной с их использованием. Первые и очень существенные шаги в этом направлении уже сделаны. Указом Президента РФ от 09.05.2017 № 203 утверждена «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы». Нормативный акт определяет цели, задачи и меры по реализации внутренней и внешней политики Российской Федерации в сфере применения информационных и коммуникационных технологий, направленные на развитие информационного общества, формирование национальной цифровой экономики, обеспечение национальных интересов и реализацию стратегических национальных приоритетов. При этом интернет вещей и индустриальный

интернет рассматриваются как одно из основных направлений развития российских информационных и коммуникационных технологий.

В целях реализации Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы Распоряжением правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р утверждена программа «Цифровая экономика Российской Федерации».

Цифровая экономика представлена тремя уровнями, которые в своем тесном взаимодействии влияют на жизнь граждан и общества в целом:

1) рынки и отрасли экономики (сферы деятельности), где осуществляется взаимодействие конкретных субъектов (поставщиков и потребителей товаров, работ и услуг);

2) платформы и технологии, где формируются компетенции для развития рынков и отраслей экономики (сфера деятельности);

3) среда, которая создает условия для развития платформ и технологий и эффективного взаимодействия субъектов рыночной и отраслевой экономики (сфер деятельности) и охватывает нормативное регулирование, информационную инфраструктуру, кадры и информационную безопасность.

В перечень основных сквозных технологий, которые входят в рамки Программы, включается промышленный интернет.

Программа определяет цели и задачи в рамках пяти базовых направлений развития цифровой экономики в Российской Федерации на период до 2024 г. Основной целью направления, касающегося нормативного регулирования, авторы программы видят формирование новой регуляторной среды, обеспечивающей благоприятный правовой режим для возникновения и развития современных технологий, а также для осуществления экономической деятельности, связанной с их использованием (цифровой экономики).

По итогам совещания в Правительстве Российской Федерации от 15.08.2017 «Об инструменте оперативного управления реализацией программы «Цифровая экономика Российской Федерации» постановлением Правительства Российской Федерации от 15.08.2017 № 969 создается подкомиссия по цифровой экономике при Правительственной комиссии по использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 15.08.2017 № 1739-р утвержден персональный состав подкомиссии.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 28.12.2017 № 1030 «О системе управления реализацией программы «Цифровая экономика» утверждена функциональная структура системы управления реализацией Программы и правила разработки, мониторинга и контроля выполнения планов мероприятий по реализации программы «Цифровая экономика Российской Федерации».

Таким образом, следуя объективным законам поступательного развития общества, эволюционирует правовая материя. Происходит трансформация вновь возникающих социально-экономических отношений в правоотношения. Формируется благоприятный правовой режим для возникновения и развития современных технологий, а также для осуществления экономической деятельности, связанной с их использованием.

Между тем следует отметить, что в Российской Федерации отсутствует системный подход к созданию научно обоснованного фундамента проведения единой правотворческой политики реформирования экономики. Состояние правового регулирования экономических преобразований и проводимые со стороны государства в этом направлении мероприятия определяются на уровне подзаконных актов: указами Президента Российской Федерации,

постановлениями и распоряжениями правительства Российской Федерации или приказами отраслевых министерств. Такой подход, по мнению автора, приводит к принятию большого количества не всегда в достаточной степени согласованных между собой нормативных актов и сказывается на эффективности правового регулирования формирующихся под воздействием изменяющегося технологического уклада новых экономических отношений. В законодательстве Российской Федерации отсутствует регламентация даже таких часто употребляемых понятий, как экономическая и правовая политика.

Анализ научной литературы показывает, что выдающиеся представители юридической науки [Лапатыев, 2010, 16] полагают, что в России назрела необходимость принятия нормативно-правового акта в ранге федерального закона, посвященного государственному регулированию экономики.

Полагаем, что в условиях перехода к цифровой экономике России необходимо государственное регулирование, построенное на балансе частных и публичных интересов. С одной стороны, оно должно быть направлено на стимулирование ведения субъектами предпринимательской деятельности «рационального» в условиях цифровой экономики хозяйствования. С другой стороны, государственно регулирование должно обеспечивать защиту публичных интересов. История развития России показывала, что именно усиление государственной власти всегда способствовало прорывам в экономическом развитии [Кукол, 2008].

Заключение

Достижение такого сбалансированного подхода, по нашему мнению, возможно только принятием федерального закона «О государственном регулировании экономики», на уровне которого необходимо установить:

- основные направления экономического развития РФ;
- цели, принципы, формы и пределы вмешательства государства в экономику;
- гарантии прав хозяйствующих субъектов;
- механизмы формирования и реализации правовой политики в сфере экономики;
- понятия, используемые в нормативно-правовом регулировании экономических отношений.

Только такой подход может обеспечить четкую регламентацию государственного регулирования, основанную на новом технологическом укладе ведения экономики, позволит на основе всестороннего учета интересов субъектов экономических отношений обеспечить создание благоприятной регулятивной среды для возникновения и развития современных технологий, а также для осуществления экономической деятельности, связанной с их использованием, даст эффект в виде сбалансированного развития и роста экономики в долгосрочной перспективе.

Библиография

1. Белых В.С. Основные направления совершенствования части первой Гражданского кодекса РФ // Предпринимательское право. 2010. № 1. С. 15-21.
2. Быков А.Г., Кененов А.А., Козлов Ю.Н. Экономическая политика КПСС и право. М.: МГУ, 1979. 217 с.
3. Гулин К.А., Ермолов А.П. Стратегические подходы к развитию научно-технического потенциала территории // Проблемы развития территории. 2016. № 1. С. 7-14.
4. Гулин К.А., Усков В.С. О роли Интернета вещей в условиях перехода к четвертой промышленной революции //

- Проблемы развития территории. 2017. Вып. 4 (90). С. 112-131.
5. Дойников И.В. Теоретические проблемы разработки концепции хозяйственного (предпринимательского) законодательства // Предпринимательское право. Приложение «Бизнес и право в России и за рубежом». 2010. № 3.
 6. Дюбравак Ш., Ратти К. Интернет вещей: Эволюция или революция? URL: <https://www.aig.ru/business/products/iot>
 7. Индустриальный (Промышленный) Интернет Вещей в мире и перспективы развития в России. URL: http://json.tv/ict_telecom_analytics_view/mirovoy-opyt-vnedreniya-proektov-v-sfere-industrialnogo-promyshlennogo-interneta-veschey-i-perspektivy-ih-realizatsii-v-rossii--20160919061924
 8. Интернет вещей. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Интернет_вещей
 9. Информационно аналитический отчет «Анализ мирового опыта развития промышленности и подходов к цифровой трансформации промышленности государств-членов Евразийского экономического союза. URL: <http://www.eurasiancommission.org>
 10. Кукол Е. Свобода не исключает порядок // Российская газета. 2008. 30 октября.
 11. Куприяновский В.П., Шнепс-Шнеппе М.А., Намиот Д.Е. и др. Вэб Вещей и Интернет Вещей в цифровой экономике // International journal of open information technologies. 2017. № 5. С. 38-45.
 12. Лапатыев В.В. Вступительное слово // Предпринимательское право. Приложение «Бизнес и право в России и за рубежом». 2010. № 3. С. 2.
 13. Лейман А. Цифровая повестка дня для Европы. URL: <http://egov.md/ru/communication/news/cifrovaya-povestka-dnya-dlya-evropy>
 14. Промышленный интернет вещей. URL: [http://www.tadviser.ru/index.php/Статья:IIoT__Industrial_Internet_of_Things_\(Промышленный_интернет_вещей\)](http://www.tadviser.ru/index.php/Статья:IIoT__Industrial_Internet_of_Things_(Промышленный_интернет_вещей))
 15. Прохоров А. Рынок IoT. Оценок много, нет консенсуса. URL: <https://habrahabr.ru/company/huawei/blog/312888/>
 16. Рекомендация МСЭ-Т Y.2060 (06/2012). Серия Y: Глобальная информационная инфраструктура, аспекты протокола Интернет и сети последующих поколений. Сети последующих поколений – Структура и функциональные модели архитектуры. Обзор Интернета вещей. URL: <https://www.itu.int/rec/T-REC-Y.2060-201206-I>
 17. Росляков А.В., Ваняшин С.В., Гребешков А.Ю. Интернет вещей. Самара: ПГУТИ, 2015. 200 с.
 18. Серова Т. Интернет вещей сработает на ВВП // РБК. URL: <http://www.rbcplus.ru/news/555e2f917a8aa90147d3c114>
 19. Сталлингс У. Интернет вещей: сетевая архитектура и архитектура безопасности. URL: <http://internetinside.ru/internet-veshhey-setevaya-arkhitektura-i/>
 20. Цифровой рынок – оцифровка промышленности: вопросы и ответы. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-16-1407_en.htm
 21. Эванс Д. Интернет вещей: как изменится вся наша жизнь на очередном этапе развития Сети. URL: https://www.cisco.com/c/dam/global/ru_ru/assets/executives/pdf/internet_of_things_ibtsg_0411final.pdf
 22. Helsen S.K., Roth J.P. (eds). Virtual Reality: Theory, Practice, and Promise. Wesport – L., 1991.
 23. Measuring the Information Society Report. URL: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/publications/mis2015.aspx>
 24. 2016 Global Manufacturing Competitiveness Index. URL: <https://www2.deloitte.com/global/en/pages/manufacturing/articles/global-manufacturing-competitiveness-index.html>

Internet of Things (IoT): concept and importance for the formation of legal framework of the digital transformation of the economy

Maksim S. Pushkarev

Lawyer, Applicant,
Sector of business law,
Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences,
119019, 10 Znamenka st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: maks74@list.ru

Abstract

The author of this article considers the content of the concept of Internet of Things, and gives its definition on the basis of a comprehensive analysis of Russian and foreign legislation, technical, economic and legal scientific literature. The author analyzes the correlation of the concept of Internet of Things with the concept of industrial Internet, and the influence of the concept of the Internet of Things on the economy and legal system of the European Union, Germany, China, and Russia. The Internet of Things is considered as a strategic factor of economic growth, under the influence of which new business segments are created, the existing business models, the structure of industry markets, the economy and society as a whole are changing, legal matter is evolving. There is a transformation of newly emerging social and economic relations into legal relations. There is a need for formation in the Russian Federation of the favorable legal regime for emergence and development of modern technologies, and for implementation of the economic activity connected with their use. The author makes conclusions on the necessity of the adoption of the Law of the Russian Federal "On state regulation of economy", that will allow to create a systematic approach to the creation of a science-based foundation of a single law-making policies to reform the economy.

For citation

Pushkarev M.S. (2018) Internet veshchei (IoT): ponyatie i znachenie dlya formirovaniya pravovoi osnovy tsifrovoi transformatsii ekonomiki [Internet of Things (IoT): concept and importance for the formation of legal framework of the digital transformation of the economy]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7 (1A), pp. 16-27.

Keywords

Concept of the Internet of Things, legal regulation, digital economy, innovation, legal policy, state regulation, industrial Internet.

References

1. 2016 *Global Manufacturing Competitiveness Index*. Available at: <https://www2.deloitte.com/global/en/pages/manufacturing/articles/global-manufacturing-competitiveness-index.html> [Accesses 18/01/18].
2. Belykh V.S. (2010) Osnovnye napravleniya sovershenstvovaniya chasti pervoi Grazhdanskogo kodeksa RF [The main directions of improvement of the first part of the Civil Code of the Russian Federation]. *Predprinimatel'skoe pravo* [Entrepreneurial law], 1, pp. 15-21.
3. Bykov A.G., Kenenov A.A., Kozlov Yu.N. (1979) *Ekonomicheskaya politika KPSS i pravo* [The economic policy of the CPSU and law]. Moscow: Moscow State University.
4. Doinikov I.V. (2010) Teoreticheskie problemy razrabotki kontseptsii khozyaistvennogo (predprinimatel'skogo) zakonodatel'stva [Theoretical problems of the development of the concept of economic (entrepreneurial) law]. *Predprinimatel'skoe pravo. Prilozhenie "Biznes i pravo v Rossii i za rubezhom"* [Business law. Supplement "Business and law in Russia and abroad"], 3.
5. Dyubravak Sh., Ratti K. *Internet veshchei: Evolyutsiya ili revolyutsiya?* [The Internet of Things: Evolution or revolution?]. Available at: <https://www.aig.ru/business/products/iot> [Accesses 18/01/18].
6. Evans D. *Internet veshchei: kak izmenitsya vsya nasha zhizn' na ocherednom etape razvitiya Seti* [Internet of Things: how our whole life will change at the next stage of Network development]. Available at: https://www.cisco.com/c/dam/global/ru_ru/assets/executives/pdf/internet_of_things_iot_ibsg_0411final.pdf [Accesses 19/01/18].
7. Gulin K.A., Ermolov A.P. (2016) Strategicheskie podkhody k razvitiyu nauchno-tekhnicheskogo potentsiala territorii [Strategic approaches to the development of scientific and technical potential of the territory]. *Problemy razvitiya*

- territorii* [Problems of territory's development], 1, pp. 7-14.
8. Gulin K.A., Uskov V.S. (2017) O roli Interneta veshchei v usloviyakh perekhoda k chetvertoi promyshlennoi revolyutsii [On the role of the Internet of Things in the transition to the fourth industrial revolution]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of territory's development], 4 (90), pp. 112-131.
 9. Helsen S.K., Roth J.P. (eds). (1991) *Virtual Reality: Theory, Practice, and Promise*. Wesport – L.
 10. *Industrial'nyi (Promyshlennyi) Internet Veshchei v mire i perspektivy razvitiya v Rossii* [Industrial (Industrial) Internet of Things in the world and prospects for the development in Russia]. Available at: http://json.tv/ict_telecom_analytics_view/mirovoy-opyt-vnedreniya-proektov-v-sfere-industrialnogo-promyshlennogo-interneta-veschey-i-perspektivy-ih-realizatsii-v-rossii--20160919061924 [Accesses 05/01/18].
 11. *Informatsionno analiticheskii otchet "Analiz mirovogo opyta razvitiya promyshlennosti i podkhodov k tsifrovoi transformatsii promyshlennosti gosudarstv-chlenov Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza"* [Information analytical report "Analysis of the world experience in the development of industry and approaches to the digital transformation of industry of the member states of the Eurasian Economic Union]. Available at: <http://www.eurasiancommission.org> [Accesses 24/12/17].
 12. *Internet veshchei* [Internet of Things]. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Internet_veshchei [Accesses 18/01/18].
 13. Kukol E. (2008) Svoboda ne isklyuchaet poryadok [Freedom does not exclude the order]. *Rossiiskaya gazeta* [Russian newspaper], 30th October.
 14. Kupriyanovskii V.P., Shneps-Shneppe M.A., Namiot D.E. et al. (2017) Veb Veshchei i Internet Veshchei v tsifrovoi ekonomike [Web of Things and the Internet of Things in the digital economy]. *International journal of open information technologies*, 5, pp. 38-45.
 15. Lapat'ev V.V. (2010) Vstupitel'noe slovo [Opening remarks]. *Predprinimatel'skoe pravo. Prilozhenie "Biznes i pravo v Rossii i za rubezhom"* [Business law. Appendix "Business and law in Russia and abroad"], 3, p. 2.
 16. Leiman A. *Tsifrovaya povestka dnya dlya Evropy* [Digital agenda for Europe]. Available at: <http://egov.md/ru/communication/news/cifrovaya-povestka-dnya-dlya-evropy> [Accesses 14/01/18].
 17. *Measuring the Information Society Report*. Available at: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/publications/mis2015.aspx> [Accesses 22/01/18].
 18. Prokhorov A. Rynok IoT. *Otsenok mnogo, net konsensusa* [There is many ratings, but no consensus]. Available at: <https://habrahabr.ru/company/huawei/blog/312888/> [Accesses 26/01/18].
 19. *Promyshlennyi internet veshchei* [Industrial Internet of Things]. Available at: [http://www.tadviser.ru/index.php/Stat'ya:IIoT__Industrial_Internet_of__Things_\(Promyshlennyi_internet_veshchei\)](http://www.tadviser.ru/index.php/Stat'ya:IIoT__Industrial_Internet_of__Things_(Promyshlennyi_internet_veshchei)) [Accesses 09/01/18].
 20. *Rekomendatsiya MSE-T Y.2060 (06/2012). Seriya Y: Global'naya informatsionnaya infrastruktura, aspekty protokola Internet i seti posleduyushchikh pokolenii. Seti posleduyushchikh pokolenii – Struktura i funktsional'nye modeli arkhitektury. Obzor Interneta veshchei* [Recommendation ITU-T Y. 2060 (06/2012). Series Y: Global information infrastructure, aspects of Internet Protocol and next-generation networks. Next-generation networks – Structure and functional model of the architecture. Overview of the Internet of Things]. Available at: <https://www.itu.int/rec/T-REC-Y.2060-201206-I> [Accesses 18/01/18].
 21. Roslyakov A.V., Vanyashin S.V., Grebeshkov A.Yu. (2015) *Internet veshchei* [Internet of things]. Samara: Volga State University of Telecommunication and Informatics.
 22. Serova T. *Internet veshchei srabotaet na VVP* [Internet of Things will work on GDP]. *RBK*. Available at: <http://www.rbcplus.ru/news/555e2f917a8aa90147d3c114> [Accesses 18/01/18].
 23. Stallings U. *Internet veshchei: setevaya arkhitektura i arkhitektura bezopasnosti* [Internet of Things: network and security architecture]. Available at: <http://internetinside.ru/internet-veshchey-setevaya-arkhitektura-i/> [Accesses 03/01/18].
 24. *Tsifrovoi rynek – otsifrovka promyshlennosti: voprosy i otvety* [Digital market – the digitization of industry: questions and answers]. Available at: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-16-1407_en.htm [Accesses 23/01/18].

УДК 34**Понятие гражданской правосубъектности государства: правовой аспект****Храмова Ольга Евгеньевна**Кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры частного права,

Российский университет кооперации,

Саранский кооперативный институт (филиал),

430027, Российская Федерация, Республика Мордовия, Саранск, ул. Транспортная, 17;

e-mail: modusv14@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается правовой аспект существования и функционирования гражданской правосубъектности государства, анализируется особый характер правоспособности государства, который отличается от правоспособности юридического лица и гражданина.

Исходя из самой сущности государства как социальной системы, которая использует гражданско-правовые средства для реализации своих основных функций, мы можем говорить о наличии правосубъектности у Российской Федерации изначально. Дискуссионность этого вопроса между цивилистами подчеркивает актуальность рассматриваемой проблемы.

Анализируя Гражданский кодекс Российской Федерации, автор делает вывод о наличии у государства общей правоспособности, наравне с другими участниками гражданских правоотношений. В этом реализуется общий принцип гражданского права: принцип признания равенства участников, регулируемых им отношений. Также в статье сделан вывод, что за государством следует признать специальную правоспособность, под которой в отношении государства следует понимать способность иметь права и исполнять обязанности, специально предусмотренные законом, в гражданском обороте государство реализует публичные функции.

Для цитирования в научных исследованиях

Храмова О.Е. Понятие гражданской правосубъектности государства: правовой аспект // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 7. № 1А. С. 28-35.

Ключевые слова

Гражданская правосубъектность, государство, органы власти, дееспособность, правоспособность.

Введение

Государство является властно-политической организацией общества, оно представляет собой многоуровневый аппарат и состоит из организованного механизма государственных органов власти. Государство с использованием гражданско-правовых средств реализуют функции внутреннего и внешнего характера, поэтому сама сущность государства предопределяет наличие правосубъектности у Российской Федерации.

В п. 2 ст. 124 ГК РФ государство определяется как субъект гражданских правоотношений, в данной статье прямо указано, что Российская Федерация и субъекты Российской Федерации являются субъектами гражданского оборота.

Вопрос о правосубъектности государства является дискуссионным, например, еще в советский период высказывались различные точки зрения по этому вопросу. Некоторые исследователи отрицали правосубъектность государства, аргументируя данную точку зрения тем, что государство обладает властными полномочиями и не является обычным участником гражданского оборота. Оппонируя данной точке зрения, другие исследователи отмечали, что государство и публично-правовые образования обладают правосубъектностью, приобретают права и обязанности и участвуют в гражданских правоотношениях на основе равенства субъектов, но при этом обладают властными полномочиями.

Гражданская правосубъектность государства

Право Российской Федерации и субъектов Российской Федерации принимать участие в гражданских правоотношениях, наряду с гражданами и юридическими лицами, регламентировано в ст. 2 ГК РФ, следовательно, государство должно обладать правосубъектностью для участия в гражданском обороте. Тем не менее, характер правоспособности государства отличается от правоспособности юридического лица и гражданина, поэтому дискуссии между цивилистами продолжаются.

Д.В. Пятков писал, что существуют различные способы персонификации государства и других публичных образований как субъектов права, при этом государство и иные публично-правовые образования являются субъектами конституционного права с властными полномочиями, но, по его мнению, вступая в гражданские правоотношения, они лишаются своих властных полномочий и участвуют в гражданском обороте как хозяйственные организации; в связи с этим РФ, субъекты РФ и муниципальные образования не являются самостоятельными субъектами гражданского права. Хозяйственная организация не является государством, участвующим в гражданских правоотношениях, это юридическое лицо, обладающее правосубъектностью и осуществляющее свою деятельность в имущественном правоотношении [Пятков, 1999, 6].

С предложенной Д.В. Пятковым концепцией правосубъектности государства нельзя согласиться, так как она противоречит современному законодательному решению проблемы. ГК РФ и другие законодательные акты не считает государство и других лиц, входящих в эту группу субъектов гражданского права, юридическими лицами, в законе они обозначаются каждый своим именем и нигде не называются юридическими лицами (см. гл. 4, ст. 16, п. 5 ст. 115, п. 2 ст. 179, ст. ст. 212, 240, 279, 306, 525, 817, 1069, 1070, п. 2 ст. 1116, ст. 1151 ГК РФ).

Одни ученые высказывают мнение, что государство обладает общей правоспособностью (универсальной), то есть может иметь любые права. Такой точки зрения придерживаются М.И. Брагинский и В.В. Витрянский. Они отмечают, что Российская Федерация, субъекты

Российской Федерации вправе заключать любые гражданско-правовые договоры, за исключением некоторых случаев, предусмотренных законом, и это свидетельствует об обладании общей правоспособностью данных субъектов.

Некоторые цивилисты не согласны с данным мнением. В частности, Е.А. Суханов пишет, что Российская Федерация и субъекты Российской Федерации относятся к публично-правовым образованиям и могут иметь лишь те права, которые соответствуют публичным интересам; из этого можно сделать вывод, что государство обладает специальной правоспособностью. В то же время Е.А. Суханов интерпретировал самое понятие «специальная правоспособность» как «способность иметь лишь те гражданские права и обязанности, которые предусмотрены законом».

Существует и третья позиция ученых, в соответствии с которой правоспособность государства определяется как целевая: например, А.А. Иванов отмечает, что государство участвует в гражданских правоотношениях в интересах всего общества как носитель публичной власти.

Все позиции цивилистов имеют рациональное зерно и позволяют более точно определить правосубъектность государства, при этом следует учитывать публично-правовые качества государства как субъекта гражданских правоотношений и опираться на сравнительно-правовой анализ всех субъектов гражданского права и их видовой классификационной принадлежности.

Поскольку государство представляет собой искусственно созданный субъект, не обладает качествами человека как естественного субъекта права – психикой, интеллектом, физическим телом, не может испытывать вину, по сути, оно имеет больше сходства с юридическим лицом [Адамова, 2016, 214]. Государство участвует в гражданских правоотношениях как властная организация, как субъект политических отношений, это специальные функции государства, которые обуславливают его правовой статус. В этом качестве государство сравнимо с муниципальными образованиями, которые также являются субъектами политической системы и обладают властными полномочиями на местах.

Однако в рамках гражданских правоотношений функции государства и муниципальных образований значительно различаются, местное самоуправление занимает промежуточное место между государством и гражданами [Кириллова, Нотариат..., 2017, 54]. Таким образом, государство имеет сходство с муниципальными образованиями, что дает возможность рассматривать их в гражданских правоотношениях как однотипные субъекты – публично-правовые образования.

Государство как участник гражданских правоотношений обладает правоспособностью, которая имеет особенности, связанные с обладанием государством властными полномочиями [Котляров, Кукушкин, Храмова, 2016]. Государство обладает суверенностью, что тоже отличает его от других участников гражданского оборота. Государство в гражданских правоотношениях рассматривается как единый субъект, так как не может существовать двух суверенов на одной территории.

Анализ ст. 124 ГК РФ позволяет сделать вывод, что гражданское законодательство признает за государством общую правоспособность. В соответствии с п. 1 ст. 124 ГК РФ Российская Федерация и субъекты РФ участвуют в гражданских правоотношениях на равных началах с гражданами и юридическими лицами. Таким образом, применительно к государству конкретизируется общий принцип гражданского права, регламентированный в п. 1 ст. 1 ГК РФ через конструкцию одного из основных начал гражданского законодательства – признания равенства участников регулируемых им отношений.

Правила п. 2 ст. 124 ГК РФ распространяются на государство, субъекты РФ и на

юридические лица, что может свидетельствовать об общей правоспособности государства, но это лишь технический прием, который используется в целях законодательной экономии, но не свидетельствует о наделении государства правоспособностью юридических лиц. Аналогичный прием используется законодателем в п. 3 ст. 23 ГК РФ также для регулирования отношений граждан-предпринимателей.

Государство как участник гражданских правоотношений обладает определенными особенностями. Рассматривая вопрос правоспособности государства, следует отметить, что государство обладает монополией на осуществление многих видов деятельности и уже этим отличается от юридических лиц и граждан. Однако государство не может осуществлять некоторые виды деятельности в гражданском обороте, например, заключать договор коммерческой концессии, выдать банковские гарантии и т. д. Государство, с одной стороны, должно соблюдать публичные интересы всего общества, с другой стороны – подчиняться нормам гражданского права, в определенных случаях оно является одновременно участником публичных и частноправовых отношений, и это может приводить к конфликту интересов [Кириллова, Значение и роль..., 2012].

Опираясь на сходство государства и юридического лица, которые являются искусственно созданными субъектами права, можно сделать вывод, что они не могут обладать общей правоспособностью, так как ею может обладать лишь физическое лицо как естественный субъект права. Однако государство с помощью законодательных норм может наделять искусственные субъекты правоспособностью из практических соображений [Бабаков, 2016]. Согласно п. 1 ст. 49 ГК РФ юридические лица – коммерческие образования, наделены общей правоспособностью. Законодатель в отношении этих юридических лиц применяет правило юридической техники, следующее из признания их общей правоспособности, только указывает на изъятия в такой правоспособности для отдельных их видов. Так, согласно ст. 49 ГК РФ, общей правоспособностью не обладают унитарные предприятия, а в силу иных законов для банков, кредитных организаций и др., предусмотрены изъятия из общей правоспособности как для коммерческих организаций, занимающихся деятельностью, которую законодатель рассматривает как исключительную [Кириллова, Закрытое завещание..., 2016, 56].

Таким образом, можно выделить следующие особенности правоспособности государства как участника гражданских правоотношений:

- многие элементы гражданской правоспособности могут принадлежать только государству (монополия на определенные виды деятельности);
- исходя из целей, для которых существует государство, правоспособность его является специальной;
- государство не может осуществлять некоторые виды деятельности в рамках гражданских правоотношений.

Особенность правоспособности государства проявляется еще в том, что оно участвует в имущественных правоотношениях с целью решения задач публичной власти. Конституционный Суд РФ однозначно высказал мнение, что Российская Федерация, ее субъекты и муниципальные образования участвуют в гражданских правоотношениях как субъекты со специальной правоспособностью, данная правоспособность в силу особой природы значительно отличается от правоспособности других субъектов гражданского оборота – граждан, преследующих частные интересы и юридических лиц.

Еще одним аргументом в пользу признания за государством специальной правоспособности может служить тот факт, что общая правоспособность не позволит государству использовать добровольное ограничение иммунитета для определения обязанностей при участии в

гражданских правоотношениях.

Поэтому за государством следует признать специальную правоспособность, под которой в отношении государства следует понимать способность иметь права и исполнять обязанности, специально предусмотренные законом; в гражданском обороте государство реализует публичные функции. Данные особенности в гражданско-правовом статусе государства не должны изменять природу гражданских правоотношений. В связи с этим редакция п. 2 ст. 124 ГК РФ, которая содержит указание на то, что нормы ГК РФ, рассчитанные на юридических лиц, применяются к государству, если иное не вытекает из закона или особенностей данных субъектов, вовсе не свидетельствует о конструкции общей правоспособности, согласно которой все, что за пределами явно выраженного законодателем запрета, представляет собой право. Здесь эта конструкция используется как ограничитель возможностей использования аналогии с юридическим лицом.

Много практических и теоретических проблем возникает при исследовании категории гражданской дееспособности государства.

ГК РФ признает за гражданами способность своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их, так как они являются естественными субъектами права (ст. 21 ГК РФ). Основные составляющие дееспособности – деликтоспособность и сделкоспособность – свойственны только человеку, так как он при участии в гражданских правоотношениях выражает волю и способен осознавать свою вину. В случае отсутствия данных качеств юристы используют понятия неполной дееспособности малолетних и несовершеннолетних, ограничения дееспособности, либо признание лица недееспособным в судебном порядке. В таких случаях лицу назначаются опекуны, которые представляют его интересы, при необходимости.

Сделкоспособность, которая присуща гражданам как субъектам гражданских правоотношений, у государства отсутствует. Но, как справедливо отмечают исследователи, государство способно к определенным действиям, которые приводят к возникновению, изменению или прекращению прав и обязанностей, поэтому нельзя отрицать дееспособность государства. Только эти действия выражаются в форме правового акта, то есть государство принимает решения, нормативные акты, законы.

Как предпосылка гражданской дееспособности – деликтоспособность государства тоже имеет особенности и формулируется в нормах об ответственности за вред, причиненный органами власти, должностными лицами (ст. 1069 ГК РФ), ответственности за вред, причиненный незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда (ст. 1070 ГК РФ), а также иными нормативными актами. В дееспособности государства следует выделить актоспособность, которую можно определить как способность государства, используя властные полномочия, издавать законодательные акты, с помощью которых создаются, изменяются, а так же прекращаются права и обязанности физических и юридических лиц. В ст. 1071 ГК РФ определяются органы власти и лица, которые выступают от имени казны при возмещении вреда за ее счет.

Некоторые исследователи дискутируют с мнением, что государство обладает дееспособностью, они отмечают, что в ст. 125 ГК РФ использована формулировка «от имени Российской Федерации и субъектов Российской Федерации», которая указывает на конструкцию представительства. Органы государственной власти выступают представителями и от имени государства осуществляют имущественные и личные неимущественные права и обязанности, они также могут выступать в судах, в рамках компетенции, установленной

правовыми актами.

С данным мнением нельзя согласиться, так как любой представитель должен быть самостоятельным субъектом в гражданских правоотношениях, имущественно и организационно автономным, но не все органы государственной власти обладают такой автономией [Бабаков, 2016].

Заключение

Только органы исполнительной власти специальной компетенции, которые имеют статус юридического лица, могут быть таким представителями. Совет Федерации РФ, Правительство РФ, Государственная Дума – все эти органы государственной власти не имеют самостоятельного гражданско-правового статуса, представляют собой части государства как единого целого. Кроме того, даже если органы государственной власти имеют статус юридического лица, их положение в гражданских правоотношениях дуалистично: они действуют от имени государства приобретают права и исполняют обязанности в интересах всего общества, в то же время они выступают в гражданских правоотношениях от своего имени и преследуют свои цели и интересы [Кириллова, Институт исполнителя..., 2015]. Поэтому стоит согласиться с мнением ученых, которые считают, что государство обладает дееспособностью и может реализовать свои права непосредственно или через органы государственной власти, которые являются составной частью государства [Кириллова, Наследственное право..., 2017, 35].

Можно сравнить государство с юридическими лицами, которые реализуют свою гражданскую дееспособность через действия своих органов, которые состоят из физических лиц. Можно сделать вывод, что и искусственный субъект состоит из субъектов естественных, таким образом, воля юридического лица реализуется через волю физических лиц, представленных в органах. В органах государственной власти естественные субъекты участвуют в гражданских правоотношениях; кроме того, общество имеет возможность путем выборов участвовать в формировании органов власти, а с помощью референдума определять прямо или косвенно гражданско-правовой статус государства [Кириллова, Субституция в наследственном праве..., 2014].

Таким образом, на Российскую Федерацию распространяются законодательные нормы о статусе юридического лица, но юридическим лицом Российская Федерация не является; как указал Высший Арбитражный Суд РФ в информационном письме от 30 июня 1993 г. № С-13/ОП-210, «наделение правами юридического лица не означает создания юридического лица».

Библиография

1. Адамова О.С. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Части второй (постатейный). М.: Инфра-М, 2016. 627 с.
2. Бабаков В.А. К вопросу об объеме правоспособности государства как участника гражданско-правовых отношений // Правовая политика и правовая жизнь. 2016. № 1. С. 41-45.
3. Кириллова Е.А. Закрытое завещание в России: гражданско-правовой аспект. Москва: Инфра-М, 2016. 122 с.
4. Кириллова Е.А. Значение и роль принципов наследственного права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. № 3. С. 114-124.
5. Кириллова Е.А. Институт исполнителя завещания и полномочия душеприказчика // Наследственное право. 2015. № 1. С. 36-38.
6. Кириллова Е.А. Наследственное право России. М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2017. 157 с.

7. Кириллова Е.А. Нотариат. М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2017. 115 с.
8. Кириллова Е.А. Субституция в наследственном праве России: значение, роль, особенности // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 5. С. 816-820.
9. Котляров С.Б., Кукушкин О.В., Храмова О.Е. Поиск эффективной модели взаимодействия государства и институтов гражданского общества // Социально-политические науки. 2016. № 2. С. 62-64.
10. Пятков Д. В. Гражданская правосубъектность хозяйственных публичных организаций и ее реализация при разграничении собственности: автореф. дисс... канд. юр. наук. Екатеринбург, 1999. 28 с.

The concept of civil capacity of the state: the legal aspect

Olga E. Khramova

PhD in Philosophy, associate professor
Saransk cooperative institute (branch)
of Russian university of cooperation,
430027, 17 Transportnaya st., Saransk, Republic of Mordovia, Russian Federation;
e-mail: modusv14@mail.ru

Abstract

The article considers the legal aspect of the existence and functioning of the civil capacity of the state, and differs the special character of the legal capacity of the state that is different from the legal capacity of the legal person and citizen. Based on the very nature of the state as a social system that uses civil means to realize its basic functions, we can talk about the presence of the legal personality of the Russian Federation from the very beginning. The discussion of this issue among the civilians emphasizes the relevance of the problem under consideration. Analyzing the Civil Code of the Russian Federation, the author concludes that the state has a common legal capacity, along with other participants in civil legal relations. In this, the general principle of civil law is realized: the principle of recognition of the equality of participants in the relations regulated by it. The article also concluded that the state should recognize the special legal capacity, under which the state should be understood the ability to have rights and perform duties specifically provided for by law, in civil circulation, the state implements public functions.

For citation

Khramova O.E. (2018) Ponyatie grazhdanskoi pravosub"ektnosti gosudarstva: pravovoi aspekt [The concept of civil capacity of the state: the legal aspect]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7 (1A), pp. 28-35.

Keywords

Civil capacity; state; authority; capacity; legal capacity.

References

1. Adamova O.S. (2016) *Kommentarii k Grazhdanskomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii. Chasti vtoroi (postateinyi)* [Commentary on the Civil Code of the Russian Federation. Part two (itemized)]. Moscow: Infra-M Publ.
2. Babakov V.A. (2016) K voprosu ob "eme pravosposobnosti gosudarstva kak uchastnika grazhdansko-pravovykh otnoshenii [On the issue of the extent of the legal capacity of the state as a participant in civil law relations]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'* [Legal policy and legal life], 1, pp. 41-45.

3. Kirillova E.A. (2012) *Znachenie i rol' printsipov nasledstvennogo prava* [Value and role of the principles of inheritance law]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki* [Bulletin of Perm University. Juridical sciences], 3, pp. 114-124.
4. Kirillova E.A. (2014) *Substitutsiya v nasledstvennom prave Rossii: znachenie, rol', osobennosti* [Substitution in the inheritance law of Russia: significance, role, features]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava* [Actual problems of Russian law], 5, pp. 816-820.
5. Kirillova E.A. (2015) *Institut ispolnitelya zaveshchaniya i polnomochiya dusheprikazchika* [Institute of the executor of the will and the authority of the executor]. *Nasledstvennoe pravo* [Inheritance law], 1, pp. 36-38.
6. Kirillova E.A. (2016) *Zakrytoe zaveshchaniye v Rossii: grazhdansko-pravovoi aspekt* [Closed testament in Russia: civil aspects]. Moscow: Infra-M Publ.
7. Kirillova E.A. (2017) *Nasledstvennoe pravo Rossii* [The hereditary right of Russia]. Moscow: Plekhanov Russian university of economics Publ.
8. Kirillova E.A. (2017) *Notariat* [Notary]. Moscow: Plekhanov Russian university of economics Publ.
9. Kotlyarov S.B., Kukushkin O.V., Khramova O.E. (2016) *Poisk ehffektivnoj modeli vzaimodejstviya gosudarstva i institutov grazhdanskogo obshhestva* [Search for an effective model for interaction between the state and civil society institutions]. *Sotsial'no-politicheskie nauki* [Socio-political sciences], 2, pp. 62-64.
10. Pyatkov D.V. (1999) *Grazhdanskaya pravosub"ektnost' khozyajstvennykh publichnykh organizatsij i ee realizatsiya pri razgranichenii sobstvennosti. Doct. Diss. Abstract* [Civil legal personality of economic public organizations and its implementation in the delimitation of property. Doct. Diss. Abstract]. Ekaterinburg.

УДК 347.922.62

Установление сервитута на земельный участок в практике применения районных судов Республики Мордовия

Панфилов Михаил Анатольевич

Кандидат педагогических наук,
заведующий кафедрой частного права,
Саранский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации,
430007, Российская Федерация, Саранск, ул. Транспортная, 17;
e-mail: mpanfiloff69@jandex.ru

Ямашкина Марина Вячеславовна

Кандидат культурологии,
доцент кафедры частного права,
Саранский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации,
430007, Российская Федерация, Саранск, ул. Транспортная, 17;
e-mail: yamashkinamv@mail.ru

Аннотация

Цель. Целью работы является рассмотрение особенностей установления сервитута на земельный участок районными судами Республики Мордовия в рамках гражданского процесса, а также специфики предоставления сервитута на земельный участок. **Методология.** Методология работы базируется на анализе процедуры установления сервитута в рамках гражданского процесса. **Результаты.** Сервитут представляет собой определенное вещное право и является соответствующим обременением земельных участков. Он должен быть согласован между соответствующими лицами и подлежит обязательной государственной регистрации, а в случае несогласия лиц данный вопрос может решаться только в судебном порядке. При этом может быть назначена судебная экспертиза. **Заключение.** Таким образом, анализ практики районных судов Республики Мордовия за 2016 – первое полугодие 2017 года показал, что данная категория дел рассматривается не так часто. Сервитут на земельный участок может быть установлен только тогда, когда у собственника земельного участка отсутствует иная возможность права пользования своим участком.

Для цитирования в научных исследованиях

Панфилов М.А., Ямашкина М.В. Установление сервитута на земельный участок в практике применения районных судов Республики Мордовия // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 7. № 1А. С. 36-41.

Ключевые слова

Республика Мордовия, районный суд, практика рассмотрения, сервитут, собственник земельного участка.

Введение

Сервитут – это вещное право лиц, которые не являются собственниками имущества. Он выступает как право ограниченного пользования земельным участком [Краснова, 2017]. Сервитут является соответствующим обременением земельного участка, но не лишает собственника участка права владеть, пользоваться и распоряжаться этим участком. Смена собственника не является основанием для прекращения сервитута.

Собственник недвижимости имеет право требовать от собственника соседнего земельного участка, в нужных случаях – от собственника иного земельного участка (соседнего участка) предоставить право ограниченного пользования соседним участком (сервитут).

Сервитут согласовывается между лицами и подлежит обязательной государственной регистрации. В случае несогласия спор может быть разрешен судом [Слепенок, 2015].

У собственника земельного участка, обремененного сервитутом, есть право требования соразмерной платы от лиц, использующих сервитут. Размер такой платы должен соответствовать материальной выгоде приобретателя земельного участка в итоге установления сервитута.

Особенности установления сервитута на земельный участок районными судами Республики Мордовия

При рассмотрении дел, связанных с установлением сервитута на земельный участок, суд должен определить, для каких нужд устанавливается данный сервитут: для обеспечения прохода и проезда через соседний земельный участок; для строительства, реконструкции и (или) эксплуатации линейных объектов, не препятствующих использованию земельного участка в соответствии с разрешенным использованием, либо для других нужд собственника недвижимого имущества, которые не могут быть обеспечены без установления сервитута [Юсупова, 2014].

Сервитут прекращается, если отпадают основания его установления.

Споры об установлении сервитута подсудны районным (городским) судам. Основанием для обращения в суд лица, которое требует установить сервитут, является недостижение сторонами договора об установлении сервитута, то есть возникновение спора.

Установить сервитут в судебном порядке – значит выяснить объективную невозможность удовлетворить потребности истца другим путем, кроме признания за ним права ограниченного пользования чужим земельным участком. Сервитут при этом должен быть как можно менее обременительным для собственника участка, и суду следует учитывать интересы обеих сторон. Если сервитут лишает собственника земельного участка права использовать его по назначению, то он не подлежит установлению. При установлении сервитута суд должен определить сумму платежей, выплачиваемых собственнику обремененного участка.

Как правило, по данным категориям дел назначаются и проводятся экспертизы. При этом у суда есть возможность самостоятельно определить оптимальные условия сервитута, то есть суд не связан доводами сторон.

Решение суда по этому вопросу будет основанием для государственной регистрации сервитута. Резолютивная часть решения должна включать сведения по земельным участкам (площадь, координаты), описание сервитута, его вид, сферу действия, сроки, условия платежей

и т.д.

Данные категории дел в практике судов встречаются не так часто. Районными судами Республики Мордовия за 2016 год и первое полугодие 2017 года рассмотрено семь гражданских дел по установлению сервитута на земельный участок [Сайт Верховного Суда Республики Мордовия, www]: Ленинским районным судом г. Саранска – одно дело, Лямбирским районным судом – два дела, Октябрьским районным судом г. Саранска – два дела, Рузаевским районным судом – одно дело, Атяшевским районным судом – одно дело. При этом из семи дел в пяти представлены требования об установлении проезда и (или) прохода к недвижимому имуществу, в одном – нечинение препятствий в пользовании сервитутом и еще в одном – требование собственника земельного участка к владельцу газопровода обеспечить за плату доступ ответчика к объектам газового хозяйства.

По шести из семи рассмотренных дел приняты судебные решения об отказе в удовлетворении исковых требований. По четырем делам основанием для отказа послужило установление судом возможности обеспечения нужд собственника без установления сервитута, в одном случае в удовлетворении иска отказано потому, что предложенная истцом версия установления сервитута является для ответчика более обременительной, и еще в одном случае отказ явился результатом того, что обременение на земельный участок было определено раньше.

Только в одном из поступивших дел сервитут был установлен, но не решением суда, а определением об утверждении мирового соглашения сторон. Так, по делу № 2-386/2016 Ленинский районный суд г. Саранска определением производства по делу прекратил и утвердил мировое соглашение, по условиям которого К. установлено право бессрочного ограниченного пользования (сервитут) на часть земельного участка ответчиков в целях обеспечения возможности прохода и проезда транспортных средств [Сайт Ленинского районного суда г. Саранска Республики Мордовия, www].

В удовлетворении исковых требований было отказано по делу № 2-3082/2016 Октябрьского районного суда г. Саранска и по делу № 2-1613/2016 Рузаевского районного суда.

Из представленных на обобщение дел четыре обжаловано в апелляционном порядке, из них по одному делу решение отменено.

По делу № 2-2/2016 Атяшевского районного суда истцы А., Б., В. обратились в суд к Г. с требованием об установлении сервитута на часть земельного участка, указав, что они являются собственниками трехквартирного жилого дома, расположенного на земельном участке, поделенном между собственниками квартир на три участка. Г., являясь смежным землепользователем, самовольно возвела забор, заняв часть мест общего пользования, используемого для проезда. Тем самым Г. чинит истцам препятствия для прохода на принадлежащий им земельный участок и обслуживания жилого дома. В связи с этим А., Б., В. просили установить сервитут на часть земельного участка Г. по одному из вариантов, определенному в экспертном заключении, для обеспечения возможности прохода истцов на принадлежащий им на праве собственности земельный участок, эксплуатации и обслуживания жилого дома; на Г. возложить обязанность снести возведенный забор. Суд первой инстанции не нашел оснований для удовлетворения исковых требований истцов, так как доступ на принадлежащий им земельный участок обеспечен иным способом без установления сервитута. Апелляционная инстанция оставила решение суда без изменения, указав, что установление

сервитута по предложенному истцами варианту является не единственным проходом к земельному участку и не отвечает правовой природе сервитута [Сайт Атяшевского районного суда г. Саранска Республики Мордовия, www].

Аналогичны рассмотрения дела № 2-743/2016 Лямбирским районным судом и дела № 2-2465/2016 Октябрьским районным судом г. Саранска. А вот по делу № 2-64/2017 Лямбирского районного суда требования истца об установлении сервитута, наоборот, были удовлетворены. Однако суд апелляционной инстанции не согласился с выводами районного суда, признав обоснованными доводы апелляционной жалобы ответчиков о том, что ввиду отсутствия в их местности подъездных дорог установление сервитута для проезда нецелесообразно. Судебная коллегия отменила решение суда первой инстанции и отказала в удовлетворении предъявленного иска, указав, что при таких обстоятельствах требования истца о предоставлении права ограниченного пользования частью земельного участка ответчиков в определенных границах безосновательно [Сайт Лямбирского районного суда г. Саранска Республики Мордовия, www].

Заключение

Изучение практики рассмотрения гражданских дел судами Республики Мордовия показало, что сервитут может устанавливаться лишь в случае отсутствия у собственника земельного участка другой возможности использовать право пользования своим участком. Сервитут должен быть как можно менее обременительным для собственника участка, в отношении которого он установлен. Истец обязан доказать, что доступ к земельному участку не может быть реализован иначе, как через земельный участок ответчика. Сервитуты подлежат защите в суде в случае представления истцом доказательства установления в его пользу сервитута и наличия факта нарушения его права ограниченного пользования чужим земельным участком. Сервитут сохраняется при переходе прав на земельный участок, который был обременен сервитутом.

Библиография

1. Боголюбов С.А. (ред.). Комментарий к Земельному кодексу Российской Федерации. 8-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2014. 656 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собрания Рос. Федерации 21.10.1994 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собрания Рос. Федерации 23.10.2002: одобр. Советом Федерации Федер. Собрания Рос. Федерации 30.10.2002 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.
4. Краснова Т.С. Принудительность и автономия воли в сервитутном праве: дисс. ... канд. юрид. наук. СПб., 2017. 263 с.
5. Сайт Атяшевского районного суда г. Саранска Республики Мордовия. URL: <http://atyashevsky.mor.sudrf.ru>
6. Сайт Верховного Суда Республики Мордовия. URL: <http://vs.mor.sudrf.ru>
7. Сайт Ленинского районного суда г. Саранска Республики Мордовия. URL: <http://leninsky.mor.sudrf.ru/>
8. Сайт Лямбирского районного суда г. Саранска Республики Мордовия. URL: <http://lyambirsky.mor.sudrf.ru/>
9. Слепенко Ю.Н. Сервитутное право: основания возникновения и проблемы защиты: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 22 с.
10. Юсупова З.Г. Земельное право. Казань: Познание, 2014. 224 с.

Establishment of easement on the land plot in the practice of the district courts of the Republic of Mordovia

Mikhail A. Panfilov

PhD in Pedagogy,
Head of the Department of private law,
Saransk cooperative Institute (branch) Russian University of Cooperation,
430007, 17 Transportnaya st., Saransk, Russian Federation;
e-mail: mpanfiloff69@jandex.ru

Marina V. Yamashkina

PhD in Culturology, Associate Professor,
Department of private law,
Saransk cooperative Institute (branch) Russian University of Cooperation,
430007, 17 Transportnaya st., Saransk, Russian Federation;
e-mail: yamashkinamv@mail.ru

Abstract

Objective. The article aims to show the features of establishment of an easement on a land plot by the district courts of the Republic of Mordovia within the framework of the civil process and to consider the specifics of granting an easement to a land plot. **Methodology.** The research methodology is based on the analysis of the procedure for establishing easement in the civil process. **Results.** The author declares that an easement is a certain property law and it is a corresponding real burden. It must be agreed between the relevant persons and it is subject to mandatory state registration. However, in case of disagreement of the persons, this issue can be solved only in the judicial order. In this case, a forensic examination can be appointed. **Conclusion.** The study of the practice of district courts of the Republic of Mordovia for 2016 – the first half of 2017 allows the authors to find that this category of cases is not considered so often. An easement can be established only when the owner of a land plot has no other possibility of using his plot. The results of this article can be used in the educational process in the framework of civil process, civil law, land law to illustrate the relevant processes in society.

For citation

Panfilov M.A., Yamashkina M.V. (2018) Ustanovlenie servituta na ze-mel'nyi uchastok v praktike primeneniya raionnykh sudov Respubliki Mordoviya [Establishment of easement on the land plot in the practice of the district courts of the Republic of Mordovia]. Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava [Matters of Russian and International Law], 7 (1A), pp.. 36-41.

Keywords

Republic of Mordovia. district court, practice of consideration, easement, land owner.

References

1. Bogolyubov S.A. (ed.) (2014) *Kommentarii k Zemel'nomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii* [Commentary to the Land Code of the Russian Federation], 8th ed., Moscow: Prospekt Publ.
2. Krasnova T.S. (2017) *Prinuditel'nost' i avtonomiya voli v servitutnom pra-ve. Dokt. Diss.* [Forcedness and autonomy of will in servitude law. Doct. Diss.]. Saint Petersburg.
3. *Sait Atyashevskogo raionnogo suda g. Saranska Respubliki Mordoviya* [The site of the Atyashevsky District Court of the city of Saransk of the Republic of Mordovia]. Available at: <http://atyashevsky.mor.sudrf.ru> [Accessed 17/02/18].
4. *Sait Leninskogo raionnogo suda g. Saranska Respubliki Mordoviya* [The site of the Leninsky District Court of the city of Saransk of the Republic of Mordovia]. Available at: <http://leninsky.mor.sudrf.ru/> [Accessed 18/02/18].
5. *Sait Lyambirskogo raionnogo suda g. Saranska Respubliki Mordoviya* [Site of the Lyambirsky District Court of the city of Saransk of the Republic of Mordovia]. Available at: <http://lyambirsky.mor.sudrf.ru/> [Accessed 11/01/18].
6. *Sait Verkhovnogo Suda Respubliki Mordoviya* [The site of the Supreme Court of the Republic of Mordovia]. Available at: <http://vs.mor.sudrf.ru> [Accessed 19/02/18].
7. Slepёnok Yu.N. (2015) *Servitutnoe pravo: osnovaniya vozniknoveniya i proble-my zashchity. Dokt. Diss. Abstract* [Easement law: grounds for the emergence and protection issues. Doct. Diss. Abstract]. Moscow.
8. Yusupova Z.G. (2014) *Zemel'noe pravo* [Land Law]. Kazan': Poznanie Publ.
9. Grazhdanskii protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 14.11.2002 № 138-FZ: prinyat Gos. Dumoi Feder. Sobraniya Ros. Fede-ratsii 23.10.2002: odobr. Sovetom Federatsii Feder. Sobraniya Ros. Federatsii 30.10.2002 [Civil Procedure Code of the Russian Federation No. 138-FZ of November 14, 2002] (2002). *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii (St. 4532)* [Collected legislation of the Russian Federation (Art. 4532)], 46.
10. Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii. Chast' pervaya ot 30.11.1994 № 51-FZ: prinyat Gos. Dumoi Feder. Sobraniya Ros. Federatsii 21.10.1994 [Civil Code of the Russian Federation. Part one No. 51-FZ of November 30, 1994] (1994). *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii (St. 3301)* [Collected legislation of the Russian Federation (Art. 3301)], 32.

УДК 347.726.6

Особенности правового статуса института независимого директора в законодательных системах США и России

Магдалинская Юлия Васильевна

Старший преподаватель,
Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации,
119454, Российская Федерация, Москва, пр-т Вернадского, 76;
e-mail: julicn@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются основные законодательные и практические вопросы, связанные с развитием института независимого директора в корпоративных системах США и России. Опыт показал, что независимые директора в составе управления компаний эффективно влияют на корпоративное управление в силу статуса внешней, независимой стороны, активно вовлеченной в операционные процессы компаний. После крупных корпоративных скандалов в США независимые директора стали неотъемлемой частью совета управления, получив при этом законодательное оформление как корпоративного института. Безусловно, данный институт не решает все проблемы и несоответствия внутри корпоративной структуры, однако его наличие позволяет снизить риск мошеннических действий. Российское корпоративное право активно внедряет законодательную практику института независимого директора, а крупнейшие российские компании полностью отвечают всем критериям, необходимым для законодательного статуса института независимого директора.

Для цитирования в научных исследованиях

Магдалинская Ю.В. Особенности правового статуса института независимого директора в законодательных системах США и России // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 7. № 1А. С. 42-51.

Ключевые слова

Россия, США, корпоративное управление, независимые директора, биржа, закон о корпорациях, инсайдеры, акционеры, миноритарии, мажоритарии, мошенничество, законодательный статус, акционерные общества, корпорации, юридические лица, ценные бумаги, голоса, наблюдательный совет, совет директоров, собрание акционеров, конкуренция, операционная эффективность.

Введение

Организация (компания) является «конгрегацией», общей платформой, для различных учредителей и заинтересованных участников корпоративных отношений – потребителей, работников, инвесторов, акционеров и т.д. Организация сама по себе в общеправовом смысле – это инструмент привлечения большого объема капитала в целях ведения деятельности какого-либо рода. Такое понимание стало императивом для современного глобализированного мира бизнеса, в котором компаниям необходимо получить доступ к потокам капитала, быть в тесных отношениях с поставщиками, включая мега-корпорации, а также в то же время находиться в гармонии с обществом, выполняя правила корпоративной и социальной ответственности. Именно поэтому в современном мире становится очевидным, что каждая транзакция, проведенная внутри компании, обязана отвечать требованиям честности и прозрачности по отношению к ее заинтересованным лицам. Компания, которая отличается слаженными и эффективными инструментариями корпоративного управления и Советом директоров, безусловно, будет привлекать инвесторов и обладать достаточным надежным капиталом. Независимость Совета Директоров становится критичным в отношении того, чтобы убедить акционеров и прочих заинтересованных лиц в том, что Совет выполняет свои функции объективно и принимаемые решения подотчетны перед акционерами и инвесторами. Во многих юрисдикциях в течение века стало очевидным, что институт независимого директора является ответом на препятствия, возникающие в отношении эффективности принимаемых менеджментом мер.

В последние два десятилетия создалось общепринятое мнение, что такие проблемы корпоративного управления, как неудачные управленческие решения и мошенничество внутри компании, могут быть устранены с помощью привлечения независимых директоров. Однако прецеденты в корпоративной практике по всему миру не дают однозначно положительного подтверждения данному тезису.

Институт независимого директора был введен на добровольных началах в качестве меры эффективного корпоративного управления в США в 1950-х гг. В 2002 г. в Великобритании был опубликован Cadbury Committee Report, который стал отправной точкой для массового появления института независимого директора не только в англо-саксонской правовой системе, но и практически во всех развивающихся странах мира с относительно развитыми финансовыми системами (Россия, Индия, Китай, ЮАР, Бразилия). Однако как только данный новый глобальный тренд в корпоративном управлении стал в большей или меньшей степени повсеместным явлением, в 2001 г. случился коллапс американской компании Enron [Yuhao, 2010].

Предположительно, банкротство одной из крупнейших и успешных американских компаний того времени было связано с конфликтом интересов – аудиторская компания Артур Андерсен выступала в качестве как аудитора, так и консультанта, и недостатка независимого контроля над управленческими решениями менеджмента Enron. При этом банкротство такого гиганта в мировой индустрии было связано именно с неэффективностью операционной вовлеченности независимых директоров, а не их отсутствием. Именно данный прецедент стал началом юридических полемик, в какой форме необходимо закрепить правовой статус института независимого директора, и нужно ли это современной правовой основе корпоративных отношений. Таким образом, можно предположить, что только путем сравнительно-сопоставительного анализа законодательных мер, предпринятых в различных странах, можно найти оптимальное сочетание юридических принципов, которые должны

применяться в отношении института независимого директора. Данная статья посвящена анализу законодательных инициатив в США и России в отношении независимых директоров и правовым мерам улучшения эффективности данного института в корпоративном праве.

Институт независимого директора в корпоративном управлении АО в США

Независимые директора долгое время рассматривались как решение многочисленных проблем. Еще задолго до масштабных скандалов с компаниями Enron и WorldCom, нью-йоркская биржа NYSE включила в требования для листирующихся компаний присутствие независимых директоров в аудиторском комитете (audit committee). Следует отметить, что в целом в США советы правления, состоящие полностью из заинтересованных лиц, были крайне редким явлением на протяжении последних десятилетий [Bhagat, Black, 1999].

Институт независимого директора появился в США. Однако корпоративное законодательство США и Великобритании утверждает одноуровневую систему корпоративного управления. Иными словами, в корпорации два органа управления – общее собрание акционеров и совет директоров, отсутствует наблюдательный совет. Институт независимого директора по сути привносит элемент двухуровневости, выполняя функции и обязанности наблюдательного и контролирующего органа. В таких странах, как Германия, где утверждена двухуровневая система корпоративного управления, независимый директор, получая право на контроль от наблюдательного совета, им и назначается. Общим для одноуровневой и двухуровневой систем корпоративного управления является разделение функций хозяйственной деятельности и функций контроля. В одноуровневой системе разделение функций создается введением в состав совета директоров независимого директора, в двухуровневой системе функции контроля осуществляет вышестоящий контролирующий, не относящийся к совету директоров, институт.

Толчком к возникновению императивного правового регулирования труда независимого директора public joint-stock company в США послужили крупнейшие и громкие корпоративные конфликты в компаниях Enron, WorldCom и Tyco, где отсутствие объективности ряда должностных лиц при принятии решений по сделкам с заинтересованностью привело к миллиардным убыткам инвесторов и обвалу на рынке ценных бумаг NASDAQ. Это привело к принятию в июле 2002 г. Sarbanes-Oxley Act, который установил требования к независимости директоров при совершении финансовых операций и разработал систему контроля за финансовой отчетностью директоров (в сущности, создав правовой фундамент для детального регулирования института независимого директора). Образцом такого регулирования по праву следует считать Кодекс Штата Делавэр (The Delaware Code), а именно его восьмой раздел (титул), служащий эталоном американского корпоративного законодательства. Данный документ закрепляет ряд правил, касающихся статуса членов совета директоров. Отдавая корпорациям весомую свободу в конкретизации этого статуса, что, как полагаем, является существенной проблемой, поскольку создает почву для злоупотреблений со стороны корпораций и тем самым создает угрозу стабильности правового оборота. Законодательство о трудо-правовом статусе независимого директора и иных членов совета директоров других штатов представлено прецедентами и обычаями, которые во многом имплементируют нормы Delaware General Corporation Law.

Американское законодательство в системном толковании норм The Delaware Code и Investment Company Act of 1940, Sarbanes Oxley Act of 2002 устанавливает, что независимым может быть член исполнительного органа корпорации при соблюдении следующих условий:

- 1) в течение последних двух финансовых лет не являлся членом исполнительного органа

- данного PJSC либо руководителем юридического департамента (in-house legal counsel);
- 2) не является учредителем или членом исполнительного органа аффилированной JSC (акционерного общества);
 - 3) не является членом семьи или близким родственником одного из членов исполнительного органа данного PJSC;
 - 4) не является лицом, заинтересованным в выстраивании инвестиционной стратегии корпорации в интересах третьих лиц;
 - 5) в течение последних 6 месяцев не совершал финансовых операций от своего имени или через аффилированную корпорацию по приобретению доли в уставном капитале PJSC (call option transactions);
 - 6) не является членом Комиссии по отбору кандидатов на позицию независимого директора (the Order Commission by the Board Directors) и не способен оказать влияние на принятие решения данной Комиссией;
 - 7) не является кредитором данного PJSC по всем типам займа (loan) или лицом, имеющим коммерческий интерес в финансовой деятельности PJSC [Саликова, Дубовцев, 2016].

По состоянию на 2016 г. большинство стран-членов Европейского Союза и практически все крупные азиатские юрисдикции уже сформировали свои правовые требования, применяемые к независимым директорам и советам директоров. На наднациональном уровне Принципы корпоративного управления ОЭСР, опубликованные в 2015 г., очертили рекомендации, которые страны должны придерживаться в формировании принципов корпоративного управления. Законодательная база рекомендаций ОЭСР либо уже инкорпорированы в соответствующие законы и правила листинга компаний на национальных биржах, либо прослеживаются в кодексах корпоративного управления отдельных компаний. В первой половине двадцатого века модель корпоративного управления, доминировавшая в США, была основана на доктринах менеджизма – экономической теории, сфокусированной на роли профессионального менеджмента и акционерной собственности в крупной корпорации как динамичного и социально-однородного симбиоза институтов корпоративного управления [Berle, Means, 1932].

После скандалов Комиссия по ценным бумагам и биржам США (SEC) ужесточила правила в отношении присутствия независимых директоров в корпоративном управлении. Комиссия по ценным бумагам и биржам США приняла правила, определяющие полномочия и состав аудиторского комитета публичной компании. Он будет назначать и отстранять внешнего аудитора и должен состоять из независимых директоров. Биржам США запрещено торговать любыми ценными бумагами компаний (как американских, так и иностранных), аудиторские комитеты которых не отвечают требованиям SEC.

Руководство компаний теперь не будет иметь отношения к выбору, назначению и отстранению внешнего аудитора; этим будет весть аудиторский комитет. Он же будет контролировать деятельность внешнего аудитора и определять размер его вознаграждения. Комитет также должен разработать процедуры, которые позволили бы сотрудникам компании сообщать ему (в том числе конфиденциально и анонимно) о возможных нарушениях, связанных с бухгалтером и аудитом.

Сам комитет должен состоять исключительно из независимых членов совета директоров компании. Независимый директор – член аудиторского комитета не должен получать от компании (или ее дочерней структуры) деньги в виде вознаграждения или платы за консалтинговые услуги – лишь стандартный оклад члена совета директоров. Он не должен быть аффилирован с компанией или ее дочерней структурой.

Контроль за выполнением новых правил компаниями будет возложен на саморегулируемые

организации, включая Нью-Йоркскую фондовую биржу (NYSE), NASDAQ и др. Они также могут предъявить компаниям свои требования, дополняющие требования SEC. NYSE, например, предлагает не считать директора независимым, если в предыдущие пять лет он получал от компании не менее \$100 000 в год сверх стандартного оклада, выплачиваемого членам совета директоров.

Благодаря действиям SEC и актам, принятым в течение XX века, законодательные требования, которые необходимо соблюдать в обязательном порядке, делают институт независимого директора в США наиболее прогрессивным, развитым, отвечающим запросам бизнеса.

Текущий правовой статус независимого директора в России и предложения по совершенствованию института независимого директора на основе проведенного сопоставительного с юрисдикцией США анализа

Московская биржа модернизировала систему требований к эмитентам и ценным бумагам из котировальных списков. Новые Правила листинга ЗАО «ФБ ММВБ» утверждены его Советом директоров 31 декабря 2013 г. и зарегистрированы в установленном порядке Службой Банка России по финансовым рынкам 7 февраля 2014 г. [Правила листинга, 2013].

Новые правила, введенные ММВБ, предполагают следующее: вместо шести прежних разделов предусматривается три при явном расширении критериев состава высшего котировального списка. Реконструкция свода опорных требований к эмитентам и ценным бумагам из котировальных списков. Так, дезавуируется требование «доли владения акциями в руках одного лица и его аффилированных лиц», но в систему требований интегрируется новый критерий – free-float shares (количество акций соответствующего эмитента в свободном обращении). Выдвигается требование по составлению и раскрытию эмитентом отчетности по МСФО за последние три года. Вводится весьма важный институт «применение экспертного мнения Биржи для оценки соответствия эмитента требованиям регулирования и Правилам листинга». Однако, как мы полагаем, наиболее значимое и интересное – радикально обновленные требования к корпоративному управлению эмитентов акций и облигаций ориентированы на новый Кодекс корпоративного управления [Письмо Банка России, 2014] и международную практику.

Однако наиболее существенным шагом по становлению правового статуса независимых директоров, присутствие которых в российском корпоративном управлении стало по сути императивным.

Биржа установила, что вне зависимости от количества акционеров и иных корпоративных обстоятельств компания должна создать совет директоров, в состав которого должны входить в том числе «лица, каждое из которых обладает достаточной самостоятельностью для формирования собственной позиции и способно выносить объективные суждения, независимые от влияния исполнительных органов эмитента, отдельных групп акционеров или иных заинтересованных лиц, а также обладает достаточной степенью профессионализма и опыта». Весьма важно следующее. Количество таких независимых директоров должно составлять не менее одной пятой состава совета директоров и не может быть меньше трех. Отметим, что первая позиция является своего рода новеллой.

Для определения «признаков независимости», как рекомендуют отечественные и авторитетные зарубежные кодексы корпоративного управления (поведения), Правила применяют философию так называемых *антикритериев*. А именно предлагают считать, что

член совета директоров не может быть независимым директором, если он связан:

- 1) с эмитентом;
- 2) с существенным акционером эмитента;
- 3) с существенным контрагентом эмитента;
- 4) с конкурентом эмитента;
- 5) с государством (Российской Федерацией, субъектом Российской Федерации) или муниципальным образованием.

Заметим, что четвертый *антикритерий* новым Кодексом корпоративного управления, одобренным Правительством РФ 13 февраля 2014 г., не используется. Нужно, однако, учитывать, что Кодекс сохранил статус рекомендательного акта, компании при разработке собственных критериев во внутрифирменных кодексах располагают правом согласиться (или не согласиться) с логикой разработчиков институтов Биржи. Однако в случае желания компании разместить свои акции на Московской бирже, требования в отношении присутствия независимых директоров тем или иным образом должны соблюдаться.

В соответствии с п. 2, 3 ст. 67, ст. 77, п. 1 ст. 68, ст. 83 Федерального закона от 26.12.1995 №208-ФЗ «Об акционерных обществах» и п. 161 гл. II ч. «Б» Кодекса корпоративного управления, рекомендованного к применению письмом Банка России от 10.04.2014 №06-52/2463, независимым директором признается член совета директоров (наблюдательного совета) общества, не являющийся и не являвшийся в течение одного года, предшествовавшего принятию решения (п. 3 ст. 83 Закона об АО):

- лицом, осуществляющим функции единоличного исполнительного органа общества, в том числе его управляющим, членом коллегиального исполнительного органа, лицом, занимающим должности в органах управления управляющей организации;
- лицом, супруг, родители, дети, полнородные и не полнородные братья и сестры, усыновители и усыновленные которого являются лицами, занимающими должности в указанных органах управления общества, управляющей организации общества либо являющимися управляющим общества;
- аффилированным лицом общества, за исключением члена совета директоров (наблюдательного совета) общества.

Необходимо подчеркнуть, что российские корпорации на фоне укрупнения масштабов бизнеса активно внедряли в свой менеджмент независимых директоров. Первая волна назначений независимых директоров в акционерных обществах с государственным участием прошла в июле 2008 г., когда в советы директоров десяти компаний, единственным акционером которых является Российская Федерация, были включены 26 независимых директоров¹.

Следует отметить, что Федеральное агентство по управлению государственным имуществом также провело дополнительную работу по введению независимых директоров в советы директоров ряда компаний, которые не были включены в специальный перечень. Так, в январе 2009 г. была сформирована комиссия по отбору независимых директоров, представителей интересов Российской Федерации и ревизоров для избрания в органы управления и контроля акционерных обществ, не включенных в специальный перечень.

В российской практике независимый директор не только оказывает профессиональное консультирование директоров компаний – они главным образом обеспечивают

¹ Например, ОАО «Международный аэропорт Шереметьево», ОАО «Российские железные дороги», ОАО «Совкомфлот», ОАО «Россельхозбанк», ОАО «Транснефть».

квалифицированное независимое суждение на транзакции, совершаемые корпорацией. К сожалению, как показывает практика, независимые директора лишь номинально участвуют в деятельности компаний, в то время как в целях эффективности корпоративного управления от независимых директоров требуются следующие стандартизированные типы вовлеченности:

- участие в разработке корпоративной стратегии, тщательное изучение деятельности менеджеров с точки зрения достижения целей компании и требование представления отчетов менеджеров о своей работе;
- проверка точности и достоверности финансовой информации, а также надежности систем финансового контроля и управления рисками;
- в рамках комитета по вознаграждениям определять размеры вознаграждений исполнительных директоров, менеджеров высшего звена компании; играть решающую роль в процессах назначения и прекращения полномочий менеджеров высшего звена.

Российская судебная практика² показывает, что судебные органы обращают особое внимание на заключения и действия, предпринятые независимыми директорами, и основывают свое правовое решение, исходя из соответствия требованиям в отношении вовлеченности независимых директоров, однако при этом отдельные судебные дела [Директор Сбербанка..., 2010] отражают, что независимые директора участвуют в мошеннических схемах, тем самым возникает необходимость внедрения новых императивных норм, не ограничиваясь рекомендательными мерами по примеру Писем Банка России. Так, предложено осуществить следующие улучшения корпоративной системы на примере американской и китайской систем института независимых директоров.

Во-первых, изменение существующей структуры акционерного права, структуры корпоративного управления юридических лиц, в частности, публичных компаний, где очень важен поиск стратегических инвесторов, увеличение доли ликвидности и оборота акций, находящихся в государственной собственности и в собственности других юридических лиц, сократить таким образом долю акций в руках государства и юридических лиц. Что касается новых публичных компаний, компаний, выходящих на листинг, государство в соответствии с особенностями отраслей деятельности компаний определить верхнюю границу количества акций в руках государства и крупных акционеров, что приведет к диверсификации акционерного права, его децентрализации, это и должно привести к совершенствованию института независимого директора.

Во-вторых, усилить раскрытие информации о независимом директоре. Данные о независимом директоре остаются не доступными в финансовой отчетности как российских, так и китайских компаний, что не соответствует международным стандартам МСФО в отношении европейских и российских корпораций [The Companies Act, www] и пункту 2 «Содержание и формы годового доклада» «Принципов содержания и формы раскрытия информации публичными выпускающими ценные бумаги компаниями».

В-третьих, в настоящее время структура корпоративного управления в России предполагает наличие и независимого директора, и наблюдательного совета. В России наблюдательный совет не выполняет своих функций и нуждается в серьезном реформировании.

² См. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 05.08.2015 N Ф01-2540/2015 по делу N А79-5945/2014, Определение от 2 апреля 2014 г. N ВАС-2918/14, Постановление ВАС РФ от 16 мая 2014 г. N 28 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием крупных сделок и сделок с заинтересованностью», Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 05.07.2016 N Ф10-2077/2016 по делу N А36-6652/2015.

В-четвертых, совершенствование механизма выборов и назначения независимого директора. Это прежде всего расширение источников и каналов поиска и приглашения для участия в выборах независимых директоров. Это может усилить механизм конкуренции, повысить эффективность независимых директоров. Необходимо отметить, что на выборах независимого директора необходимо исходить из интересов средних и мелких акционеров, вынудить общее собрание акционеров принять систему кумулятивного голосования.

В-пятых, создать систему гарантий функциональных обязанностей независимого директора, существующую во многих зарубежных странах. Эта системы способствует формированию института высоко профессиональных и нравственных независимых директоров.

В-шестых, совершенствование системы ухода независимого директора, освобождения его от должности на общем собрании акционеров, включая раскрытие информации о факте освобождения от должности независимого директора по его заявлению, систему компенсаций и выплат, а также систему покрытия ущерба, нанесенного независимым директором.

Однако при этом нельзя отрицать, что сам по себе институт независимого директора в российской корпоративной культуре прочно занял свои позиции – в любой крупной российской корпорации (как с государственным, так и зарубежным участием) в состав директоров включаются один и более независимых директоров. Критерии его отбора варьируются в зависимости от стратегического плана компании – например, в ПАО «Роснефть» в 2017 году экс-канцлер Германии Герман Шредер был номинирован в Совет директоров в качестве независимого директора в силу его существенного влияния в Западном мире и большого опыта и компетенций. В целом российские компании пытаются соответствовать общепринятым условиям кодекса корпоративного управления.

Заключение

Таким образом, нельзя не признать важность института независимого директора для системы корпоративного управления в России или США. С теоретической точки зрения, введение института независимого директора в корпорациях стран-объектов анализа направлено и в результате привело к улучшению системы корпоративного управления в средних и крупных корпорациях. Однако на практике вследствие существующих системных проблем, особенностей публичных компаний, в частности, государственных предприятий, отсталости правовой системы, проблемы введения института независимого директора требуют дальнейших теоретических исследований и проверки их на практике, используя различные существующие в мире и теоретические подходы и критерии выбора модели дальнейшего развития системы корпоративного управления в России.

Библиография

1. Директор Сбербанка заподозрен в передаче инсайдерской информации // Ведомости. 2010. №2586. URL: <http://www.vedomosti.ru/business/articles/2010/04/16/direktor-sberbanka-zapodozren-v-peredache-insajderskoj-informacii>
2. Саликова Н.М., Дубовцев И.А. Особенности трудо-правового статуса независимого директора публичного акционерного общества по российскому и американскому праву // Трудовое право в России и за рубежом. 2016. № 3. С. 22-25.
3. Правила листинга Закрытого акционерного общества «Фондовая биржа ММВБ». М., 2013. 104 с.
4. Письмо Банка России от 10.04.2014 № 06-52/2463 «О Кодексе корпоративного управления» // Вестник Банка России. 2014. № 40. 16 апреля.
5. Baum H. The rise of the independent director: a historical and comparative perspective. URL: <https://corpgov.law.harvard.edu/2016/08/23/the-rise-of-the-independent-director-a-historical-and-comparative->

- perspective/
6. Berle A.A., Jr. Corporate powers as powers in trust // Harvard law review. 1931. Vol. 44. P. 1049-1074.
 7. Berle A.A., Jr. For whom corporate managers are trustees: a note // Harvard law review. 1932. Vol. 45. P. 1365-1372.
 8. Berle A.A., Means G.C. The Modern Corporation and private property. New York: Macmillan, 1932. 380 p.
 9. Bhagat S., Black B. The Uncertain relationship between board composition and firm performance // Business Law. 1999. № 54. P. 921-963.
 10. Clarke D.C. Three concepts of the independent director // Delaware Journal of corporate law. 2007. № 32. P. 73-111.
 11. Dallas L.L. The relational board: Three theories of corporate boards of directors // Journal of Corporation Law. 1996. Vol. 22. Iss. 1. P. 1-26.
 12. Fich E.M., Shivdasani A. The impact of stock-option compensation for outside directors on firm value // The Journal of Business. 2005. № 78 (6). P. 2229-2254.
 13. Hopt K.J., Wymeersch E., de Gruyter W. (eds.) Comparative corporate governance. Clarendon Press, 1997. 1238 p.
 14. Johnson J.L. et al. Boards of directors: a review and research agenda // Journal of management. 1996. № 22. P. 409-438.
 15. Merced M.J. De La. Dell buys time to seek support for sale to its founder // N.Y. Times. 2013. July 19. URL: <https://dealbook.nytimes.com/2013/07/18/dell-deal-said-to-lack-enough-votes-for-approval-but-big-investors-start-to-turn/>
 16. The Companies Act. Audit requirement and other matters related to the audit. URL: https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/za/Documents/governance-risk-compliance/ZA_AuditRequirementsAndOtherMattersRelatedToTheAudit_24032014.pdf
 17. Yuhao Li. The case analysis of the scandal of Enron // International Journal of Business and Management. 2010. Vol. 5. № 10. P. 37-41.

The legal status of the independent director's institution in the legislative systems of the USA and Russia

Yuliya V. Magdalinskaya

Senior Lecturer,
Moscow state institute of international relations,
119454, 76 Vernadskogo ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: julicn@yandex.ru

Abstract

The article casts light on current trends in law and practice development of independent director's institution in the USA in Russia. From the theoretical point of view, the introduction of independent director's institution led to the improvement of corporate governance in medium and large corporations. However, in practice, due to the existing systemic problems, the peculiarities of public companies, in particular state enterprises, the backwardness of the legal system, the problems of introducing the institute of an independent director require further theoretical research and verification in practice. Independent directors are supposed to efficiently influence the corporate governance being external, non-interrelated party but gradually involved in the corporate operations. After dramatic corporate collapses in the USA, the independent directors have become the crucial part in the companies' boards backed by relevant frameworks. There is no doubt that still incorporation of independent directors yet resolve all inefficiencies and eliminate discrepancies within corporations but is surely believed to mitigate the fraud risk. Russian corporate law is on fast track to adopt the practice of independent director's institution and largest Russian companies have already met all criteria required for legal framework of independent directorship.

Yuliya V. Magdalinskaya

For citation

Magdalinskaya Yu.V. (2018) Osobennosti pravovogo statusa instituta nezavisimogo direktora v zakonodatel'nykh sistemakh SShA i Rossii [The legal status of the independent director's institution in the legislative systems of the USA and Russia]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7 (1A), pp. 42-51.

Keywords

Russia, USA, Corporate Governance, Independent directors, stock exchanges, corporate law, insiders, shareholders, minority interests, fraud, legal status, joint stock companies, corporations, legal entities, securities, votes, supervisor committee, directors board, shareholders meeting, competitiveness, operating efficiency.

References

1. Baum H. (2016) The rise of the independent director: a historical and comparative perspective. Available at: <https://corpgov.law.harvard.edu/2016/08/23/the-rise-of-the-independent-director-a-historical-and-comparative-perspective/> [Accessed 15/10/2017].
2. Berle A.A., Jr. (1931) Corporate powers as powers in trust. *Harvard law review*, 44, pp. 1049-1074.
3. Berle A.A., Jr. (1932) For whom corporate managers are trustees: a note. *Harvard law review*, 45, pp. 1365-1372.
4. Berle A.A., Means G.S. (1932) *The Modern Corporation and private property*. New York: Macmillan.
5. Bhagat S., Black B. (1999) The Uncertain relationship between board composition and firm performance. *Business Law*, 54, pp. 921-963.
6. Clarke D.C. (2007) Three concepts of the independent director. *Delaware Journal of corporate law*, 32, pp. 73-111.
7. Dallas L.L. (1996) The relational board: Three theories of corporate boards of directors. *Journal of Corporation Law*, 22 (1), pp. 1-26.
8. Direktor Sberbanka zapodozren v peredache insajderskoi informatsii [Director of Sberbank is suspected of transferring insider information] (2010). *Vedomosti* [News], 2586. Available at: <http://www.vedomosti.ru/business/articles/2010/04/16/direktor-sberbanka-zapodozren-v-peredache-insajderskoj-informacii> [Accessed 13/09/2017].
9. Fich E.M., Shivdasani A. (2005) The impact of stock-option compensation for outside directors on firm value. *The Journal of Business*, 78 (6), pp. 2229-2254.
10. Hopt K.J., Wymeersch E., de Gruyter W. (eds.) (1997) *Comparative corporate governance*. Clarendon Press.
11. Johnson J.L. et al. (1996) Boards of directors: a review and research agenda. *Journal of management*, 22, pp. 409-438.
12. Merced M.J. De La. (2013) Dell buys time to seek support for sale to its founder. *N.Y. Times*, 19. Available at: <https://dealbook.nytimes.com/2013/07/18/dell-deal-said-to-lack-enough-votes-for-approval-but-big-investors-start-to-turn/> [Accessed 17/09/2017].
13. Pis'mo Banka Rossii ot 10.04.2014 № 06-52/2463 "O Kodekse korporativnogo upravleniya" [Letter of the Bank of Russia of 10.04.2014 No. 06-52 / 2463 "On the Code of Corporate Governance"] (2014). *Vestnik Banka Rossii* [Bulletin of the Bank of Russia], 40, April 16th.
14. *Pravila listinga Zakrytogo aktsionernogo obshchestva "Fondovaya birzha MMVB"* [Listing rules of closed joint stock company "MICEX Stock Exchange"] (2013). Moscow.
15. Salikova N.M., Dubovtsev I.A. (2016) Osobennosti trudo-pravovogo statusa nezavisimogo direktora publicnogo aktsionernogo obshchestva po rossiiskomu i amerikanskomu pravu [Peculiarities of the labor-legal status of an independent director of a public joint-stock company on Russian and American law]. *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom* [Labor law in Russia and abroad], 3, pp. 22-25.
16. *The Companies Act. Audit requirement and other matters related to the audit*. Available at: https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/za/Documents/governance-risk-compliance/ZA_AuditRequirementsAndOtherMattersRelatedToTheAudit_24032014.pdf [Accessed 11/09/2017].
17. Yuhao Li. (2010) The case analysis of the scandal of Enron. *International Journal of Business and Management*, 5 (10), pp. 37-41.

УДК 347

Правовая природа перехода прав на объекты будущей недвижимости**Петрова Елена Анатольевна**

Аспирант,
кафедра гражданского права,
Российский государственный университет правосудия,
117418, Российская Федерация, Москва, ул. Новочеремушкинская, 69;
e-mail: el-sidor@yandex.ru

Аннотация

Переход прав на объекты будущей недвижимости является достаточно спорным и неоднозначным вопросом, что обуславливается следующими факторами. Если в качестве предмета сделки выступает объект незавершенного строительства, то общая практика становится неприменимой. Под общей практикой понимается та процедура, при которой права на передаваемое недвижимое имущество подлежат обязательной государственной регистрации и правовые последствия сделки наступают после указанной регистрации. Актуальность исследования обусловлена достаточно широкой распространенностью сделок с привлечением объектов будущей недвижимости, что требует проработки правового аппарата касательно таких сделок. Соблюдение соответствующих правовых норм при совершении сделок купли-продажи будущей недвижимости не только обусловлено требованиями действующего законодательства, но и гарантирует сторонам договора соблюдение их прав и законных интересов. В данной статье рассматриваются особенности правовой природы перехода прав на объекты будущей недвижимости и возможные случаи реализации процедуры перехода прав, выявляются спорные моменты, связанные с переходом, а также возможные направления их устранения.

Для цитирования в научных исследованиях

Петрова Е.А. Правовая природа перехода прав на объекты будущей недвижимости // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 7. № 1А. С. 52-58.

Ключевые слова

Будущая недвижимость, договор, купля-продажа, недвижимость, отчуждение, переход права, право собственности.

Введение

В настоящее время сделки по купле-продаже будущей недвижимости получают все большее распространение. Ввиду этого особую актуальность приобретают вопросы защиты прав и законных интересов сторон при проведении таких сделок. Кроме того, актуальными являются вопросы применения договора купли-продажи с учетом наиболее выгодных условий для каждой из сторон. Данные вопросы не могут быть решены при отсутствии нормативно-правовой основы функционирования рынка будущей недвижимости [Полежаев, 2016].

Важным аспектом защиты прав и законных интересов сторон договора купли-продажи является обязательная государственная регистрация прав на недвижимое имущество и сделок с ним – юридический акт признания и подтверждения государством возникновения, ограничения (обременения), перехода и прекращения прав на недвижимое имущество. Государственная регистрация является единственным доказательством существования зарегистрированного права. Однако такая мера не является единственно возможным способом обеспечения законности сделки [Чикобава, 2015].

Особенности перехода прав на объекты будущей недвижимости

Юридическая процедура перехода прав на объекты недвижимости в общем виде выглядит следующим образом:

- субъект приобретает объект недвижимости (отчуждает его);
- происходит осуществление того или иного волеизъявления (двустороннего, одностороннего или многостороннего);
- производится государственная регистрация права.

В соответствии со ст. 131 ГК РФ, до регистрации строящегося объекта будущий собственник не вправе заключать никаких договоров, касающихся еще не существующих объектов. Однако другие статьи ГК РФ предусматривают, что предметом договора купли-продажи может быть вещь, которая на момент заключения договора не существует, однако может быть создана продавцом к моменту исполнения обязательства по передаче такой вещи.

В случае же объектов недвижимости, создание которых предполагается в будущем, применяется правовая фикция, т. е. распространение правового режима собственности на имущественные права на будущую недвижимость [Мищенко, 2015]. Право собственности продавца на будущую недвижимость не должно быть зарегистрировано в ЕГРП на дату заключения договора, но тем не менее такое право возникает у продавца в будущем. Это оговаривается условиями договора, и на момент передачи недвижимости по передаточному акту продавец недвижимости должен обладать правом собственности на нее.

Суды при вынесении решения руководствуются Постановлением Пленума ВАС РФ от 11 июля 2011 г. № 54, содержащим вопросы, связанные с оценкой деятельности тех сделок с недвижимостью, при совершении которых продавец не был собственником соответствующей недвижимой вещи. Таким образом, данное постановление положило конец судебной практике, когда суды запрещали продавцам принять на себя обязательство по передаче в собственность недвижимости, которая отсутствует в момент заключения договора, руководствуясь тем, что право на недвижимое имущество подлежит регистрации в соответствии со ст. 131 ГК РФ, а, следовательно, до момента регистрации у продавца нет права распоряжаться этим имуществом [Побегайлов, 2015]. Разъяснения Пленума Высшего Арбитражного Суда о вопросах разрешения

споров, возникающих в отношении будущих недвижимых вещей, можно охарактеризовать как снимающие излишние барьеры в гражданско-правовом обороте будущих недвижимых вещей. Впрочем, следует отметить, что и до принятия Постановления № 54 в судебной практике были примеры, когда в отношении объектов будущей недвижимости были заключены предварительные договоры до момента регистрации права собственности.

В соответствии с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, законодательное закрепление необходимости государственной регистрации прав на недвижимое имущество обеспечивает защиту прав не только правообладателей, но и других лиц, которые в силу особого публичного статуса сведений государственного реестра вправе рассчитывать на их действительность и актуальность во времени, что, в свою очередь, направлено на обеспечение стабильности гражданского оборота и предсказуемости его развития [Жигулина, Мерецкий, Кострицина, 2017].

Договор купли-продажи будущей недвижимости является наиболее простым и очевидным вариантом заключения договора о приобретении будущей недвижимости; при этом такой вариант оформления имеет следующие особенности. Строительство на чужом земельном участке возможно исключительно на обязательственном праве аренды (исключение составляют учреждения, поскольку им предоставлено право бессрочного пользования на земельный участок, в том числе и для целей строительства жилых домов). Ввиду этого основные документы будут выдаваться на имя застройщика; тем самым при заключении договора купли-продажи будущей недвижимости права на земельный участок сохраняются, прежде всего, за застройщиком [Проглядова, 2014].

Суть принципа аренды заключается в возврате вещи в первичном виде, т. е. без внесения существенных изменений в характеристики вещи (узуфрукт). Отсутствие данного правила в российском законодательстве приводит к противоречию базовым принципам аренды земельного участка с целью застройки, поскольку аренда порождает лишь краткосрочное обязательственное право и не защищает интересы арендатора в полной мере. Аренда также не предоставляет возможности использовать ипотечный кредит для возведения строения на арендованной земле. В отличие от права аренды, прав застройщика предусматривает такую возможность.

Следует отметить, что в Древнем Риме существовал институт суперфиция (права застройки), который базировался на фундаментальном принципе римского права *superficies solo cedit*, означающем, что все возведенное (построенное) на земле принадлежит собственнику земельного участка. Право застройки как ограниченное вещное право было закреплено в начале прошлого века в законодательстве Швейцарии, Австрии, Германии. Позднее оно получило распространение в Италии, Франции, Португалии, Нидерландах, Финляндии, Швеции, а в конце XX в. – в Словении, Хорватии, Эстонии, Грузии, Латвии, Украине.

Если стороны договора купли-продажи будущей недвижимой вещи не оговорят в достаточно конкретной форме предмет, цену и прочие существенные условия договора, то это сопряжено с риском признания такого договора незаключенным. Но даже в том случае, если стороны четко прописали все существенные условия договора, связанные с возможностью идентифицировать предмет договора, в договоре купли-продажи будущей вещи риск несет как продавец, так и покупатель.

Риск неисполнения обязательств по договору купли-продажи будущей вещи обусловлен несовершенством правового механизма, регулирующего данные правоотношения. Риск продавца заключается в том, что обязательства купли-продажи будущей вещи не позволяют

продавцу перекладывать на покупателя непредвиденные издержки по строительству (или же приобретению) объекта недвижимости.

Приобретение вещи осуществляется продавцом за свой счет; следовательно, продавец несет риск, поскольку может возникнуть ситуация, при которой у продавца не будет возможности приобрести имущество, являющееся предметом договора. При этом продавец не может прописать в договоре купли-продажи условия, которые бы освобождали его от ответственности по договору, поскольку такие условия следует считать ничтожными. Риск покупателя складывается из нескольких факторов: во-первых, это нежелание продавца передавать покупателю объект недвижимости несмотря на то, что право на этот объект недвижимости за ним уже зарегистрировано; во-вторых, у продавца к моменту наступления срока передачи может отсутствовать предмет договора (если недвижимость не создана или же создана, но передана другому лицу).

Покупатель не имеет возможности понудить продавца (застройщика) к строительству (или приобретению) объекта недвижимости, поскольку покупатель лишен права требовать имущество, подлежащее передаче по договору купли-продажи будущей вещи. Согласно разъяснениям, изложенным в п. 5 Постановления № 54, продавец не может быть понужден к созданию вещи, подлежащей передаче покупателю в будущем, как, например, в случае с договором подряда.

На практике встречается достаточно много случаев, когда продавец уклоняется от строительства или приобретения здания, в котором должно находиться помещение, подлежащее передаче покупателю [Жигулина, Мерецкий, Кострицина, 2017]. На сегодняшний день наблюдается определенная несостоятельность предлагаемых способов обеспечения интересов покупателя. Постановление № 54 не защищает покупателя в случае, когда продавец не желает оформлять на себя право собственности на недвижимую вещь.

Заключение

Таким образом, приобретатели квартир и иных объектов недвижимого имущества по договорам купли-продажи будущей недвижимости или уступки прав требования, заключенным с недобросовестными застройщиками и иными юридическими лицами, являются пострадавшей стороной в данных правоотношениях, однако не лишены защиты своего права и возможности зарегистрировать свои права на приобретенные объекты недвижимости.

Библиография

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): федер. закон Рос. Федерации от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 28.03.2017): принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22.12.1995. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон Рос. Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.07.2017): принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 21.10.1994. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/#dst0
3. Жигулина Т.Н., Мерецкий В.А., Кострицина М.Н. Трансформация систем технического и кадастрового учета объектов капитального строительства в системе управления городским землепользованием // Вестник АГАУ. 2017. № 3 (149). С. 55-60.
4. Земельный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 29.07.2017): принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 28.09.2001: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 10.10.2001. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/
5. Мищенко Д.А. Купля-продажа недвижимости: плюсы и минусы // Молодые ученые. 2015. № 6. С. 25-27.

6. О государственной регистрации недвижимости: федер. закон Рос. Федерации от 13.07.2015 № 218-ФЗ (ред. от 29.07.2017): принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 03.07.2015: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 08.07.2015. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182661/
7. О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним: федер. закон Рос. Федерации от 21.07.1997 № 122-ФЗ (ред. от 03.07.2016): принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 17.06.1997: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 03.07.1997. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15287/
8. О некоторых вопросах разрешения споров, возникающих из договоров по поводу недвижимости, которая будет создана или приобретена в будущем: постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 11.07.2011 № 54. URL: http://www.arbitr.ru/as/pract/post_plenum/37821.html
9. Побегайлов О.А. Купля-продажа недвижимости и ее последствия // Proceedings of the international scientific conference "Scientific review". Karlovy Vary – Moscow, 2015. P. 303-313.
10. Полежаев О.А. Право собственности на недвижимое имущество: проблема определения правообразующего юридического факта // Вестник ОмГУ. Серия: Право. 2016. № 4 (49). С. 116-118.
11. Проглядова А.А. Правовая природа договора купли-продажи недвижимости // Актуальные проблемы современной науки. 2014. № 6 (79). С. 83-85.
12. Руденко И.В., Вараксин Г.С. Особенности планирования землепользования за рубежом // Вестник КрасГАУ. 2015. № 5. С. 181-184.
13. Румянцев Ф.П. и др. Оценка недвижимости. Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2013. 279 с.
14. Чикобава Е.М. Правовые особенности договора купли-продажи недвижимости // Юрист. 2015. № 7. С. 71-74.

The legal nature of the transfer of rights to future real estate

Elena A. Petrova

Postgraduate,
Department of civil law,
Russian State University of Justice,
117418, 69 Novocheremushkinskaya st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: el-sidor@yandex.ru

Abstract

The transfer of rights to future real estate is viewed as quite a controversial issue, which is caused by the following factors. If the subject matter of a transaction is an unfinished building, general practice becomes inapplicable. The article points out that general practice refers to the procedure, under which rights to transferred immovable property are subject to mandatory state registration, and the legal consequences of a transaction arise after this registration. The relevance of the study is determined by a fairly wide prevalence of transactions involving future real estate, which requires studying the legal apparatus regarding such transactions. The author of the article thinks that conforming to the relevant legal norms in the process of carrying out transactions of purchase and sale of future real estate is not only determined by the requirements of current legislation, but also guarantees that the rights and legitimate interests of the parties to a contract are protected. The article deals with the peculiarities of the legal nature of the transfer of rights to future real estate, discusses the possible cases of adopting the procedure for the transfer of rights, identifies some contentious issues associated with the transfer of rights, as well as possible directions in their elimination.

For citation

Petrova E.A. (2018) Pravovaya priroda perekhoda prav na ob"ekty budushchei nedvizhimosti [The legal nature of the transfer of rights to future real estate]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7 (1A), pp. 52-58.

Keywords

Future real estate, contract, purchase and sale, real estate, alienation, transfer of rights, right of ownership.

References

1. Chikobava E.M. (2015) Pravovye osobennosti dogovora kupli-prodazhi nedvizhimosti [Legal aspects of the contract of purchase and sale of real estate]. *Yurist* [Jurist], 7, pp. 71-74.
2. *Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' pervaya): feder. zakon Ros. Federatsii ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 29.07.2017): prinyat Gos. Dumoi Feder. Sobr. Ros. Federatsii 21.10.1994* [Civil Code of the Russian Federation (Part 1): Federal Law of the Russian Federation No. 51-FZ of November 30, 1994 (as amended on July 29, 2017)]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/#dst0 [Accessed 15/08/17].
3. *Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' vtoraya): feder. zakon Ros. Federatsii ot 26.01.1996 № 14-FZ (red. ot 28.03.2017): prinyat Gos. Dumoi Feder. Sobr. Ros. Federatsii 22.12.1995* [Civil Code of the Russian Federation (Part 2): Federal Law of the Russian Federation No. 14-FZ of January 26, 1996 (as amended on March 28, 2017)]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ [Accessed 15/08/17].
4. Mishchenko D.A. (2015) Kuplya-prodazha nedvizhimosti: plyusy i minusy [Purchase and sale of real estate: pros and cons]. *Molodye uchenye* [Young researchers], 6, pp. 25-27.
5. *O gosudarstvennoi registratsii nedvizhimosti: feder. zakon Ros. Federatsii ot 13.07.2015 № 218-FZ (red. ot 29.07.2017): prinyat Gos. Dumoi Feder. Sobr. Ros. Federatsii 03.07.2015: odobr. Sovetom Federatsii Feder. Sobr. Ros. Federatsii 08.07.2015* [On state registration of real estate: Federal Law of the Russian Federation No. 218-FZ of July 13, 2015 (as amended on July 29, 2017)]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182661/ [Accessed 15/08/17].
6. *O gosudarstvennoi registratsii prav na nedvizhimoe imushchestvo i sdelok s nim: feder. zakon Ros. Federatsii ot 21.07.1997 № 122-FZ (red. ot 03.07.2016): prinyat Gos. Dumoi Feder. Sobr. Ros. Federatsii 17.06.1997: odobr. Sovetom Federatsii Feder. Sobr. Ros. Federatsii 03.07.1997* [On state registration of rights to real estate and transactions with it: Federal Law of the Russian Federation No. 122-FZ of July 21, 1997 (as amended on July 3, 2016)]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15287/ [Accessed 15/08/17].
7. *O nekotorykh voprosakh razresheniya sporov, vznikayushchikh iz dogovorov po povodu nedvizhimosti, kotoraya budet sozdana ili priobretena v budushchem: postanovlenie Plenuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 11.07.2011 № 54* [On some issues of resolving disputes arising out of contracts about real estate that will be created or acquired in the future: Resolution of the Plenum of the Supreme Commercial Court of the Russian Federation No. 54 of July 11, 2011]. Available at: http://www.arbitr.ru/as/pract/post_plenum/37821.html [Accessed 15/08/17].
8. Pobegailov O.A. (2015) Kuplya-prodazha nedvizhimosti i ee posledstviya [Purchase and sale of real estate and its consequences]. *Proc. Int. Conf. "Scientific review"*. Karlovy Vary – Moscow, pp. 303-313.
9. Polezhaev O.A. (2016) Pravo sobstvennosti na nedvizhimoe imushchestvo: problema opredeleniya pravoobrazuyushchego yuridicheskogo fakta [The right to real estate: the problem of determining right-conferring legal facts]. *Vestnik OmGU. Seriya: Pravo* [Bulletin of Omsk State University. Series: Law], 4 (49), pp. 116-118.
10. Proglyadova A.A. (2014) Pravovaya priroda dogovora kupli-prodazhi nedvizhimosti [The legal nature of the contract of purchase and sale of real estate]. *Aktual'nye problemy sovremennoi nauki* [Topical problems of modern science], 6 (79), pp. 83-85.
11. Rudenko I.V., Varaksin G.S. (2015) Osobennosti planirovaniya zemlepol'zovaniya za rubezhom [The features of land-use planning abroad]. *Vestnik KrasGAU* [Bulletin of Krasnoyarsk State Agrarian University], 5, pp. 181-184.
12. Rumyantsev F.P. et al. (2013) *Otsenka nedvizhimosti* [Real estate appraisal]. Nizhny Novgorod: Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod.
13. *Zemel'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii: feder. zakon Ros. Federatsii ot 25.10.2001 № 136-FZ (red. ot 29.07.2017): prinyat Gos. Dumoi Feder. Sobr. Ros. Federatsii 28.09.2001: odobr. Sovetom Federatsii Feder. Sobr. Ros. Federatsii*

10.10.2001 [Land Code of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation No. 136-FZ of October 25, 2001 (as amended on July 29, 2017)]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/ [Accessed 15/08/17].

14. Zhigulina T.N., Meretskii V.A., Kostitsina M.N. (2017) Transformatsiya sistem tekhnicheskogo i kadastravogo ucheta ob'ektov kapital'nogo stroitel'stva v sisteme upravleniya gorodskim zemlepol'zovaniem [The transformation of systems for technical and cadastral registration of capital construction projects in the system of urban land management]. *Vestnik AGAU* [Bulletin of the Altai State Agricultural University], 3 (149), pp. 55-60.

УДК 34**О положении товариществ в российском и французском правовых порядках****Рустамов Павел Анварович**

Студент,

Высшая школа государственного аудита

Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова,

119991, Российская Федерация, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, 1;

e-mail: pavel.rustamov@inbox.ru

Аннотация

В данной статье исследуются вопросы правового регулирования процесса учреждения и функционирования двух правовых порядков – российского и французского в отношении полных и коммандитных товариществ. Раскрывается сущность полных и командных товариществ, рассматриваются их отличительные признаки. Автор приходит к выводу, что нормы российского гражданского права очень схожи с нормами французского права в силу того, что современное российское гражданское право развивалось под влиянием развитых европейских правовых порядков. В частности, в российском праве коммандитные товарищества также именуется «товариществами на вере», хотя в целом рассматриваемые нормативные акты относятся к разным системам кодификаций (Гражданский кодекс Российской Федерации построен по пандектной системе, а Кодекс Наполеона – по институциональной системе).

Для цитирования в научных исследованиях

Рустамов П.А. О положении товариществ в российском и французском правовых порядках // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 7. № 1А. С. 59-64.

Ключевые слова

Гражданское право, учредительный документ, простое товарищество, коммандитное товарищество, правомочия участников.

Введение

Актуальность вопроса о правовом положении товариществ в российском и французском правовых порядках обусловлена спецификой отношений, порождаемых данным институтом. Для начала стоит отметить, что корпоративные отношения являются неотъемлемой частью предмета гражданского права [Суханов, 2014]. Сами по себе товарищества делятся на полные и командитные. Полным товариществом является юридическое лицо, члены которого обладают правом заниматься коммерческой деятельностью и несут неограниченную ответственность своим имуществом перед кредиторами товарищества. В свою очередь, в командитных товариществах присутствуют, помимо полных товарищей, вкладчики (командитисты). Вкладчики несут риск убытков, которые могут возникнуть в процессе функционирования товарищества, в пределах сумм внесенных вкладов, а также не принимают участия в осуществлении товариществом предпринимательской деятельности [Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 1)]. Товарищество действует на основе учредительного договора, который подписывается всеми полными участниками [Козлова, 2006]. Закон указывает именно на полных участников, потому что они, и только они, управляют деятельностью товарищества. Предпримем попытку выявить различия в положении полных товарищей и вкладчиков.

Правовое регулирование деятельности полных товариществ

Управление деятельностью полного товарищества осуществляется по общему согласию всех участников. Учредительным договором товарищества могут быть предусмотрены случаи, когда решение принимается большинством голосов участников [Панкратов, 2005]. По общему правилу каждый участник полного товарищества обладает одним голосом, безусловно, если иной порядок не предусмотрен учредительным договором.

Следующее право, на наш взгляд, в какой-то степени выступает сдерживающим фактором: каждый участник товарищества может получать всю информацию о деятельности товарищества и знакомиться со всеми документами, которые связаны с ведением дел товарищества. В силу закона отказ от этого права либо его ограничение по соглашению участников товарищества невозможны [Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 1)].

Обращаясь к статье 72 Гражданского кодекса Российской Федерации, становится понятно, что по отдельности каждый участник может действовать от имени товарищества, если учредительным документом не установлено иное [Там же].

Отличительной чертой товариществ является то, что при совместном ведении дел товарищества его участниками для принятия решения по сделке необходимо согласие всех участников.

При взаимодействии с третьими лицами у товарищества отсутствует право ссылаться на учредительный договор (что является разумным ограничением). Стоит отметить, что товарищество не может отсылать к нормам учредительного договора, который ограничивает права и обязанности участников объединения. Однако из этого правила есть исключение: когда товарищество докажет, что третье лицо в момент осуществления действий (бездействия), направленных на установление, изменение или же прекращение гражданских прав и обязанностей, знало или должно было знать о том, что участник товарищества не правомочен действовать от имени объединения.

Полномочия на ведение дел товарищества, предоставленные одному или нескольким участникам, могут быть прекращены судом по требованию одного или нескольких других

участников товарищества при наличии на то серьезных оснований, в частности вследствие грубого нарушения уполномоченным лицом (лицами) своих обязанностей или обнаружившейся неспособности его к разумному ведению дел. На основании судебного решения в учредительный договор товарищества вносятся необходимые изменения [Там же].

Участник полного товарищества обязан участвовать в его деятельности в соответствии с условиями учредительного договора (товарищеского договора). Также участник полного товарищества должен внести не менее половины своего вклада в складочный капитал товарищества до его государственной регистрации.

Рассмотрим правовое положение товариществ во Франции (*societe en nom collectif* – SNC). Полное (открытое) товарищество впервые возникло именно во французском законодательстве, вернее сказать, французский законодатель обратил внимание на данный вид корпораций и закрепил его правовое регулирование [Суханов, 2014]. Любопытным представляется тот факт, что члены товарищества во Франции несут солидарную ответственность, однако само товарищество публичной отчетности не подлежит. Товарищество является юридическим лицом, в связи с чем оно может назначить своего руководителя, не являющегося его членом. Минимальный уставной капитал законом не закреплен. Как и любое юридическое лицо, основанием для создания лица является учредительный договор. Что касается наименования товарищества, в данном аспекте отличий от российского правопорядка нет: должна быть указана организационно-правовая форма – товарищество, а также имена либо всех товарищей, либо некоторых из них.

Участниками могут быть как физические, так и юридические лица, их полномочия не отличаются. Однако юридические лица несут уголовную и гражданскую ответственность, в отличие от физических лиц.

Соотношение прав собственности и требований представлены вкладами участников, размер устанавливается учредительным договором.

Имущество полного товарищества отделено от имущества каждого товарищества и принадлежит самому товариществу [Попондопуло, Макарова, 2013]. Стоит отметить, что полное товарищество может приобретать любые имущественные права.

Руководителями товарищества могут быть один или несколько управляющих. В сфере принятия решений руководители ограничены лишь интересами участников. Руководитель юридического лица, которое является членом полного товарищества, несет как гражданскую, так и уголовную ответственность, распространяющуюся на всех полных товарищей, а само юридическое лицо – солидарную ответственность.

Все локальные (внутренние, корпоративные) отношения регулируются исключительно диспозитивными нормами. Действия, которые выходят за рамки привычного регулирования, обязательно подлежат гласному обсуждению с последующим принятием решения. Решения являются легитимными, если за них отдали свои голоса большинство участников.

Прибыль товарищества распределяется договором, а при отсутствии соответствующего указания в документе прибыль распределяется соразмерно вкладам товарищей.

Правовое регулирование деятельности коммандитных товариществ

Коммандитные товарищества во Франции бывают двух типов: простые коммандитные товарищества и коммандитные товарищества на акциях. Товариществам на акциях свойственно деление капитала на акции. Такое общество создается предпринимателями, которые несут

неограниченную и солидарную ответственность, и командитистами, которые приравниваются к акционерам и отвечают по обязательствам лишь в пределах своей доли.

Законодательно число участников-командитистов не должно превышать трех.

Одним из органов командитного товарищества на акциях является его управляющий, который наделяется своими полномочиями уставом товарищества [Гританс, 2005]. Как и в случае с акционерными обществами, возраст управляющего ограничивается – не старше 65 лет. Устав подобного общества в обязательном порядке должен указывать возрастные цензы. Так, при достижении данного порога член наблюдательного совета не может осуществлять внешнее представительство и выступать от имени общества в отношениях с третьими лицами. Как и в акционерном обществе, в товариществе присутствуют комиссары, главной задачей которых является наблюдение за деятельностью товарищества.

Правовое регулирование командитных товариществ основывается на правилах для командитных товариществ и для акционерных обществ, за исключением положений о наблюдательном совете, руководства обществ.

Простым командитным товариществом (*Société en commandite simple*) во Франции является юридическое лицо, которое вне всяких сомнений подлежит публичной отчетности. Одни участники такого товарищества несут ответственность всем своим имуществом (полные товарищи), а другие – только вкладом в товарищество (командитисты). Минимального порога законом не предусмотрено.

Правовые основы командитного товарищества схожи с полным товариществом [Макарова, 2005]. Сведения о размере индивидуального вклада каждого полного члена товарищества и каждого командитиста, а также общем размере всех вкладов товарищей являются обязательным условием при заключении договора командитного товарищества.

Любопытным представляется то, что, несмотря на отсутствие права ведения дел товарищества (что совпадает с отечественными нормами), они обладают широкими полномочиями. В договоре может предусматриваться возможность совершать командитистами сделки, относящиеся к внутреннему управлению делами товарищества. Но командитисты ни при каких условиях, даже при наличии доверенности, не вправе выступать в качестве представителей товарищества.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что институт товарищества во Франции схож с институтом товарищества в России в силу того, что современное российское гражданское право развивалось под влиянием развитых европейских правовых порядков. В частности, в российском праве командитные товарищества также именуется «товариществами на вере», хотя в целом рассматриваемые нормативные акты относятся к разным системам кодификаций (Гражданский кодекс Российской Федерации построен по пандектной системе, а Кодекс Наполеона – по институциональной системе).

Библиография

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 1) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.12.2017) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Гританс Я.М. Корпоративные отношения: правовое регулирование организационных форм. М.: Волтерс Клувер, 2005. 154 с.

3. Козлова Н.В. Учредительный договор о создании коммерческих обществ и товариществ. М.: Статут, 2006. 320 с.
4. Макарова О.А. Корпоративное право. М.: Волтерс Клувер, 2005. 648 с.
5. Панкратов П.А. Учредительный договор с участием иностранных юридических и физических лиц // Вестник МГУ. Серия 11 «Право». 2005. № 3.
6. Попондопуло В.Ф., Макарова О.А. (ред.) Коммерческое (торговое) право зарубежных стран. М.: Юрайт, 2013. 318 с.
7. Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2014. 456 с.

On the position of partnerships in Russian and French legal systems

Pavel A. Rustamov

Student,
Higher School of State Audit of Lomonosov Moscow State University,
119991, 1 Leninskie gory, GSP-1, Moscow, Russian Federation;
e-mail: pavel.rustamov@inbox.ru

Abstract

This article examines the issues of legal regulation of the process of establishment and functioning of two legal systems – the Russian and French legal systems in respect of general and kommandit partnerships. The author of this article reveals the essence of general and kommandit partnerships, considers their distinctive features and differences between them. This problem is due to the specifics of relations generated by the institute. It is noted that corporate relations are an integral part of the subject of civil law. The author comes to the conclusion that the norms of Russian civil law are very similar to the norms of French law due to the fact that modern Russian civil law developed under the influence of developed European legal systems, what affected the civil law of the Russian Federation. In particular, in Russian law, kommandit partnerships are also referred to as "faith partnerships", although in general these regulations relate to different codification systems (the Civil Code of the Russian Federation is built on the pandect system, and the Napoleon Code – on the institutional system). The article focuses on general and kommandit partnerships or as they are called faith partnerships, other types of corporations are not considered by the author.

For citation

Rustamov P.A. (2018) O polozhenii tovarishchestv v rossiiskom i frantsuzskom pravoporyadkakh [On the position of partnerships in Russian and French legal systems]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7 (1A), pp. 59-64.

Keywords

Civil law, organizational contract, joint adventure, kommandit partnership, authority of participants.

References

1. *Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' 1) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 29.12.2017)* [Civil Code of the Russian Federation (part 1) No. 51-FZ of November 30, 1994 (as amended on December 29, 2017)]. *SPS*

"Konsul'tantPlyus" [SPS Consultant].

2. Gritans Ya.M. (2005) *Korporativnye otnosheniya: pravovoe regulirovanie organizatsionnykh form* [Corporate relations: legal regulation of organizational forms]. Moscow: Volters Kluver Publ.
3. Kozlova N.V. (2006) *Uchreditel'nyi dogovor o sozdanii kommercheskikh obshchestv i tovarishchestv* [Organizational contract for the establishment of commercial companies and partnerships]. Moscow: Statut Publ.,
4. Makarova O.A. (2005). *Korporativnoe pravo* [Corporate law]. Moscow: Volters Kluver Publ.
5. Pankratov P.A. (2005) Uchreditel'nyi dogovor s uchastiem inostrannykh yuridicheskikh i fizicheskikh lits [Organizational contract involving foreign legal entities and physical persons]. *Vestnik MGU. Seriya 11 "Pravo"* [Bulletin of Moscow State University. Series 11 "Law"], 3.
6. Popondopulo V.F., Makarova O.A. (eds.) (2013) *Kommercheskoe (torgovoe) pravo zarubezhnykh stran* [Commercial (trade) law of foreign countries]. Moscow: Yurait Publ.
7. Sukhanov E.A. (2014) *Sravnitel'noe korporativnoe pravo* [Comparative corporate law]. Moscow: Statut Publ.

УДК 34**О правовом статусе иностранных граждан в Российской Федерации****Сарангова Мария Петровна**

Адъюнкт,
кафедра конституционного и административного права,
Краснодарский университет
Министерства внутренних дел Российской Федерации,
350005, Российская Федерация, Краснодар, ул. Ярославская, 128;
e-mail: masarangova@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу правового статуса иностранных граждан в Российской Федерации. Автор изучает историю развития законодательства о правовом положении иностранных граждан на территории Российской Федерации, а также современное состояние правового статуса иностранных граждан в нашей стране. Отмечено, что изучение правового статуса иностранных граждан позволит более детально разобраться в содержании правового положения иностранных граждан на территории России, а также будет способствовать выработке плана действий по устранению проблем реализации прав и свобод иностранцами. Автор приходит к выводу, что в настоящее время существует необходимость внесения изменений в миграционное законодательство в части обжалования решений судов в случае выдворения и депортации иностранных граждан, что позволит усовершенствовать и гармонизировать основы статуса иностранных граждан в Российской Федерации с учетом интересов государства и самих иностранных граждан, а также защитить права индивидов вне зависимости от их связи с нашим государством.

Для цитирования в научных исследованиях

Сарангова М.П. О правовом статусе иностранных граждан в Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 7. № 1А. С. 65-73.

Ключевые слова

Правовой статус, иностранный граждан, лицо без гражданства, законодательство о правовом положении иностранных граждан, миграционное законодательство.

Введение

Современные тенденции развития международных отношений и увеличение с каждым годом численности иностранных граждан на территории Российской Федерации диктуют необходимость урегулирования вопросов, связанных с правовым положением иностранных граждан.

Государству принадлежит важная роль в обеспечении правопорядка и режима пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства в России, а также в противодействии незаконной миграции въезда, пребывания и проживания иностранных граждан на территории страны. При этом оно опирается как на национальное законодательство, так и на общепризнанные принципы и нормы международного права.

В настоящее время имеют место факты дискриминации иностранных граждан со стороны чиновников, а также противоправного поведения иностранных граждан. Основными проблемами являются нелегальная миграция, уровень которой с годами только увеличивается, а также преступность среди иностранных граждан, в основном мигрантов, незаконно въехавших на территорию Российской Федерации.

Изучение правового статуса иностранных граждан позволит более детально разобраться в содержании правового положения иностранных граждан на территории России, а также будет способствовать выработке плана действий по устранению проблем реализации прав и свобод иностранцами. Немаловажным для этих же целей является изучение государственной миграционной политики России, призванной сбалансировать и оптимизировать нормативно-правовую базу, регулиующую права и свободы иностранных граждан для дальнейшей правоприменительной практики.

История развития законодательства о правовом положении иностранных граждан на территории Российской Федерации

Впервые законодательное определение термина «иностранец» (согласно тексту – «иноземец») появилось в период царствования Петра I. В п. 61 главы I Регламента морского от 5 апреля 1722 года указывалось, что «иноземцами считаются те, которые приехали из иных государств и вступили в службу. А те, которые породились в России и приняли службу, те, яко россияне, почтены имеют быть» [Регламент об управлении адмиралтейства и верфи и часть вторая Регламента Морского, www].

С началом Первой мировой войны статус иностранцев был подвержен существенному ограничению. Были изданы нормативные правовые акты, относящиеся к чрезвычайному законодательству, среди которых особое положение занимал Указ от 28 июня 1914 года «О правилах, коими Россия будет руководствоваться во время войны 1914 года» [О правилах, коими Россия будет руководствоваться во время войны 1914 года, www]. Все большую актуальность, в том числе и в правительственных кругах, приобрели вопросы защиты национальных экономических интересов России.

После Октябрьской Революции 1917 года по законодательству РСФСР иностранцами признавались лица, не являющиеся гражданами РСФСР, пребывающие на ее территории временно или постоянно и имеющие гражданство иностранного государства. На основании этого можно сделать вывод, что «лицо без гражданства» иностранным гражданином не признавалось, понятия «иностранец» и «иностраный гражданин» приравнивались в своих

значениях [О правовом положении иностранных граждан в СССР, www].

К специальным документам того времени можно отнести Декрет ВЦИК от 5 апреля 1918 года «О приобретении прав российского гражданства» [О приобретении прав российского гражданства, 1918]. Для того чтобы приобрести российское гражданство, иностранные лица должны были обратиться с заявлением в местный Совет рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов с указанием рода своих занятий и сведений о том, имело ли место судебное преследование по обвинению в уголовном преступлении. За представление заведомо ложных сведений для приобретения российского гражданства предусматривалась уголовная ответственность. Данные лица могли быть лишены приобретенных прав. По законодательству СССР иностранцы не несли воинской обязанности. Однако, как отмечает исследователь М.М. Богуславский, во время Великой Отечественной войны иностранцы участвовали в военных действиях в составе своих национальных формирований [Богуславский, 2002].

Юридически термины «иностранец» и «лицо без гражданства» были закреплены после принятия Конституции СССР 1977 года и Конституции РСФСР 1978 года. В статьях же о праве на убежище сохранился термин «иностранец», в советской научной литературе использование обобщающего термина «иностранец» для краткого обозначения иностранных граждан и лиц без гражданства в конкретном частном случае явилось результатом технико-юридической погрешности, допущенной законодателем при создании текста конституции. Это привело в дальнейшем к широкому толкованию данного термина некоторыми исследователями.

До принятия нынешнего Федерального закона от 25 июля 2002 года № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (далее – Закон № 115-ФЗ) [О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации, 2002] на территории нашей страны долгое время действовал Закон СССР от 24 июня 1981 года № 5152-Х «О правовом положении иностранных граждан в СССР» [О правовом положении иностранных граждан в СССР, www]. Значение этого Закона состояло в том, что он был первым нормативным актом, который комплексно регулировал основные вопросы правового положения иностранцев в СССР. Закон опирался не только на исходные принципы Конституции СССР, но и на правила, сложившиеся на практике и дополняющие пробелы законодательства, а также учитывал правовое положение международных договоров СССР. Данный закон закреплял основные права, свободы, обязанности и ответственность иностранных граждан и лиц без гражданства СССР, а также порядок их въезда в СССР и выезда из него.

Таким образом, Закон СССР от 24 июня 1981 года стал первым унифицированным законодательным актом, регулирующим статус иностранцев. С момента своего принятия закон претерпел минимальные изменения, но, учитывая исторические реалии, а именно распад СССР, и произошедшие в законодательстве России кардинальные изменения, он утратил силу в связи с принятием Закона № 115-ФЗ. Необходимость в принятии нового закона складывалась из нескольких факторов. Во-первых, вопросы правового положения иностранных граждан не были должным образом урегулированы. Во-вторых, часть нормативно-правовых актов явно устарела и не соответствовала положениям Конституции Российской Федерации, национальным интересам России. Закон № 115-ФЗ был призван изменить сложившуюся ситуацию, ввести новую цивилизованную систему учета постоянно находящихся в России иностранных граждан, упорядочить их регистрацию. В целом, он решил существовавшие ранее проблемы в законодательстве, регулирующем вопросы пребывания в РФ иностранных граждан.

Правовой статус иностранных граждан в современном российском законодательстве

На сегодняшний день такой термин, как «иностранцы», имеет значение только для международного правового регулирования, где он юридически закреплен в ряде международных документов. В современном законодательстве Российской Федерации неточность с понятиями «иностраный гражданин» и «лицо без гражданства» устранена.

Однако в научной литературе до сих пор ведется дискуссия по данному вопросу. Некоторые ученые предлагают на законодательном уровне закрепить определение понятия «иностранец», признавая под ним любое лицо, находящееся на территории России и не являющееся ее гражданином, и таким образом объединить в одну группу «иностранцев» и «лиц без гражданства». Помимо этого, предлагается использовать понятие «иностраный гражданин» лишь в тех случаях, когда есть необходимость выделить особенности правового статуса лиц, являющихся гражданами иностранного государства [Звоненко, Малумов, Малумов, 2007]. Представляется возможным поддержать мнение А.В. Степанова, который считает, что термин «иностранцы» следует использовать для краткого обозначения иностранных граждан и лиц без гражданства в конкретном случае, где речь идет об обеих категориях граждан [Степанов, 2015]. Во всех иных случаях такое использование термина «иностранец» неоправданно и нецелесообразно [Плюгина, 2008].

Таким образом, доктринальное толкование данного термина колеблется от самого узкого до самого широкого: от признания «иностранцами» всех лиц, которые не являются гражданами государства пребывания, до отнесения к этой категории лиц, не имеющих гражданства страны пребывания, но обладающих гражданством иностранного государства [Басик, 2006].

Как было отмечено выше, современное федеральное законодательство четко разграничивает такие понятия, как «иностраный гражданин» и «лицо без гражданства». Отсюда возникает необходимость юридического раскрытия именно этих правовых категорий.

Согласно Федеральному закону от 25 июля 2002 года № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» иностранным гражданином признается физическое лицо, не являющееся гражданином Российской Федерации и имеющее доказательства наличия гражданства (подданства) иностранного государства. Лицом без гражданства по тому же закону является физическое лицо, не являющееся гражданином Российской Федерации и не имеющее доказательств наличия гражданства (подданства) иностранного государства.

Таким образом, законом выделены две составляющие данных понятий. Во-первых, иностранным гражданином и лицом без гражданства является физическое лицо. Соотношение терминов «гражданин» и «физическое лицо» является неоднозначным. На наш взгляд, термин «физическое лицо» применяется для констатации факта о том, что данный статус исключает юридических лиц. Данный термин является более широким, поскольку включает в себя не только людей, состоящих в гражданстве Российской Федерации, но и лиц, не являющихся ее гражданами, в том числе не имеющих гражданства вообще. Во-вторых, рассматривается связь гражданина с иностранным государством или отсутствие таковой.

Для того чтобы считать лицо иностранным гражданином, необходимо подтвердить его принадлежность к гражданству другого государства. Основанием для этого служит паспорт иностранного гражданина или иной документ, установленный федеральным законом или признаваемый в соответствии с международным договором Российской Федерации в качестве

документа, удостоверяющего личность иностранного гражданина, согласно части 1 статьи 10 Федерального закона от 25 июля 2002 года № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации, 2002].

Важность документа, по мнению ученого А.Ю. Малумова, заключается в защите законных прав иностранца: «... в случае применения к иностранцу административных мер ограничения его прав и свобод или уголовно-процессуальных мер принуждения российская сторона должна будет уведомить об этом консульское подразделение дипломатической миссии соответствующего государства. Уведомление возможно лишь при наличии у российских должностных лиц документальных доказательств того, что данное лицо является гражданином именно этого государства, а при отсутствии таковых уведомить консульское подразделение дипломатической миссии соответствующего государства представляется затруднительным» [Малумов, 2008].

Приведем пример из судебной практики. Из материалов административного дела установлено, что 2 января 2017 года сотрудниками полиции выявлена гражданка К. Республики У., которая на момент проведения проверки не имела при себе документов (паспорта и миграционной карты), требуемых в соответствии со ст. 2, ст. 10 Закона № 115-ФЗ, то есть К. совершила административное правонарушение, ответственность за которое предусмотрена ч. 1.1 ст. 18.8 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации. Таких примеров в судебной практике большое множество.

Что касается лиц без гражданства, то по российскому законодательству понятие «иностраный гражданин» включает в себя понятие «лицо без гражданства», за исключением случаев, когда законодательством прямо предусмотрены специальные правила, отличающие эти две категории. Примером служит различно установленные документы для подтверждения личности. Для лиц без гражданства это документы, выданные иностранным государством и признаваемые в соответствии с международным договором Российской Федерации в качестве документов, удостоверяющих личность лица без гражданства.

Принятый в 2002 году Закон № 115-ФЗ установил положения, влияющие на правовой статус иностранцев. Права иностранных граждан, постоянно проживающих на территории России, наиболее приближены к правам российских граждан. Более всего это проявляется в сфере государственного управления, а именно: иностранным гражданам, постоянно проживающим в Российской Федерации, предоставлена возможность, согласно статье 12 Закона № 115-ФЗ, избирать и быть избранными в органы местного самоуправления, а также участвовать в местном референдуме.

Согласно Федеральному закону от 15 августа 1996 года № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» [О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию, 1996] иностранным гражданам, имеющим вид на жительство в нашей стране, при въезде-выезде достаточно предъявления вида на жительство, который является их документом, удостоверяющим личность. Таким образом, постоянно проживающим иностранным гражданам на территории РФ нет необходимости в каких-либо дополнительных документах, что еще раз убеждает в их приближенности к статусу россиян.

Наряду с предоставлением иностранным гражданам прав и обязанностей, государство устанавливает гарантии для обеспечения их правовой защиты. Гарантии закрепляются в законах и подзаконных актах. Они содержат условия, необходимые для реализации иностранными гражданами своих прав. Помимо этого, законодательство закрепляет средства правовой защиты.

Классификациям юридических гарантий уделяется большое внимание различных авторов, существуют самые разнообразные подходы. Одним из таких подходов, в основе которого лежит учет правового статуса личности, является деление гарантий на индивидуальные, специальные, всеобщие и универсальные. Также существует классификация гарантий, основу которой составляет способ защиты: конституционно-правовые, административно-правовые, гражданско-правовые и процессуальные.

Каждая из существующих классификаций гарантий заслуживает внимания. Наиболее предпочтительной в свете правового статуса иностранных граждан представляется классификация, согласно которой юридические гарантии делятся на гарантии защиты и реализации. К гарантиям реализации относятся конкретизация границ прав и свобод; юридические факты, с которыми связывается пользование данными правами; процессуальные формы реализации и другое. Что касается гарантий защиты, то их характеризуют меры защиты и меры ответственности, иными словами, конституционный контроль и надзор. Любому человеку необходимо иметь возможность воспользоваться предоставленным ему правом, а также получить помощь в случае, если такое право ущемлено или нарушено.

На сегодняшний день в юридической литературе существует проблема, связанная с обеспечением реализации иностранными гражданами прав на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления, являющееся гарантиями их защиты. Так, в Конституции Российской Федерации в статье 33 прописано, что право на обращение в вышеназванные органы имеют граждане РФ. Из этой формулировки вытекает, что, несмотря на отсутствие прямого запрета, иностранные граждане таким правом не обладают. Данное положение исключает возможность защиты своих прав иностранными гражданами [Конституция Российской Федерации, www].

Возникают проблемы при применении к иностранным гражданам мер административного выдворения и депортации. Так, например, существующий порядок подачи жалобы на данные меры административного принуждения не позволяет в полной мере иностранцам обеспечить своего права на защиту. При выдворении или депортации по решению суда иностранный гражданин помещается в центр временного содержания иностранных граждан и содержится до момента выдворения или депортации из государства. Таким образом, иностранный гражданин в полной мере не может обжаловать решение суда в соответствии с действующим законодательством. Уже сейчас возникают ситуации, когда иностранец высылается за пределы России до того, как по его жалобе было принято судебное решение. Такая ситуация недопустима для правового государства, где одной из первоосновных задач является защита прав индивидов, вне зависимости от их связи с данным государством.

В настоящее время происходит реформирование законодательства о гражданстве, о правовом положении иностранных граждан в РФ, принимаются и готовятся к принятию многие законы и подзаконные акты. Одним из последних значимых изменений в миграционном законодательстве является Федеральный закон от 29 июля 2017 года № 243-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О гражданстве Российской Федерации" и статьи 8 и 14 Федерального закона "О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации"» [О внесении изменений в Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации и статьи 8 и 14 Федерального закона "О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации", 2017]. Данные изменения предусматривают принятие Присяги гражданина Российской Федерации лицом, приобретающим гражданство Российской Федерации.

Носителями русского языка будут признаваться лица, владеющие русским языком и

повседневно использующие его в семейно-бытовой и культурной сферах, в случае, если данные лица либо их родственники по прямой восходящей линии постоянно проживают или ранее постоянно проживали в Российской Федерации либо на территории, относящейся к Российской империи или СССР, в пределах государственной границы РФ.

С 1 января 2014 года были внесены изменения в срок временного пребывания на территории РФ иностранных граждан. Срок временного пребывания иностранных граждан, прибывших в порядке, не требующем получения визы, не может превышать 90 суток суммарно в течение каждого периода в 180 суток, за исключением случаев, когда данный срок продлен по основаниям, предусмотренным законом.

Заключение

Обобщив вышесказанное, можно сделать вывод, что отдельные положения законодательства о правовом статусе иностранных граждан носят лишь теоретический характер и не нашли применения на практике, что во многом затрудняет деятельность правоохранительных органов по пресечению и предотвращению противоправных действий, совершаемых иностранными гражданами и лицами без гражданства на территории Российской Федерации. Кроме того, в настоящее время имеют место факты дискриминации иностранных граждан со стороны правоохранительных органов. Данные обстоятельства диктуют необходимость внесения изменений в миграционное законодательство в части обжалования решений судов в случае выдворения и депортации иностранных граждан, что позволит усовершенствовать и гармонизировать основы статуса иностранных граждан в Российской Федерации с учетом интересов государства и самих иностранных граждан, а также защитить права индивидов вне зависимости от их связи с нашим государством.

Библиография

1. Басик В.П. Правовой статус граждан и иностранцев на территории Российской Федерации: социально-правовые основы и сравнительный анализ: дисс. д-ра юрид. наук. М., 2006. 213 с.
2. Богуславский М.М. Международное частное право. М.: Юрист, 2002. 604 с.
3. Звоненко Д.П., Малумов А.Ю., Малумов Г.Ю. Административное право. М.: Юстицинформ, 2007. 416 с.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ). URL: <http://sudact.ru/law/konstitutsiia/>
5. Малумов А.Ю. Комментарий к Федеральному закону «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». М.: Юстицинформ, 2008. 214 с.
6. О внесении изменений в Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» и статьи 8 и 14 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»: федер. закон от 29.07.2017 № 243-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2017. № 1 (часть 2). Ст. 85.
7. О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию: федер. закон от 15.08.1996 № 114-ФЗ (ред. от 30.12.2015) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 34. Ст. 4029;
8. О правилах, которыми Россия будет руководствоваться во время войны 1914 года: указ Правительствующему Сенату от 28.07.1914. URL: <http://vvmirv.shpl.ru/dokum.html>
9. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: федер. закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. от 30.12.2015) // Российская газета. 2002. № 140.
10. О правовом положении иностранных граждан в СССР: закон СССР от 24.06.1981 № 5152-X (ред. от 15.12.1996, с изм. от 17.02.1998). URL: <http://sudact.ru/law/zakon-sssr-ot-24061981-n-5152-x-o/>
11. О приобретении прав российского гражданства: декрет ВЦИК от 05.04.1918 // Собрание уложений РСФСР. 1918. № 31. Ст. 405.

12. Плюгина И.В. Конституционные основы правового регулирования статуса мигрантов в Российской Федерации: автореф. дисс. канд. юрид. наук. М., 2008. 219 с.
13. Регламент о управлении адмиралтейства и верфи и часть вторая Регламента Морского от 05.04.1722. URL: http://accountology.ucoz.ru/index/reglament_admiraltejstvu_i_flotu/0-1371
14. Степанов А.В. Понятие категории «национальная безопасность»: теоретико-правовой анализ // Вестник Пермского университета. Серия «Юридические науки». 2015. № 2(28).

On the legal status of foreign citizens in the Russian Federation

Mariya P. Sarangova

Postgraduate,
Department of constitutional and administrative law,
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
350005, 128 Yaroslavskaya st., Krasnodar, Russian Federation;
e-mail: masarangova@yandex.ru

Abstract

This article analyzes the legal status of foreign citizens in the Russian Federation. The author considers the history of the legislation on the legal status of foreign citizens in the Russian Federation, as well as the current state of the legal status of foreign citizens in the country. It is noted that the study of the legal status of foreign citizens will contribute to a better understanding of the content of the legal status of foreign citizens in Russia, as well as the eliminating of the problems of the implementation of foreigners' rights and freedoms. The author concludes that certain provisions of the legislation on the legal status of foreign citizens are only theoretical in nature and have not been applied in practice. This fact greatly complicates the activities of law enforcement agencies to suppress and prevent anti-legal actions committed by foreign citizens and stateless persons on the territory of the Russian Federation. In addition, there are cases of discrimination against foreigners in Russia. These circumstances dictate the need to amend the migration legislation in order to appeal against court decisions in case of expulsion and deportation of foreign citizens, which will improve and harmonize the foundations of the status of foreign citizens in the Russian Federation, taking into account the interests of the state and foreign citizens themselves, as well as to protect the rights of individuals.

For citation

Mariya P. Sarangova (2018) O pravovom statuse inostrannykh grazhdan v Rossii-skoi Federatsii [On the legal status of foreign citizens in the Russian Federation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7 (1A), pp. 65-73.

Keywords

Legal status, foreign citizens, stateless person, legislation on the legal status of foreign citizens, migration laws.

References

1. Basik V.P. (2006) *Pravovoi status grazhdan i inostrantsev na territorii Rossiiskoi Federatsii: sotsial'no-pravovye osnovy*

- i sravnitel'nyi analiz. Dokt. Diss. [Legal status of citizens and foreigners in the territory of the Russian Federation: social and legal basis and comparative analysis. Doct. Diss.]. Moscow.
2. Boguslavskii M.M. (2002) *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo* [International private law]. Moscow: Yurist" Publ.
 3. Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g.) (s uchedom popravok, vnesennykh zakonami RF o popravkakh k Konstitutsii RF ot 30.12.2008 № 6-FKZ, ot 30.12.2008 № 7-FKZ, ot 05.02.2014 № 2-FKZ, ot 21.07.2014 № 11-FKZ) [Constitution of the Russian Federation (as amended by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation No. 6-FKZ of December 30, 2008, No. 7-FKZ of December 30, 2008, No. 2-FKZ of February 05, 2014, No. 11-FKZ of July 21, 2014)]. Available at: <http://sudact.ru/law/konstitutsiia/> [Accessed 12/01/18].
 4. Malumov A.Yu. (2008) *Kommentarii k Federal'nomu zakonu "O pravovom polozhenii inostrannykh grazhdan v Rossiiskoi Federatsii"* [Comment to the Federal Law "On the legal status of foreign citizens in the Russian Federation"]. Moscow: Yustitsinform Publ.
 5. O poryadke vyezda iz Rossiiskoi Federatsii i v"ezda v Rossiiskuyu Federatsii: feder. zakon ot 15.08.1996 № 114-FZ (red. ot 30.12.2015) [On the order of departure from the Russian Federation and entrance to the Russian Federation: Federal Law No. 114-FZ of August 15, 1996 (as amended on December 30, 2015)] (1996). *Sobranie zakonodatel'stva RF (St. 4029)* [Collected legislation of the Russian Federation (Art. 4029)], 34.
 6. O pravilakh, koimi Rossiya budet rukovodstvovat'sya vo vremya voiny 1914 goda: ukaz Pravitel'stvuyushchemu Senatu ot 28.07.1914 [About the rules, by which Russia will be guided during War of 1914: Decree to the Governing Senate of July 28, 1914]. Available at: <http://vvmirv.shpl.ru/dokum.html> [Accessed 18/02/18].
 7. O pravovom polozhenii inostrannykh grazhdan v Rossiiskoi Federatsii (s izm. i dop., vstup. v silu s 10.01.2016): feder. zakon ot 25.07.2002 № 115-FZ (red. ot 30.12.2015) [On the legal status of foreign citizens in the Russian Federation: Federal Law No. 115-FZ of July 25, 2002 (as amended on December 30, 2015)] (2002). *Rossiiskaya gazeta* [Russian newspaper], 140.
 8. O pravovom polozhenii inostrannykh grazhdan v SSSR: zakon SSSR ot 24.06.1981 № 5152-X (red. ot 15.12.1996, s izm. ot 17.02.1998) [On the legal status of foreign citizens in the USSR: Law of the USSR No. 5152-X of June 24, 1981 (as amended on February 17, 1998)]. Available at: <http://sudact.ru/law/zakon-sssr-ot-24061981-n-5152-x-o/> [Accessed 19/01/18].
 9. O priobretenii prav rossiiskogo grazhdanstva: dekret VTsIK ot 05.04.1918 [On the acquisition of the citizenship of the Russian Federation: Decree of the Central Executive Committee of April 05, 1918] (1918). *Sobranie ulozhenii RSFSR (St. 405)* [Collected of laws of RSFSR (Art. 405)], 31.
 10. O vnesenii izmenenii v Federal'nyi zakon "O grazhdanstve Rossiiskoi Federatsii" i stat'i 8 i 14 Federal'nogo zakona "O pravovom polozhenii inostrannykh grazhdan v Rossiiskoi Federatsii": feder. zakon ot 29.07.2017 № 243-FZ [On amendments to the Federal Law "On citizenship of the Russian Federation" and articles 8 and 14 of the Federal Law "On the legal status of foreign citizens in the Russian Federation": Federal Law No. 243-FZ of July 29, 2017] (2017). *Sobranie zakonodatel'stva RF (St. 85)* [Collected legislation of the Russian Federation (Art. 85)], 1(2).
 11. Plyugina I.V. (2008) *Konstitutsionnye osnovy pravovogo regulirovaniya statusa migrantov v Rossiiskoi Federatsii*. Dokt. Diss. Abstract [Constitutional bases of legal regulation of the status of migrants in the Russian Federation. Doct. Diss. Abstract]. Moscow.
 12. *Reglament o upravlenii admiralteistva i verfi i chast' vtoraya Reglamenta Morskogo ot 05.04.1722* [Regulations concerning the control of Admiralty and Shipyard and part two of the Maritime Regulations of April 05, 1722]. Available at: http://accountology.ucoz.ru/index/reglament_admiraltejstvu_i_flotu/0-1371 [Accessed 14/02/18].
 13. Stepanov A.V. (2015). *Ponyatie kategorii "natsional'naya bezopasnost'": teoretiko-pravovoi analiz* [The concept of the category "national security": theoretical and legal analysis]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya "Yuridicheskie nauki"* [Bulletin of Perm University. Series "Legal science"], 2(28).
 14. Zvonenko D.P., Malumov A.Yu., Malumov G.Yu. (2007) *Administrativnoe pravo* [Administrative law]. Moscow: Yustitsinform Publ.

УДК 347.735

Правовая характеристика добросовестности как оценочной категории гражданского права Российской Федерации

Моданов Владимир Вячеславович

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры истории, философии и права,
Северодвинский филиал Северного (Арктического)
федерального университета им. М.В. Ломоносова,
163002, Российская Федерация, Архангельск, наб. Северной Двины, 17;
e-mail: vladimir.modanov@yandex.ru

Аннотация

В статье исследуется правовая природа добросовестности как оценочной категории гражданского права. Устанавливая данное понятие в правовых нормах, законодатель не дает ему легального определения, предоставляя правоприменителю право принимать решение в каждом конкретном случае в зависимости от фактических обстоятельств. Выявляются отличительные черты данной правовой категории, выражающие ее сущность и содержание, определяются общие принципы поведения участников имущественного оборота с точки зрения добросовестности в наиболее типичных ситуациях. Автор рассматривает положительные и отрицательные стороны использования данного понятия, а также особенности добросовестного поведения субъектов экономических отношений в вещно-правовых, обязательно-правовых и корпоративных правоотношениях.

Для цитирования в научных исследованиях

Моданов В.В. Правовая характеристика добросовестности как оценочной категории гражданского права Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 7. № 1А. С. 74-82.

Ключевые слова

Добросовестность, справедливость, оценочная категория, среднестатистический адресат, добросовестный приобретатель, неуправомоченный отчуждатель, притязания третьих лиц, обязательство, сделка, надлежащее исполнение, руководитель исполнительного органа.

Введение

Одним из важнейших конституционных требований к правовому закону является требование его правовой определенности. Действительно, эффективность правового регулирования зависит от четкости изложения и однозначности толкования тех правил поведения, которые изложены в законодательных формулировках. Однако, как справедливо отмечает М.Ф. Лукьяненко, даже самое совершенное законодательство не может в полной мере учесть всего многообразия общественных отношений, требующих правового урегулирования [Лукьяненко, 2010]. В результате для создания более действенной системы права, для охвата максимального количества возможных жизненных ситуаций, которые требуют от субъектов экономических отношений определенного поведения, и во избежание появления пробелов в праве законодатель вводит в правовое регулирование ряд относительно определенных, или оценочных, категорий, которые характеризуются абстрактностью и гибкостью толкования. Значительное их количество сгруппировано вокруг категорий разумности, добросовестности и существенности.

Использование оценочных понятий имеет свои положительные и отрицательные стороны. С одной стороны, введение их в законодательство придает нормам динамизм и приспособляемость к различным жизненным ситуациям. С другой стороны, их границы определяются в случае спора судом в каждом конкретном случае, а непоследовательность правоприменительной практики подрывает авторитет права, в результате чего может потеряться определенность права. Тем не менее, считаем, что введение в гражданское законодательство оценочных понятий вполне оправданно и необходимо, так как это способствует проявлению гибкости в принятии справедливых решений, приспособляемости к различным хотя и схожим по своей сути, но тем не менее отличающимся друг от друга даже незначительно ситуациям.

Правовая природа добросовестности как оценочной категории гражданского права

Рассматривая правовую природу и содержание добросовестности, в первую очередь стоит отметить, что понятие добросовестности используется в нормативно-правовых актах, когда нужно установить возможную границу осуществления субъектами гражданского оборота своих субъективных прав и исполнения юридических обязанностей. Необходимо констатировать, что на сегодняшний день в гражданском праве Российской Федерации отсутствует легальное определение понятия добросовестности, законодатель не только не раскрывает ее смысл, но и не задает критериев ее определения. Очевидно, что решение вопроса об установлении содержания понятия добросовестности законодатель возложил на субъекты правоприменительной практики, которые могут в одном случае признать действия субъекта добросовестными, а в другом – не признать.

Категория добросовестности всегда сопровождается привязкой к какому-либо предмету или совершению определенного действия. Общие параметры добросовестности определяются многообразием судебной практики применительно к конкретным жизненным ситуациям исходя из фактических обстоятельств. После анализа данных обстоятельств необходимо определить границу, соблюдение или несоблюдение которой будет определять добросовестность или недобросовестность поведения субъекта. Думается, что для выработки единообразных

подходов в правоприменительной практике общие критерии понятия добросовестности должны быть зафиксированы в разъяснениях высших судебных инстанций по вопросам применения законодательства.

Статья 1 Гражданского кодекса Российской Федерации закрепляет добросовестность поведения субъектов гражданских правоотношений в качестве одного из основополагающих начал гражданского законодательства, определяя, что при осуществлении и защите своих субъективных гражданских прав и исполнении юридических обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. Никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного и недобросовестного поведения. Понятие добросовестности используется в законе, когда необходимо установить примерную границу возможного поведения лица. Следует согласиться с И.Б. Новицким, что добросовестность должна проверять только способ и обстоятельства исполнения, так как прочие вопросы, которые затрагивают существование самого обязательства, требуют разрешения специальными нормами [Новицкий, 2006]. По мнению Л.И. Петражицкого, сущность добросовестности состоит в обеспечении предсказуемости и стабильности гражданского оборота [Петражицкий, 2002]. Таким образом, исходя из смысла понятия добросовестности как правовой категории и одного из основных начал гражданского законодательства, можно констатировать, что добросовестное поведение является юридическим регулятором нормальных общественных отношений. Принцип добросовестности помогает достижению целей регулятивной функции гражданского права.

Исследуя правовую сущность рассматриваемого понятия, можно выделить следующие его отличительные черты. Основными признаками добросовестного поведения участников можно назвать такие, как честность, аккуратность, старательность субъектов при исполнении своих гражданско-правовых обязательств, уважение чужих прав и свобод, обеспечение всеобщей справедливости в правоотношениях, осуществление действий, которые не являются противоправными, не нарушают нормы морали и нравственности, не представляют собой злоупотребление правом и желание причинения вреда контрагенту. При определении добросовестного поведения лицо должно опираться на обстановку и внешние условия, быть внимательным и рассудительным. Добросовестность – это определение фактической честности в поведении субъекта, которая проявляется через сравнение его поведения с возможным поведением разумного среднего человека, выступающего в качестве эталона. Как справедливо полагает В.Н. Бабаев, «добропорядочность – это образ поведения человека, характеризующийся соблюдением тех правил, норм, условий жизни, принципов, которые считаются положительными... В праве добропорядочным может быть признано такое поведение субъекта, которое не противоречит предписаниям правовых норм, признается полезным, нужным... Добросовестность следует понимать, как честное, со всей тщательностью и аккуратностью выполнение обязанностей, старательность, исполнительность» [Бабаев, 1974].

Рассматривая внутреннее содержание добросовестности, следует согласиться с точкой зрения тех ученых-исследователей, которые выделяют его двойственную природу. Так, по мнению Н.Б. Новицкого, понятие добросовестности следует рассматривать в плоскости объективной и субъективной составляющих [Новицкий, 2006]. Действительно, с одной стороны, добросовестность – это субъективная сторона поведения участника, когда он не знает и не может знать о каких-либо ограничениях своей управомоченности. С другой стороны, добросовестность имеет и объективную составляющую, так как всегда сопровождается

привязкой к совершению каких-либо действий, вытекающих из сложившейся обстановки. Эти действия определяют внутреннее осознание участника о фактических обстоятельствах дела, о тех мерах, которые необходимо предпринять, и вырабатывают позицию его добросовестного поведения.

В отдельных нормах Гражданского кодекса Российской Федерации прямо указывается на необходимость применения понятия добросовестности для определенных правоотношений. Отсюда существуют мнения, что добросовестность поведения участников при защите гражданских прав должна иметь место, только если это прямо установлено в конкретной правовой норме. Следует не согласиться с данным суждением по следующим причинам. Во-первых, статья 1 Гражданского кодекса Российской Федерации закрепила принцип добросовестности в качестве базового принципа гражданского права, а значит им пронизываются все нормы гражданского права. Во-вторых, понятие добросовестности не во всех случаях его применения имеет одинаковое значение. Его содержание необходимо выявлять в каждом конкретном случае индивидуально. Законодатель указывает на необходимость применения понятия добросовестности в отдельных правовых нормах, подчеркивая тем самым специфичность отдельных правоотношений, а в ряде случаев такое указание определяет конкретные правовые последствия недобросовестного поведения.

Проанализировав функциональные особенности принципа добросовестности, которые выражают его сущность, мы пришли к выводу, что основной его функцией является функция справедливости. В определении Конституционного Суда Российской Федерации от 13 июня 2006 года № 275-О отмечается, что справедливость является конституционно-правовым принципом, установленным в преамбуле Конституции Российской Федерации. Это значит, что нормы позитивного права в своих законах должны отражать идеи справедливости, служить всеобщему благу, быть направлены на защиту конституционно закрепленных человеческих ценностей. Добросовестность в этом смысле является проявлением справедливости, она наполняет право идейным содержанием, определяет правила возможного поведения субъектов, обеспечивает баланс прав и обязанностей участников правовых отношений. По сути, принцип добросовестности является регулятором нормальных экономических отношений, когда конкретные нормы закона не в состоянии обеспечить справедливое распределение рисков. Добросовестным исполнением обязательств будет считаться такое исполнение, которое будет соответствовать принципу справедливости. Представляется обоснованным мнение Л.И. Петражицкого, который выделяет еще три дополнительных функции добросовестности. Во-первых, это функция конкретизации, которая определяет, каким способом и в какой форме будет исполняться обязательство. Во-вторых, это функция дополнения, которая определяет различного рода дополнительные обязанности, гарантирующие соблюдение равновесия интересов обеих сторон в конкретных правоотношениях. В-третьих, это функция ограничения, которая определяет границы, нарушение которых влечет ненадлежащее исполнение прав [Петражицкий, 2002].

Статья 6 Гражданского кодекса Российской Федерации устанавливает возможность применения к отношениям сторон при разрешении конкретной спорной ситуации аналогии права, если они не урегулированы законом, договором, обычаем и при этом отсутствует правовая норма, регулирующая схожее правоотношение, то есть отсутствует возможность применения аналогии закона. В этом случае решение по искомому вопросу принимается исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства, а также требований

добросовестности, разумности и справедливости. Из существа толкования данной нормы можно сделать вывод, что для устранения пробела в праве использование общих начал гражданского законодательства не должно приводить к последствиям, которые несовместимы с принципом добросовестности. В данном случае при вынесении решения по спорному вопросу по существу в результате применения аналогии права добросовестность, наряду с основными началами гражданского законодательства, является источником гражданского права.

Рассматривая категорию добросовестности в качестве проявления охранительной функции гражданского права, необходимо остановиться на следующих моментах. Ее содержание направлено на защиту имущественных и неимущественных прав и законных интересов участников гражданских правоотношений. Определение недобросовестного поведения контрагента может повлечь возможность применения к лицу мер гражданско-правовой ответственности, которые будут зависеть от того, являлись ли действия участника гражданских правоотношений добросовестными или нет. Это может быть право на взыскание понесенных убытков, неустойки, процентов за пользование чужими денежными средствами, право требования восстановления нарушенного права, признания обязательства недействительным, право предъявлять и другие установленные законом требования. Кроме того, необходимо сослаться на правило, установленное статьей 10 Гражданского кодекса Российской Федерации, которое прямо определяет, что защита гражданских прав ставится в зависимость от добросовестности субъекта, что не допускаются злоупотребления при осуществлении гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действий в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное их осуществление. Данная статья не только определяет указанные выше правила, но и устанавливает правовые последствия такого недобросовестного поведения в виде отказа лицу в судебной защите его субъективных прав полностью или частично, возможности применения и иных мер, если они предусмотрены законом. Информационное письмо Высшего арбитражного суда Российской Федерации № 127 прямо указывает, что злоупотребление правом и недобросовестное поведение используются как равнозначные понятия, а значит, и правовые последствия в этих случаях будут одинаковыми, что может проявляться в отказе от защиты субъективного права, которое осуществлялось с нарушением.

Понятие добросовестности достаточно часто встречается в нормах Гражданского кодекса Российской Федерации и других законах. Данная категория имеет значение в следующих случаях: в отношении добросовестного приобретателя имущества, который не знал и не мог знать о противоправности действий отчуждателя; защита гражданских прав также может быть поставлена в зависимость от добросовестности, которая изначально презюмируется, пока не будет доказано иное; запрещается осуществлять свои права с их злоупотреблением; сделка, совершенная лицом с превышением своих полномочий, является действительной и создает права и обязанности, если третье лицо действовало добросовестно и ему не было известно о таких ограничениях; руководитель юридического лица должен действовать добросовестно и разумно, а при причинении убытков данному юридическому лицу обязан их возместить, если будет доказана недобросовестность его действий и др.

Рассматривая категорию добросовестности в вещно-правовых отношениях, можно констатировать, что она содержится в положениях о добросовестном приобретении имущества, о добросовестном его приобретателе, о добросовестном владении чужим имуществом. Статья 302 Гражданского кодекса Российской Федерации дает определение понятия «добросовестный

приобретатель», под которым понимается лицо, которое не знало и не могло знать о незаконности своего будущего владения. Данная статья определяет признаки добросовестного поведения: во-первых, это незнание приобретателем о неуправомоченности отчуждателя распоряжаться имуществом, во-вторых, нет его вины в том, что он этого не знает. Указанный выше вывод позволяет определить и составляющие недобросовестного поведения приобретателя имущества. Объективный критерий заключается в наличии права притязания у третьих лиц на имущество на момент его приобретения, субъективный критерий – в том, что лицо, приобретающее имущество, знало или могло узнать о наличии такого притязания.

Анализ правоприменительной практики позволяет обобщить подходы и систематизировать критерии, которыми руководствуются суды для определения добросовестности приобретателя. Это тот минимум, который необходимо анализировать среднему добросовестному приобретателю, чтобы не оказаться в неприятной ситуации. При решении вопроса о признании приобретателя имущества добросовестным или недобросовестным имеют значение не только умышленные действия с его стороны, когда он знает о неуправомоченности отчуждателя, но и несоблюдение обычных требований внимательности и осмотрительности, которые были бы разумны и необходимы в данной ситуации. Приобретатель имущества при совершении сделки должен проявлять подозрительность и настороженность в отношении своего контрагента, обращать внимание на условия и обстановку, при которых происходит отчуждение вещи, выяснять основания владения и причины отчуждения данной вещи, наводить справки, проводить необходимые проверки. Судом при принятии решения учитываются различные обстоятельства, которые могли бы вызвать сомнения у приобретателя имущества в отношении управомоченности своего контрагента. Например, это могут быть явно заниженная цена сделки, слишком короткий срок перепродажи, родственные и иные связи между лицами, участвовавшими в сделке, отчуждение спорного имущества, наличие притязаний третьих лиц на момент совершения сделки, о чем покупатели могли бы узнать путем наведения справок из доступных источников, проверка юридической судьбы вещи и др.

Заключение

Рассматривая добросовестность в обязательственно-правовых отношениях, можно констатировать, что в настоящее время нет четкого истолкования данной категории высшими судебными инстанциями. Понятие добросовестности в обязательственных правоотношениях определяется судебной практикой в соответствии со статьей 309 Гражданского кодекса Российской Федерации о надлежащем исполнении обязательств. При этом требования к добросовестному поведению участников имеют место там, где законодателем не установлены конкретные требования к поведению лица в данной ситуации, когда не урегулированы все возможные случаи поведения сторон, то есть имеются пробелы в законе, позитивном праве. Тем не менее анализ действующего законодательства позволяет определить общие признаки добросовестности, которые необходимы для ее конкретизации и единообразного понимания в обязательственных правоотношениях: предоставление партнеру достоверных сведений о себе; достоверное предоставление информации о товаре; поставляемый товар должен быть свободен от любых прав и притязаний третьих лиц; при реализации своих прав не должны быть нарушены законные интересы других лиц; обязательное соблюдение правил деловой этики; принятие сторонами всех необходимых мер для надлежащего исполнения обязательств.

Добросовестность в корпоративных отношениях представляет собой требования, предъявляемые к управляющему составу юридического лица. В силу статьи 53 Гражданского кодекса Российской Федерации лица, представляющие интересы юридического лица и выступающие во внешних отношениях от его имени, а также члены коллегиальных органов юридического лица должны действовать добросовестно и разумно, а при причинении убытков данному юридическому лицу, возникших по их вине, они обязаны их возместить.

Анализ правоприменительной практики позволяет сделать вывод, что большинство споров, касающихся недобросовестности, возникают при обжаловании решений органов управления юридического лица, при оспаривании действий руководителей исполнительных органов в случае совершения ими сделок, повлекших убытки для компании. При этом, учитывая особенности ведения предпринимательской деятельности, суды обращают внимание на то обстоятельство, что определенные неблагоприятные последствия у организации могут возникнуть в результате совершения каких-либо действий руководителя в пределах обоснованного предпринимательского риска. Вопросам определения общих критериев добросовестности действий управляющих органов юридического лица было уделено внимание многих исследователей [Богданов, 1999; Воронова, 2002; Дроздова, 2004; Иванов, 2003; Краснова, 2003]. Обобщая их точки зрения, можно заключить следующее. Обязанность поступать добросовестно и в интересах компании означает наделение органов управления юридического лица определенными качествами. При исполнении своих прав и обязанностей они должны действовать в строгом соответствии с решениями общих собраний, законом, уставом и прочими внутренними документами организации. В действиях руководителя юридического лица должны учитываться хозяйственные цели и коммерческий интерес организации, должна быть заинтересованность в перспективном развитии организации, обязанности должны исполняться оптимальным способом, решения должны быть продуманными и обоснованными, а его личные качества должны соответствовать тем требованиям, которые обычно предъявляют к руководителю в данной ситуации с учетом сложившихся обстоятельств. Лицо, представляющее интересы компании, не должно быть лично заинтересовано в принятии того или иного решения, ему следует действовать не в собственных интересах, а в интересах организации, то есть его отношение к интересам юридического лица должно быть таким же, как к своим собственным.

Библиография

1. Бабаев В.Н. Презумпции в советском праве. Горький: ГВШ МВД СССР, 1974.
2. Богданов Е.Е. Категория «добросовестность» в гражданском праве // Российская юстиция. 1999. № 9.
3. Воронова В.В. Добросовестность как гражданско-правовая категория // Законодательство. 2002. № 6.
4. Дроздова Т.А. Добросовестность в российском гражданском праве: дисс. ...канд. юрид. наук. Иркутск, 2004.
5. Иванов И.Л. Ответственность управляющих: основные вопросы правовой регламентации // Журнал для акционеров. 2003. № 6.
6. Краснова С.А. Определение понятия «добросовестность» в российском гражданском праве // Журнал российского права. 2003. № 3.
7. Лукьяненко М.Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность. М.: Статут, 2010.
8. Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 2006. № 1.
9. Петражицкий Л.И. Права добросовестного владельца на доходы с точки зрения догмы и политики гражданского права. М.: Статут, 2002.

Legal characterization of good faith as an assessment category of civil law of the Russian Federation

Vladimir V. Modanov

PhD in Law, Associate Professor,
Departments of history, philosophy and law,
Severodvinsk Branch of Northern (Arctic) Federal University
named after M.V. Lomonosov,
163002, 17 nab. Severnoi Dviny, Arkhangel'sk, Russian Federation;
e-mail: vladimir.modanov@yandex.ru

Abstract

The article deals with the legal nature of good faith as an assessment category of civil law. The legislator establishes this concept in legal norms but does not give a legal definition of this concept. The law enforcement official has the right to make a decision in each particular case, depending on the actual circumstances. The author identifies the distinctive features of this legal category, expressing its essence and content, determines the general principles of behavior of participants of property turnover from the point of view of good faith in the most typical situations. The article also defines the positive and negative aspects of the use of this concept, characterizes the features of good-faith behavior of subjects of economic relations in proprietary, obligations legal and corporate relations. The author concludes that the majority of disputes concerning bad faith arise when appealing decisions of the management bodies of a legal entity, when challenging the actions of the executive bodies in the case of transactions, resulting in losses for the company. At the same time, taking into account the peculiarities of doing business, the courts pay attention to the fact that certain adverse consequences for the organization may arise as a result of the any actions of the head within the reasonable business risk.

For citation

Modanov V.V. (2018) *Pravovaya kharakteristika dobrosovestnosti kak otse-nochnoi kategorii grazhdanskogo prava Rossiiskoi Federatsii* [Legal characterization of good faith as an assessment category of civil law of the Russian Federation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7 (1A), pp. 74-82.

Keywords

Good faith, justice, assessment category, average recipient, bona fide purchaser, unauthorized alienator, claims of third parties, obligation, transaction, proper performance, head of executive body.

References

1. Babaev V.N. (1974) *Prezumpitsii v sovetskom prave* [Presumptions in Soviet law]. Gor'kii: Gorky Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR.
2. Bogdanov E.E. (1999) *Kategoriya "dobrosovestnost'" v grazhdanskom prave* [Category of "good faith" in civil law]. *Rossiiskaya yustitsiya* [Russian justice], № 9.
3. Drozdova T.A. (2004) *Dobrosovestnost' v rossiiskom grazhdanskom prave. Dokt. Diss.* [Good faith in Russian civil law.

Doct. Diss.]. Irkutsk.

4. Ivanov I.L. (2003) Otvetstvennost' upravlyayushchikh: osnovnye voprosy pravo-voi reglamentatsii [Responsibility of managers: main issues of legal regulation]. *Zhurnal dlya aktsionerov* [Journal for stockholders], 6.
5. Krasnova S.A. (2003) Opredelenie ponyatiya «dobrosovestnost'» v rossiiskom grazhdanskom prave [Definition of the concept of "good faith" in Russian civil law]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Russian law journal], 3.
6. Luk'yanenko M.F. (2010) *Otsenochnye ponyatiya grazhdanskogo prava: razumnost', dobrosovestnost', sushchestvennost'* [Evaluation of the concept of civil law: reasonableness, good faith, and materiality]. Moscow: Statut Publ.
7. Novitskii I.B. (2006) Printsip dobrooi sovesti v proekte obyazatel'stvennogo prava [The principle of a good conscience in the Draft Law of Obligations]. *Vestnik grazhdanskogo prava* [Bulletin of civil law], 1.
8. Petrazhitskii L.I. (2002) *Prava dobrosovestnogo vladel'tsa na dokhody s tochki zreniya dogmy i politiki grazhdanskogo prava* [The rights of a bona fide owner to income from the point of view of dogma and civil law policy]. Moscow: Statut Publ.
9. Voronova V.V. (2002) Dobrosovestnost' kak grazhdansko-pravovaya kategoriya [Good faith as a civil law category]. *Zakonodatel'stvo* [Legislation], 6.

УДК 347**Основные этапы девелопмента: правовые средства, используемые на каждом из этапов его реализации****Чумакова Ольга Вячеславовна**

Кандидат юридических наук, доцент;
Национальный исследовательский Московский
государственный строительный университет
129337, г. Москва, ул. Ярославское шоссе, д.26;
e-mail: 7406976@gmail.com

Аннотация

В работе показано, что девелопмент выступает как этап развития правовой конструкции, которая характеризует возможность динамизации сферы строительных отношений. Автором показано, что в целом возможность формирования отношений в девелопменте требует значительного правового структурирования и формализации общей структуры понятий. В работе выявлены аспекты появления первичных форм девелопмента и возможностей развития их правовой сущности. Каждый из участников девелоперских отношений формирует необходимость разнообразия отношений, которые будут способствовать не только укреплению правовой конструкции девелопмента, но также и сформируют общую картину восприятия со стороны иных участников рынка строительства. Выявлены не только отраслевые нормы, но также и региональные особенности формирования правовой конструкции девелопмента, которые определяют социально-экономическое развитие территорий. В целом в работе показаны также отличия от смежных понятий, таких как реновация и иные конструкции. Сформировано общее представление о возможности правового ограничения процессов девелопмента на территориях развития и депрессивных регионах.

Принципиальное значение в понимании девелопмента недвижимости имеет именно создание и реализация наиболее совершенного из возможных вариантов развития конкретной недвижимости на конкретной территории, поскольку купля-продажа объектов недвижимости – это не просто купля-продажа товара, а движение капитала, т. е. стоимости, что дает прибыль и в дальнейшем.

Для цитирования в научных исследованиях

Чумакова О.В. Основные этапы девелопмента: правовые средства, используемые на каждом из этапов его реализации // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 7. № 1А. С. 83-91.

Ключевые слова

Девелопмент, территория развития, правовые конструкции, развитие, строительство.

Введение

Постановка проблемы. Современные геополитические факторы, которые имеют принципиальное влияние на развитие стран Европы, вместе с внутренними обусловленными реалиями развития российской государственности на макроэкономическом общегосударственном уровне, а также имеющиеся перспективы и потенциально наиболее вероятные пути развития нашей Родины направляют политическую, правовую, экономическую и иную социальную активность как властных элит и корпораций общегосударственного уровня, так и рядовых россиян и представителей малого и среднего бизнеса на формирование в широком круге сфер социального бытия системы предпосылок для совершенствования и актуализации значительной части в первую очередь экономических механизмов, присущих капиталистическому строю и соответствующих социально-экономических формаций [Кафиатуллина, 2017, 165]. В частности, системному реформированию подлежит сфера капитального строительства, в которой целый ряд подходов и механизмов, что на данный момент не в полной мере отвечают требованиям современности, должны заменить процессы девелопмента недвижимости, построенные по зарубежным образцам, но с обязательным учетом особенностей российского рынка недвижимости.

Состояние исследования темы

Несмотря на достаточно значительное распространение отдельных механизмов процесса девелопмента недвижимости в российской практике капитального строительства, отечественная правовая наука не разработала профильного научного обоснования для обеспечения эффективного правового регулирования сферы девелопмента недвижимости в Российской Федерации [Никулина, Калужских, Шлеенко, 2017, 225]. Отношения девелопмента недвижимости в Российской Федерации в их классическом понимании на данный момент остаются малоисследованными и требуют детальных научных разработок [Коннова, Кулягин, 2017, 43]. Диссертационных исследований в области права, связанных сугубо с правовым регулированием процессов девелопмента недвижимости, написано и защищено в Российской Федерации почти не было. Но тем не менее есть определенное количество работ ученых в формате научных статей, тезисов докладов и тому подобное.

Литературный обзор

Целью настоящего исследования является правовой анализ соотношения понятий «девелопмент недвижимости» и «девелоперская деятельность в сфере недвижимости», которые с примерно одинаковой степенью распространения используются в отечественной теории и практике капитального строительства как тождественные. В статье выясняются содержательная и сущностная нагрузка обоих этих понятий и определяется перечень основных их признаков.

Изложение основного материала. Частью гражданского оборота, в которой наиболее остро на данный момент стоит проблема соотношения публичных и частных интересов выступает сфера капитального строительства, которая представляет собой комплексную систему процессов, связанных с созданием новой недвижимости, а также с восстановлением и усовершенствованием уже существующих элементов рынка недвижимого имущества

[Семенников, Стрельцова, 2017, 446]. Имеющиеся на данный момент в действующем законодательстве и в практике реализации права механизмы правового регулирования отношений капитального строительства являются в значительной степени несовершенными и не могут обеспечить эффективное упорядочение всего массива правоотношений, которые складываются в результате осуществления целого ряда разновидностей профильной деятельности соответствующих субъектов, связанных с процессами создания и реконструкции недвижимости. Очевидным в описанной ситуации является тот факт, что регулирование вышеобозначенного круга правоотношений требует системного в значительной степени унифицированного правового регулирования. Образцы успешного внедрения систематизации механизмов юридического упорядочения отношений капитального строительства могут быть исследованы, а отдельные их аспекты в свою очередь могут быть интегрированы и адаптированы для реалий нашей правовой системы, в рамках изучения практики правотворчества и правоприменения в ряде стран Западной Европы.

Для обозначения вышеупомянутого комплекса правоотношений европейские экономическая и правовая доктрины используют терминологическую конструкцию «*realestate development*», которую дословно можно было бы перевести на русский, как «развитие недвижимого имущества» или «развитие недвижимости» [Поляков, Пупенцова, 2017, 77]. При этом стоит отметить, что такой дословный перевод в значительной степени сохраняет и отображает саму сущность правовых и экономических механизмов, заложенных в основу осуществления комплекса деятельности по созданию и реконструкции объектов недвижимости. Понимание в первую очередь субъектами гражданского оборота объективной наличия глубинных хозяйственных и правовых связей в процессе воплощения в жизнь проектов капитального строительства, соединенное с общегосударственной тенденцией отдаления от советского прошлого и рядом шагов по реализации интегративных проевропейских процессов последних лет, естественным образом привело к тому, что эффективные, объективно обусловленные в рамках развития общества и увеличения степени урбанизации механизмы системного, целостного во взаимосвязи своих стадий процесса реализации проектов комплексного развития территорий и недвижимости стали все чаще встречаться в реалиях практики капитального строительства [Федоркина, Фененко, 2017, 115].

Материалы и методы

Но не смотря на этот факт, специального правового регулирования ни указанные механизмы, ни отдельные виды профессиональной деятельности субъектов капитального строительства не получили. А доктринальное исследование этой огромной по своему объему и потенциалу сферы общественных отношений и потребностей и перспектив его правового регулирования сводится лишь к наличию в отдельных научных работах недиссертационного характера описания фактического наличия в отечественном гражданском обороте отдельных элементов приведенных выше сложных правоотношений, которые определяются через две наиболее распространенные терминологические конструкции, заимствованные из иностранной практики: «*девелопмент недвижимости*» и «*девелоперская деятельность в сфере недвижимости*». Обе эти конструкции примерно в равной степени используются как в научных кругах, так и среди представителей соответствующих сфер бизнеса, как тождественные [Кайтмазова, 2017, 33]. Термин «*девелопмент недвижимости*» в имеющихся относительно

немногочисленных и несистематизированных наработках отечественной правовой науки по этому поводу, а также в рамках практики капитального строительства, которая формировалась в современных условиях украинского гражданского оборота после принятия Гражданского кодекса Российской Федерации [Гражданский кодекс, 2017], употребляется, когда необходимо охарактеризовать отношения и процессы, связанные с созданием со стадии идеи или проекта готового объекта недвижимости, который бы максимально отвечал требованиям потребительского рынка, или процессам реконструкции объектов недвижимости, совмещенной с принципиальным увеличением их рыночной и социальной стоимости; а также, когда речь идет о профессиональной предпринимательской деятельности в указанных сферах, направленной на получение прибыли через реализацию готовых объектов девелопмента недвижимости [Мухатинова, 2017, 190].

Таким образом, с помощью понятия «девелопмент недвижимости» в зависимости от специфики контекста описывают и определенную систему отношений по реализации инвестиционных проектов развития недвижимости и специальную предпринимательскую деятельность, направленную на такое развитие, при чем в любой из возможных форм осуществления такой деятельности. Такая сугубо практическая по своему происхождению неоднозначность в случае дальнейшей формализации механизмов девелопмента недвижимости через создание системы специального правового регулирования может привести к созданию значительного количества коллизий и неточностей в правовом массиве ее будущих норм, которые будут призваны упорядочить отношения комплексного развития недвижимости [Шумилина, Гребенщиков, 2017, 58].

Преодолевая описанную неоднозначность исследуемых терминологических конструкций, отечественная правовая мысль пошла по пути наименьшего сопротивления и просто констатировала, как это часто бывает в рамках нашей юридической доктрины, что понятие девелопмента недвижимости является многозначным и может пониматься в нескольких понятийных плоскостях, то есть в широком смысле – как система правоотношений, и в узком – как специальная профессиональная деятельность предпринимательского характера [Соболева, 2017, 50]. Такой подход достаточно легко и в определенной степени логично позволяет избежать проведения детального анализа правовой природы девелопмента недвижимости, но имеет и серьезные недостатки. Ни в коей мере не отрицая многослойность и сложность понятия «девелопмент недвижимости», представляется необходимым отметить, что подобная двусмысленная смысловая нагрузка приписывается и терминологической конструкции «девелоперская деятельность в сфере недвижимости», хотя уже даже на бытовом, ненаучном уровне очевидным является более узкий смысл этого понятия. Использование методологического подхода понимания тех или иных явлений или процессов в так называемых широком и узком смыслах в данном случае оказывается нецелесообразным и таким, что не позволяет четко и конкретно охарактеризовать исследуемые сроки, особенно с учетом того факта, что они являются заимствованными из другого языка [Лю, Питель, 2017, 22].

Результаты и обсуждения

Как уже отмечалось ранее четкое отграничение исследуемых в данной работе понятий является крайне необходимым из соображений недвусмысленности и конкретности, которых требуют механизмы правового регулирования, чтобы, собственно, и выполнять свою основную

функцию – упорядочивать общественные отношения. Для того, чтобы как можно подробнее выяснить все аспекты смысловой нагрузки вышеописанных понятий, представляется необходимым привести полный перечень их базовых характерных признаков. Источником осмысления и дальнейшего формулировки таких признаков в первую очередь выступает практика воплощения в гражданском обороте отдельных механизмов девелопмента недвижимости, а также закономерности формальной юридической логики и имеющееся правовое регулирование отдельных подсистем отношений в сфере капитального строительства. Так базовыми характерными признаками, отражающими сущность понятия «девелопмент недвижимости» и позволяющими сформировать целостное представление о данном явлении, на основании которого в свою очередь может быть сформулировано полное, такое, что охватывает всю специфику исследуемого явления, определение девелопмента недвижимости, выступают следующие признаки:

- 1) Сложность и многослойность осуществляемых в рамках девелопмента недвижимости процессов;
- 2) Системный характер правоотношений, составляющих содержание девелопмента недвижимости;
- 3) Направленность на достижение наиболее совершенного из возможных результатов реализации инвестиционных проектов строительства или восстановления недвижимости, соединенное с принципиальным увеличением рыночной стоимости объекта девелопмента и последующим получением прибыли;
- 4) Реализация процессов девелопмента в одной из трех следующих форм:
 - 5) строительство недвижимости;
 - 6) реконструкция недвижимости;
 - 7) развитие или восстановление земельных участков.
- 8) Полисубъектность как участие в процессах девелопмента недвижимости вспомогательных субъектов.
- 9) Оформление и упорядочение правоотношений девелопмента недвижимости через сложную разветвленную систему гражданско-правовых договоров.
- 10) Необходимость обеспечения комплексного правового регулирования через систему общих и специальных нормативно-правовых актов, которые призваны урегулировать как сугубо девелоперскую деятельность, так и вспомогательные разновидности профессиональной деятельности широкого круга субъектов, вовлеченных в процессы девелопмента недвижимости.

Приведенный перечень основных характеристик девелопмента недвижимости в значительной степени позволяет постичь масштабность и полиструктурность процессов, реализуемых во время воплощения в жизнь проектов развития недвижимости, а также осмыслить роль отдельных субъектов в этих процессах [Павлючкова, 2017, 650].

Для обеспечения детального понимания закономерностей соотношения, уже проанализированного с точки зрения базовых признаков понятия «девелопмент недвижимости» с понятием «девелоперская деятельность в сфере недвижимости» необходимым усматривается привести также базовые признаки последнего. Так понятие «девелоперская деятельность в сфере недвижимости» характеризуется следующим рядом признаков:

- 1) Выраженность в отдельном комплексном разновидности профессиональной активности специальных субъектов гражданского оборота – девелоперов, который включает в себя

подбор команды участников проекта, исследование рынка, маркетинг, финансирование, бухгалтерский учет, управление имуществом и ряд других направлений;

- 2) Организационный и координационно-административный характер.
- 3) Моносубъектность, то есть деятельность исключительно девелопера;
- 4) Предпринимательский характер;
- 5) Необходимость обеспечения в первую очередь специального правового регулирования.
- 6) Многовариантность распределения финансовых рисков.

Приведенные перечни основополагающих признаков девелопмента недвижимости и девелоперской деятельности в сфере недвижимости не являются исчерпывающими, поскольку их воплощения в объективную действительность и использования в современной практике капитального строительства предусмотренных ими механизмов является фрагментарным и не системным, а специальное правовое регулирование девелоперской деятельности отсутствует, а соответственно объективно нет возможности говорить об унификации такого правового регулирования с системой норм, которые упорядочивают смежные вспомогательные виды профессиональной деятельности вспомогательных субъектов, которые участвуют в процессах девелопмента недвижимости. Таким образом, опираясь на приведенные перечни базовых признаков девелопмента недвижимости и девелоперской деятельности в сфере недвижимости, даже с учетом научной неразработанности и отсутствия системного использования механизмов девелопмента недвижимости на практике, можно констатировать, что понятие «девелопмент недвижимости» значительно шире по содержанию, чем понятие «девелоперская деятельность в сфере недвижимости», поскольку оно охватывает широкий спектр смежных разновидностей профильной деятельности, направленной на реализацию проекта девелопмента недвижимости, к которым можно отнести деятельность по поиску и подбору соответствующих специалистов (если она осуществляется не девелопером), проектную деятельность, подрядную деятельность строителей и тому подобное [Чернова, Федюнина, 2017, 238]. Кроме того, понятие девелопмент недвижимости характеризует в первую очередь саму систему правоотношений, которые складываются в процессе комплексного развития объектов недвижимости, а не отдельные виды деятельности, реализуемые в рамках этой системы.

Заключение

Если же говорить о перспективах создания специального правового регулирования отношений, связанных с осуществлением девелоперской деятельности в сфере недвижимости, в современных отечественных реалиях сферы капитального строительства и дальнейшей реализации объектов недвижимости, то целесообразным было бы подчеркнуть необходимость внедрения действенных механизмов социальной ответственности девелопера, связанных с льготным и бесплатным предоставлением жилья малообеспеченным и другим социально незащищенным слоям населения, а также механизмов обеспечения повышенного нормативного и институционального контроля за реальным соблюдением девелопером требований законодательства о защите и восстановлении окружающей природной среды. Такие механизмы в случае их воплощения в жизнь дополняют ряд характерных признаков девелоперской деятельности в сфере недвижимости и помогут отграничить ее от смежных или формально схожих видов деятельности, которые имеют место в процессах девелопмента недвижимости.

Библиография

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 29.12.2017) // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, N 32, ст. 3301.
2. Кайтмазов А.А. Комплексное освоение территории в жилищном строительстве // В сборнике: Эволюционное развитие современной науки. Актуальные вопросы медицинской науки и здравоохранения: материалы международных научно-практических конференций. – 2017. – 31-34 с.
3. Кафиатулина М.А. Современный девелопмент: основные характеристики, значение и эффективность // В сборнике: Современные проблемы и тенденции развития экономики и управления: сборник статей международной научно-практической конференции. – 2017. – 163-167 с.
4. Коннова П.П., Кулягин М.Ю. Ленд-девелопмент как современная технология управления земельными ресурсами // Успехи современной науки и образования. – 2017. – Т. 6. – № 4. – 42-44 с.
5. Лю Б., Питель Т.С. Мобилизация иностранных инвестиций в инвестиционно-строительной сфере // В сборнике: Наука без границ и языковых барьеров Материалы международной научно-практической конференции. – 2017. – 21-25 с.
6. Мухатинова Р.Н. Особенности российского девелопмента // Экономика и социум. – 2017. – № 1-2 (32). – 189-191 с.
7. Никулина М.Ф., Калужских А.П., Шлеенко А.В. Девелопмент и его роль в экономическом развитии // В сборнике: Молодежь и XXI век - 2017 материалы VII Международной молодежной научной конференции: в 4 томах. – 2017. – 224-227 с.
8. Павлючкова Е.Д. Недвижимость как объект девелопмента // Теория и практика современной науки. – 2017. – № 3 (21). – 648-651 с.
9. Поляков Д.К., Пупенцова С.В. Сравнительный анализ проектов реноваций и редевелопмента // В сборнике: Фундаментальные и прикладные исследования в области управления, экономики и торговли. Сборник трудов научной и учебно-практической конференции. В 3-х частях. – 2017. – 72-79 с.
10. Семенников А.С., Стрельцова Н.В. Девелопмент недвижимости: дефиниционный анализ, виды и особенности // Экономика и предпринимательство. – 2017. – № 5-2 (82-2). – 445-448 с.
11. Соболева Е.А. Проблематика функционирования девелоперской деятельности в России и адаптация к современным условиям // Экономика строительства. – 2017. – № 1. – 46-55 с.
12. Федоркина М.С., Фененко А.С. Девелопмент недвижимости: сущность и особенности понятия // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. – 2017. – № 4 (41). – 113-118 с.
13. Чернова И.Ю., Федюнина Т.В. Сущность и особенности девелопмента как основа развития объекта недвижимости // В сборнике: Инновационные технологии в строительстве, теплогазоснабжении и энергообеспечении материалы V Международной научно-практической конференции. – 2017. – 237-239 с.
14. Шумилина О.С., Гребенщиков В.С. Промышленная недвижимость, особенности ее классификации и девелопмента (редевелопмента) // В сборнике: Современная экономика сборник статей XII Международной научной конференции. – 2017. – 57-59 с.

Main stages of development: legal means used at each stage of its implementation

Olga V. Chumakova

Ph.D. in Law, Associate Professor;
National research Moscow state University of civil engineering
129337, Moscow, street the Yaroslavl highway, d. 26;
email: 7406976@gmail.com

Annotation

It is shown that the development acts as the stage of development of the legal structure that

Main stages of development: legal means used at each stage of its implementation

characterizes the possibility of dynamic modification involving building relationships. The author shows that in General, the possibility of forming relations in development requires significant legal structuring and formalization of the General structure of concepts. The paper reveals the aspects of the appearance of primary forms of development and opportunities for the development of their legal essence. Each of the participants in the development relations creates the need for a variety of relations that will contribute not only to the strengthening of the legal structure of the development, but also to form a General picture of the perception of other participants in the construction market. Not only branch norms, but also regional features of formation of a legal design of development which define social and economic development of territories are revealed. In General, the paper also shows differences from related concepts, such as renovation and other structures. The General idea of the possibility of legal restriction of development processes in the territories of development and depressed regions is formed.

It is the creation and implementation of the most perfect of the possible options for the development of a particular property in a particular area, since the purchase and sale of real estate is not just the purchase and sale of goods, but the movement of capital, i.e. value, which gives profit in the future.

For citation

Chumakova O.V. (2018) Osnovnye jetapy developmenta: pravovye sredstva, ispol'zuemye na kazhdom iz jetapov ego realizacii [Main stages of development: legal means used at each stage of its implementation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7 (1A), pp. 83-91.

Keywords

Development, development territory, legal structures, development, construction.

References

1. The civil code of the Russian Federation (part one) from 30.11.1994 N 51-FZ (as amended on 29.12.2017) // collected legislation of the Russian Federation, 05.12.1994, N 32, p. 3301.
2. Kaytmazov A.A. Kompleksnoye osvoyeniye territorii v zhilishchnom stroitel'stve [Integrated development of the territory in housing construction]. *V sbornike: Evolyutsionnoye razvitiye sovremennoy nauki. Aktual'nyye voprosy meditsinskoy nauki i zdravookhraneniya: materialy mezhdunarodnykh nauchno-prakticheskikh konferentsiy* [In the collection: Evolutionary development of modern science. Actual issues of medical science and health: materials of international scientific and practical conferences]. Moscow, 2017, pp. 31-34.
3. Kafiatullina M.A. Sovremennyy development: osnovnyye kharakteristiki, znachenkiye i effektivnost' [Modern development: the main characteristics, significance and effectiveness]. *V sbornike: Sovremennyye problemy i tendentsii razvitiya ekonomiki i upravleniya: sbornik statey mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [In the collection: Modern problems and trends in the development of the economy and management: a collection of articles of the international scientific and practical conference]. Moscow, 2017, pp. 163-167.
4. Konnova P.P., Kulyagin M.YU. Lend-development kak sovremennaya tekhnologiya upravleniya zemel'nymi resursami [Lend-development as a modern technology of land management]. *Uspekhi sovremennoy nauki i obrazovaniya – Progress in modern science and education*, 2017, T. 6, no. 4, pp. 42-44.
5. Lyu B., Pitel' T.S. Mobilizatsiya inostrannykh investitsiy v investitsionno-stroitel'noy sfere [Mobilization of foreign investment in the investment and construction sphere]. *V sbornike: Nauka bez granits i yazykovykh bar'yerov Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [In the collection: Science without borders and language barriers Materials of the international scientific and practical conference]. Moscow, 2017, pp. 21-25.
6. Mukhatinova R.N. Osobennosti rossiyskogo developmenta [Features of the Russian development]. *Ekonomika i sotsium – Economy and society*, 2017, no. 1-2 (32), pp. 189-191.

7. Nikulina M.F., Kaluzhskikh A.P., Shleyenkov A.V. Development i yego rol' v ekonomicheskom razvitiy [Development and its role in economic development]. V *sbornike: Molodezh' i XXI vek - 2017 materialy VII Mezhdunarodnoy molodezhnoy nauchnoy konferentsii: v 4 tomakh* [In the collection: Youth and the XXI century - 2017 materials of the VII International Youth Scientific Conference: in 4 volumes]. Moscow, 2017, pp. 224-227.
8. Pavlyuchkova Ye.D. Nedvizhimost' kak ob'yekt developmenta [Real estate as an object of development]. *Teoriya i praktika sovremennoy nauki – Theory and practice of modern science*, 2017, no. 3 (21), pp. 648-651.
9. Polyakov D.K., Pupentsova S.V. Sravnitel'nyy analiz proyektov renovatsiy i redevelopment [A Comparative Analysis of Renovation and Redevelopment Projects]. V *sbornike: Fundamental'nyye i prikladnyye issledovaniya v oblasti upravleniya, ekonomiki i trgovli. Sbornik trudov nauchnoy i uchebno-prakticheskoy konferentsii. V 3-kh chastyakh* [In the collection: Fundamental and Applied Research in Management, Economics and Trade. Collection of works of scientific and educational-practical conference. In 3 parts]. Moscow, 2017, pp. 72-79.
10. Semennikov A.S., Strel'tsova N.V. Development nedvizhimosti: definitsonnyy analiz, vidy i osobennosti [Real estate development: definition analysis, types and features]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo – Economics and entrepreneurship*, 2017, no. 5-2 (82-2), pp. 445-448.
11. Soboleva Ye.A. Problematika funktsionirovaniya developerskoy deyatelnosti v Rossii i adaptatsiya k sovremennym usloviyam [Problems of the functioning of development activities in Russia and adaptation to modern conditions]. *Ekonomika stroitel'stva – Economics of construction*, 2017, no. 1, pp. 46-55.
12. Fedorkina M.S., Fenenko A.S. Development nedvizhimosti: sushchnost' i osobennosti ponyatiya [Development of real estate: the essence and features of the concept]. *Nauchnyy vestnik: finansy, banki, investitsii – Scientific Herald: finance, banks, investments*, 2017, no. 4 (41), pp. 113-118.
13. Chernova I.YU., Fedyunina T.V. Sushchnost' i osobennosti developmenta kak osnova razvitiya ob'yekta nedvizhimosti [Essence and features of development as a basis for the development of the real estate object]. V *sbornike: Innovatsionnyye tekhnologii v stroitel'stve, teplogazosnabzhenii i energoobespechenii materialy V Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [In the collection: Innovative technologies in construction, heat and gas supply and energy supply materials of the V International Scientific and Practical Conference]. Moscow, 2017, pp. 237-239.
14. Shumilina O.S., Grebenshchikov V.S. Promyshlennaya nedvizhimost', osobennosti yeye klassifikatsii i developmenta (redevelopmenta) [Industrial real estate, features of its classification and development (redevelopment)]. V *sbornike: Sovremennaya ekonomika sbornik statey XII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [In the collection: Modern Economy, a collection of articles of the XII International Scientific Conference]. Moscow, 2017, pp. 57-59.

УДК 34**Защита прав ребенка в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации****Казаков Максим Геннадьевич**Аспирант кафедры конституционного
и муниципального праваТюменского государственного университета,
625003, Российская Федерация, г. Тюмень, ул. Володарского, 6;

e-mail: kazakovm72@gmail.com

Сунцов Александр ПавловичДоктор юридических наук,
профессор кафедры конституционного
и муниципального праваТюменского государственного университета,
625003, Российская Федерация, г. Тюмень, ул. Володарского, 6;

e-mail: Suncovap@duma72.ru

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) <http://publishing-vak.ru/>**Аннотация**

В данной статье сделана попытка проанализировать опыт работы Конституционного Суда Российской Федерации по защите прав ребенка, посредством изучения постановлений и иных общеобязательных решений, принятых им в анализируемой сфере.

Исследование проводится на основе формально-догматического метода, заключающегося в построение классификации и систематизации решений, принятых Конституционным Судом Российской Федерации в период с 1991 по 2017 гг., по определенным критериям, и метода юридического толкования, способствующего уяснению содержания анализируемых правовых актов. В статье анализируются конституционные принципы, на основе которых выносятся постановления Конституционного Суда Российской Федерации, касающиеся защиты прав детей, а также ряд постановлений, в которых органом конституционного контроля делался вывод о несоответствии (соответствии) рассмотренных правовых норм Основному закону государства. Результаты данного научного исследования могут быть использованы при уяснении содержания конституционно-правового статуса ребенка, а также при проведении мониторинга действующего законодательства в сфере защиты прав ребенка на предмет его соответствия Конституции Российской Федерации.

Для цитирования в научных исследованиях

Казаков М.Г., Сунцов А.П. Защита прав ребенка в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 7. № 1А. С. 92-99.

Ключевые слова

Конституция Российской Федерации, права ребенка, субъект защиты прав ребенка, постановление Конституционного Суда Российской Федерации, роль Конституционного Суда Российской Федерации в защите прав ребенка, правовая позиция, конституционный принцип, принцип равенства, принцип социального государства, принцип государственной поддержки материнства и детства.

Введение

Согласно Конституции Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации, как «судебный орган конституционного контроля» (1-ФКЗ от 28.12.2016 «О Конституционном Суде Российской Федерации») посредством принятия постановлений и иных решения общеобязательного характера вносит значительный вклад в обеспечение верховенства и прямого действия Конституции Российской Федерации (статья 125), защиту прав и свобод человека и гражданина (статья 2), в том числе в защиту прав и интересов ребенка. В национальном законодательстве раскрывается содержание мер по реализации указанных положений Основного закона.

Так, Указом Президента Российской Федерации от 01.06.2012 № 761 утверждена Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012 – 2017 годы, VI раздел которой предусматривает создание системы защиты и обеспечения прав и интересов детей.

Федеральным законом от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» определены субъекты реализации конституционных прав ребенка. Поскольку защита прав ребенка субъектами государственной власти осуществляется посредством принятия актов национального законодательства, решение об их соответствии букве и духу Основному закону государства уполномочен принимать Конституционный Суд Российской Федерации, то, следовательно, и данный орган судебной власти также оказывает правовое содействие в реализации конституционных прав ребенка.

Достижение данной цели судебным органом конституционного контроля претворяться в действительность, как показывает практика, посредством принятия правовых решений: постановлений и определений. В соответствии с Федеральным конституционным законом «О Конституционном Суде Российской Федерации», они являются окончательными и не подлежат обжалованию, действуют непосредственно и не требуют подтверждения другими органами и должностными лицами».

Конституционный Суд Российской Федерации при принятии решения о соответствии или несоответствии рассматриваемой нормы законодательства Конституции Российской Федерации руководствуется определенными принципами, которые закреплены в Основном законе государства, в частности, это такие принципы как принцип государственной поддержки материнства, отцовства и детства, принцип социального государства, принцип равенства.

Руководствуясь перечисленными принципами, Конституционный Суд Российской Федерации вынес целый ряд постановлений, в которых указывалось на нарушение конституционных прав ребенка.

Защита прав ребенка в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации

Так, в постановлении от 01.12.1997 № 18-П Конституционным Судом Российской Федерации было признано не соответствующим Основному закону России и нарушающим конституционно-правовую обязанность государства по возмещению вреда, причиненного чернобыльской катастрофой, положение Федерального закона от 24.11.1995 № 179-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС», которое лишило не посещающих школы и дошкольные учреждения детей, проживающих на территории зоны отселения и зоны проживания с правом на отселение или эвакуированных и переселенных из зон отчуждения, отселения и зоны проживания с правом на отселение, права на получение ежемесячной денежной компенсации, равной средней стоимости питания в школах и детских дошкольных учреждениях, в случае когда им выплачивались другие денежные компенсации, предусмотренные российским законодательством.

В другом Постановлении от 20.12.2011 № 29-П – Конституционный Суд Российской Федерации, руководствуясь принципом социального государства, указал федеральному законодателю на необходимость внесения изменений в правовое регулирование в части соблюдения баланса частных и публичных интересов и не перекладывать на авиаперевозчика затраты на перевозку детей в возрасте от двух до двенадцати лет воздушным транспортом в соответствии с законодательно установленным льготным тарифом с предоставлением им отдельных мест, без установления на уровне федерального закона предоставления соответствующей компенсации.

Применяя принцип государственной поддержки материнства, отцовства и детства, а также принцип социального государства в Постановлении от 24.12.2013 № 30-П [16] судебный орган конституционного контроля выявил не соответствие Конституции Российской Федерации нормы Федерального закона от 18.06.2001 № 77-ФЗ «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации»), определяющей полномочия органов власти по внеочередному предоставлению отдельных жилых помещений семьям, имеющим ребенка, больного заразной формой туберкулеза, поскольку данной нормой однозначно не указывалось, к какому уровню публичной власти принадлежит данное полномочие.

В связи с этим в законодательстве Российской Федерации сложился правовой пробел – не был однозначно определен уровень публичной власти, обязанный обеспечивать отдельным жилым помещением граждан, рассматриваемой категории. Восстанавливая нарушенное право граждан, больных заразной формой туберкулеза (семьей, имеющих ребенка, больным заразной формой туберкулеза), на отдельное жилое помещение, Конституционный Суд Российской Федерации обязал федерального законодателя определить порядок реализации полномочия по внеочередному предоставлению отдельных жилых помещений данной категории граждан (семей), а также определить порядок выделения материальных и финансовых средств для этих целей.

Содействие Конституционным Судом Российской Федерации ребенку в защите его прав необходимо рассматривать не только с позиции выявления противоречащих норм законодательства Основному закону государства и приведения данных норм в соответствие с ним, но и с позиции определения конституционно-правового смысла, содержащегося в той или

иной норме права. Рассмотрим постановление Конституционного Суда Российской Федерации, относящееся к условно выделенной нами ко второй группе постановлений – постановлений, устанавливающих официальное толкование норм права для субъектов правотворчества и правоприменения.

Так, официальное толкование взаимосвязанных положений Семейного кодекса Российской Федерации и Федерального закона «Об актах гражданского состояния» в части, касающейся нравственного развития детей, было дано Конституционным Судом Российской Федерации в постановлении от 16.06.2015 № 15-П.

Семейный кодекс Российской Федерации указывает, что дети, оставшиеся без попечения родителей, могут быть усыновлены или удочерены. Усыновление или удочерение (далее – усыновление) является тайной, которая охраняется законом, и судьи, вынесшие решение об усыновлении ребенка, или должностные лица, осуществившие государственную регистрацию усыновления, а также лица, иным образом осведомленные об усыновлении, обязаны сохранять тайну усыновления ребенка. Охраняется тайна усыновления и Федеральным законом от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» (далее – Федеральный закон «Об актах гражданского состояния»).

Рассматривая данные положения на соответствие Основному закону государства, Конституционный Суд Российской Федерации применил принцип приоритета семейного воспитания детей и выявил правовой пробел в ситуации, когда законодатель допускал получение сведений об усыновлении только при наличии согласия усыновителя и не предусмотрел при этом возможность получения таких сведений наследниками усыновленного в случае, когда об усыновлении им стало известно после его смерти и смерти усыновителей. Данные положения установили бессрочный запрет на разглашение тайны усыновления ребенка. Конституционный Суд Российской Федерации, вынося указанное постановление, пришел к выводу о том, что сведения об усыновлении в определенных ситуациях подлежат раскрытию, так как содержат в себе информацию о генетической истории семьи и выявлении биологических связей, являющиеся идентификацией каждого человека, что может быть необходимым при диагностике наследственных заболеваний, предупреждение браков с кровными родственниками и тому подобное. В подобных случаях желание лица знать историю происхождения своих родителей, предков следует считать оправданным и отвечающим конституционному принципу государственной защиты семьи, материнства, отцовства и детства.

Официальное толкование положений законодательства, касающихся защиты прав ребенка, были также даны Конституционным Судом Российской Федерации в двух постановлениях 2017 года (Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2017 № 17-П; Постановление Конституционного Суда РФ от 06.10.2017 № 23-П).

С момента образования Конституционного Суда Российской Федерации, а именно с 30.10.1991, когда судьями в первый раз было проведено рабочее совещание, и по состоянию на 29.10.2017 было вынесено 526 постановлений, из которых 29 касались защиты прав ребенка.

В указанных постановлениях судебный орган конституционного контроля применял следующие конституционные принципы:

- принцип государственной поддержки материнства, отцовства и детства;
- принцип равенства, который применялся с точки зрения равенства прав и обязанностей детей, равенства родителей на получение государственной поддержки и равенства родителей независимо от профессиональной деятельности;
- принцип социального государства, включающий в себя принципы равенства,

справедливости и соразмерности.

Заключение

Таким образом, Конституционный Суд Российской Федерации как орган государственного конституционного контроля вносит значительный вклад в защиту конституционных прав ребенка посредством осуществления следующей деятельности:

- проведения анализа на соответствие Конституции Российской Федерации того или иного положения законодательства и признания его соответствующим либо несоответствующим Основному закону государства;

- выявления конституционного-правового смысла рассматриваемых норм права с целью исправления правоприменительной практики;

- формирования в своих решениях правовых позиций, представляющих собой официальное толкование положений Конституции, которому обязаны следовать субъекты правотворчества и правоприменения.

Библиография

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.12.2013 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности статей 4, 5 и пункта 5 статьи 14 Федерального закона «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации» в связи с запросами Правительства Волгоградской области и Правительства Сахалинской области» // Российская газета. 2014. № 6.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 01.12.1997 № 18-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 1 Федерального закона от 24 ноября 1995 года «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1997. № 6.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 06.10.2017 № 23-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 115 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 1 статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Р.К. Костяшкина» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 42.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.2015 № 15-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» в связи с жалобой граждан Г.Ф. Грубич и Т.Г. Гушиной» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2015. № 5.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.12.2011 № 29-П «По делу о проверке конституционности положения подпункта 3 пункта 2 статьи 106 Воздушного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Авиационная компания «Полет» и открытых акционерных обществ «Авиакомпания «Сибирь» и «Авиакомпания «ЮТэйр» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2012. № 1.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2017 № 17-П «По делу о проверке конституционности абзаца первого пункта 1 статьи 17 Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» в связи с запросом мирового судьи судебного участка № 1 Выксунского судебного района Нижегородской области» // Российская газета. 2017. № 148.
8. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 01.05.2017) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
9. Силантьева Н.А., Сунцов А.П. Практика реализации конституционного права коренных малочисленных народов на сохранение родного языка (на примере Ханты-Мансийского автономного округа – Югры) // Евразийский юридический журнал. 2016. № 2 (93). С. 189-191.
10. Сунцов А.П., Попова Н.С. О работе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по укреплению позиций русского языка на территории Российской Федерации // Вестник Тюменского

государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2016. Т. 2. № 2. С. 125-140.

11. Указ Президента Российской Федерации от 01.06.2012 № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 23. Ст. 2994.
12. Федеральный закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ (ред. от 18.06.2017) «Об актах гражданского состояния» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 47. Ст. 5340.
13. Федеральный закон от 18.06.2001 № 77-ФЗ (ред. от. 23.05.2016) «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации» // Парламентская газета. 2001. № 114-115.
14. Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ (ред. от 28.12.2016) «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // Российская газета. 1998. № 147.
15. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 28.12.2016) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

Protection of the rights of the children in the Constitutional Court of the Russian Federation

Maksim G. Kazakov

Postgraduate,
department of Constitutional and municipal law,
Tyumen State University,
625003, 6 Volodarskogo st., Tyumen, Russian Federation;
e-mail: kazakovm72@gmail.com

Aleksandr P. Suntsov

Doctor of law, professor,
department of Constitutional and municipal law,
Tyumen State University,
625003, 6 Volodarskogo st., Tyumen, Russian Federation;
e-mail: Suncovap@duma72.ru

Abstract

In this article, the authors make an attempt to analyze the experience of the work of the Constitutional Court of the Russian Federation in protecting the rights of the children, by studying the decisions and other generally binding decisions adopted in the analyzed field. The research is based on the basis of a formal dogmatic method consisting in the construction of classification and systematization of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation between 1991 and 2017, according to certain criteria, and the method of legal interpretation contributing to the clarification of the content of the analyzed legal acts. The article analyzes the constitutional principles on the basis of which the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation concerning the protection of children's rights are made, as well as a number of decisions in which the body of constitutional control concluded that the considered legal norms do not correspond to the Constitution. The results of this research can be used in understanding the content of the constitutional and legal status of the children, as well as in monitoring the current legislation in the field of protecting the rights of the child for its compliance with the Constitution of the Russian Federation.

For citation

Kazakov M.G., Suntsov A.P. (2018) Zashchita prav rebenka v deyatel'nosti Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii [Protection of the rights of the children in the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7 (1A), pp. 92-99.

Keywords

The Constitution of the Russian Federation, the rights of the children, the child's rights protection subject, the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation, the role of the Constitutional Court of the Russian Federation in protecting the rights of the child, the legal position, the constitutional principle, the principle of equality, the principle of the social state, the principle of state support for motherhood and childhood.

References

1. Federal'nyi konstitutsionnyi zakon ot 21.07.1994 № 1-FKZ (red. ot 28.12.2016) "O Konstitutsionnom Sude Rossiiskoi Federatsii" [Federal Constitutional Law of 21.07.1994 No. 1-FKZ (as amended on December 28, 2016) "On the Constitutional Court of the Russian Federation"] (1994). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of the legislation of the Russian Federation], 13, art. 1447.
2. Federal'nyi zakon ot 15.11.1997 № 143-FZ (red. ot 18.06.2017) "Ob aktakh grazhdanskogo sostoyaniya" [Federal Law of 15.11.1997 No. 143-FZ (Edited on 18.06.2017) "On Acts of Civil Status"] (1997). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of the legislation of the Russian Federation], 47, art. 5340.
3. Federal'nyi zakon ot 18.06.2001 № 77-FZ (red. ot 23.05.2016) "O preduprezhdenii rasprostraneniya tuberkuleza v Rossiiskoi Federatsii" [Federal Law No. 77-FZ of June 18, 2001 (as amended on May 23, 2016) "On preventing the spread of tuberculosis in the Russian Federation"] (2001). *Parlamentskaya gazeta* [Parliamentary newspaper], 114-115.
4. Federal'nyi zakon ot 24.07.1998 № 124-FZ (red. ot 28.12.2016) "Ob osnovnykh garantiyakh prav rebenka v Rossiiskoi Federatsii" [Federal Law No. 124-FZ of 24.07.1998 (as amended on December 28, 2016) "On Basic Guarantees of the Rights of the Child in the Russian Federation"] (1998). *Rossiiskaya gazeta* [Russian newspaper], 147.
5. Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993) [The Constitution of the Russian Federation (adopted by vote on 12.12.1993)] (2014). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of the legislation of the Russian Federation], 31, art. 4398.
6. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 24.12.2013 g. № 30-P "Po delu o proverke konstitutsionnosti statei 4, 5 i punkta 5 stat'i 14 Federal'nogo zakona "O preduprezhdenii rasprostraneniya tuberkuleza v Rossiiskoi Federatsii" v svyazi s zaprosami Pravitel'stva Volgogradskoi oblasti i Pravitel'stva Sakhalinskoi oblasti" [Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 24, 2013 No. 30-P "On the case on the verification of the constitutionality of articles 4, 5 and paragraph 5 of Article 14 of the Federal Law "On preventing the spread of tuberculosis in the Russian Federation" in connection with the requests of the Government of the Volgograd region and Government of the Sakhalin Region"] (2014). *Rossiiskaya gazeta* [Russian newspaper], 6.
7. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 01.12.1997 № 18-P "Po delu o proverke konstitutsionnosti otdel'nykh polozhenii stat'i 1 Federal'nogo zakona ot 24 noyabrya 1995 goda "O vnesenii izmenenii i dopolnenii v Zakon Rossiiskoi Federatsii "O sotsial'noi zashchite grazhdan, podverghshikhsya vozdeistviyu radiatsii vsledstvie katastrofy na Chernobyl'skoi AES" [Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 1, 1997 No. 18-P "On the case on the verification of the constitutionality of certain provisions of Article 1 of the Federal Law of November 24, 1995 "On amendments and additions to the law of the Russian Federation "On the social protection of citizens who have been influenced by radiation as a result of the disaster at the Chernobyl nuclear power plant"] (1997). *Vestnik Konstitutsionnogo Suda RF* [Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation], 6.
8. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 06.10.2017 № 23-P "Po delu o proverke konstitutsionnosti polozhenii punkta 2 stat'i 115 Semeinogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii i punkta 1 stat'i 333 Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii v svyazi s zhaloboi grazhdanina R.K. Kostyashkina" [Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 06.10.2017 No. 23-P "On the case on the verification of the constitutionality of the provisions of paragraph 2 of Article 115 of the Family Code of the Russian Federation and paragraph 1 of Article 333 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen R.K. Kostyashkin"] (2017). *Sobranie zakonodatel'stva*

RF [Collection of the legislation of the Russian Federation], 42.

9. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 16.06.2015 № 15-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti polozhenii stat'i 139 Semeinogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii i stat'i 47 Federal'nogo zakona "Ob aktakh grazhdanskogo sostoyaniya" v svyazi s zhaloboi grazhdan G.F. Grubich i T.G. Gushchinoi" [Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of 16.06.2015 No. 15-P "On the case on the verification of the constitutionality of the provisions of Article 139 of the Family Code of the Russian Federation and Article 47 of the Federal Law "On Civil Status Acts" in connection with the complaint of the citizens G.F. Grubich and T.G. Guschina"] (2015). *Vestnik Konstitutsionnogo Suda RF* [Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation], 5.
10. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 20.12.2011 № 29-P "Po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniya podpunkta 3 punkta 2 stat'i 106 Vozdushnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii v svyazi s zhalobami zakrytogo aktsionernogo obshchestva "Aviatsionnaya kompaniya "Polet" i otkrytykh aktsionernykh obshchestv "Aviakompaniya "Sibir" i "Aviakompaniya "YuTeir" [Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 20, 2011 No. 29-P "On the case on the verification of the constitutionality of the provision of subparagraph 3 of paragraph 2 of Article 106 of the Air Code of the Russian Federation in connection with complaints of closed joint stock company *Polet Airlines* and open joint-stock companies *Airline Siberia* and *UTair Aviation*"] (2012). *Vestnik Konstitutsionnogo Suda RF* [Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation], 1.
11. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 27.06.2017 № 17-P "Po delu o proverke konstitutsionnosti abzatsa pervogo punkta 1 stat'i 17 Federal'nogo zakona "Ob obyazatel'nom strakhovanii grazhdanskoi otvetstvennosti vladel'tsev transportnykh sredstv" v svyazi s zaprosom mirovogo sud'i sudebnogo uchastka № 1 Vyksunskogo sudebnogo raiona Nizhegorodskoi oblasti" [Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 27, 2017 No. 17-P "On the case on the verification of the constitutionality of the paragraph of the first paragraph 1 of Article 17 of the Federal Law "On compulsory insurance of civil liability of vehicle owners" in connection with the request of the magistrate of the judicial department No. 1 of the Vyksa Judicial District of the Nizhny Novgorod Region"] (2017). *Rossiiskaya gazeta* [Russian newspaper], 148.
12. Semeinyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 29.12.1995 № 223-FZ (red. ot 01.05.2017) [Family Code of the Russian Federation No. 223-FZ of December 29, 1995 (as amended on May 1, 2017)] (1996). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of the legislation of the Russian Federation], 1, art. 16.
13. Silant'eva N.A., Suntsov A.P. (2016) Praktika realizatsii konstitutsionnogo prava korennykh malochislennykh narodov na sokhranenie rodnogo yazyka (na primere Khanty-Mansiiskogo avtonomnogo okruga – Yugry) [Practice of realization of the constitutional right of indigenous small peoples to preserve their native language (on the example of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra)]. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal* [Eurasian juridical journal], 2 (93), pp. 189-191.
14. Suntsov A.P., Popova N.S. (2016) O rabote Soveta Federatsii Federal'nogo Sobraniya Rossiiskoi Federatsii po ukrepleniyu pozitsii russkogo yazyka na territorii Rossiiskoi Federatsii [On the work of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation on strengthening the position of the Russian language on the territory of the Russian Federation]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya* [Bulletin of the Tyumen State University. Socio-economic and legal research], 2 (2), pp. 125-140.
15. Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 01.06.2012 № 761 "O Natsional'noi strategii deistvii v interesakh detei na 2012–2017 gody" [Decree of the President of the Russian Federation of 01.06.2012 № 761 "On the National Strategy of Action for Children in 2012-2017"] (2012). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of the legislation of the Russian Federation], 23, art. 2994.

УДК 342.5

Конституционно-правовой статус совещательных органов при Президенте Республики Сингапур

Молчанова Дария Кирилловна

Соискатель

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Российская Федерация, Москва, просп. Вернадского, 76;
e-mail: dariya.molchanova@gmail.com

Аннотация

Сингапур является городом-государством, исторический путь развития которого наделил конституционный строй Сингапура определенными особенностями. Был предопределен порядок формирования высших органов государственной власти и функционирования всего государственного механизма. Сингапур известен своей нетерпимостью ко всем проявлениям коррупции, что предопределило круг органов и их полномочий в государственном механизме, направленных на борьбу с коррупцией. Немаловажным является и многонациональный и многоконфессиональный характер общества, налагающий на государство обязанность предусмотреть дополнительные гарантии защиты прав и интересов представителей различных групп и меньшинств. Настоящая статья посвящена анализу конституционно-правового статуса консультативных органов при Президенте Республики Сингапур, создание которых предусмотрено Конституцией и органическими законами для, с одной стороны, гарантии обеспечения прав и свобод граждан Сингапура, а с другой – для предотвращения сосредоточения власти в руках одного органа. В статье рассматриваются особенности правового статуса совещательных органов при Президенте Республики Сингапур, включая порядок формирования, полномочия и иные особенности, а также их место в государственном механизме.

Для цитирования в научных исследованиях

Молчанова Д.К. Конституционно-правовой статус совещательных органов при Президенте Республики Сингапур // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 7. № 1А. С. 100-111.

Ключевые слова

Конституционное право, конституция, Сингапур, консультативные органы, президент, кабинет, конституционно-правовой статус, государственный механизм, защита прав меньшинств, толкование Конституции.

Введение

С момента получения независимости сначала от Британской империи в 1963 г., а затем от Малайзии в 1965 г. и до настоящего момента институт главы государства Сингапура претерпел определенные изменения, повлиявшие на механизм осуществления государственной власти и, в частности, на необходимость создания дополнительных сдержек. Современные сингапурские исследователи, например профессор Национального университета Сингапура Чжан Ли Янь, определяют существующий государственный строй как «родительскую демократию», сравнивая построение отношений между государством и обществом с эволюцией отношений между родителем и ребенком по мере взросления последнего [Thio, 2014].

Сингапур – город-государство, обладающий следующими особенностями: во-первых, он является многонациональным и многоконфессиональным [Eng, 2008] государственным образованием, где, тем не менее, представителям всех этнических групп и меньшинств обеспечен равный доступ к государственной службе, что обуславливает демократическую природу государства. Учитывая полиэтничный и мультикультурный состав общества [Mathews, 2013], важнейшей задачей власти является защита прав и интересов национальных, религиозных и других меньшинств [Tan, 1989, 24], входящих в состав сингапурского общества.

Во-вторых, Сингапур является государством, где давно, еще до получения независимости от Британской империи, велась последовательная борьба с коррупцией, что оказало благотворное влияние на формирование деятельности государственного аппарата, сделав его более эффективным, обеспечив прозрачность его функционирования. В-третьих, значимую роль [Peng Er, Tan, 2013] в государственном механизме играет президент. Этому способствовало введение поста всеобщего избираемого президента, что существенно расширило легитимную основу его правового статуса. Президент не только является гарантом прав и свобод граждан [Баглай., Лейбо, Энтин, 2013], но и наделен правом вето в отношении решений кабинета [Tan, Thio, 2015]. Это служит, в частности, дополнительной гарантией от злоупотреблений финансовыми полномочиями в отношении денежных резервов, накопленных правительством в предыдущий срок. Президент обладает дискреционными полномочиями [Yap, 2015] по блокированию сделок или статей бюджета, затрагивающих эти денежные средства.

Таким образом был дополнен механизм сдержек и противовесов, поскольку избираемый президент получил дополнительные полномочия по контролю над кабинетом. Эти полномочия часто именуется как в СМИ [The Strait Times, www; Channel NewAsia, www], так и на официальных сайтах органов государственной власти [Singapore government, www] «опекунскими».

Президент также получил полномочия в сфере назначения на должности государственных служащих, что было призвано служить гарантией от кумовства и коррупции.

В своей деятельности президент опирается различные консультативные органы, такие как: Консультативный совет при президенте (Council of Presidential Advisers)¹, Совет при Президенте по правам меньшинств (Presidential Council for Minority Rights) и Президентский совет по

¹ В отечественной литературе можно встретить другие переводы данного органа на русский язык. Так, М.Ю. Мартынова называла его «Совет экспертов при Президенте», Л.М. Ефимова использует название «Комитет президентских советников». Принимая во внимание полномочия совещательных органов при президенте, на наш взгляд, более полно отражающим назначение данного органа переводом является «Консультативный совет при Президенте».

вопросам религиозной гармонии (Presidential Council for Religious Harmony). Конституция также предусматривает возможность создания по запросу президента специального трибунала ad hoc.

Консультативный совет при президенте

Деятельности Консультативного совета президента (КСП) посвящен раздел VA [Constitution of the Republic of Singapore (Amendment) Act 1991 (No. 5 of 1991)] Конституции Республики Сингапур, введенный конституционной поправкой 1991 г. [Tan, 2015], обращение к которому является обязательным для президента по всем финансовым вопросам и вопросам назначений на должности.

КСП состоит из восьми членов. В целях обеспечения обновления состава с регулярными двухгодичными интервалами Конституцией в зависимости от срока нахождения в должности предусмотрены три формации Совета (Ст. 37В Конституции Республики Сингапур). В первую формацию входят члены КСП, полномочия которых истекают 1 июня 2020 г.; период ротации – шесть лет. Одного члена по своему усмотрению назначает президент, двух других он назначает по рекомендации премьер-министра и Председателя Верховного суда. Вторая формация состоит из членов Совета, полномочия которых истекают 1 июня 2022 г.; период ротации составляет также шесть лет. Одного члена назначает президент по своему усмотрению, а двух других – по рекомендации премьер-министра и Председателя Комиссии по вопросам государственной службы. В третью формацию входят члены, чьи полномочия истекают 1 июня 2024 г. с каденцией в шесть лет. Один из них назначается президентом по своему усмотрению, а второй – по совету премьер-министра. Статья 37С предусматривает возможность назначения президентом двух резервных кандидатов, одного из которых он назначает по своему усмотрению, а второго – по рекомендации премьер-министра с согласия Председателя Верховного суда и Председателя Комиссии по вопросам государственной службы. Резервные члены могут быть назначены для замещения членов КСП, которые временно не могут в силу болезни, отсутствия или другой причины участвовать в заседаниях Совета или выполнять обязанности председателя. Замещающие члены назначаются сроком на четыре года.

Кандидаты на должность члена КСП должны состоять в гражданстве Сингапура, постоянно проживать на территории Сингапура, достичь возраста тридцати пяти лет и не подпадать под ограничения, связанные с психическим расстройством, с банкротством и со вступившим в силу приговором суда с мерой наказания в виде лишения свободы на срок от одного года или штрафа в размере двух тысяч долларов (последнее – при условии, что лицо не было помиловано).

При принятии соответствующими должностными лицами решения о назначении члена в Совет они должны учитывать честность и репутацию кандидата, наличие у кандидата соответствующего опыта².

Председатель Консультативного совета назначается президентом по его усмотрению из членов Совета.

Срок полномочий резервных членов составляет четыре года.

КСП дает рекомендации президенту по отдельным вопросам использования его дискреционного права вето. Президент обязан запрашивать консультацию у Совета по всем

² Данное положение было введено поправкой к Конституции Законом № 28 от 21 декабря 2016 г. от Constitution of the Republic of Singapore (Amendment) Act 2016 (No. 28 of 2016).

вопросам, связанным с его дискреционными полномочиями в области назначений на должности и финансовых резервов.

Заседания Консультативного совета проходят при закрытых дверях. Консультативный совет вправе запросить необходимую ему информацию у государственных служащих. В случае их вызова для участия в заседании Совета им запрещено в соответствии с Конституцией разглашать сведения, ставшие им известными в ходе такого заседания.

Председатель КСП выполняет функции, возложенные на президента, в случае болезни президента, его отсутствия в стране или вакантности его поста.

Если председатель Консультативного совета заменяет президента, он не может осуществлять функции члена Совета и участвовать в его заседаниях.

Председатель КСП слагает свои полномочия перед вновь избранным президентом в случае вступления в должность последнего в срок назначения председателя КСП. Полномочия члена КСП прекращаются в случае ухода в отставку, выхода из гражданства Сингапура, признания недееспособным, получения статуса банкрота, не освобожденного от обязательств, а также если в отношении него имеется вступивший в силу приговор суда с мерой пресечения в виде лишения свободы от одного года или штрафа от двух тысяч долларов.

Все вопросы, касающиеся действительности назначения или освобождения от должности члена Совета, должны быть рассмотрены трибуналом, состоящим из судьи Верховного суда, назначаемого председателем Верховного суда, и двух других лиц, назначаемых Советом.

Заседания трибунала проходят при закрытых дверях. Решение трибунала является окончательным и не подлежит обжалованию.

Согласно ст. 37I Конституции, Совет обязан консультировать президента по любым вопросам, адресованным президентом Совету. Президент запрашивает консультацию у КСП перед осуществлением любого своего дискреционного полномочия, за исключением следующих вопросов: согласие на проведение следственных мероприятий по фактам коррупции в отношении любого лица Службой по расследованию коррупционных проявлений; отмена, изменение, подтверждение или отклонение запретительного приказа, вынесенного согласно Закону о поддержании религиозной гармонии, если совет кабинета министров расходится с рекомендацией президентского совета по вопросам религиозной гармонии; согласие на продление срока задержания лица; назначение государственных служащих в аппарат президента; использование гражданского листа; назначение премьер-министра; объявление поста премьер-министра вакантным; временное замещение премьер-министра другим министром в случае болезни или отсутствия последнего; роспуск парламента (в частности, если пост премьер-министра стал вакантным и президенту очевидно, что в парламенте нет лица, пользующегося доверием большинства парламентариев) (ст. 65 Конституции); предоставление вынужденного отпуска председателю Верховного суда.

Кворум Совета составляет пять членов, включая председателя или члена, назначенного выполнять функции председателя. Любая рекомендация или решение принимаются большинством присутствующих и участвующих в голосовании членов. В случае распределения голосов поровну председатель обладает решающим голосом.

Заседания КСП проходят за закрытыми дверями; разглашение сведений, ставших известными в ходе заседания, возможно только с прямо выраженного разрешения президента.

В рамках КСП функционирует аппарат, который формируется Советом самостоятельно.

Совет при президенте по правам меньшинств

Совет при президенте по правам меньшинств (СППМ) учрежден в 1970 г. и первоначально был сформирован в соответствии с Конституцией как президентский совет. Текущее название орган получил в 1973 г.

СППМ посвящена часть VII Конституции. Главной задачей СППМ является проверка всех законодательных актов на предмет дискриминационного характера в отношении любого национального или религиозного сообщества. Свой отчет СППМ направляет в парламент. Кроме того, СППМ рассматривает вопросы, затрагивающие интересы какого-либо национального или религиозного сообщества, переданные ему парламентом или правительством.

Совет также наделен консультационными полномочиями, в рамках которых он дает рекомендации президенту по вопросам назначений членов Президентского совета по вопросам религиозной гармонии, Комитета по делам малайского сообщества и Комитета по делам индийского сообщества и других меньшинств.

Согласно ст. 69 Конституции Совет при Президенте по правам меньшинств состоит из председателя и не более двадцати членов (в настоящее время СППМ состоит из председателя, четырех постоянных членов, а также прочих двенадцати членов). Председатель назначается на три года, не более десяти членов могут быть назначены пожизненно, а все остальные члены СППМ назначаются на три года.

Председатель и члены СППМ назначаются президентом по согласию с кабинетом. Они могут быть назначены повторно. При невозможности участия в заседаниях СППМ кого-либо из его членов в течение трех или более месяцев председатель обязан уведомить об этом президента, который может назначить на этот срок другое лицо.

Членом СППМ может стать лицо, имеющее единственно гражданство Сингапура, достигшее возраста тридцати пяти лет, являющееся налоговым резидентом, дееспособным, не признанное банкротом [Ракитская, Молчаков, 2017]. Кроме того, в отношении него не должен быть вынесен обвинительный приговор суда Сингапура или Малайзии за преступление, преследуемое по закону Сингапура с мерой наказания в виде лишения свободы на срок больше года или выплаты штрафа в размере более двух тысяч долларов.

Отставка члена СППМ возможна в случае его выхода из сингапурского гражданства, добровольной отставки, а также в случае, если в отношении него начнут действовать вышеназванные ограничения.

Вопросы членства в СППМ рассматриваются особым трибуналом, состоящим из судьи Верховного суда, назначенного председателем Верховного суда, и двух членов, назначенных СППМ.

Трибунал, созываемый для рассмотрения вопросов членства, проводит свои заседания при закрытых дверях. Трибунал обязан предоставить лицу, вопрос о членстве которого рассматривается, возможность вызывать свидетелей и право быть выслушанным. Свое решение трибунал сообщает председателю СППМ; решение трибунала окончательное и обжалованию не подлежит.

Перед вступлением в должность председатель и члены СППМ приносят и подписывают в присутствии судьи Верховного суда клятву верности и клятву о неразглашении тайны.

Полномочия СППМ условно можно разделить на две группы: полномочия общего и специального характера. К полномочиям первой группы можно отнести предоставление

заклучений по вопросам, затрагивающим права и интересы лиц любой расовой или религиозной принадлежности в Сингапуре, которые были переданы в СППМ парламентом или правительством.

К полномочиям второй группы относится привлечение внимания к законопроекту или подзаконному акту, если они, по мнению СППМ, носят дискриминационный характер. Так, если какой-либо законопроект, внесенный в парламент, носит по смыслу ст. 68 Конституции Сингапура дискриминационный характер, т. е. в ходе своего применения будет вызывать неблагоприятные последствия для какого-либо национального/религиозного сообщества, такой законопроект должен быть пересмотрен парламентом. В ходе такого пересмотра парламент может или внести соответствующие изменения в законопроект и направить его на повторное рассмотрение в СППМ, или большинством голосов в $\frac{2}{3}$ утвердить текст законопроекта без изменений (Ст. 78 Конституции).

Таким образом, меньшинства обладают двойной защитой по Конституции: равенство всех перед законом и запрет дискриминации меньшинств в применении к ним норм закона [Keong, 2013].

После последнего чтения в парламенте и перед направлением законопроекта на подпись президенту спикер обязан направить заверенную копию законопроекта в СППМ. СППМ, в свою очередь, должен в течение тридцати дней с момента направления законопроекта в СППМ подготовить и направить спикеру свое заключение о том, будет ли какое-либо положение законопроекта носить дискриминационный характер в случае его принятия.

В случае непредоставления СППМ в установленный срок своего заключения считается, что СППМ не усмотрел в законопроекте дискриминационной составляющей.

Однако законопроект не направляется в СППМ в следующих случаях: если это – финансовый законопроект, если есть виза премьер-министра о том, что законопроект затрагивает вопросы безопасности, обороны, мира и порядка в Сингапуре, или виза премьер-министра о необходимости срочного принятия законопроекта в целях государственного интереса. В последнем случае, несмотря на утверждение законопроекта президентом, спикер должен как можно быстрее направить заверенную копию принятого закона в СППМ.

СППМ вправе проверять нормативные правовые акты, действующие с 09 января 1970 г., и готовить заключения, если таковые носят дискриминационный характер.

Председатель созывает и возглавляет заседания СППМ. В случае отсутствия председателя или вакантности поста председателя его функции возлагаются на одного из членов СППМ.

Кворум составляет восемь членов, включая председателя или члена, выбранного исполнять функции председателя. Решения принимаются большинством голосов присутствующих и голосующих членов. Председатель или член, его замещающий, не обладают правом решающего голоса. При разделении голосов поровну считается, что СППМ проголосовал отрицательно.

Заседания СППМ проходят при закрытых дверях, но, в отличие от КСП, на заседания не допускаются ни возражающие лица, ни свидетели.

Любой министр или парламентский секретарь, специально получивший разрешение премьер-министра, вправе присутствовать на заседаниях СППМ, как если бы они были членами СППМ, но без права голоса.

СППМ готовит и представляет президенту ежегодный отчет о своей работе. Президент направляет этот отчет в кратчайшие сроки в парламент. Так, согласно отчету [Annual Report of the Presidential Council for Minority Rights for the period 1 August 2015 to 31 July 2016, www] за период с 1 августа 2015 г. по 31 июля 2016 г., Совет провел пять заседаний, на которых были

рассмотрены девятнадцать законопроектов и триста пятьдесят пять подзаконных нормативных актов; в отчете [Annual Report of the Presidential Council for Minority Rights for the period 1 August 2016 to 31 July 2017, www] за период с 1 августа 2016 г. по 31 июля 2017 г. указано, что СППМ было проверено сорок четыре законопроекта и более четырехсот подзаконных нормативных актов в рамках десяти проведенных заседаний. При этом в отчетах указывается, что ни один из проектов нормативных документов не содержал признаков нарушения прав меньшинств. Такой объем проделанной СППМ работы свидетельствует о его реальном вовлечении в законодательный процесс.

В соответствии со ст. 8Е Закона о выборах президента [Presidential Elections Act..., 2011] Совет также принимает участие в формировании Комитета сообществ и подкомитетов [Singh, 2017]. В частности, премьер-министр назначает председателя Комитета сообществ, членов Комитета – представителей китайского, малайского и индийского сообществ, а также председателя каждого подкомитета³ из числа его членов по предложению СППМ. Таким образом, признавая необходимость постоянного учета [Parliamentary Elections Act..., 2011] многонационального характера Сингапура, законодатель обеспечивает равное право всех групп на доступ к управлению делами государства [Tan, 1989].

Президент может устанавливать правила взаимодействия СППМ и парламента, а также СППМ и любого другого органа, уполномоченного принимать подзаконные акты.

Президентский совет по вопросам религиозной гармонии

Президентский совет по вопросам религиозной гармонии (ПСВРГ) был учреждён [Neo, 2016] в соответствии с Законом о поддержании религиозной гармонии [Maintenance of Religious Harmony..., www].

В отличие от двух описанных выше советов, которым посвящены отдельные разделы Конституции, ПСВРГ лишь вскользь упоминается в Конституции (ст. 22 и 22I).

В отношении прав меньшинств Конституция содержит дополнительные гарантии равенства их перед законом [Keong, 2013, 99].

ПСВРГ дает министру внутренних дел [Teu, 2008] рекомендации по вопросам, затрагивающим поддержание религиозной гармонии в Сингапуре, которые он или парламент передал на рассмотрение Совета. ПСВРГ также консультирует президента по вопросам издания запретительных приказов во исполнение Закона о поддержании религиозной гармонии.

ПСВРГ включает от шести до пятнадцати членов и председателя. В настоящее время в его состав входят девять членов и председатель [The Istana, www].

Не менее двух третей состава ПСВРГ должны представлять главные религии Сингапура (буддизм, ислам, христианство, индуизм, даосизм, сикхизм); остальные назначаются из числа тех лиц, которые, по мнению СППМ, смогли отличиться на государственной службе или внесли значительный вклад в развитие отношений между различными сообществами Сингапура.

³Для обеспечения равного доступа к управлению делами государства представителям различных этнических меньшинств Конституцией Сингапура (ст. 19) предусмотрен специальный механизм, согласно которому выборы президента «резервируются» за тем сообществом, представители которого не занимали пост президента в течение последних пяти сроков. В этих целях формируется Комитет сообществ, состоящий из председателя, пяти членов – представителей китайского сообщества, пяти членов – представителей малайского сообщества и пяти членов индийского сообщества или другого сообщества меньшинств.

Председатель и члены ПСВРГ назначаются президентом по рекомендации СППМ на три года с правом последующего повторного назначения. Все члены ПСВРГ, за исключением председателя, могут быть назначены и на меньший срок, но не менее чем на один год.

Президент вправе, после консультации с СППМ, в любой момент отозвать назначение как председателя, так и любого члена, и произвести новые назначения по рекомендации СППМ в случае появления вакантного места в ПСВРГ.

К кандидатам в члены ПСВРГ предъявляются такие же требования, как и к членам вышеописанных органов.

Член ПСВРГ обязан освободить свой пост, если он вышел из гражданства Сингапура, написал заявление на имя председателя о несовместимости с членством в Совете.

Кворум ПСВРГ составляет половина списочного состава, включая председателя или лицо, выполняющее его функции. Заседания ПСВРГ возглавляет председатель, а в случае его отсутствия – избранный присутствующими на заседании из членов ПСВРГ.

Члены ПСВРГ являются государственными служащими и наделены иммунитетом против судебного преследования.

Заседания ПСВРГ проходят при закрытых дверях; никто из членов или сотрудников ПСВРГ не вправе раскрывать информацию, полученную в ходе заседаний, никому, кроме президента, министра внутренних дел, секретаря или других членов ПСВРГ, если только не будет получено разрешение министра внутренних дел об обратном.

Несмотря на то, что ПСВРГ призван обеспечивать соблюдение равенства прав меньшинств перед законом, существует позиция, согласно которой создание такого органа подтверждает тот факт, что некоторые категории граждан не могут самостоятельно отстаивать свои права и им требуется для этого помощь [Toh, 2017].

Трибунал ad hoc

Закон о поправке [Constitution of the Republic of Singapore (Amendment No. 2) Act 1994 (No. 17 of 1994), 1994] к Конституции Республики Сингапур 1994 г. ввел положение о возможности формирования специального трибунала, в полномочия которого входит предоставление заключения по любому вопросу, адресованному президентом, в отношении положений Конституции. Однако Президент связан в данном вопросе наличием соответствующей рекомендации премьер-министра [Neo, 2016, 145].

Трибунал должен в кратчайшие сроки рассмотреть запрос и представить президенту свое аргументированное мнение, но не позднее шестидесяти дней с момента подачи запроса. Особые мнения судей также доводятся до сведения президента с указанием соответствующего обоснования.

Важно отметить, что Конституция Сингапура не предусматривает процедур толкования ее положений судами [Tan, 2011]. В связи с этим указанное выше полномочие президента и коррелирующая ему обязанность трибунала имеют особенно большое значение.

В соответствии с Конституцией в составе трибунала – не менее трех судей Верховного суда. Правила Верховного суда уточняют данное положение: трибунал ad hoc состоит из председателя Верховного суда, а также двоих судей Верховного суда, назначаемых председателем Верховного суда [Supreme court of judicature act..., www]. Если председатель Верховного суда не может войти в состав трибунала ad hoc, он назначает по своему усмотрению не менее трех судей Верховного суда. Трибунал возглавляется председателем Верховного суда.

В заседаниях трибунала принимают участие представители тех групп, чьи интересы затрагиваются запросом, направленным в Трибунал. Генеральный прокурор оказывает содействие работе трибунала.

Выводы

Введенный в 1991 г. институт избираемого президента наделил главу государства определенными, весьма специфичными полномочиями, в первую очередь для сдерживания исполнительной ветви власти [Li-Ann, 2014]. При этом осуществление президентом Сингапура своих полномочий во многом обеспечивается созданием и функционированием таких консультативных органов при президенте, как Консультативный совет при Президенте, Совет при Президенте по правам меньшинств, Президентский совет по вопросам религиозной гармонии, а также трибунал ad hoc.

Модель конституционного секуляризма развивалась в Сингапуре в контексте признания за гражданами с различными религиозными убеждениями права участия в управлении государством. Представляется, что конституционно-правовой механизм функционирования консультативных органов при президенте Сингапура, с одной стороны, выступает неотъемлемой частью системы сдержек и противовесов, а с другой – обеспечивает соблюдение прав и законных интересов различных групп граждан (например, религиозных и этнических), что в совокупности позволяет говорить об успехе реализации положений Конституции Сингапура на практике.

Библиография

1. Баглай М.В., Лейбо Ю.И., Энтин Л.М. Конституционное право зарубежных стран. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: Инфра-М, 2013. 257 с.
2. Ефимова Л.М. Избирательная система Республики Сингапур // Ракитская И.А., Орлов А.Г., Ефимова Л.М. Современные избирательные системы: Нидерланды, Никарагуа, Сингапур. М., 2016. С. 314.
3. Ракитская И.А., Молчаков Н.Ю. (ред.). Актуальные проблемы сравнительного, зарубежного и российского конституционного права: сборник научных трудов. М.: МГИМО-Университет, 2017. С. 378.
4. Хабриева Т.Я. (ред.). Конституции государств Азии: в 3 т. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: Норма, 2010. С. 706.
5. Annual Report of the Presidential Council for Minority Rights for the period 1 August 2015 to 31 July 2016. URL: <http://library.parl.gov.sg/sites/default/files/paperpresented/pdf/2015/Command.6of2016.pdf>
6. Annual Report of the Presidential Council for Minority Rights for the period 1 August 2016 to 31 July 2017. URL: <http://library.parl.gov.sg/sites/default/files/paperpresented/pdf/2015/Command.12of2017.pdf>
7. Channel NewAsia. URL: <https://www.channelnewsasia.com/news/singapore/difficult-for-president-to-exercise-custodial-powers-without-man-7783252>
8. Constitution of the Republic of Singapore (Amendment No. 2) Act 1994 (No. 17 of 1994) // Government Gazette. 1994. No. 14.
9. Constitution of the Republic of Singapore (Amendment) Act 1991 (No. 5 of 1991) // Government Gazette. 25.01.1991. No. 3.
10. Constitution of the Republic of Singapore. URL: <https://sso.agc.gov.sg/Act/CONS1963>
11. Department of statistics of Singapore. URL: <http://www.singstat.gov.sg/statistics/latest-data#16>
12. Eng L.A. Religious Diversity in Singapore. Institute of Southeast Asian Studies, 2008. Pp. 605-632.
13. Keong C.S. Multiculturalism in Singapore // Singapore Academy of Law Journal. March 2013. Vol. 25. No. 1. Pp. 84-109.
14. Maintenance of Religious Harmony Act No. 26 of 1990 as revised on 31 July 2001. The Statutes of the Republic of Singapore, Chapter 167A, 2011.
15. Mathews M. Understanding Religious Freedom in Singapore // The Review of Faith And International Affairs. 2013.

- No. 11.
16. Neo J.L. (ed.). *Constitutional Interpretation in Singapore: Theory and Practice*. Routledge, 2016. Pp. 145-146.
 17. *Parliamentary Elections Act* originally enacted by Ordinance No. 26 of 1954 as revised on 15 April 2011 // *The Statutes of the Republic of Singapore*. Ch. 218. 2011. Article 27C.
 18. Peng Er L., Tan K. *Managing Political Change in Singapore: The Elected Presidency*. Routledge, 2013. Pp. 68-72.
 19. *Presidential Elections Act* originally enacted by Ordinance No. 27 of 1991 as revised on 15 July 2011. *The Statutes of the Republic of Singapore*, Ch. 240A, 2011.
 20. Singapore government. URL: <https://www.gov.sg/news/content/what-does-the-elected-president-do>
 21. Singh B. *Understanding Singapore Politics*. World Scientific Publishing Company, 2017. P. 28.
 22. Supreme court of judicature act. Chapter 322, Section 80. URL: <https://sso.agc.gov.sg/SL/SCJA1969-R5>
 23. Tan K. *Constitutional Law in Singapore*. Kluwer Law International, 2011. P. 58.
 24. Tan K.Y.L. *The Constitution of Singapore: a Contextual Analysis*. Bloomsbury Publishing, 2015. P. 132.
 25. Tan K.Y.L. *The Evolution of Singapore's Modern Constitution: Developments from 1945 to the Present Day* // *Singapore Academy of Law Journal*. 1989. No. 1. P. 27.
 26. Tan K.Y.L., Thio L.-A. *Singapore: 50 constitutional moments that defined a nation*. Singapore: Marshall Cavendish Editions, 2015. 175 p.
 27. Tey T.H. *Excluding Religion From Politics And Enforcing Religious Harmony – Singapore-Style* // *Singapore Journal of Legal Studies*. July, 2008. P. 128.
 28. The Istana. URL: <http://www.istana.gov.sg>
 29. *The Strait Times*. URL: <http://www.straitstimes.com/singapore/the-role-of-the-president>
 30. Thio L.-A. "We are feeling our way forward, step by step" The continuing Singapore experiment in the construction of communitarian constitutionalism in the twenty-first century's first decade // Chen A. *Constitutionalism in Asia in the early twenty-first century*. Cambridge University Press, 2014. P. 294.
 31. Toh Y.C. *Racial Harmony Day in Singapore: 20 years on* // *The Straits Times*. 23 July 2017. P. 5.
 32. Yap P.J. *Constitutional Dialogue in Common Law Asia*. Oxford University Press, 2015. 52 p.

Constitutional and legal status of the Presidential Advisory Bodies in the Republic of Singapore

Dariya K. Molchanova

Applicant,
Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
119454, 76 Vernadskogo av., Moscow, Russian Federation;
e-mail: dariya.molchanova@gmail.com

Abstract

Singapore is a city-state whose historical path of development has endowed the constitutional order of Singapore with certain features. The order of formation of the highest bodies of state power and functioning of all state mechanism was predetermined. Singapore is known for its intolerance to all forms of corruption, which had led to the establishment of bodies and their powers in the state machinery aimed at combating corruption. The multi-ethnic and multi-confessional nature of society, which imposes on the state the obligation to provide additional guarantees for the protection of the rights and interests of representatives of different groups and minorities, is also important. This article analyzes the constitutional and legal status of deliberative bodies under the President of the Republic of Singapore, the creation of which is provided by the Constitution and organic laws for the guarantee of the rights and freedoms of citizens of Singapore and prevention of the

concentration of power in the hands of one body. The article discusses the features of the legal status of deliberative bodies under the President of the Republic of Singapore, including the order of formation, powers and other features, as well as their place in the state mechanism.

For citation

Molchanova D.K. (2018) Konstitutsionno-pravovoi status soveshchatel'nykh organov pri Prezidente Respubliki Singapur [Constitutional and legal status of the deliberative bodies under the President of the Republic of Singapore]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7 (1A), pp. 100-111.

Keywords

Constitutional law, constitution, Singapore, deliberative bodies, president, cabinet, constitutional and legal status, state machinery, protection of minority rights, constitutional interpretation.

References

1. *Annual Report of the Presidential Council for Minority Rights for the period 1 August 2015 to 31 July 2016*. Available at: <http://library.parl.gov.sg/sites/default/files/paperpresented/pdf/2015/Command.6of2016.pdf> [Accessed 29/02/18].
2. *Annual Report of the Presidential Council for Minority Rights for the period 1 August 2016 to 31 July 2017*. Available at: <http://library.parl.gov.sg/sites/default/files/paperpresented/pdf/2015/Command.12of2017.pdf> [Accessed 28/02/18].
3. Baglai M.V., Leibo Yu.I., Entin L.M. (2013) *Konstitutsionnoe pravo zarubezhnykh stran* [Constitutional law of foreign countries], 3th ed. Moscow: Norma: Infra-M Publ.
4. *Channel NewAsia*. Available at: <https://www.channelnewsasia.com/news/singapore/difficult-for-president-to-exercise-custodial-powers-without-man-7783252> [Accessed 24/02/18].
5. Constitution of the Republic of Singapore (Amendment No. 2) Act 1994 (No. 17 of 1994) (1994). *Government Gazette*, 14.
6. Constitution of the Republic of Singapore (Amendment) Act 1991 (No. 5 of 1991) (1991). *Government Gazette*, 3, 25th January.
7. *Constitution of the Republic of Singapore*. Available at: <https://sso.agc.gov.sg/Act/CONS1963> [Accessed 29/02/18].
8. *Department of statistics of Singapore*. Available at: <http://www.singstat.gov.sg/statistics/latest-data#16> [Accessed 12/01/18].
9. Efimova L.M. (2016) Izbiratel'naya sistema Respubliki Singapur [Electoral system of the Republic of Singapore]. In: Rakitskaya I.A., Orlov A.G., Efimova L.M. *Sovremennye izbiratel'nye sistemy* [Modern electoral systems]. Niderlandy, Nikaragua, Singapur; Moscow, p. 314.
10. Eng L.A. (2008) *Religious Diversity in Singapore*. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, pp. 605-632.
11. Keong C.S. (2013) Multiculturalism in Singapore. *Singapore Academy of Law Journal*, 25(1), March, pp. 84-109.
12. Khabrieva T.Ya. (ed.). (2010) *Konstitutsii gosudarstv Azii* [Constitutions of the states of Asia], in 3 vols. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; Norma Publ.
13. Maintenance of Religious Harmony Act No. 26 of 1990 as revised on 31 July 2001 (2011). *The Statutes of the Republic of Singapore*, 167A.
14. Mathews M. (2013) Understanding Religious Freedom in Singapore. *The Review of Faith and International Affairs*, 11.
15. Neo J.L. (ed.) (2016) *Constitutional Interpretation in Singapore: Theory and Practice*. Routledge.
16. Parliamentary Elections Act originally enacted by Ordinance No. 26 of 1954 as revised on 15 April 2011 (2011). *The Statutes of the Republic of Singapore*, 218, Art. 27C.
17. Peng Er. L., Tan K. (2013) *Managing Political Change in Singapore: The Elected Presidency*. Routledge.
18. Presidential Elections Act originally enacted by Ordinance No. 27 of 1991 as revised on 15 July 2011 (2011). *The Statutes of the Republic of Singapore*, 240A.
19. Rakitskaya I.A., Molchakov N.Yu. (eds.). *Aktual'nye problemy sravnitel'nogo, zarubezhnogo i rossiiskogo konstitutsionnogo prava* [Actual problems of comparative, foreign and Russian constitutional law]. Moscow: Moscow State Institute (University) of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

20. *Singapore government*. Available at: <https://www.gov.sg/news/content/what-does-the-elected-president-do> [Accessed 29/02/18].
21. Singh B. *Understanding Singapore Politics* (2017). Singapore: World Scientific Publishing Company.
22. *Supreme court of judicature act. Chapter 322, Section 80*. Available at: <https://sso.agc.gov.sg/SL/SCJA1969-R5> [Accessed 16/01/18].
23. Tan K. (2011) *Constitutional Law in Singapore*. Singapore: Kluwer Law International.
24. Tan K.Y.L. (1989) The Evolution of Singapore's Modern Constitution: Developments from 1945 to the Present Day. *Singapore Academy of Law Journal*, 1, p. 27.
25. Tan K.Y.L. (2015) *The Constitution of Singapore: a Contextual Analysis*. London: Bloomsbury Publishing.
26. Tan K.Y.L., Thio L.-A. (2015) *Singapore: 50 constitutional moments that defined a nation*. Singapore: Marshall Cavendish Editions.
27. Tey T.H. (2008) Excluding Religion from Politics and Enforcing Religious Harmony – Singapore-Style. *Singapore Journal of Legal Studies*, July, p. 128.
28. *The Istana*. Available at: <http://www.istana.gov.sg> [Accessed 11/02/18].
29. *The Strait Times*. Available at: <http://www.straittimes.com/singapore/the-role-of-the-president> [Accessed 16/02/18].
30. Thio L.-A. (2014) "We are feeling our way forward, step by step". The continuing Singapore experiment in the construction of communitarian constitutionalism in the twenty-first century's first decade. In: Chen A. *Constitutionalism in Asia in the early twenty-first century*. Cambridge: Cambridge University Press, p. 294.
31. Toh Y.C. (2017) Racial Harmony Day in Singapore: 20 years on. *The Straits Times*, 23th July, p. 5.
32. Yap P.J. (2015) *Constitutional Dialogue in Common Law Asia*. Oxford: Oxford University Press.

УДК 34**Гарантии реализации конституционного права иностранных граждан на жилище в Российской Федерации****Павловский Александр Сергеевич**

Аспирант,
Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
117218, Российская Федерация, Москва, Б. Черемушкинская ул., 34;
e-mail: alexandr.pavlovski@gmail.com

Аннотация

В статье исследуются особенности правового обеспечения конституционного права иностранных граждан на жилище в Российской Федерации. На основе классификации, закрепленной в миграционном законодательстве, автором анализируется объем правовых возможностей по реализации права на жилище в зависимости от принадлежности иностранного гражданина к той или иной категории. Основным препятствием на пути реализации конституционного права иностранных граждан на жилище является отсутствие рынка жилья, который соответствовал бы высокому уровню иммиграционного притока в Российскую Федерацию. Исследование общих и специальных гарантий реализации права иностранных граждан на жилище, сформулированных в законодательстве, указывает на важность сочетания правовых и экономических механизмов в процессе обеспечения указанного права. Принимая во внимание геополитические особенности Российской Федерации, автор пришел к выводу о невозможности обеспечения права иностранных граждан на жилище исключительными государственными усилиями. В этой связи необходимо проведение комплекса организационных и правовых мер, направленных на создание условий для более широкого привлечения некоммерческих организаций к проблеме поиска жилья для иностранных граждан в Российской Федерации. Необходимым также представляется включение критерия обеспеченности жильем в перечень ключевых индикаторов адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации.

Для цитирования в научных исследованиях

Павловский А.С. Гарантии реализации конституционного права иностранных граждан на жилище в Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 7. № 1А. С. 112-122.

Ключевые слова

Иностранные граждане, конституционное право на жилище, правовые гарантии, миграционное законодательство, адаптация, интеграция, некоммерческие организации.

Введение

Всеобщая декларация прав человека называет право на жилище одним из первейших условий для достижения достойного жизненного уровня (ч. 1 ст. 25)¹. Аналогичная норма сформулирована в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах» (ч. 1 ст. 11)². Российская Федерация, выступая полноправным членом международного сообщества, а также стремясь к обеспечению условий для достойной жизни и свободного развития человека, закрепляет право каждого человека на жилище в Основном законе государства. Никто не может быть произвольно лишен жилища (ч. 1 ст. 40). Органы публичной власти обязаны создавать условия для осуществления права на жилище (ч. 2 ст. 40). Тем самым созданы конституционные основы стабильного пользования человеком своим жилищем, а также возможность улучшения жилищных условий.

Основная часть

Необходимо обратить внимание, что конституционное право на жилище по своей юридической природе является конституционно-правовым институтом и в качестве отдельного элемента входит в правовой статус иностранных граждан и лиц без гражданства, законно находящихся в Российской Федерации. В юридической литературе иногда отмечается, что закрепление права на жилище в Конституции Российской Федерации сложно назвать гарантированным [Дмитриев, 2009]. Формулировка «каждый имеет право» звучит более размыто и декларативно по сравнению, например, с возможной формулировкой «каждому гарантируется право на жилище», которое обязывало бы органы публичной власти к вполне конкретным действиям.

Представляется, что для подобного вывода нет достаточных оснований, поскольку Конституция Российской Федерации неоднократно опирается на конструкцию «каждый имеет право» (при закреплении права на жизнь, на свободу и личную неприкосновенность, на отдых и т.д.), подразумевая наличие системы гарантий реализации права в нормах отраслевого законодательства. Более того, если говорить о праве каждого человека на жилище, то уже в самом тексте Основного закона (ч. 2 ст. 40) предусмотрена одна из гарантий его реализации: органы государственной власти и органы местного самоуправления поощряют жилищное строительство и создают условия для осуществления права на жилище.

Конституционные нормы о праве на жилище и его обеспечении являются базой для развития и совершенствования жилищного законодательства, которое вместо термина «жилище» использует понятие «жилое помещение»³ [Шипика, 2011]. Нормой ч. 2 ст. 15 Жилищного кодекса Российской Федерации (далее – ЖК РФ)⁴ жилое помещение определяется как изолированное помещение, которое является недвижимым имуществом и пригодно для постоянного проживания граждан (отвечает установленным санитарным и техническим правилам и нормам, иным требованиям законодательства).

¹ Российская газета. 1995. № 67.

² Ведомости ВС СССР. 1976. № 17. Ст. 291.

³ В литературе высказывается мнение о том, что категории «жилище» и «жилое помещение» являются отражением одного и того же понятия в разных отраслях права.

⁴ СЗ РФ. 2005. № 1 (часть 1). Ст. 14.

Следует отметить, что термин «граждане», который используется в дефиниции «жилое помещение», употребляется, очевидно, в частноправовом смысле, объединяя собой всех физических лиц, независимо от гражданства. Это означает, что иностранные граждане также являются носителями конституционного права на жилище, которое получает дополнительное развитие и конкретизацию в нормах жилищного законодательства. В норме ч. 3 ст. 4 ЖК РФ закреплено, что его положения применяются к жилищным отношениям с участием иностранных граждан и лиц без гражданства, если иное прямо не установлено федеральным законодательством.

Несмотря на то, что проблема обеспечения права иностранных граждан на жилище в Российской Федерации признается в юридической литературе весьма острой [Колокольцев, 2014], правовые механизмы обеспечения указанного права в науке освещены слабо. Имеющиеся исследования носят, как правило, социологическую направленность, а в качестве субъектов реализации права на жилище в них выступают «мигранты» – категория лиц, не предусмотренная российским миграционным законодательством [Смоляков, 2016]. Итоги подобных исследований зачастую носят абстрактный характер и ограничиваются постановкой проблемы. В связи с этим, в рамках настоящей статьи необходимо четко указать на случаи ограничения иностранных граждан в жилищных правоотношениях, а также обратить внимание на предусмотренную российским законодательством систему общих и специальных гарантий реализации конституционного права иностранных граждан на жилище. Кроме того, надлежит избегать использования абстрактного понятия «мигрант» при описании механизма обеспечения социального права на жилище, поскольку такой прием не имеет полезного юридического содержания. Следует исходить из того, что различные категории иностранных граждан имеют разные возможности по реализации права на жилище.

Прежде всего, иностранные граждане не обладают равными правовыми возможностями для реализации права на жилище по сравнению с гражданами Российской Федерации. Анализ положений ЖК РФ позволяет сделать вывод о наличии следующих четырех случаев исключения иностранных граждан из жилищных правоотношений:

-во-первых, иностранные граждане не могут являться стороной договора социального найма жилого помещения. Это означает, что лицам, не являющимся гражданами Российской Федерации, жилые помещения по договору социального найма не предоставляются (ч. 5 ст. 49);

-во-вторых, иностранным гражданам не могут быть предоставлены жилые помещения для проживания детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, по договорам найма специализированных жилых помещений (ч. 2 ст. 109.1);

-в-третьих, иностранным гражданам не предоставляются жилые помещения по договорам найма жилых помещений жилищного фонда социального использования (ч. 3 ст. 91.3);

-в-четвертых, иностранным гражданам не предоставляются субсидии на оплату жилого помещения и коммунальных услуг (ч. 12 ст. 159).

Возможность участия иностранных граждан в любом из указанных выше жилищных отношений допускается только в случае, если это прямо предусмотрено международным договором Российской Федерации.

Запреты на участие иностранных граждан в отдельных жилищных отношениях не исчерпываются нормами ЖК РФ и содержатся также в иных федеральных законах. Так, в дополнение к уже обозначенным ограничениям, иностранные граждане лишены права на приватизацию жилых помещений. Такой вывод следует из ст. 1 Закона Российской Федерации

от 4 июля 1991 г. № 1541-1 «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации»⁵, согласно которой правом на приватизацию обладают исключительно граждане Российской Федерации.

За рамками перечисленного иностранные граждане и лица без гражданства, законно находящиеся на территории Российской Федерации, имеют право свободного выбора жилых помещений для проживания в качестве собственников, нанимателей или на иных основаниях, предусмотренных законодательством (ч. 4 ст. 1 ЖК РФ).

Таким образом, не существует каких-либо ограничений, запрещающих иностранным гражданам становиться участниками гражданско-правовых отношений, предметом которых выступает жилое помещение (договоры купли-продажи и найма жилого помещения). Правовым основанием для таких действий являются нормы ст. 558 и главы 35 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)⁶, в которых под термином «граждане» подразумевается не правовая связь лица с государством (гражданство), а только лишь принадлежность субъекта права к категории физических лиц.

Следует обратить внимание, с правом на жилище непосредственно связано право иностранных граждан свободно выбирать место жительства. Указанное право, сформулированное на уровне ЖК РФ (ч. 4 ст. 1), является одновременно и конституционным правом иностранных граждан. В силу ч. 1 ст. 27 Конституции Российской Федерации каждый, кто законно находится на территории Российской Федерации, имеет право свободно выбирать место жительства. Из текста нормы очевидно, что она носит исчерпывающий характер и не предусматривает наличие исключений из общего правила в нормах федерального законодательства.

Вместе с тем, в соответствии с ч. 2 ст. 11 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»⁷ (далее – Закон об иностранных гражданах) иностранные граждане, временно проживающие в Российской Федерации (на основании РВП), не вправе по собственному желанию изменять место своего проживания в пределах субъекта Российской Федерации, на территории которого им разрешено временное проживание, или избирать место своего проживания вне пределов указанного субъекта Российской Федерации. Тем самым свобода иностранных граждан, временно проживающих в Российской Федерации, на выбор места жительства необоснованно ограничивается положениями федерального законодательства. Указанное правовое регулирование нарушает норму ч. 1 ст. 15 Конституции Российской Федерации, согласно которой законы и иные правовые акты не должны противоречить положениям Основного закона, который имеет высшую юридическую силу и прямое действие на всей территории Российской Федерации.

Конституционное право иностранных граждан на жилище гарантируется общими и специальными мерами, нашедшими отражение в законодательстве федерального уровня. К общим мерам по обеспечению условий для осуществления права иностранных граждан на жилище ЖК РФ (ст. 2) относит действия органов государственной власти и органов местного самоуправления, которые:

⁵ Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 28. Ст. 959.

⁶ СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

⁷ СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3032.

- 1) содействуют развитию рынка недвижимости в жилищной сфере;
- 2) стимулируют жилищное строительство;
- 3) обеспечивают защиту прав и законных интересов лиц, приобретающих жилые помещения и пользующихся ими на законных основаниях, потребителей коммунальных услуг, а также услуг, касающихся обслуживания жилищного фонда;

4) обеспечивают контроль за использованием и сохранностью жилищного фонда и др.

Специальные меры, направленные на обеспечение права иностранных граждан на жилище в Российской Федерации, предусмотрены в ч. 5 ст. 16 Закона об иностранных гражданах, и связаны с порядком оформления приглашения на въезд в Российскую Федерацию. Приглашающая сторона одновременно с ходатайством о выдаче приглашения представляет в компетентный федеральный орган исполнительной власти или его территориальный орган гарантии материального, медицинского и жилищного обеспечения иностранного гражданина на весь период его пребывания в Российской Федерации. Порядок предоставления указанных гарантий установлен Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 марта 2003 г. № 167 «О порядке предоставления гарантий материального, медицинского и жилищного обеспечения иностранных граждан и лиц без гражданства на период их пребывания в Российской Федерации»⁸ (далее – Постановление об обеспечении иностранных граждан).

В соответствии с п. 3 Постановления об обеспечении иностранных граждан, гарантией жилищного обеспечения иностранного гражданина на период его пребывания на территории Российской Федерации является гарантийное письмо приглашающей стороны, которая принимает на себя обязательства по жилищному обеспечению иностранного гражданина в соответствии с социальной нормой площади жилья, установленной органом государственной власти соответствующего субъекта Российской Федерации.

Однако, как следует из п. 1 ст. 25 Федерального закона от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»⁹ приглашение на въезд в Российскую Федерацию, предусматривающее предоставление гарантий жилищного обеспечения иностранного гражданина, оформляется в отношении тех иностранных граждан, которым для въезда в Россию требуется получение визы. Соответственно, иностранные граждане, имеющие в соответствии с международными договорами Российской Федерации право безвизового въезда, не входят в круг лиц, на которых распространяется указанная гарантия. К их числу, в частности, относятся граждане стран Содружества Независимых государств (далее – СНГ, Содружество), составляющие абсолютное большинство иностранных граждан, прибывающих в Российскую Федерацию для осуществления трудовой деятельности (69,3 % за 2016 г.) [Седлов, 2016]¹⁰.

Несмотря на то, что государства-члены СНГ «сознают значение и масштабы трудовой миграции» в рамках Содружества, Соглашение от 15 апреля 1994 г. «О сотрудничестве в области трудовой миграции и социальной защиты трудящихся-мигрантов»¹¹ не содержит каких-либо дополнительных гарантий реализации права трудящихся-мигрантов на жилище. Следует учитывать, что в случае самостоятельного поиска жилья трудящиеся-мигранты из стран СНГ

⁸ СЗ РФ. 2003. № 13. Ст. 1240.

⁹ СЗ РФ. 1996. № 34. Ст. 4029.

¹⁰ См.: МВД: большинство прибывших в прошлом году в РФ иностранцев – граждане СНГ // URL: <http://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/40593>

¹¹ СЗ РФ. 1995. № 17. Ст. 1457.

сталкиваются с неподъемной стоимостью арендной платы (с учетом ежемесячной платы, депозита и оплаты услуг посредника). Кроме того, поиск жилья выходцами из Центральной Азии осложняется негативными стереотипами, которые существуют у российских наймодателей жилья. Подобное положение вещей открывает широкие коррупционные возможности и обостряет криминогенную ситуацию [Защита социальных..., 2012].

Повышенные, по сравнению с иными категориями иностранных граждан, гарантии обеспечения жильем имеют лица, признанные беженцами и вынужденными переселенцами в соответствии с Федеральным законом от 19 февраля 1993 г. № 4528-1 «О беженцах»¹² (далее – Закон о беженцах) и Законом Российской Федерации от 19 февраля 1993 г. № 4530-1 «О вынужденных переселенцах» (далее – Закон о вынужденных переселенцах)¹³. Для их обеспечения в специализированном жилищном фонде предусмотрены жилые помещения для временного поселения лиц, признанных беженцами (п. 6 ч. 1 ст. 92 ЖК РФ). В соответствии с ч. 3 ст. 11 Закона о беженцах создание фонда жилья для временного поселения является расходным обязательством Российской Федерации. При этом жилое помещение из фонда жилья для временного поселения не подлежит приватизации, обмену, бронированию и сдаче в поднаем. Вынужденным переселенцам жилые помещения предоставляются в порядке очередности по договорам найма жилых помещений фонда для временного поселения вынужденных переселенцев на срок действия их специального правового статуса.

Несмотря на имеющиеся в законодательстве гарантии реализации права иностранных граждан на жилище, проблема жилищного обеспечения иностранных граждан в Российской Федерации является одной из самых острых в современной миграционной политике. В юридической литературе отмечается, что неразвитость жилищного фонда является фактором, препятствующим формированию рынка рабочей силы за счет мигрантов, поскольку у предприятий почти нет общежитий, и они не столь рентабельны, чтобы оплачивать частное жилье работникам. При передаче подведомственными предприятиями объектов соцкультбыта муниципалитетам предполагалось, что последние обеспечат их функционирование. На деле же бывшие общежития либо были проданы, либо сданы в аренду. Строительство новых не ведется. В результате в городах отсутствуют необходимые объемы дешевого жилья, доступного низкооплачиваемым работникам. По этой причине работодатель прибегает к размещению иностранных рабочих в непригодных для проживания помещениях. Многие иностранные граждане живут в ужасных санитарно-гигиенических условиях, не соответствующих конституционному понятию «достойная жизнь».

Поиск дополнительных правовых возможностей для решения вопроса жилищного обеспечения иностранных граждан имеет ключевое значение для их успешной трудовой деятельности и культурной акклиматизации в принимающем обществе. Сказанное приобретает особую актуальность в условиях формирования механизма социокультурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации, главной задачей которого является создание устойчивых правовых, экономических, социальных и культурных связей иностранных граждан с российским обществом. Более того, отсутствие жилья в определенных законом случаях имеет негативные правовые последствия для иностранных граждан. Необеспеченность жильем по истечении трех лет со дня въезда в Россию является основанием для

¹² Российская газета. 1997. № 126.

¹³ СЗ РФ. 1995. № 52. Ст. 5110.

отказа в выдаче или аннулирования ранее выданных иностранному гражданину РВП либо вида на жительство (п. 9 ч. 1 ст. 7, п. 9 ч. 1 ст. 9 Закона об иностранных гражданах).

В Российской Федерации, как отмечают исследователи, пока не сложился соответствующий иммиграционному притоку рынок жилья, отсутствует развитая система общежитий для иностранных граждан¹⁴. Одним из возможных вариантов решения проблемы могло бы стать формирование усилиями органов местного самоуправления и работодателей временного жилищного фонда, который сыграл бы значительную роль в адаптации и интеграции иностранных работников, а также повысил уровень контроля за их деятельностью¹⁵.

В условиях ориентации российской миграционной политики на привлечение иностранной рабочей силы, востребованной отечественной экономикой¹⁶, важным представляется создание дополнительных гарантий обеспечения права на жилье для иностранных высококвалифицированных специалистов (далее – ВКС). В Стратегии развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014 – 2020 годы и на перспективу до 2025 года¹⁷ подчеркивается, что повысить привлекательность страны помогут льготные программы, облегчающие обеспечение жильем ВКС. По этому пути идут многие зарубежные государства с развитой экономикой. Удовлетворение основных социальных прав иностранных ВКС находит отражение в программах, действующих в Канаде, Австралии, Ирландии, США и др.

В Российской Федерации в отношении иностранных ВКС предусмотрен ряд преференций при оформлении их трудовой деятельности (работодателю не требуется разрешение на использование труда иностранцев, на ВКС не распространяется действующая система квотирования), однако в вопросе обеспечения жильем какие-либо специальные правовые механизмы отсутствуют. И если в отношении иностранных ВКС это возможно объяснить их способностью самим обеспечить себя жильем, то отсутствие механизмов по предоставлению жилья низкооплачиваемым иностранным работникам по-прежнему остается серьезной проблемой миграционного законодательства.

При этом важно обратить внимание на то, что качественное решение вопроса обеспечения конституционного права иностранных граждан на жилье исключительно правовыми средствами не представляется возможным. В науке подчеркивается, что единичное, точечное воздействие на миграционные процессы вряд ли будет эффективным, поэтому требуется совместное влияние как со стороны правовых, так и экономических механизмов [Морозов, 2014]. Подобный подход демонстрируется зарубежными федеративными государствами с традиционно высоким уровнем иммиграционного притока. Так, в Германии, к обеспечению иностранцев жильем привлекаются предприниматели и ресурсы частного сектора [Фисенко, Хогрефе, 2016]. Похожие механизмы используются в Канаде, в которой поиск иммигрантом жилища

¹⁴ См.: Вебинар «Миграция в ЕАЭС». URL: <http://russiancouncil.ru/news/vebinar-migratsiya-v-eaes/>

¹⁵ См.: Заседание Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям // Публичное и частное право. Выпуск IV (XX), октябрь-декабрь. – М., 2013. С. 34.

¹⁶ Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом РФ от 13 июня 2012 г.) // URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244/> (дата обращения: 01.07.2017).

¹⁷ См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 1 ноября 2013 г. № 2036-р «Об утверждении Стратегии развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014-2020 годы и на перспективу до 2025 года» // СЗ РФ. 2013. № 46. Ст. 5954.

включается в первую стадию его адаптации в новом обществе [Richmond, Shields, 2005]. Реализации иммигрантом указанного права способствуют организации неправительственного сектора, предлагающие услуги по поиску жилья [Chappel, 2010]. В Австралии на основе Humanitarian Settlement Program (HSP) мигрантам оказывается комплекс социальных услуг, который включает поиск жилища¹⁸.

Заключение

Таким образом, конституционное право иностранных граждан и лиц без гражданства на жилище получает развитие в нормах федерального законодательства, которое дифференцированно подходит к вопросу обеспечения жильем различных категорий иностранных граждан. Наряду с так называемыми вынужденными мигрантами (беженцами, вынужденными переселенцами), гарантии реализации права на жилище имеют иностранные граждане, прибывшие в Российскую Федерацию на основании приглашения на въезд. Вместе с тем, имеющихся в законодательстве гарантий по-прежнему недостаточно для решения проблемы обеспечения жильем иностранных граждан. В условиях высокого иммиграционного притока в Российскую Федерацию, а также с учетом ориентации миграционной политики на привлечение иностранных специалистов на постоянное место жительства, особенно важен поиск дополнительных правовых возможностей реализации иностранными гражданами права на жилище. Перспективным представляется включение показателя обеспеченности жильем в перечень характеристик, необходимых иностранному гражданину для успешной адаптации и интеграции в российское общество.

Библиография

1. Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей Генеральной Ассамблее ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.) // Российская газета. 1995. № 67.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410
3. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1 (часть 1). Ст. 14.
4. Закон Российской Федерации от 19 февраля 1993 г. № 4530-1 «О вынужденных переселенцах» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 52. Ст. 5110.
5. Закон Российской Федерации от 4 июля 1991 г. № 1541-1 «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 28. Ст. 959.
6. Заседание Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям // Публичное и частное право. Выпуск IV (XX), октябрь-декабрь. М., 2013. С. 7-43.
7. Защита социальных и трудовых прав мигрантов на пространстве СНГ. Аналитический сборник. М., 2012. С. 148.
8. Колокольцев А.В. Конституционно-правовые гарантии защиты прав экономических мигрантов в Российской Федерации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 1. С. 155-160.
9. Конституция Российской Федерации: доктринальный комментарий (постатейный) (под ред. Ю.А. Дмитриева). М., 2009. 616 с.
10. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. № 31. Ст. 4398.

¹⁸ См.: Humanitarian Settlement Program. URL: <http://www.dss.gov.au/settlement-and-multicultural-affairs/programs-policy/settlement-services/humanitarian-settlement-program>

11. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом РФ от 13 июня 2012 г.).
12. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Нью-Йорк, 19 декабря 1966 г.) // Ведомости ВС СССР. 1976. № 17. Ст. 291.
13. Морозов П.Е. Конституционные основы современной реформы правового регулирования трудовой миграции в Германии. М., 2014. С. 55-64.
14. Постановление Правительства Российской Федерации от 24 марта 2003 г. № 167 «О порядке предоставления гарантий материального, медицинского и жилищного обеспечения иностранных граждан и лиц без гражданства на период их пребывания в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 13. Ст. 1240.
15. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 1 ноября 2013 г. № 2036-р «Об утверждении Стратегии развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014-2020 годы и на перспективу до 2025 года» // СЗ РФ. 2013. № 46. Ст. 5954.
16. Седлов А. Смена миграционной парадигмы в странах ЕС и в России // Общество и экономика. 2016. № 12. С. 18-27.
17. Смольяков А.А., Смольяков А.А. Проблемы реализации социальных прав мигрантов в Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 1. С. 63-68.
18. Соглашение от 15 апреля 1994 г. «О сотрудничестве в области трудовой миграции и социальной защиты трудящихся-мигрантов» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 17. Ст. 1457.
19. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3032.
20. Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 34. Ст. 4029.
21. Федеральный закон от 19 февраля 1993 г. № 4528-1 «О беженцах» // Российская газета. 1997. № 126.
22. Фисенко Е., Хогрефе Ю. Миграционная ситуация в Германии и других странах Европы в первой половине 2016 г. // Постсоветский материк. 2016. № 3. С. 74-83.
23. Шипика Л.В. К вопросу о соотношении категорий «жилище» и «жилое помещение» // Семейное и жилищное право. 2011. № 3. С. 46-48.
24. Chappell R. Social welfare in Canadian society. (4th ed.). Toronto: Nelson, 2010. P. 339-349.
25. Richmond T., Shields J. Structuring neoliberal governance: The nonprofit sector, emerging new model of control and the marketisation of service delivery // Policy and society. 2005. 24(1). P. 73-97.

Guarantees of the realization of the constitutional right of foreign citizens to housing in the Russian Federation

Aleksandr S. Pavlovskii

Postgraduate,
The Institute of Legislation and Comparative Law under
the Government of the Russian Federation,
117218, 34, Bol'shaya Cheremushkinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: alexandr.pavlovski@gmail.com

Abstract

This article discusses the features of legal support for the constitutional right of foreign citizens to housing in the Russian Federation. On the basis of the classification fixed in the migration legislation, the author analyzes the scope of legal opportunities for the realization of the right to housing, based on the foreign citizens' particular categorization. The main obstacle to realizing the right of foreign citizens to housing is the lack of a housing market. The study of general and special guarantees for the realization of the right of foreign citizens to housing, as formulated in the

Aleksandr S. Pavlovskii

legislation, allows the author to come to a conclusion about the importance of combining legal and economic mechanisms in the process of providing foreign citizens with housing. Considering the geopolitical peculiarities of the Russian Federation, the author came to the conclusion that it is impossible to guarantee the right of foreign citizens to housing exclusively by state efforts. In this regard, it is necessary to carry out a complex of organizational and legal measures aimed at creating conditions for wider involvement of non-profit organizations in the search for housing for foreign citizens in the Russian Federation. It is necessary to include the criterion of housing provision in the list of key indicators of adaptation and integration of foreign citizens in the Russian Federation.

For citation

Pavlovskii A.S. (2018) Garantii realizatsii konstitutsionnogo prava inostrannykh grazhdan na zhilishche v Rossiiskoi Federatsii [Guarantees of the realization of the constitutional right of foreign citizens to housing in the Russian Federation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7 (1A), pp.

Keywords

Foreign citizens, constitutional right to housing, legal guarantees, migration legislation, adaptation, legislation, non-profit organizations.

References

1. Chappell R. (2010) *Social welfare in Canadian society*. (4th ed.). Toronto: Nelson, 2010.
2. Federal'nyi zakon ot 25 iyulya 2002 g. № 115-FZ «O pravovom polozhenii inostrannykh grazhdan v Rossiiskoi Federatsii». *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 2002. № 30. St. 3032 [Federal Law of July 25, 2002 No. 115-FZ "On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation". Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. № 30. Art. 3032.].
3. Federal'nyi zakon ot 15 avgusta 1996 g. № 114-FZ «O poryadke vyezda iz Rossiiskoi Federatsii i v"ezda v Rossiiskuyu Federatsiyu». *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 1996. № 34. St. 4029 [Federal Law of August 15, 1996, No. 114-FZ "On the Procedure for Departure from the Russian Federation and Entry into the Russian Federation". Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. № 34. Art. 4029].
4. Federal'nyi zakon ot 19 fevralya 1993 g. № 4528-1 «O bezhentsakh» *Rossiiskaya gazeta*. 1997. № 126 [Federal Law of February 19, 1993, No. 4528-1 "On Refugees". *Rossiyskaya Gazeta*. 1997. № 126].
5. Fisenko E., Khogrefe Yu. (2016) *Migratsionnaya situatsiya v Germanii i drugikh stranakh Evropy v pervoi polovine 2016 g.* [Migration situation in Germany and other European countries in the first half of 2016]. *Postsovetskii materik* [Post-Soviet continent], 3, pp. 74-83.
6. *Grazhdanskiy kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' vtoraya)* ot 26 yanvarya 1996 g. № 14-FZ. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 1996. № 5. St. 410 [The Civil Code of the Russian Federation (Part Two) of January 26, 1996 No. 14-FZ. Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 5. Art. 410].
7. Kolokol'tsev A.V. (2014) *Konstitutsionno-pravovye garantii zashchity prav ekonomicheskikh migrantov v Rossiiskoi Federatsii* [Konstitutsionno-legal guarantees of protection of the rights of economic migrants in the Russian Federation]. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii* [Bulletin of the Saratov state legal academy], 1, pp. 155-160.
8. (2009) *Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii: doktrinal'nyi kommentarii (postateinyi) (pod red. Yu.A. Dmitrieva)* [Constitution of the Russian Federation: doctrinal commentary (article by article) (edited by Yu.A. Dmitriev)]. Moscow.
9. *Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993) (s uchetom popravok, vnesennykh Zakonami RF o popravkakh k Konstitutsii RF ot 30.12.2008 № 6-FKZ, ot 30.12.2008 № 7-FKZ, ot 05.02.2014 № 2-FKZ, ot 21.07.2014 № 11-FKZ) SZ RF*. № 31. St. 4398 [The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (taking into account the amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation No. 6-FKZ of December 30, 2008, No. 7-FKZ of December 30, 2008, No. 2-FKZ, dated 05.02.2014 -FKZ, from July 21, 2014 No. 11-FKZ). Collection of RF Legislation. № 31. Art. 4398].
10. *Kontseptsiya gosudarstvennoi migratsionnoi politiki Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda (utv. Prezidentom*

- RF ot 13 iyunya 2012 g.) [Concept of the state migration policy of the Russian Federation for the period until 2025 (approved by the President of the Russian Federation of June 13, 2012)].
11. Mezhdunarodnyi pakt ob ekonomicheskikh, sotsial'nykh i kul'turnykh pravakh (N'yu-Iork, 19 dekabrya 1966 g.). Vedomosti VS SSSR. 1976. № 17. St. 291 [International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights (New York, December 19, 1966). Vedomosti VS of the USSR. 1976. № 17. Art. 291].
 12. Morozov P.E. (2014) Konstitutsionnye osnovy sovremennoi reformy pravovogo regulirovaniya trudovoi migratsii v Germanii [Constitutional bases of modern reform of the legal regulation of labor migration in Germany]. Moscow.
 13. Postanovlenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 24 marta 2003 g. № 167 «O poryadke predostavleniya garantii material'nogo, meditsinskogo i zhilishchnogo obespecheniya inostrannykh grazhdan i lits bez grazhdanstva na period ikh prebyvaniya v Rossiiskoi Federatsii» Sobranie zakonodatel'stva RF. 2003. № 13. St. 1240 [Decree of the Government of the Russian Federation No. 167 of March 24, 2003 "On the procedure for granting guarantees for the material, medical and housing provision of foreign citizens and stateless persons for the period of their stay in the Russian Federation". Collection of Legislation of the Russian Federation. 2003. № 13. Art. 1240].
 14. Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 1 noyabrya 2013 g. № 2036-r «Ob utverzhdenii Strategii razvitiya otrasli informatsionnykh tekhnologii v Rossiiskoi Federatsii na 2014-2020 gody i na perspektivu do 2025 goda». SZ RF. 2013. № 46. St. 5954 [Order of the Government of the Russian Federation of 1 November 2013 No. 2036-r "On the Approval of the Strategy for the Development of the Information Technology Sector in the Russian Federation for 2014-2020 and for the Future to 2025". SZ RF. 2013. No. 46. Art. 5954.].
 15. Richmond T., Shields J. (2005) Structuring neoliberal governance: The nonprofit sector, emerging new model of control and the marketisation of service delivery. Policy and society, 24(1), pp. 73-97.
 16. Sedlov A. (2016) Smena migratsionnoi paradigmy v stranakh ES i v Rossii [Change of migration paradigm in EU countries and in Russia]. Obshchestvo i ekonomika [Society and economy], 12, pp. 18-27.
 17. Shipika L.V. (2011) K voprosu o sootnoshenii kategorii «zhilishche» i «zhiloe pomeshchenie» [To the question of the correlation between the categories "dwelling" and "living quarters"]. Semeinoe i zhilishchnoe pravo [Family and housing law], 3, pp. 46-48.
 18. Smol'yakov A.A., Smol'yakov A.A. (2016) Problemy realizatsii sotsial'nykh prav migrantov v Rossiiskoi Federatsii [Problems of Realization of Social Rights of Migrants in the Russian Federation]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 1, pp. 63-68.
 19. Soglashenie ot 15 aprelya 1994 g. «O sotrudnichestve v oblasti trudovoi migratsii i sotsial'noi zashchity trudyashchikhsya-migrantov». Sobranie zakonodatel'stva RF. 1995. № 17. St. 1457 [Agreement of April 15, 1994 "On Cooperation in the Field of Labor Migration and Social Protection of Migrant Workers". Collection of Legislation of the Russian Federation. 1995. № 17. Art. 1457].
 20. Vseobshchaya deklaratsiya prav cheloveka (prinyata na tret'ei General'noi Assamblei OON rezolyutsiei 217 A (III) ot 10 dekabrya 1948 g.). Rossiiskaya gazeta. 1995. № 67 [The Universal Declaration of Human Rights (adopted at the Third General Assembly by resolution 217 A (III) of December 10, 1948). Rossiyskaya Gazeta. 1995. № 67.].
 21. Zakon Rossiiskoi Federatsii ot 19 fevralya 1993 g. № 4530-1 «O vynuzhdennykh pereselentsakh». Sobranie zakonodatel'stva RF. 1995. № 52. St. 5110 [Law of the Russian Federation of February 19, 1993, No. 4530-1 "On Forced Migrants". Collection of Legislation of the Russian Federation. 1995. № 52. Art. 5110].
 22. Zakon Rossiiskoi Federatsii ot 4 iyulya 1991 g. № 1541-I «O privatizatsii zhilishchnogo fonda v Rossiiskoi Federatsii». Vedomosti SND i VS RSFSR. 1991. № 28. St. 959 [Law of the Russian Federation of 4 July 1991 No. 1541-I "On the privatization of housing in the Russian Federation". Vedomosti SND and VS RSFSR. 1991. № 28. Art. 959].
 23. Zasedanie Soveta pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii po mezhnatsional'nym otnosheniyam. Publichnoe i chastnoe pravo. Vypusk IV (XX), oktyabr'-dekabr' [Meeting of the Council under the President of the Russian Federation on interethnic relations. Public and private law].
 24. (2012) Zashchita sotsial'nykh i trudovykh prav migrantov na prostranstve SNG. Analiticheskii sbornik [Protection of social and labor rights of migrants in the CIS area. Analytical collection]. Moscow.
 25. Zhilishchnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 29 dekabrya 2004 g. № 188-FZ. Sobranie zakonodatel'stva RF. 2005. № 1 (chast' 1). St. 14 [Housing Code of the Russian Federation of December 29, 2004, No. 188-FZ. Collection of Legislation of the Russian Federation. 2005. № 1 (part 1). Art. 14.].

УДК 342.591**Согласительные процедуры и коллизионные правоотношения: специфика конституционно-правового регулирования****Сороколетова Марина Александровна**

Старший преподаватель кафедры трудового и предпринимательского права,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (НИУ «БелГУ»),
308015, Российская Федерация, Белгород, ул. Победы, 85;
e-mail: sorokoletova@bsu.edu.ru

Аннотация

В данной статье рассматривается специфика конституционно-правового регулирования согласительных процедур и конституционных коллизионных правоотношений. Исследуются коллизии как причины возникновения коллизионных правоотношений: коллизии при соотношении правовых норм; коллизии в системе права и системе законодательства; коллизии в практике реализации правовых норм и др. Подвергаются анализу коллизионные отношения, которые можно рассмотреть как одну из разновидностей конституционных правоотношений, что позволит вывести на более совершенный уровень процедуры выявления, регламентации и разрешения конституционно-правовых коллизий при помощи различных правовых средств, в том числе и согласительных процедур, а также разработать новые направления развития конституционно-правового регулирования коллизионных правоотношений. Дается определение конституционным коллизионным правоотношениям. Формулируется субъектный состав конституционных коллизионных правоотношений, в который включаются органы государственной власти РФ, органы государственной власти субъектов РФ, органы местного самоуправления и некоторые другие субъекты. Исследуются согласительные процедуры как некая форма переговорного примирительного процесса, которую в некоторых случаях следует рассматривать как предпочтительную судебному разбирательству. В заключение делаются обобщающие выводы и выделяются специфические черты конституционно-правового регулирования согласительных процедур и конституционных коллизионных правоотношений.

Для цитирования в научных исследованиях

Сороколетова М.А. Согласительные процедуры и коллизионные правоотношения: специфика конституционно-правового регулирования // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 7. № 1А. С. 123-129.

Ключевые слова

Конституционно-правовая коллизия, конституционные коллизионные правоотношения, субъекты коллизионных отношений, переговорный процесс, согласительные процедуры.

Введение

Приступая к исследованию проблемы регулирования конституционных коллизионных правоотношений и разрешения соответствующих коллизий, необходимо отметить, что коллизии (в данном контексте подразумеваются противоречия различного правового характера) являются неотъемлемой частью правовой системы. Их выявление возможно фактически во всех плоскостях правовой системы: при сопоставлении элементов юридических норм они могут обнаруживаться в системе права и системе законодательства, в практике реализации норм права, толковании и т. п. Конечно, справедливости ради стоит признать, что не существует единого мнения в определении коллизии. Этим вопросам посвящено немало научных работ. В некоторых случаях под этим термином понимают только противоречие между нормативными актами. Похожее нормативное определение дается в проекте федерального закона «О процедурах преодоления разногласий и разрешения споров между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации». «Юридический конфликт следует рассматривать как высшую точку противоречий, как коллизию с наиболее острым противоборством сторон» [Тихомиров, Юридическая коллизия, 1994, 16]. Сам термин «коллизия», если переводить с латинского языка буквально, означает «столкновение». Соответственно, под юридическими коллизиями можно понимать «широкий спектр явлений: от отношения между нормами, характеризующимися отсутствием соответствия, до противоречий между различными правовыми явлениями» [Гончаров, 2006, 28].

Основная часть

Специфика исследования коллизионных отношений неразрывно связана с огромным объемом юридических коллизий в системе права Российской Федерации. Например, Н.И. Матузов разделяет их по однородным группам: «1) коллизии между нормативными актами или отдельными правовыми нормами; 2) коллизии в правотворчестве (бессистемность, дублирование, издание взаимоисключающих актов); 3) коллизии в правоприменении (разнобой в практике реализации одних и тех же предписаний, несогласованность управленческих действий); 4) коллизии полномочий и статусов государственных органов, должностных лиц, других властных структур и образований (вторжение в «чужие» сферы); 5) коллизии целей (когда в нормативных актах разных уровней или органов закладываются противоречащие друг другу, а иногда и взаимоисключающие целевые установки); 6) коллизии между национальным и международным правом» [Матузов, 2003, 203]. Пути преодоления коллизий и разрешения по существу не в полной мере эффективны, в противном случае не существовало бы примеров обращения по данным вопросам в Конституционный суд РФ. Конституционно-правовые коллизии заняли особое, значительное место среди юридических коллизий. Юридическая коллизия в сфере конституционного права порождает коллизионные отношения, которые можно рассмотреть, как одну из разновидностей конституционных правоотношений. Конституционные коллизионные правоотношения – это «урегулированные нормами конституционного права общественные отношения, содержанием которых является юридическая связь между субъектами в форме взаимных прав и обязанностей, направленных на предотвращение, выявление и разрешение конституционно-правовых коллизий» [Стародубцева, 2016, 13].

Существование конституционно-правовых коллизий естественно для правовой системы, и это обусловлено различными конституционно-правовыми интересами соответствующих

субъектов (данные юридические интересы сформулированы в разных правовых источниках), разделением их властных полномочий. «В коллизионных отношениях в качестве субъектов в большей части участвуют органы государственной власти, и прежде всего Президент Российской Федерации, Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (далее – Совет Федерации), Государственная Дума, Правительство Российской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации, органы законодательной и исполнительной власти субъектов Российской Федерации как субъекты обращения в Конституционный Суд Российской Федерации, разрешающий основную массу конституционно-правовых коллизий» [там же, 19].

Разрешение конституционно-правовых коллизий возможно и вне судебного разбирательства. На «правовую сцену» все чаще и чаще выходят согласительные процедуры как некая форма переговорного примирительного процесса. Представляется, что в особых ситуациях такая форма предпочтительнее, или приоритетнее, чем судебная, поскольку соответствующие субъекты вольны выбирать наиболее подходящий для них в данном конкретном случае вариант разрешения конституционно-правовой коллизии и без предъявления правовых претензий в суд. «В ходе проведения согласительных процедур, осуществления иных согласительных мероприятий стороны конфликтного отношения стремятся четко обозначить свои позиции по тому или иному вопросу. Это позволяет выяснить природу и характер разногласий, возможность устранить (разрешить) разногласия путем достижения компромисса, выработки согласованного сторонами решения» [Цатурян, 2009, 79]. «Особенно большое распространение указанные процедуры получили при выявлении юридических коллизий в сфере правоприменения, при наличии противоречий в компетенции между отдельными государственными органами и должностными лицами, при существовании коренных отличий в практике реализации одних и тех же норм права» [Гончаров, 2006, 193]. Коллизия в компетенции между соответствующими органами появляется тогда, когда «не соблюдается своя компетенция, когда орган либо выходит за ее пределы, либо произвольно присваивает себе полномочия других звеньев, либо не осуществляет в полном объеме закрепленную за ним компетенцию. Наблюдается вторжение в «чужие» сферы, что неизбежно порождает коллизии и споры» [Тихомиров, Юридическая коллизия, власть и правопорядок, 1994, 3]. Вот именно подобные правовые споры и разногласия и призваны разрешать согласительные процедуры.

В самых общих чертах согласительные процедуры – это особые правила (причем они могут быть как писанные, так и неписанные) общения «конфликтующих субъектов». Некоторые исследователи относят такие процедуры к формам защиты субъектами Российской Федерации своих интересов [Симонян, 2006]. Кроме этого, согласительные процедуры можно назвать «обычным и надежным способом улаживания конфликтов» [Матузов, Малько, 2004]. Ю.А. Тихомиров в своих работах указывал, что «согласительная процедура есть предусмотренный законом и иным правовым актом порядок рассмотрения разногласий между органами государственной власти и иными субъектами, вводимый после их добровольного одобрения» [Тихомиров, 2001, 115]. Наиболее емкое и проработанное с научной точки зрения определение конституционным согласительным процедурам дает в своем диссертационном исследовании Е.Е. Бобракова. Следует понимать «под конституционно-правовой согласительной процедурой урегулированный (регламентированный) нормами конституционного права ряд взаимосвязанных действий, направленных на достижение согласия по тому или иному конституционно-правовому вопросу тех субъектов конституционно-правовых отношений, для которых решение этого вопроса входит в их совместную компетенцию либо является основой для их нормального, эффективного взаимодействия» [Бобракова, 2001, 26].

На согласительных процедурах как неких юридических средствах, направленных на

достижение согласия, или консенсуса, лежит огромная роль в механизме разрешения конституционно-правовых коллизий. Конечно же, они сами по себе не убирают и не ликвидируют коллизию как таковую, но в некоторых ситуациях такие юридические процедуры помогают достаточно быстро, вовремя преодолеть и обоюдовыгодно разрешить конкретную конституционно-правовую коллизию. Представляется, что эффективным будет применение согласительных процедур в конституционных коллизионных правоотношениях в следующих случаях: «1) при наличии разногласий между федеральными органами государственной власти по вопросам правового регулирования определенной области общественных отношений либо компетенционного характера; 2) разногласий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации по вопросам совместного ведения; 3) разногласий между органами государственной власти субъектов Российской Федерации по вопросам определения направлений правового регулирования определенной области общественных отношений; 4) противоречий между федеральным законодательством и законодательством субъекта Российской Федерации, изданного по вопросам совместного ведения» [Гончаров, 2006, 206].

Заключение

Исследуя проблематику конституционно-правового регулирования согласительных процедур и конституционных коллизионных правоотношений, следует обратить внимание на некоторые специфические черты данного вопроса. Первая, пожалуй, самая главная специфическая черта заключается в том, что поскольку «само конституционное право, его нормы являются ведущей отраслью правовой системы Российской Федерации, так как регулируют базовые отношения во всех сферах жизнедеятельности общества и государства, то и конституционные, в частности, согласительные, процедуры, относятся к основополагающим и наиболее существенным в ряду других, поскольку призваны способствовать достижению согласия по наиболее важным и определяющим вопросам, от успешного урегулирования которых во многом зависит стабильность и возможность нормального развития государственного механизма в целом» [Бобракова, 2001, 27]. Эти процедуры имеют, так сказать, универсальный характер, поскольку могут применяться в различных «правовых конфликтах», которые должны быть урегулированы. В качестве примера можно упомянуть создание и работу согласительных комиссий. Они «могут применяться как в законодательном процессе (между палатами двухпалатного законодательного органа), так и в федеративных отношениях (между органами государственной власти РФ и ее субъектов, органами государственной власти областей и края с органами государственной власти входящих в их состав автономных округов). Переговоры и консультации сторон применяются практически всеми субъектами конституционно-правовых отношений при возникновении коллизий между ними. Подобный универсализм не характерен для согласительных процедур, относящихся к другим отраслям права» [там же, 28].

Второе, что также следует отметить, конституционные коллизионные правоотношения порождаются рядом правовых источников, соответственно, регулирование конституционных согласительных процедур осуществляется также рядом правовых источников, таких как Конституция РФ, федеральные конституционные законы, федеральные законы, конституции и уставы субъектов Федерации, законы субъектов Федерации, нормативные указы Президента Российской Федерации и постановления Правительства Российской Федерации, акты органов местного самоуправления и некоторые другие нормативные правовые акты, содержащие нормы

конституционного права.

Третья специфическая черта проявляется в том, что конституционные коллизионные правоотношения возникают по самым разным вопросам, входящим в предмет конституционного права. Поэтому и согласительные процедуры регулируются разными институтами конституционного права. Конституционные согласительные процедуры могут применяться при разрешении вопросов о федеративном устройстве государства, функционировании органов различных ветвей государственной власти и местного самоуправления и их взаимодействии и др. Следовательно, и субъектный состав в конституционных коллизионных правоотношениях варьируется: в них могут принимать участие государственные органы федерального уровня, субъекты Российской Федерации, органы местного самоуправления, причем их взаимосвязь возможна в различных вариантах: «с участием только органов законодательной власти либо их структурных частей; только органов исполнительной власти (органов судебной власти) либо и тех, и других, когда речь идет о взаимоотношениях между ними, в частности, в рамках системы разделения властей» [там же, 29].

Библиография

1. Бобракова Е.Е. Согласительные процедуры в конституционном праве: общие основы и особенности применения в федеральном законодательном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2001. 200 с.
2. Гончаров Р.А. Механизм разрешения юридических коллизий: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 2006. 247 с.
3. Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. Саратов: Изд-во Саратовской гос. академии права, 2003. 300 с.
4. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. М.: Юристъ, 2004. 240 с.
5. Симонян Г.Р. Механизм обеспечения интересов субъектов Российской Федерации в деятельности федеральных органов государственной власти // Журнал российского права. 2006. № 3. С. 44-52.
6. Стародубцева И.А. Коллизионные отношения как разновидность конституционно-правовых отношений. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2016. 330 с.
7. Тихомиров Ю.А. Юридическая коллизия, власть и правопорядок // Государство и право. 1994. № 1. С. 3-11.
8. Тихомиров Ю.А. Юридическая коллизия. М.: Манускрипт, 1994. 300 с.
9. Тихомиров Ю.А. Коллизионное право. М., 2001. 394 с.
10. Цатуриян Т.В. Конституционно-правовое регулирование согласительных процедур разрешения споров о компетенции между органами государственной власти Российской Федерации и субъектов Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М.: ГОУ ВПО «Российская академия правосудия», 2009. 200 с.

Conciliation procedures and conflict relations: specific features of the constitutional and legal regulation

Marina A. Sorokoletova

Senior Lecturer,
Department of labor and business law,
Belgorod State National Research University,
308015, 85 Pobedy, Belgorod, Russian Federation;
e-mail: sorokoletova@bsu.edu.ru

Abstract

This article discusses the specific features of constitutional and legal regulation of conciliation procedures and constitutional conflict relations. The author of this article examines conflicts as reasons for the emergence of conflict relations: conflicts at a ratio of legal norms; conflicts in the legal system; conflicts in practice of implementation of legal norms. The author also analyses the conflict relations, which can be regarded as a form of constitutional and legal relations, which will lead procedures of identification, regulation and resolution of constitutional and legal conflict to a more sophisticated level, through different legal means, including conciliation, and develop new directions of development of constitutional and legal regulation of conflict relations. The article provides the definition of constitutional conflict relations and formulates the subjective part of the constitutional conflict relations, which includes the public authorities of the Russian Federation, bodies of state power of subjects of the Russian Federation, local governments and some other entities. The author examines conciliations as a form of the process of reconciliation, which in some cases should be regarded as preferable for legal proceedings. Finally, the author draws conclusions and highlights the specific features of constitutional and legal regulation of conciliations and constitutional conflict relations.

For citation

Sorokoletova M.A. (2018) Soglasitel'nye protsedury i kollizionnye pravootnosheniya: spetsifika konstitutsionno-pravovogo regulirovaniya [Conciliation procedures and conflict relations: specific features of the constitutional and legal regulation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7 (1A), pp. 123-129.

Keywords

Constitutional and legal conflict, constitutional conflict relations, subjects of conflict relations, process of negotiation, conciliation procedures.

References

1. Bobrakova E.E. (2001) Soglasitel'nye protsedury v konstitutsionnom prave: obshchie osnovy i osobennosti primeneniya v federal'nom zakonodatel'nom protsesse. Dokt. Diss. [Conciliation proceedings in constitutional law: general principles and features of application in the federal legislative process. Doct. Diss.]. Moscow: Lomonosov Moscow State University.
2. Goncharov R.A. (2006) Mekhanizm razresheniya yuridicheskikh kollizii. Dokt. Diss. [The mechanism of resolution of legal disputes. Doct. Diss.]. Tambov: Tambov State University named after G.R. Derzhavin.
3. Matuzov N.I. (2003) Aktual'nye problemy teorii prava [Actual problems of the theory of law]. Saratov: Saratov State Academy of Law.
4. Matuzov N.I., Mal'ko A.V. (2004) Teoriya gosudarstva i prava [Theory of state and law]. Moscow: Yurist" Publ.
5. Simonyan G.R. (2006) Mekhanizm obespecheniya interesov sub"ektov Rossiiskoi Federatsii v deyatel'nosti federal'nykh organov gosudarstvennoi vlasti [The mechanism of ensuring interests of subjects of the Russian Federation in activity of federal public authorities]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Russian law journal], 3, pp. 44-52.
6. Starodubtseva I.A. (2016) Kollizionnye otnosheniya kak raznovidnost' konstitutsionno-pravovykh otnoshenii [Conflict relations as a kind of constitutional and legal relations]. Voronezh: Voronezh State University.
7. Tikhomirov Yu.A. (1994) Yuridicheskaya kolliziya [Legal conflict]. Moscow: Manuskript Publ.
8. Tikhomirov Yu.A. (1994) Yuridicheskaya kolliziya, vlast' i pravoporyadok [Legal conflict, power, and legal order]. *Gosudarstvo i pravo* [State and law], 1, pp. 3-11.
9. Tikhomirov Yu.A. (2001) Kollizionnoe pravo [Conflict of law]. Moscow.
10. Tsaturyan T.V. (2009) Konstitutsionno-pravovoe regulirovanie soglasitel'nykh protsedur razresheniya sporov o kompetentsii mezhdru organami gosudarstvennoi vlasti Rossiiskoi Federatsii i sub"ektov Rossiiskoi Federatsii. Dokt.

Diss. [Constitutional and legal regulation of conciliation procedures for the resolution of disputes on competence between government bodies of the Russian Federation and the constituent entities of the Russian Federation. Doct. Diss.]. Moscow: Russian Academy of Justice.

УДК 343**Криминологическая характеристика захвата заложников в учреждениях ФСИН России. Экспертные выводы и рекомендации****Лопина Мария Владимировна**

Кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры организации режима охраны и конвоирования,
Воронежский институт ФСИН,
394072, Российская Федерация, Воронеж, ул. Иркутская, 1а;
e-mail: mariy-lo@rambler.ru

Новиков Алексей Валерьевич

Доктор педагогических наук, кандидат юридических наук,
доцент, главный научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт ФСИН России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15а;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Слабкая Диана Николаевна

Научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт ФСИН России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15а;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Аннотация

Анализ основных показателей состояния преступности в учреждениях ФСИН России (характеристика современного состояния преступности, уровня, динамики противоправных деяний, совершаемых в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы, в частности захвата заложника как одного из наиболее общественно опасных преступлений) расширяет криминологические знания о современной преступности в исправительных учреждениях, позволяет сконцентрировать внимание на усилении превентивной работы правоохранительных органов в данном направлении, эффективность которой, в свою очередь, ведет к повышению уровня противодействия захвату заложника в учреждениях УИС. Авторы посредством анализа массива статистических данных унифицировали способы совершения данного преступления в учреждениях УИС. Далее авторы путем анализа и синтеза эмпирического материала подтвердили свой вывод о том, что система противодействия таким преступлениям в УИС ФСИН России, методики их выявления отстают от развития пенитенциарной науки.

Для цитирования в научных исследованиях

Лопина М.В., Новиков А.В., Слабкая Д.Н. Криминологическая характеристика захвата заложников в учреждениях ФСИН России. Экспертные выводы и рекомендации // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 7. № 1А. С. 130-138.

Ключевые слова

Захват заложника, пенитенциарная наука и практика, преступление, уголовное дело, УИС, ФСИН, УК РФ.

Введение

Захват заложника представляет собой специфический вид преступления, для которого свойственно быть совершаемым и самостоятельно, и в совокупности с иными преступными действиями.

Пенитенциарная практика показывает, что цели захвата заложников могут быть различными: получение выкупа; совершение побега из исправительного учреждения; уход от преследования после совершения преступления; влияние на решения следователя, судьи, эксперта; стремление решить «политическую задачу» и т. д. Заложник может быть захвачен как в мирное время, так и в военное, а также в ходе локальных конфликтов. Рассматриваемое преступление совершается как группой, так и отдельным лицом. Обращаем внимание на то, что лишение свободы заложника является вовсе не целью, а средством достижения поставленной преступником (группой лиц по предварительному сговору) цели, чтобы принудить третью сторону выполнить определенные требования.

**Криминологическая характеристика захвата заложников в учреждениях
ФСИН России**

Важным криминологическим показателем квалифицированного состава преступления по дезорганизации деятельности учреждений (ст. 321 УК РФ), которые занимаются обеспечением изоляции преступников от общества, являются особо тяжкие преступления, к которым относятся убийства и покушения на убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, захват заложника.

Захват заложника в следственных изоляторах, тюрьмах, исправительных колониях нашей страны получил распространение в начале 1980-х гг. За период с 1983 г. по январь 1986 г. осужденными в исправительных колониях было совершено 8 захватов заложника, а с января 1986 г. по декабрь 1987 г. – уже 16. В последующем количество захватов заложника в УИС возрастает: в 1988 г. в исправительных колониях совершено 10 таких преступлений, в 1989 г. – 21. В следственных изоляторах и тюрьмах рост захвата заложника произошел в 1989 г., тогда было зарегистрировано 20 преступлений.

Более ранние статистические данные отсутствуют, поскольку, несмотря на присоединение СССР к Международной конвенции 1979 г. «О борьбе с захватом заложников», в стране до 1987 г. не было уголовно-правовой нормы об ответственности за захват заложника, которая позволяла бы дать четкую уголовно-правовую характеристику и юридическую оценку захватов заложника осужденными, а также подозреваемыми и обвиняемыми в совершении преступления [Пантелеев, 2007, 127].

Уголовные дела по предотвращенным преступлениям могут быть не возбуждены по разным причинам: виновных удалось побудить к добровольному отказу (в отношении захвата заложника); деяние пресечено с помощью информации, в том числе полученной негласным путем, которую невозможно закрепить процессуальными формами, и т. д.

Специфичность статуса потерпевших от преступлений проявляется в том, что в качестве таковых, как правило, выступают лица, отбывающие уголовное наказание, а также сотрудники

учреждений ФСИН России.

Особую криминологическую задачу представляет изучение личности преступника, осуществляющего захват заложника в учреждениях УИС. Большая часть ученых криминалистов констатировала единое мнение: личность преступника – это совокупность его качеств и свойств [Старков, 2014].

Пол и возраст лица можно отнести к биологическим качествам человека. Однако в процессе становления личности в социуме данные качества начинают играть роль существенных социальных факторов, обуславливающих специфику участия лиц в совершение захвата заложника. Следовательно, можно утверждать, что преступления в виде захвата заложника характерны при определенных психофизических данных для того, чтобы нейтрализовать сопротивление жертвы.

Особенности возрастного состава лиц, содержащихся в учреждениях, исполняющих уголовные наказания, и совершивших захват заложника, представляют главный интерес, ибо социальное содержание каждого возрастного этапа развития личности неодинаково. Со сроком пребывания лица, содержащегося в учреждении, исполняющем уголовные наказания, меняются ориентиры мировоззрения, поведенческие характеристики, становятся другими социальные функции и социальный опыт, привычки.

Однако в зависимости от вида ИУ показатели, характеризующие возрастной состав осужденных, существенно меняются. В мужских колониях общего режима больше всего содержится лиц в возрасте 20-39 лет, что составляет 76,9%, а средний возрастной показатель осужденных – 29,4 года. В колониях строгого режима этот показатель склоняется в сторону осужденных более старшего возраста – 25-49 лет (77,6%), средний возраст – 34,6 года. Такая закономерность наблюдается и в колониях особого режима: наиболее представительные группы – 30-49 лет (65,7%), средний возраст осужденных составляет 38,7 года [Михлин, Яковлева, 2002].

Наблюдается устойчивая тенденция криминализации лиц молодежного возраста в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Это объясняется их социальной неопытностью, несформированностью мировоззрения, происходящей деформацией и деградацией в условиях изоляции от общества. Представляется, что такую информацию, как возрастные показатели различных категорий лиц, отбывающих уголовное наказание, сотрудникам ФСИН России надо учитывать при проведении как общей профилактики, так и индивидуальной работы с лицами, содержащимися в учреждениях, исполняющих уголовные наказания, чье поведение и образ жизни указывают на возможность совершения ими преступления рассматриваемой категории. Такие сведения необходимы и для проведения оперативно-розыскных мероприятий в отношении лиц, отбывающих уголовное наказание.

Уголовно-правовая характеристика лиц, совершивших захват заложника, содержит сведения о характере преступного поведения, назначенном наказании, прошлой судимости, досрочном освобождении от наказания и др.

На наш взгляд, указанные уголовно-правовые признаки имеют не только *teque legalis* (*узко юридическое*), но и криминологическое значение, благодаря которому они приобретают более существенное социальное содержание. Так, отдельные криминологические признаки личности преступника дают возможность принять во внимание существенные моменты, не имеющие значения для квалификации преступления, но при этом используемые в целях типологизации и классификации субъектов ОРД по некоторым параметрам.

Авторами статьи на основе исследования эмпирического материала были установлены временные периоды с преобладанием различных мотивов захвата заложника в учреждениях УИС:

- 7) до 2001 г. мотив – совершение побега из мест лишения свободы и незаконный выезд за границу;
- 8) с 2001 по 2004 г. мотив – корыстные побуждения;
- 9) с 2004 по 2006 г. мотив – политические требования;
- 10) с 2006 по 2015 г. мотив – совершение побега из мест лишения свободы и корыстные побуждения.

Данный анализ позволяет выделить три типа лиц, совершавших захват заложника, по основанию ведущего мотива:

- 1) политизированный тип – это лица, совершившие захват заложника по каким-либо политическим побуждениям; по результатам анализа выявлено, что к данной категории можно отнести примерно 8% совершивших захват заложника;
- 2) криминальный тип – это самая многочисленная категория лиц, совершивших захват заложника; ее составляют 71% преступников, совершивших рассматриваемое преступление [Сенкевич, 2009];
- 3) неуравновешенный тип – это категория лиц с неуравновешенным и психологически неустойчивым поведением, повышенной возбудимостью.

Для подавляющего большинства захват заложника был единственным средством решения «накопившихся проблем».

К наиболее существенным проблемам при разработке криминологической характеристики личности преступника, осуществляющего захват заложника, по нашему мнению, можно отнести тот факт, что о числе указанных преступлений мы судим преимущественно по количеству возбужденных уголовных дел, отраженных в статистической отчетности.

Анализ практики применения ст. 206 УК РФ показывает, что свыше 30% уголовных дел, которые возбуждены по факту совершения преступления в виде захвата заложника, суд переqualificирует на похищение человека и порядка 24% уголовных дел – на незаконное лишение свободы, что связано в основном с обстоятельствами, возникающими при разграничении данных составов преступления. Это положение равным образом не дает возможности судить о действительном количестве совершенных захватов заложника.

Константой является следующий постулат: без изучения личности осужденных к лишению свободы, совершающих преступления в исправительном учреждении ФСИН России, невозможно объяснить и раскрыть механизм преступного поведения и его причины.

Анализ структуры личности преступника, отбывающего наказание в исправительном учреждении, охватывает изучение социально-демографических, уголовно-правовых, нравственно-психологических признаков, играющих важную роль в механизме формирования и реализации преступных намерений, что в конечном итоге позволит создать портрет лица, склонного к совершению захвата заложника.

Явления и процессы, обуславливающие преступления и содействующие их совершению, представляют собой одну из основных составляющих криминологической характеристики.

Объективными условиями считаются обстоятельства, которые непосредственным образом способствуют совершению преступления и наступлению общественно опасных последствий.

Авторы статьи выделяют следующие объективные условия:

- 1) физические, которые создают фактическую возможность совершить пенитенциарное преступление;
- 2) представляющие собой следствие недостатков воспитательного и исправительного процесса.

Причинный комплекс пенитенциарной преступности рассматривают в некоторых случаях, не учитывая действие криминогенных факторов.

Классификация детерминантов *factores afficiens scelus* (*факторы, влияющие на преступность*) осуществляется по их содержанию, когда условия и причины делятся на общие, влияющие на всю преступность в учреждениях уголовно-исполнительной системы, и специальные, среди которых необходимо выделить экономические, технические, социально-психологические, медицинские, правовые и организационно-управленческие условия и причины в конкретном учреждении УИС.

Для того чтобы понять, как действует механизм факторов совершения преступлений, уместно последовательно раскрыть содержание данных наиболее существенных, на наш взгляд, причинных комплексов.

Лица, отбывающие уголовные наказания, вынуждены самоорганизовываться, опираясь на две формы норм поведения: а) установленные УИК РФ и Правилами внутреннего распорядка, действующими во всех исправительных учреждениях ФСИН России; б) неформальными нормами и правилами, выработанными лицами, отбывающими наказание, которым они следуют в повседневной жизни.

Официальные и неформальные нормы противоречат друг другу, и, как указывается в литературе, «в таких случаях человек дуализируется, так как вынужден играть взаимоисключающие роли в одно и то же время. Дабы сохранить целостность своей индивидуальности, человек выбирает одну-единственную роль, официальную или неофициальную, для исполнения которой он прикладывает усилия. Чаще всего эта роль неофициальная» [Олейник, 2001, 45-46].

Лица, содержащиеся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, как правило, отличаются слабым интеллектуальным развитием и, как следствие, несколько примитивной структурой потребностей. При совершении же насильственных преступлений в мотивации преобладает сформированная в течение достаточно продолжительного периода отрицательно-эмоциональная установка по отношению к потерпевшему, которая может сузиться до предела возможности сознания [Абрамов, 2008].

Эмоциональная лабильность человека, его несдержанность, ограниченные в экстремальных условиях возможности самоуправления, преобладание возбуждения над торможением, эмоций над разумом характерны для значительной части осужденных, совершивших преступления во время нахождения в учреждениях, исполняющих уголовные наказания.

Конформность, зависимость от других осужденных, определенная узким кругом общения, невозможность лица сменить при желании эту среду в случае возникновения конфликтной ситуации вызывают подсознательное желание вырваться из замкнутого круга и, как следствие, побеги, нападение на сотрудников, захват заложника и иные проявления отклонения от отбывания наказания.

Интровертированность осужденных, т. е. погружение в собственные мысли, в свое «Я», порождает стремление к самоанализу, замкнутость, скрытность, пессимизм и другие качества, которые в отсутствие длительной разрядки могут привести к совершению осужденным преступления, а также к повышенной тревожности, выражающейся в страхах, осторожности, стремлении минимизировать общение, постоянному нахождению в раздумье. В итоге это вызывает развитие невротического либо психического заболевания, что позднее может привести к совершению преступления. Упрямство и повышенное самомнение, у отдельных особо опасных преступников – сверхвысокий самоконтроль, наряду с наличием организаторских способностей, являются предвестниками неформального лидерства, организации и совершения, скрупулезно готовящихся тяжких и особо тяжких преступлений.

По материалам, представленным психологической и медицинской службами ФСИН России, было установлено, что у достаточно большого числа осужденных имеются невротические

отклонения (как правило, истерии, неврозы) и аномалии психики.

В конфликтной криминогенной ситуации субъектами обычно выступают противостоящие друг другу стороны:

- 1) с одной стороны – группа лиц, содержащихся в учреждениях ФСИН России, с другой – администрация учреждения, а с третьей – враждебная ей группа осужденных (различные виды межгрупповых ситуаций);
- 2) межличностные ситуации: с обеих сторон межличностный антагонизм, а также сюда можно отнести конфликтную ситуацию между осужденными с одной стороны и сотрудником УИС с другой;
- 3) с одной стороны – осужденный, с другой – группа осужденных лиц.

Наиболее опасными с точки зрения генезиса преступления, по нашему мнению, выступают такие межгрупповые конфликтные криминогенные ситуации, которые провоцируют массовые эксцессы, в которых участвует большое количество осужденных (в качестве примера – события в воспитательной колонии № 2 Свердловской области в 2003 г. и СИЗО № 9 г. Москвы в 2006 г.¹).

К факторам, существенно ослабляющим деятельность учреждений, исполняющих наказания, по нашему мнению, следует отнести неукomплектованность конкретных служб квалифицированными кадрами (режима, охраны, ОРД, ДС ТО УИС и начальников отрядов).

Проведенный экспертный анализ позволил выявить следующие детерминанты: упущения в организации исполнения наказания; отсутствие у оперативных сотрудников информации упреждающего характера; ненадлежащий учет сведений о конфликтных криминогенных ситуациях, возникающих в среде лиц, отбывающих уголовное наказание; неполнота выявленных лиц, склонных к совершению такого рода преступлений; необеспечение эффективного надзора за лицами, содержащимися в исправительных учреждениях; неупорядоченность системы использования технологического оборудования; потеря бдительности сотрудниками; нарушение правил несения службы; необеспечение безопасности сотрудников на отдельных объектах учреждений УИС в порядке несения службы; низкая исполнительская дисциплина отдельных сотрудников, в том числе руководителей служб, отделов и управлений по исполнению уголовного наказания в части организации контроля по выполнению приказов, указаний, директив ФСИН России, направленных на поддержание безопасности, совершенствование оперативно-розыскной деятельности и профилактики преступлений.

Экспертные выводы

Совершению захвата заложников способствуют: необеспечение внутренней изоляции осужденных и пропускного режима в жилой и производственной зонах; недостаточный профессионализм сотрудников для выявления ухищренных способов сокрытия запрещенных предметов; формализм при проведении обысков; изготовление и приобретение запрещенных предметов; нарушение установленного порядка вывода спецконтингента из камер и их сопровождения; несоблюдение мер по обеспечению безопасности сотрудников; проявление сотрудниками личной беспечности; нарушение правил обращения с осужденными.

Причины и условия захвата заложника в учреждениях, исполняющих уголовное наказание

¹ Данные НИИИТ ФСИН России о состоянии преступности среди лиц, содержащихся в учреждениях УИС. Форма 2 УИС за 2000-2015 гг.

в виде лишения свободы, отличаются спецификой, характерной именно для мест лишения свободы, а криминальные обычаи и традиции в условиях изоляции от общества обладают значительным криминогенным потенциалом.

Уголовно-правовая и криминологическая характеристика захвата заложника в учреждениях УИС является основой для разработки предложений по совершенствованию мер предупреждения исследуемых преступлений и, в частности, наиболее эффективной группы предупредительных мер – оперативно-розыскных мероприятий.

Библиография

1. Абрамов С.В. Значение взаимодействия психиатра с различными службами УИС для профилактики правонарушений осужденных с психическими расстройствами // Материалы межведомственной научно-практической конференции «Государственная система профилактики правонарушений: современное состояние и перспективы развития». М.: ВНИИ МВД России, 2008. С. 497-501.
2. Международная конвенция о борьбе с захватом заложников: принята резолюцией 34/146 Генеральной Ассамблеи ООН от 17.12.1979. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/hostages.shtml
3. Михлин А.С., Яковлева Л.В. О некоторых итогах специальной переписи осужденных 1999 г. // Государство и право. 2002. № 3. С. 39-40.
4. Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений: приказ Минюста России от 16.12.2016 № 295. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210064/6ffad7d309662d95aa8feef81d2a04fb6a04ab69/
5. Олейник А.Н. Тюремная субкультура в России. От повседневной жизни до государственной власти. М.: ИНФРА-М, 2001. 418 с.
6. Пантелеев В.А. Захват заложников в отечественной пенитенциарной системе: исторический аспект проблемы // История уголовно-исполнительной системы в России. М., 2007. С. 124-131.
7. Сенкевич В.В. Предупреждение побегов из мест лишения свободы: личностно-ориентированный подход: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2009. 24 с.
8. Старков О.В. Криминология и практика. М.: Юрайт, 2014. 641 с.
9. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 18.12.1996: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 25.12.1996. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/
10. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24.05.1996: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 05.06.1996. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/

Criminological characteristics of hostage-taking in the institutions of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation. Expert conclusions and recommendations

Mariya V. Lopina

PhD in Law,
Lecturer at the Department of security arrangement and convoying,
Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
394072, 1a Irkutskaya st., Voronezh, Russian Federation;
e-mail: mariy-lo@rambler.ru

Aleksei V. Novikov

Doctor of Pedagogy, PhD in Law,
Docent, Chief Researcher,
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15a Narvskaya st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Diana N. Slabkaya

Researcher,
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15a Narvskaya st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Abstract

The article aims to reveal the criminological characteristics of hostage-taking in the institutions of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation and give recommendations for the prevention of this crime. The analysis of the main indicators of the state of crime in the institutions of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation (the characteristics of the modern state of crime, the level and dynamics of the illegal acts committed in the correctional institutions of the penitentiary system, including hostage-taking as one of the most socially dangerous crimes) extends criminological knowledge about modern crime in the institutions of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation and allows researchers to concentrate their attention on the strengthening of preventive activities of law enforcement agencies in this direction, which efficiency, in turn, leads to a higher level of the counteraction to hostage-taking in correctional institutions. Having analysed the statistical data, the authors made an attempt to unify the ways of committing this crime in correctional institutions. Furthermore, the article analyses and synthesises the empirical material, and the results of this analysis confirm the conclusion that the system of counteraction to such crimes in the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, techniques for their detection lag behind the development of penitentiary science.

For citation

Lopina M.V., Novikov A.V., Slabkaya D.N. (2018) Kriminologicheskaya kharakteristika zakhvata zalozhnikov v uchrezhdeniyakh FSIN Rossii. Ekspertnye vyvody i rekomendatsii [Criminological characteristics of hostage-taking in the institutions of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation. Expert conclusions and recommendations]. Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava [Matters of Russian and International Law], 7 (1A), pp. 130-138.

Keywords

Hostage-taking, penitentiary science and practice, crime, criminal case, penitentiary system, Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Criminal Code of the Russian Federation.

References

1. Abramov S.V. (2008) Znachenie vzaimodeistviya psikhiatra s razlichnymi sluzhbami UIS dlya profilaktiki pravonarushenii osuzhdennykh s psikhicheskimi rasstroistvami [The importance of the interaction between psychiatrists and different services of the penitentiary system with a view to preventing the convicted with mental disorders from

- committing offences]. *Materialy mezhdunarodstvennoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Gosudarstvennaya sistema profilaktiki pravonarushenii: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya"* [Proc. Conf. "The state crime prevention system: the current state and development prospects"]. Moscow: All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, pp. 497-501.
2. *Mezhdunarodnaya konventsia o bor'be s zakhvatom zalozhnikov: prinyata rezolyutsiei 34/146 General'noi Assamblei OON ot 17.12.1979* [International Convention Against the Taking of Hostages]. Available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/hostages.shtml [Accessed 28/11/17].
 3. Mikhlin A.S., Yakovleva L.V. (2002) O nekotorykh itogakh spetsial'noi perepisi osuzhdennykh 1999 g. [On some of the results of the 1999 special census of the convicted]. *Gosudarstvo i pravo* [State and law], 3, pp. 39-40.
 4. *Ob utverzhenii Pravil vnutrennego rasporyadka ispravitel'nykh uchrezhdenii: prikaz Minyusta Rossii ot 16.12.2016 № 295* [On the approval of the Rules for internal regulations in correctional institutions: Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 295 of December 16, 2016]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210064/6ffad7d309662d95aa8feef81d2a04fb6a04ab69/ [Accessed 28/11/17].
 5. Oleinik A.N. (2001) *Tyuremnaya subkul'tura v Rossii. Ot povsednevnoi zhizni do gosudarstvennoi vlasti* [Prison subculture in Russia. From everyday life to state power]. Moscow: INFRA-M Publ.
 6. Panteleev V.A. (2007) Zakhvat zalozhnikov v otechestvennoi penitentsiarnoi sisteme: istoricheskii aspekt problemy [Hostage-taking in the domestic penitentiary system: the historical aspect of the problem]. In: *Istoriya ugovolno-ispolnitel'noi sistemy v Rossii* [A history of the penitentiary system in Russia], Moscow, pp. 124-131.
 7. Senkevich V.V. (2009) *Preduprezhdenie pobegov iz mest lisheniya svobody: lichnostno-orientirovannyi podkhod. Doct. Diss. Abstract* [The prevention of escapes from places of detention: a personality oriented approach. Doct. Diss. Abstract]. Ryazan.
 8. Starkov O.V. (2014) *Kriminologiya i praktika* [Criminology and practice]. Moscow: Yurait Publ.
 9. *Ugolovno-ispolnitel'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii: feder. zakon Ros. Federatsii ot 08.01.1997 № 1-FZ: prinyat Gos. Dumoi Feder. Sobr. Ros. Federatsii 18.12.1996: odobr. Sovetom Federatsii Feder. Sobr. Ros. Federatsii 25.12.1996* [Corrections Code of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation No. 1-FZ of January 8, 1997]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/ [Accessed 28/11/17].
 10. *Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii: feder. zakon Ros. Federatsii ot 13.06.1996 № 63-FZ: prinyat Gos. Dumoi Feder. Sobr. Ros. Federatsii 24.05.1996: odobr. Sovetom Federatsii Feder. Sobr. Ros. Federatsii 05.06.1996* [Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ [Accessed 28/11/17].

УДК 343**Захват заложника в учреждениях уголовно-исполнительной системы.
Экспертные выводы, рекомендации и заключение****Новиков Алексей Валерьевич**

Доктор педагогических наук, кандидат юридических наук,
доцент, главный научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт ФСИН России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15а;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Слабкая Диана Николаевна

Научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт ФСИН России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15а;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Аннотация

В соответствии с ч. 4 ст. 15 УК РФ захват заложника относится к категории тяжких преступлений, а при наличии соответствующих квалифицирующих либо особо квалифицирующих признаков – к особо тяжким. Захват заложника посягает на гарантированные Конституцией Российской Федерации (ст. 22) общественную безопасность, а также на жизнь, здоровье, личную свободу и неприкосновенность человека. Данное преступное деяние является разновидностью двуобъектных преступлений против общественной безопасности и общественного порядка. Общественную безопасность авторы рассматривают как системный объект. Авторское исследование данного феномена уголовно-правового механизма противодействия захвату заложника прежде всего обусловлено спецификой (социальной природой и общественной опасностью) данного преступления и его проявлений, необходимостью охраны целого комплекса социальных благ, на которые осуществляется посягательство.

Для цитирования в научных исследованиях

Новиков А.В., Слабкая Д.Н. Захват заложника в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Экспертные выводы, рекомендации и заключение // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 7. № 1А. С. 139-148.

Ключевые слова

Захват заложника, удержание заложника, освобождение заложника, квалифицированный состав преступления, УК РФ, ФСИН России, учреждения уголовно-исполнительной системы.

Введение

Под захватом заложника в учреждениях уголовно-исполнительной системы понимаются противоправные насильственные действия, связанные с изъятием лица из его социума с целью последующего удержания либо с его удержанием вопреки или помимо его воли, совершенные в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества, в отношении сотрудников УИС, персонала, осужденных, заключенных под стражу или иных лиц, находящихся в данных учреждениях, в целях понуждения органа государственной власти, организации или физического лица (группы лиц) совершить какое-либо действие или воздержаться от совершения какого-либо действия в качестве условия освобождения заложника.

Захват заложника в учреждениях уголовно-исполнительной системы

В уголовно-правовом контексте целесообразно рассматривать захват заложника в учреждениях уголовно-исполнительной системы в качестве квалифицированного состава преступления, предусмотренного ст. 206 УК РФ [Миненко, 2009].

Удержание потерпевшего-заложника означает насильственное воспрепятствование его стремлению покинуть место его нахождения в качестве заложника, отсутствие возможности возвращения свободы. Заложниками могут стать только физические лица вне зависимости от того, какими социальными признаками они отличаются (возраст, профессия, должность, статус и т. д.).

Если захват или удержание заложника сопровождаются угрозой убийством, причинением ему или его близким тяжкого либо средней тяжести вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества перечисленных лиц, то указанные действия охватываются составом преступления в соответствии с ч. 1 ст. 206 УК РФ и поэтому в дополнительной квалификации не нуждаются.

Если в ходе захвата заложника потерпевшему причинен умышленный тяжкий или средней тяжести вред здоровью либо смерть (например, при оказании заложником сопротивления либо совершении попытки побега), то содеянное преступником необходимо квалифицировать по соответствующей части ст. 206 УК РФ.

Способы захвата заложника могут быть самыми разными: тайный или открытый, насильственный либо ненасильственный.

Многие российские ученые признают реализацию факта ограничения свободы лица в ходе его захвата в качестве заложника, но на текущую дату нет единой позиции при решении вопроса о том, что захват заложника априори является насильственным. Тем не менее бывают случаи удержания заложника без его захвата, например, при самостоятельном решении стать таковым взамен другого лица, захваченного ранее.

Разновидностью ненасильственного захвата может являться, как вариант, захват заложника путем обмана или доведения его до состояния невменяемости в процессе принятия или употребления алкоголя, психотропных веществ либо наркотических средств (веществ, изменяющих сознание).

Захват заложника может сопровождаться не только физическим, но и психическим насилием, подразумевает «противоправное воздействие, направленное на психику другого лица с целью подавления его сопротивления и подчинения его воли воле виновного...» [Симонов, Шумихин, 1993, 45].

Факт угрозы применения насилия необходимо понимать как незаконное психическое воздействие на лицо в целях заставить его отказаться от сопротивления и оказать давление на его волю посредством обещания (вербально или в другой наглядно-визуальной форме) причинить опасный или неопасный для его жизни и здоровья вред, в том числе угрожающая демонстрация действиями либо оружием и т. п., которые можно использовать в указанных противоправных целях.

Как показывает криминальная практика, для осуществления захвата лица в качестве заложника совершаются осознанные, волевые, активные действия, а вот удержание лица в качестве заложника может быть и в форме бездействия.

В отличие от ст. 126 и ст. 127 УК РФ, где факт совершения преступления не разглашается, жертва намечена заранее, требования направлены к самому потерпевшему, его близким родственникам, а также к лицам, с которыми похищенный состоит в каких-либо социально-родственных взаимоотношениях.

Захват заложника сопровождается предъявлением определенных требований, прямо указанных в рассматриваемой статье, которые могут быть выдвинуты как государству (Российской Федерации), органам власти (как рассматриваемый вариант – ФСИН России), организациям (международным, государственным, коммерческим и некоммерческим), так и гражданину (группе лиц), совершить какое-либо действие или воздержаться от совершения какого-либо действия. Они могут носить политический (понуждение прекратить какие-либо действия), социальный, национально-шовинистский, национально-сепаратистский, криминальный (предоставить оружие, наркотические средства, крупную сумму денег, освободить от отбывания наказания и т. д.) характер.

Требования при захвате заложника предъявляются открыто, нередко субъект стремится специально предать их широкой огласке, чтобы вызвать общественно-политический резонанс. Это не влияет на квалификацию, но учитывается при оценке общественной опасности содеянного при последующем вынесении приговора судом [Козаченко, Новоселов, 2008, 374].

Моментом окончания данного преступления, связанного с захватом заложника, является время устранения для потерпевшего пределов, установленных преступным посягательством. Это действительно так. Захват заложников представляет собой длящееся во времени преступление, т. е. момент окончания данного преступления не совпадает с началом, причем этот временной отрезок может состоять из минут, часов, дней, недель, месяцев и лет.

С момента захвата заложника с последующим удержанием указанное деяние длится во времени, находясь на стадии уже оконченого преступления. Как отмечалось выше, момент фактического его окончания может оказаться значительно отдаленным во времени, т. е. преступление будет окончено после задержания преступника и освобождения заложника.

Субъективные признаки состава преступления в соответствии с общепризнанной позицией включают в себя субъект преступления и субъективную сторону.

Субъективной стороной преступления выступает психическая деятельность лица, связанная с его совершением и составляющая психическое (т. е. субъективное) содержание [Дагель, Котов, 1974, 123]. Содержанием субъективной стороны преступления являются следующие признаки: вина (умысел, неосторожность), мотив и цель. Они тесно связаны друг с другом и взаимозависимы, но одновременно это самостоятельные психологические явления, имеющие собственное содержание, не входящие друг в друга как составные части [Рарог, 2009].

С субъективной стороны захват заложника характеризуется прямым умыслом. Это означает, что преступивший закон осознает уголовную противоправность и общественную опасность

совершаемых им по отношению к потерпевшему действий и старается посредством их совершения понудить государство, организацию или гражданина (группу лиц) предпринять какие-либо действия либо воздержаться от совершения каких-либо действий.

Рассматриваемое преступление не может быть совершено с косвенным умыслом, так как его наличие свойственно преступлениям с формальным и усеченным составом, ибо волевое содержание подобного умысла законодатель связывает с тем, что преступник сознательно допускал факт наступления общественно опасных последствий, относящихся к объективной стороне только материальных составов, или безразлично к этому относился [Резепкин, Журавлев, 2003, 62].

Эмоциональное состояние преступника при захвате заложника в учреждении ФСИН России не является ни признаком основного состава, ни квалифицирующим признаком; надо признать, что указанный факультативный признак субъективной стороны учитывается при назначении наказания в соответствии с ч. 1 ст. 60 и ст. 61 УК РФ.

Согласно правилам законодательной техники, прямой умысел подразумевается при указании цели в диспозиции соответствующей уголовно-правовой нормы. Это полностью можно отнести к такому преступлению, как захват заложника. Закон прямо называет цель такого деяния, в результате чего факультативный признак субъективной стороны состава преступления по отношению к захвату заложника выступает в роли конструктивного признака.

Цели данного преступного деяния приведены в рассматриваемой уголовно-правовой норме: понуждение государства, организации или гражданина (группы лиц) совершить какое-либо действие либо отказаться от совершения какого-либо действия как условия освобождения заложника.

На практике становится очевидным многообразие характера требований, предъявляемых преступником. Цели преступников могут ими осознаваться или не осознаваться, быть скрытыми, завуалированными, неявными, соответствовать или не соответствовать предъявляемым требованиям и/или быть изначально невыполняемыми.

Анализ ст. 206 («Захват заложника») и ст. 321 («Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества») УК РФ показывает, что мотив преступления, исключая корыстный (п. «з» ч. 2 ст. 206 УК РФ), не оказывает влияния на квалификацию. Но если захват заложника произведен по политическим, идеологическим, расовым, национальным мотивам либо религиозной ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, а также с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, то указанные мотивы и цель процессуально рассматриваются как отягчающее обстоятельство (п. «е» и п. «е¹» ч. 1 ст. 63 УК РФ).

Субъект преступления рассматривается в российском уголовном праве как один из обязательных элементов состава преступления, а наличие субъекта преступления – в качестве одного из наиболее важных условий уголовной ответственности, ибо «она возможна только при наличии в первую очередь лица, совершившего преступление» [Брайнин, 1967].

Следует отметить, что несмотря на то, что захват заложника при отсутствии квалифицирующих признаков (ч. 1 ст. 206 УК РФ) относится к категории тяжких преступлений, законодатель допускает при определенных условиях возможность освобождения виновного от уголовной ответственности.

- 1) Важное практическое и превентивное значение имеет примечание к ст. 206 УК РФ, гласящее: «Лицо, добровольно освободившее похищенного, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава

преступления». Добровольное освобождение потерпевшего предполагает предоставление ему свободы передвижения. При этом виновный должен осознавать последствия дальнейшего удержания потерпевшего. В том случае, когда такие посягательства имеют место быть (прослеживаются по времени), освобождение заложника не может быть признано добровольным. Следует упомянуть, что в уголовном законе отсутствует указание на момент, с которого можно расценивать действия лица, захватившего заложника, как его добровольное освобождение.

- 2) При освобождении заложника по требованию властей предусмотрен следующий вариант событий: властями выдвигается требование предоставить свободу потерпевшему. Освобождение заложника, таким образом, может рассматриваться в качестве специального случая деятельного раскаяния, которое выражается в том, что, осуществив захват заложника и при этом имея возможность удерживать его дальше, виновный идет навстречу требованиям властей и освобождает его, за что не привлекается к уголовной ответственности.

Следовательно, вышепоименованные условия законодательно закрепляют освобождение виновного от уголовной ответственности за захват заложника в случае его позитивного послепреступного поведения [Скуратов, Лебедев, 2011, 159] и являются для него поощряющей нормой. Оговорку *«если в его действиях не содержится иного состава преступления»* надо рассматривать в следующем контексте: при добровольном освобождении потерпевшего виновный не несет ответственности за преступление, а именно за «Захват заложника», но не за другие противоправные деяния, совершенные в связи с этим (причинение вреда здоровью (побои, истязания), угон автомобиля, незаконное завладение оружием и др.). Так, если действия виновного лица определяют условия освобождения от уголовной ответственности по ст. 206 УК РФ, но подпадают под признаки иного состава преступления, процессуально осуществляется изменение квалификации этих действий со ст. 206 УК РФ на соответствующую статью «Особенной части» УК РФ, за исключением ст. 126 и ст. 127 УК РФ.

Первым квалифицирующим признаком захвата заложника считается его совершение по предварительному сговору группой лиц (п. «а» ч. 2 ст. 206 УК РФ). Здесь усматривается квалифицированный состав преступления, ведь совершение подобного деяния двумя и более лицами непременно усиливает степень его общественной опасности (см. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 октября 2009 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики назначения и исполнения уголовного наказания»). Согласно ч. 2 ст. 35 УК РФ, преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали лица, заранее сговорившиеся о совместном совершении преступления.

Второй квалифицирующий признак захвата заложника – совершение преступления с применением насилия, опасного для жизни или здоровья. Тут нужна конкретизация: насилие, опасное для здоровья или жизни, законодателем определено в разделе VII УК РФ (глава 16). Так, ст. 111 УК РФ предусматривает ответственность за умышленное причинение здоровью человека тяжкого вреда, опасного для жизни. Данный вред в соответствии с действующим законодательством считается последствием насилия, опасного для жизни, указание на которое содержится в п. «в» ч. 2 ст. 206 УК РФ. Степень тяжести причиненного здоровью человека вреда устанавливается согласно п. 3 «Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» (утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 17 августа 2007 г. № 522). Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью лицу,

захваченному в качестве заложника, сопровождавшегося применением насилия, опасного для жизни или здоровья потерпевшего, охватывается составом преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 206 УК РФ, и не требует дополнительной квалификации по ст. 111 УК РФ. Причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего, повлекшее по неосторожности смерть заложника, необходимо квалифицировать по ч. 3 ст. 206 УК РФ. При совершении убийства в ходе захвата заложника и/или его удержания или в последующем его освобождении действия преступника будут квалифицированы по ч. 4 ст. 206 УК РФ.

Квалифицирующий признак захвата заложников – совершение его с использованием оружия либо предметов, применяемых как оружие (п. «г» ч. 2 ст. 206 УК РФ). Понятие оружия содержится в ст. 1 Федерального закона от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» и трактуется как устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели, а также подачи сигналов. Так, совершение преступления с применением оружия или предметов, которые использовались в качестве оружия, квалифицируется по п. «г» ч. 2 ст. 206 УК РФ и дополнительной квалификации по ст. 222 УК РФ за незаконное ношение оружия не требует [Скуратов, Лебедев, 2011].

Захват или удержание заложника, совершенные в отношении двух и более лиц (п. «ж» ч. 2 ст. 206 УК РФ), отличаются повышенной опасностью, которая состоит в том, что потерпевшими от преступления – заложниками – в одно и то же время становятся несколько человек, причем умысел виновного это предполагает и виновный данный факт осознает.

Если заложники захвачены из корыстных побуждений или по найму (п. «з» ч. 2 ст. 206 УК РФ), то можно заметить, что корыстные побуждения (мотив преступных действий) традиционно выступаютотягчающим обстоятельством. В основе корыстного мотива обязательно лежит материальная заинтересованность преступника. Формулировка п. «з» ч. 2 ст. 206 УК РФ позволяет признать преступление оконченным даже в том случае, если нет подтверждения фактического получения материальных благ, а есть только одна озвученная цель.

Фактическое получение денег или имущества в результате захвата заложника, как и любое другое удовлетворение требований, в дополнительной квалификации не нуждается.

Классификация требуется тогда, когда в качестве подтверждения угрозы преступником был осуществлен последующий захват субъекта, являющегося *prope personis* для заложника, к которому предъявлены имущественные требования, и виновный угрожает насильственными действиями. В таком случае требуется квалификация по совокупности преступлений, которые содержатся в соответствующих частях ст. 163 и п. «з» ч. 2 ст. 206 УК РФ.

Законодатель предусмотрел в ч. 3 ст. 206 УК РФ особо квалифицированные виды захвата заложника, а именно деяния, совершенные организованной группой, которые по неосторожности повлекли за собой смерть человека либо другие тяжкие последствия. Организованной группой, согласно ч. 3 ст. 35 УК РФ, считается устойчивая группа лиц, которые заранее объединились для совершения одного или нескольких преступлений. В ст. 33 УК РФ законодательно закреплены виды соучастников преступления. При этом члены такой группы вне зависимости от своих ролей будут расцениваться как соисполнители и должны привлекаться к уголовной ответственности по ч. 3 ст. 206 УК РФ без ссылки на ст. 33 УК РФ.

Тяжкие последствия, указанные в ч. 3 ст. 206 УК РФ, прямо не названы и представляют собой оценочную категорию для судебного разбирательства. Современная следственная практика и судопроизводство по уголовным делам пользуются довольно устойчивыми критериями для отнесения к категории тяжких определенных последствий: они должны быть точно установлены и доказаны в рамках расследованного уголовного дела, обвинительный

приговор суда должен содержать мотивированное признание определенного ущерба тяжким последствием совершенного преступления. Кроме того, должна быть установлена причинно-следственная связь между совершенным захватом заложника и наступившими тяжкими последствиями [Мельников, Красковский, 2012].

В ч. 4 ст. 206 УК РФ предусматривается ответственность за деяния, указанные в ч. 1 или ч. 2 ст. 206 УК РФ, если они повлекли за собой умышленное причинение смерти человеку. Следует обратить внимание на некую непоследовательность законодателя, установившего наказание по ч. 4 ст. 206 УК РФ (за совершение убийства при захвате заложника) в виде лишения свободы на срок от 15 до 20 лет с ограничением свободы на срок от 1 года до 2 лет или пожизненного лишения свободы, если сравнить с тем, какая ответственность предусматривается за подобные последствия в виде убийства при похищении человека (ст. 126 УК РФ) и незаконном лишении свободы (ст. 127 УК РФ). Анализ степени общественной опасности вышепоименованных деяний выявил, что наиболее общественно опасным является захват заложника, далее следует похищение человека, а последнее, менее опасное из них – это незаконное лишение свободы [Гишинский, 2006, 155]. Поскольку законодатель не предусмотрел в ст. 126 и в ст. 127 УК РФ такого квалифицирующего признака, как умышленное причинение смерти, следовательно, при наступлении этого тяжкого последствия деяния лица необходимо квалифицировать либо по совокупности преступлений, если речь идет о незаконном лишении свободы (соответствующие части ст. 127 и ст. 105 УК РФ), либо по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, если убийство сопряжено с похищением человека, либо по совокупности ст. 127 и ст. 105 УК РФ, если убийство совершено в ходе похищения.

Заключение

По нашему мнению, законодатель логически не последователен при определении общественной опасности вышеуказанных преступных деяний, определяя в случае убийства при похищении человека или незаконном лишении свободы деяния, предусмотренные ст. 127 и ст. 126 УК РФ, более общественно опасными, чем захват заложника. Полагаем, что следует привести в соответствие санкции ст.ст. 105, 127, 126 и 206 УК РФ. При этом можно включить в ст.ст. 126, 127 УК РФ четвертую часть содержания, аналогичного ч. 4 ст. 206 УК РФ, с указанием мер наказания, не превышающих, по крайней мере, размеры наказания, приведенные в ч. 4 ст. 206 УК РФ.

В уголовно-правовом контексте целесообразно рассматривать захват заложника в учреждениях уголовно-исполнительной системы в качестве квалифицированного состава преступления, предусмотренного ст. 206 УК РФ. В связи с этим востребовано включение в ч. 2 ст. 206 УК РФ клаузулы следующего содержания: *«в учреждении, обеспечивающем изоляцию от общества, в отношении сотрудников УИС, персонала, осужденных, заключенных под стражу или иных лиц, находящихся в данном учреждении»*.

Библиография

1. Брайнин Я.М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. М.: Юридическая литература, 1967. 240 с.
2. Гишинский Я.И. Девиантность, преступность, социальный контроль. СПб., 2006. 352 с.
3. Дагель П.С., Котов Д.П. Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж, 1974. 243 с.
4. Козаченко И.Я., Новоселов Г.П. (отв. ред.) Уголовное право. Особенная часть. М., 2008. 1008 с.
5. Мельников М.Г., Красковский Я.Э. Отграничение похищения человека от незаконного лишения свободы и

- захвата заложников // Человек: преступление и наказание. 2012. № 2. С. 33-36.
6. Миненко П.В. Исправление осужденных за преступления против общественной безопасности в целях предупреждения специального рецидива: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. 233 с.
 7. О некоторых вопросах судебной практики назначения и исполнения уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.10.2009 № 20 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2010. № 1.
 8. Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека: постановление Правительства РФ от 17.08.2007 № 522 (ред. от 17.11.2011). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_70563/
 9. Рагоз А.И. Учение о вине в современной российской науке уголовного права: состояние и перспективы развития // Российский криминологический взгляд. 2009. № 4. С. 216-220.
 10. Резепкин О.Ю., Журавлев И.А. Захват заложника. Уголовно-правовая регламентация проблемы. М., 2003. 160 с.
 11. Симонов В.И., Шумихин В.Г. Квалификация насильственных посягательств на собственность. М., 1993. 68 с.
 12. Скуратов Ю.И., Лебедев В.М. (ред.) Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Особенная часть. М.: ИНФРА-М, 2011. 876 с.
 13. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24.05.1996: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 05.06.1996. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/

Hostage-taking in the institutions of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation. Expert opinions, recommendations and conclusions

Aleksei V. Novikov

Doctor of Pedagogy, PhD in Law,
Docent, Chief Researcher,
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15a Narvskaya st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Diana N. Slabkaya

Researcher,
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15a Narvskaya st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Abstract

The article aims to identify the features of hostage-taking in the institutions of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, describe expert opinions on the problems arising in the process of the enforcement of the effective laws and give recommendations for improving the legislation in this sphere. In accordance with Part 4 of Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation, hostage-taking belongs to the category of serious crimes, and in the presence of the appropriate aggravating or especially aggravating characteristics – to particularly serious ones. Hostage-taking encroaches upon public security that is guaranteed by the Constitution of the Russian Federation (Article 22), as well as life, health, personal freedom and inviolability of an individual. This criminal act is considered to be one of the crimes that have two objects, the main object being

public security and public order. The authors of the article view public security as a systemic object. The features of the study of this phenomenon of the criminal legal mechanism used for counteraction to hostage-taking are determined by the specifics (social nature and public danger) of this crime and its manifestations, as well as the need to protect a whole range of social interests.

For citation

Novikov A.V., Slabkaya D.N. (2018) Zakhvat zalozhnika v uchrezhdeniyakh ugolovno-ispolnitel'noi sistemy. Ekspertnye vyvody, rekomendatsii i zaklyuchenie [Hostage-taking in the institutions of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation. Expert opinions, recommendations and conclusions]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7 (1A), pp. 139-148.

Keywords

Hostage-taking, hostage-holding, release of hostages, aggravated crime, Criminal Code of the Russian Federation, Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, institutions of the penitentiary system.

References

1. Brainin Ya.M. (1967) *Ugolovnaya otvetstvennost' i ee osnovanie v sovetskom ugolovnom prave* [Criminal liability and its grounds in Soviet criminal law]. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.
2. Dagal' P.S., Kotov D.P. (1974) *Sub"ektivnaya storona prestupleniya i ee ustanovlenie* [The subjective side of a crime and its determination]. Voronezh.
3. Gilinskii Ya.I. (2006) *Deviantnost', prestupnost', sotsial'nyi kontrol'* [Deviance, crime, social control]. St. Petersburg.
4. Kozachenko I.Ya., Novoselov G.P. (eds.) (2008) *Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast'* [Criminal law. The special part]. Moscow.
5. Mel'nikov M.G., Kraskovskii Ya.E. (2012) Otgranichenie pokhishcheniya cheloveka ot nezakonno go lisheniya svobody i zakhvata zalozhnikov [The delimitation of kidnapping from unlawful deprivation of liberty and hostage-taking]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie* [Man: crime and punishment], 2, pp. 33-36.
6. Minenko P.V. (2009) *Ispravlenie osuzhdennykh za prestupleniya protiv obshchestvennoi bezopasnosti v tselyakh preduprezhdeniya spetsial'nogo retsidiva. Doct. Diss.* [The correction of people convicted of crimes against public security with a view to preventing special crime repetition. Doct. Diss.] Tambov.
7. O nekotorykh voprosakh sudebnoi praktiki naznacheniya i ispolneniya ugolovnogo nakazaniya: postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 29.10.2009 № 20 [On some issues of the judicial practice of imposing and executing criminal penalties: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 20 of October 29, 2009] (2010). *Byulleten' Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], 1.
8. *Ob utverzhenii Pravil opredeleniya stepeni tyazhesti vreda, prichinennogo zdorov'yu cheloveka: postanovlenie Pravitel'stva RF ot 17.08.2007 № 522 (red. ot 17.11.2011)* [On the approval of the Rules for determining the severity of the harm caused to the health of an individual: Decree of the Russian Government No. 522 of August 17, 2007 (as amended on November 17, 2011)]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_70563/ [Accessed 28/11/17].
9. Rarog A.I. (2009) Uchenie o vine v sovremennoi rossiiskoi nauke ugolovnogo prava: sostoyanie i perspektivy razvitiya [The doctrine of guilt in the modern Russian science of criminal law: the state and development prospects]. *Rossiiskii kriminologicheskii vzglyad* [Russian criminological outlook], 4, pp. 216-220.
10. Rezepkin O.Yu., Zhuravlev I.A. (2003) *Zakhvat zalozhnika. Ugolovno-pravovaya reglamentatsiya problem* [Hostage-taking. The criminal law regulation of the problem]. Moscow.
11. Simonov V.I., Shumikhin V.G. (1993) *Kvalifikatsiya nasil'stvennykh posyagatel'stv na sobstvennost'* [The classification of violent encroachment on property]. Moscow.
12. Skuratov Yu.I., Lebedev V.M. (eds.) (2011) *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii. Osobennaya chast'* [Comments on the Criminal Code of the Russian Federation. The special part]. Moscow: INFRA-M Publ.
13. *Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii: feder. zakon Ros. Federatsii ot 13.06.1996 № 63-FZ: prinyat Gos. Dumoi*

Feder. Sobr. Ros. Federatsii 24.05.1996: odobr. Sovetom Federatsii Feder. Sobr. Ros. Federatsii 05.06.1996 [Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ [Accessed 28/11/17].

УДК 343.346**Объективные признаки преступления при нарушении правил дорожного движения, совершенных пешеходами****Петров Сергей Анатольевич**

Старший преподаватель,
кафедра криминалистики,
Дальневосточный юридический институт Министерства внутренних дел РФ,
680030, Российская Федерация, Хабаровск, пер. Казарменный, 15;
e-mail: petrovdvumvd@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы установления объективных признаков преступления, совершенного пешеходом при нарушении Правил дорожного движения. Нарушение указанных Правил является административным деликтом, а ответственность по ст. 268 УК РФ наступает лишь при взаимодействии пешехода с транспортным средством и наступлением общественно опасных последствий. По мнению автора, для правильной квалификации преступления, совершенного пешеходом, необходимо выяснить, какие правила или правовые запреты, действующие в области безопасности дорожного движения были нарушены, установить конкретные действия (бездействие) виновного лица, которые явились причиной совершения транспортного преступления, а также выяснить наличие причинной связи, между действиями лица, нарушившим правила безопасности движения и наступлением общественно опасных последствий.

Для цитирования в научных исследованиях

Петров С.А. Объективные признаки преступления при нарушении правил дорожного движения, совершенных пешеходами // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 7. № 1А. С. 149-156.

Ключевые слова

Пешеход, правила дорожного движения, квалификация преступления, преступление, транспортное средство, нарушение ПДД.

Введение

Обязательным условием безопасного функционирования транспорта является соблюдение действующих правил дорожного движения всеми участниками. Нарушение установленных правил любым участником движения может привести к причинению тяжкого вреда здоровью или гибели людей. Закономерно, что к числу преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта законодатель отнес не только противоправные действия лиц, управляющих транспортными средствами, но и нарушение соответствующих правил другими участниками движения, в том числе и пешеходами, которые являются наиболее многочисленной группой.

В сфере нарушения правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта с участием пешехода, наибольшее количество правонарушений, наблюдается в части дорожно-транспортных происшествий.

Проблемы установления объективных признаков преступления, совершенного пешеходом при нарушении ПДД

Нарушение пешеходом правил дорожного движения предусмотрено Кодексом об административных правонарушениях и, только в случае, повлекшем общественно опасные последствия, наступает ответственность по ст. 268 УК РФ. Основным критерием общественной опасности действий пешехода являются наступившие последствия данных действий.

Из числа пассажиров и пешеходов, являющихся наряду с водителями транспортных средств участниками дорожного движения, последние наиболее подвержены совершению административных правонарушений. И это естественно, так как в повседневной жизни основная часть граждан передвигается по улицам городов и поселков, пересекая бесконечное множество проезжих частей, по которым движется транспорт. Пешеходы являются самой многочисленной и уязвимой группой участников дорожного движения [Кузьменко, 2009, 5].

Наиболее распространенным нарушением правил дорожного движения среди пешеходов, влекущим тяжкие последствия, является переход проезжей части в неустановленном месте и вне пешеходного перехода. К другим, часто встречающимся нарушениям правил дорожного движения, относятся: переход проезжей части в опасной близости перед движущимся транспортным средством, неподчинение сигналам регулирования дорожного движения, ходьба вдоль края проезжей части при наличии тротуара, неадекватное поведение пешехода при пересечении проезжей части в связи с нетрезвым состоянием.

Вместе с тем необходимо иметь в виду, что сами действия пешехода, нарушившего Правила дорожного движения, еще не могут быть основанием для привлечения его к уголовной ответственности. При наличии вредных последствий необходимо установить причинно-следственную связь между неправомерными действиями пешехода и действиями водителя транспортного средства.

Зачастую пешеходы сами являются потерпевшими при нарушении ими Правил дорожного движения, но к ответственности привлекаются водители транспортных средств, которые в свою очередь, также нарушили Правила дорожного движения или не приняли мер к предотвращению наезда. Само появление пешехода на проезжей части в неполюженном месте еще не является аварийной ситуацией и в большинстве случаев водители транспортных средств могут предотвратить дорожно-транспортное происшествие. Однако если водитель двигается с превышением скорости, отвлекается от дороги, или пешеход появляется на проезжей части

внезапно, то создание аварийной ситуации предсказуемо.

Нужно иметь в виду, что неправомерные действия пешехода причиняют вред опосредовано. Сложность установления причинной связи между допущенными пешеходами нарушениями и наступившими тяжкими последствиями заключается в том, что эти последствия причиняет не пешеход-нарушитель, а транспортное средство, на пути которого он оказался. Избегая наезда на пешехода, водитель вынужден резко тормозить, круто поворачивать или совершать иное экстремальное действие по управлению транспортным средством [Жулев, 2001, 146]. Обязательным условием дорожно-транспортного происшествия с участием пешехода является наличие транспортного средства. Что немаловажно, транспортное средство должно быть в движении. Именно посредством создания помех безопасному движению или эксплуатации транспорта причиняется вред безопасности функционирования транспорта при его движении или эксплуатации [Корзун, 2012].

Данное мнение не единично и разделяется многими авторами, утверждающими, что диспозиция ст. 268 УК РФ опосредовано решает вопрос охраны безопасности функционирования транспорта. Сами по себе нарушения правил безопасности движения и эксплуатации транспорта, реально угрожающие опасностью и содержащие в себе возможность гибели людей либо причинения крупного ущерба, уголовно ненаказуемы [Проценко, 2010].

Нарушение правил безопасности движения пешеходом еще не является условием порождения общественно-опасных последствий и соответственно, посягательством на общественные отношения, охраняемые уголовным законом. Эти нарушения по своей сути являются административным деликтом в системе транспортных правонарушений и юридических последствий не несут.

Правонарушение приобретает признаки общественной опасности или становится уголовно-наказуемым деянием в том случае, если в результате неправомерных действий нарушителя-пешехода при непосредственном взаимодействии с транспортным средством был причинен тяжкий вред здоровью или смерть водителю транспортного средства или третьим лицам от транспортного средства. Следовательно, объектом уголовно-правовых отношений, складывающихся при обеспечении правил безопасности движения и эксплуатации транспорта могут быть только те отношения, которые находятся в сфере регулирования уголовного закона.

В рассматриваемой нами уголовно-правовой норме общим объектом являются общественные отношения в сфере безопасности движения и эксплуатации транспортных средств, за нарушение которых предусмотрена ответственность Кодексом об административных правонарушениях. Однако имеется и непосредственный объект – это здоровье и жизнь человека, при посягательстве на которые правонарушение трансформируется в преступление. Именно по объекту посягательства при нарушении правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта, правонарушение разделяется на административный деликт и преступление.

Рассматривая объективную сторону преступления, совершенного пешеходом необходимо выделить такой важный элемент, как причинную связь между действиями нарушителя и действиями водителя транспортного средства, которым было причинено общественно-опасное последствие. Как было замечено, причинную связь в транспортных преступлениях следует считать установленной в тех случаях, когда нарушение указанных правил предшествовало наступлению вредного результата и непосредственно повлекло его наступление либо создало реальную возможность его наступления или превратило такую возможность в действительность [Бурлаков, 2009].

Для установления наличия или отсутствия причинной связи в транспортном преступлении

некоторые авторы предлагают изолированно устанавливать условие нарушения правил безопасности движения от общественно опасного деяния, которое характеризуется наступившими общественно опасными последствиями. Так, если рассматривать физическую природу нарушения правил безопасности движения или эксплуатации транспорта, то нетрудно заметить, что оно представляет собой лишь создание необходимого условия, но не причины для наступления преступного результата [Проценко, 2010].

Естественно, действия пешехода, нарушившего правила движения, по сути своей, являются противоправными действиями и предшествуют совершению общественно опасного деяния, но еще не влекут наступления общественно опасных последствий.

Причиной к трансформации административного правонарушения в транспортное преступление будет создание пешеходом непосредственных условий для совершения общественно опасного деяния, повлекшее за собой тяжкий вред здоровью человека или смерть одного или более лиц.

И здесь нужно учитывать такие действия пешехода нарушившего правила, которые неизбежно привели к аварийной обстановке, когда транспортное средство становится неуправляемым и в процессе его неконтролируемого движения причиняется вред жизни и здоровью людей.

Отсюда следует, что определяющим условием преступных нарушений правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта с наступлением вредных последствий, выступает создание пешеходом аварийной ситуации. Именно создание аварийной ситуации необходимо рассматривать, как первопричину в цепи возникновения такого явления, как транспортное преступление, совершенное в результате неправомерных действий пешехода.

В последовательности развития механизма дорожно-транспортного преступления нарушение пешеходом правил предшествует созданию аварийной обстановки, а наступление вредных последствий является завершающим элементом объективной стороны преступления. Краткое описание возможных вариантов возникновения аварийной обстановки, предшествующих столкновению, опрокидыванию или выпадению пассажиров и грузов, может, как представляется, служить еще одним аргументом, подтверждающим обязательность ее наличия в каждом дорожно-транспортном происшествии. Это позволяет сделать вывод о том, что аварийная обстановка может иметь продолжительность, начиная от мгновений, например, в случае внезапного появления пешехода на пути движения транспорта [Лукиянов, 1979, 65].

Анализируя причины совершения дорожно-транспортных происшествий по вине пешехода, следует заметить, что сами по себе они не возникают случайно, а им предшествует нарушение правил безопасности дорожного движения. Как верно замечено, не случайные обстоятельства порождают наступление вредных последствий, а порождает их именно нарушение установленных правил, переросшее в ситуацию, когда управление транспортным средством происходит в реальной опасности совершения ДТП [Любимов, 2015, 106].

Закономерно, что вероятность совершения дорожно-транспортного происшествия с наступлением вредных последствий возрастает при повторении нарушений правил дорожного движения со стороны пешехода. Лицо, которое систематически игнорирует существующие предписания поведения на проезжей части, становится уязвимо для травмирования его движущимся транспортом, а также многократно создает опасность для водителей механических транспортных средств совершить ДТП. Систематическое нарушение пешеходом правил дорожного движения с большей вероятностью приводит к совершению дорожно-транспортных происшествий. В этом аспекте правосознание пешехода и ответственность к поведению на дороге является важнейшим социальным требованием. Предотвращение нарушений

установленных правил безопасности служит, хотя и опосредованным, но эффективным и надежным инструментом, позволяющим воздействовать на возникновение случайных обстоятельств, а значит, и на возникновение дорожно-транспортных происшествий в целом.

Кроме того, в каждом отдельном случае необходимо учитывать сложившуюся аварийную ситуацию по вине пешехода и наличие возможности у водителя транспортного средства предотвратить аварию с наступлением общественно опасных последствий.

Также, не всякая аварийная обстановка с закономерностью влечет наступление общественно опасных последствий. Если в результате расследования всех обстоятельств случившегося транспортного происшествия будет установлено, что водитель транспортного средства принял все меры во избежание аварии, но в силу сложившихся обстоятельств, предотвратить дорожно-транспортное происшествие не смог, он должен освобождаться от уголовной ответственности, а виновным лицом выступают пассажир или пешеход. К сожалению, на практике, при наступлении общественно опасных последствий, связанных с причинением вреда здоровью или смерти человека, к уголовной ответственности привлекается водитель транспортного средства как источника повышенной опасности.

Вполне логично, что при совершении дорожно-транспортного преступления, в случае, когда в результате совместных неосторожных действий водителя транспортного средства и пешехода причинен вред третьему лицу, то водитель и пешеход должны нести ответственность по ст. 264 и ст. 268 УК РФ соответственно.

Изучение судебной практики констатирует, что нарушители-пешеходы, как правило, находясь в состоянии алкогольного опьянения, своими очевидно неправомерными и явно непредсказуемыми для водителей транспортных средств действиями на дорогах, создают аварийную ситуацию, которая с закономерностью приводит к наступлению тяжких последствий.

По приговору Тосненского городского суда Ленинградской области осуждена гражданка Л. за нарушение правил безопасности движения, повлекшее по неосторожности смерть человека. Пешеход Л., находясь в состоянии алкогольного опьянения, вне населенного пункта и вне зоны пешеходного перехода, внезапно стала пересекать бегом проезжую часть, непосредственно вблизи перед движущимся транспортом. Водитель транспортного средства И. с целью предотвращения наезда на пешехода выехал на полосу встречного движения с одновременным применением экстренного торможения и совершил столкновение со следовавшим во встречном направлении автомобилем с полуприцепом. В результате столкновения водителю И. были причинены телесные повреждения, повлекшие за собой его смерть [Приговор суда, 2017, www].

Особое внимание следует обратить на установление пешеходом признаков административного правонарушения (нарушение Правил дорожного движения). Совместное применение Уголовного закона и административного законодательства может установить полное содержание уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность пешехода за нарушение правил движения и эксплуатации транспортных средств. Как заметил Н.В. Осадчий, примечательно, что указанная взаимосвязь положений уголовного и административного законодательства должна найти свое отражение в правоприменительных решениях, в частности в обвинительном приговоре [Осадчий, 2007].

Заключение

Исследуя объективную сторону преступления пешехода, отметим, что ответственность пешехода по ст. 268 УК РФ за совершение транспортного преступления должна наступать при

установлении правоприменителем всех элементов состава преступления: нарушение соответствующих правил безопасности движения, общественно опасного деяния, общественно опасного последствия и выявления причинной связи между ними. Пешеход обязан соблюдать установленные правила безопасности движения на транспорте и нести ответственность за свои общественно опасные действия, повлекшие последствия, предусмотренные уголовно-правовой нормой.

Для правильной квалификации преступления, совершенного пешеходом основополагающее значение имеет определение правил или правовых запретов, действующих в области безопасности движения или эксплуатации транспортных средств, которые были нарушены, установление конкретных действий (бездействия) виновного лица, которые явились причиной совершения транспортного преступления, а также выяснение наличия причинной связи, между действиями лица, нарушившим правила безопасности движения или эксплуатации транспортных средств и наступлением общественно опасных последствий.

Библиография

1. Бурлаков В.Н. Сложные вопросы квалификации транспортных преступлений // Правоведение. 2009. №1. С. 121-129.
2. Жулев В.И. Транспортные преступления. М.: Спарк, 2001. 199 с.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (в ред. от 07.06.2017) // *Собрание законодательства РФ*. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
4. Корзун А.В. Некоторые аспекты оптимизации признаков объективной стороны составов преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта // *Российский следователь*. 2012. № 3. С. 18-22.
5. Кузьменко Д.О. Криминологический анализ дорожно-транспортных преступлений, связанных с наездами на пешеходов: автореферат дис. ...канд. юр. наук. Тамбов: ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. 26 с.
6. Лукьянов В.В. Проблемы квалификации дорожно-транспортных преступлений. М.: Юрид. лит., 1979. 168 с.
7. Любимов Л.В. Дорожно-транспортное преступление: проблемы законодательного конструирования составов и дифференциация ответственности участников дорожного движения. Воронеж: ВИ МВД России, 2015. 166 с.
8. Осадчий Н.В. Особенности применения уголовно-правовой нормы об ответственности за нарушение Правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств // *Российский следователь*. 2007. № 8. С. 8-9.
9. Приговор Госненского городского суда Ленинградской области от 01.02.2011 г. по уг. делу 1-81/11, по обвинению Лукьяновой. URL: <http://rospravosudie.com>
10. Проценко С.В. Предмет и объект уголовно-правовой охраны в составе транспортного преступления // *Российский следователь*. 2010. № 14. С. 22-25.
11. Проценко С.В. Установление причинной связи в процессе квалификации транспортного преступления // *Юридический мир*. 2010. № 7. С. 59-63.
12. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 06.07.2016)// *Собр. законодательства Рос. Федерации*. 1996. № 25. Ст. 2954.

Objective elements of crime at traffic offense committed by pedestrians

Sergei A. Petrov

Senior Lecturer,
Department of Criminalistics,
Far Eastern Law Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation,
680030, 15 Kazarmenny Lane, Khabarovsk, Russian Federation;
e-mail: petrovdvumvd@mail.ru

Sergei A. Petrov

Abstract

The article examines the problems of establishing objective elements of a crime committed by a pedestrian in violation of the traffic rules. The paper considers the influence of guilt on the qualification of crimes. Violation of the traffic rules is an administrative civil injury, and criminal responsibility under Art. 268 of the Criminal Code comes only with the interaction of a pedestrian with a vehicle and the onset of socially dangerous consequences. It must be borne in mind that the very actions of a pedestrian who has violated the traffic rules can not yet be grounds for bringing him to criminal liability. In the presence of harmful consequences, it is necessary to establish a causal relationship between the unlawful actions of a pedestrian and the actions of a vehicle driver. In the author's opinion, in order to properly qualify a crime committed by a pedestrian, it is necessary to find out which rules or legal prohibitions in the field of road safety have been violated, establish the specific actions (inaction) of the guilty person who caused the transport crime, causation, between the actions of a person who violated the rules of traffic safety and the onset of socially dangerous consequences.

For citation

Petrov S.A. (2018) Ob"ektivnye priznaki prestupleniya pri narushenii pravil dorozhnogo dvizheniya, sovershennykh peshekhodami [Objective elements of crime at traffic offense committed by pedestrians]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7 (1A), pp. 149-156.

Keywords

Pedestrian, traffic rules, qualification of crime, crime, vehicle, violation of traffic rules.

References

1. Burlakov V.N. (2009) Slozhnye voprosy kvalifikatsii transportnykh prestuplenii [Complex questions in qualification of transport crimes]. *Pravovedenie* [Jurisprudence], 1, pp. 121-129.
2. Kodeks Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh ot 30.12.2001 № 195-FZ (v red. ot 07.06.2017 № 118-FZ) [Code of Administrative Offences of the Russian Federation No. 195-FZ of December 30, 2001 (as amended on June 07, 2017)] (2002). *Sobranie zakonodatel'stva RF (St. 1)* [Collection of legislation of the Russian Federation (Art. 1)], 1 (part 1).
3. Korzun A.V. (2012) Nekotorye aspekty optimizatsii priznakov ob"ektivnoi storony sostavov prestuplenii protiv bezopasnosti dvizheniya i ekspluatatsii transporta [Some aspects of optimization of constituent elements of the objective side of crimes against traffic safety and transport]. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian investigator], 3, pp. 18-22.
4. Kuz'menko D.O. (2009) *Kriminologicheskii analiz dorozhno-transportnykh prestuplenii, svyazannykh s naezdami na peshekhodov. Doct. Diss. Abstract* [The criminological analysis of the road traffic crimes connected with pedestrian collisions. Doct. Diss. Abstract]. Tambov: TSU named after G.R. Derzhavin.
5. Luk'yanov V.V. (1979) *Problemy kvalifikatsii dorozhno-transportnykh prestuplenii* [Problems of qualification of road traffic crimes]. Moscow: Yurid. lit. Publ.
6. Lyubimov L.V. (2015) *Dorozhno-transportnoe prestuplenie: problemy zakonodatel'nogo konstruirovaniya sostavov i differentsiatsiya otvetstvennosti uchastnikov dorozhnogo dvizheniya* [Road traffic violation: problems of legislative structure planning of components of crime and differentiated responsibility of road users]. Voronezh: Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ.
7. Osadchii N.V. (2007) Osobennosti primeneniya ugolovno-pravovoi normy ob otvetstvennosti za narushenie Pravil dorozhnogo dvizheniya i ekspluatatsii transportnykh sredstv [Peculiarities of the application of the criminal liability for violation of the traffic rules and operation of vehicles]. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian investigator], 8, pp. 8-9.
8. *Prigovor Tosnenskogo gorodskogo suda Leningradskoi oblasti ot 01.02.2011 g. po ug. delu 1-81/11, po obvineniyu Luk'yanovoi* [A sentence of Tosnensky city court of the Leningrad Region from 02.01.2011 to the case 1-81/11, on Lukyanova's charge]. Available at: <http://rospravosudie.com> [Accessed 23/12/2017].

9. Protsenko S.V. (2010) Predmet i ob"ekt ugovovno-pravovoi okhrany v sostave transportnogo prestupleniya [Subject and object of criminal legal protection as a part of transport crime]. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian investigator], 14, pp. 22-25.
10. Protsenko S.V. (2010) Ustanovlenie prichinnoi svyazi v protsesse kvalifikatsii transportnogo prestupleniya [Establishment of a causal relationship in the process of qualification of transport crime]. *Yuridicheskii mir* [The Legal World], 7, pp. 59-63.
11. Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii: feder. zakon Ros. Federatsii ot 13.06.1996 No. 63-FZ (red. ot 06.07.2016): prinyat Gos. Dumoi Feder. Sobr. Ros. Federatsii 24.05.1996; odobr. Sovetom Federatsii Feder. Sobr. Ros. Federatsii 05.06.1996 [Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996 (as amended on July 6, 2016)] (1996). *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii (St. 2954)* [Collected Legislation of the Russian Federation (Art. 2954)], 25.
12. Zhulev V.I. (2001) *Transportnye prestupleniya* [Crimes on public transport]. Moscow: Spark Publ.

УДК 343.983**Использование материальных следов в процессе расследования преступлений****Сотов Александр Игоревич**

Кандидат юридических наук, доцент,
кафедра криминалистики,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, 1;
e-mail: sotoff@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются основные научные подходы к использованию материальных следов в качестве доказательства по уголовному делу для решения как диагностических, так и идентификационных задач. Обосновывается значение материальных следов для криминалистики, которое гораздо шире, чем для процессуальной деятельности, и заключается в проверке существующих версий и использовании следа как основания для выдвижения новых версий. Автор отмечает, что для криминалиста важен даже тот след, который опровергает прежнее логическое построение и свидетельствует не о виновности подозреваемого лица, а, напротив, о его невиновности. Благодаря такому следу можно отбросить ложную версию, что приближает к установлению истины. Описываются три последовательных стадии использования материальных следов в процессе расследования. Автор приходит к выводу, что криминалистическое значение материальных следов заключается в их информационно-доказательном потенциале, что способствует установлению отдельных составляющих механизма преступления во время расследования по делу.

Для цитирования в научных исследованиях

Сотов А.И. Использование материальных следов в процессе расследования преступлений // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 7. № 1А. С. 157-161.

Ключевые слова

Материальные следы, доказательство, идентификация, диагностика, преступление.

Введение

Главная цель собирания материальных следов в рамках юридического разбирательства (как по уголовному делу, так и по иным основаниям) заключается в их дальнейшем использовании в качестве фактов, на основании которых с помощью логически обоснованных заключений могут быть подтверждены обстоятельства, подлежащие доказыванию. Поэтому для процессуальной деятельности значение имеют лишь те данные, которые подтверждают существенные для дела обстоятельства. Однако с точки зрения криминалистики значение материальных следов гораздо шире. Оно заключается в проверке существующих версий, а также в использовании следа как основания для выдвижения новых версий. Суть проверки заключается в том, что материальный след должен точно встраиваться в сформированную следователем гипотетическую картину произошедшего. Любая гипотеза, выстраиваемая относительно существа преступного деяния, должна объяснять все выявленные фактические обстоятельства. Если какое-то из этих обстоятельств не укладывается в выдвинутую версию, она подлежит отклонению или корректировке. Поэтому для криминалиста важен даже тот след, который опровергает прежнее логическое построение и свидетельствует не о виновности подозреваемого лица, а, напротив, о его невиновности. Благодаря такому следу можно отбросить ложную версию, что приближает к установлению истины.

Использование материальных следов в качестве доказательства по уголовному делу

Использование следа в качестве основания для выдвижения новых версий заключается в том, что его обнаружение может стать отправной точкой для формирования нового логического предположения относительно природы произошедшего [Бабиченко, 2004]. Также могут выдвигаться предположения о наличии иных следов, ранее не выявленных следователем, но о существовании которых с высокой степенью вероятности свидетельствуют ранее обнаруженные следы.

Можно выделить три последовательных стадии использования материальных следов в процессе расследования: оценка имеющихся материальных следов; решение с помощью материального следа диагностических задач; использование материального следа для решения идентификационных задач.

На стадии оценки материального следа необходимо изучить его с точки зрения таких критериев, как подлинность следа, относимость к расследуемому событию, неизменность его свойств с момента образования до момента обнаружения (впоследствии – с момента обнаружения до момента исследования) [Баев, 2001].

Безусловно, следует стремиться решить эти задачи как можно раньше, еще на стадии выявления и изъятия следа, однако это далеко не всегда возможно. Дело в том, что наличие или отсутствие признаков, по которым может быть осуществлена такая оценка, в полевых условиях не всегда удается обнаружить, и для этого приходится проводить специальные изыскания, в том числе в лабораторных условиях [Захарцев, 2004].

Подлинность материального следа означает, что он был оставлен именно теми лицами и предметами, которые непосредственно участвовали в исследуемом событии, причем именно в момент его совершения, а не был привнесен впоследствии случайно или умышленно с целью создать у правоохранительных органов ложное представление о произошедшем. Следы, не

отвечающие критериям подлинности, чаще всего возникают при попытках создания инсценировки.

Относимость следа к расследуемому событию означает, что он был оставлен предметом или лицом при совершении действий, являющихся неотъемлемой частью расследуемого события [Возгрин, 2003]. Например, при расследовании дорожно-транспортного происшествия на месте происшествия могут оказаться трассы от торможения нескольких автомобилей, однако относимыми являются только те из них, которые оставлены непосредственными участниками ДТП или теми транспортными средствами, из-за которых они были вынуждены изменить траекторию движения. Следы иных автомобилей, в том числе затормозивших из-за красного сигнала светофора, интереса для следствия не представляют.

Неизменность свойств материального следа означает, что с того момента, как он был оставлен предметом, и до момента, как он был обнаружен, его состояние оставалось прежним, в том числе и содержащаяся в следе информация о свойствах оставившего его объекта [Дмитриев, 2009]. Например, предмет, до которого дотрагивался преступник, содержит на себе его биологические вещества. Однако до того, как этот предмет будет изъят и приобщен к материалам дела, к нему могут прикасаться другие лица (например, свидетели, обнаружившие место преступления, или оперативные сотрудники, не имеющие должного опыта работы), в связи с чем первоначальные свойства предмета изменяются и на нем уже присутствуют следы не только преступника, но и постороннего человека, что может существенно затруднить экспертизу ДНК. Зачастую след может быть намеренно изменен в целях нарушения его подлинности. О неизменности свойств необходимо заботиться также и после изъятия материального следа на всем периоде его хранения, о чем говорилось выше.

Использование материальных следов для решения диагностических задач

На самом начальном этапе уголовного дела (или проведения следственного действия, в частности осмотра) версии могут выдвигаться без опоры на найденные следы, только на основании опыта и интуиции лица, ведущего расследование [Герасимов, Драпкин, 2000]. Но эти версии нужны только для того, чтобы оптимизировать поиск доказательственной информации, выявить материальные следы целенаправленно, а не наобум. В дальнейшем по мере того, как следы будут выявляться, уровень определенности и конкретности выдвигаемых версий повышается. Выявляемые доказательства позволяют сделать выводы об участии в расследуемом событии определенного предмета. После должной оценки найденных материальных следов они становятся основой для решения диагностических задач.

Суть диагностической задачи заключается в получении сведений о признаках объекта, оставившего след, на основании которых можно осуществить его поиск и установление. Кроме того, это позволяет сделать выводы относительно картины произошедшего, в том числе о наличии иных, пока неизвестных материальных следов, способных существенно дополнить картину произошедшего [Герасимов, 1985].

После решения диагностической задачи следователь начинает поиск объектов, оставивших след, либо предположительно существующих новых материальных следов. Теперь у него есть достаточно данных, чтобы определить исходную совокупность предметов, к которым может принадлежать искомый объект. Чем больше следов обнаружено, чем более информативными они являются, тем больше предметов удастся исключить из исходной совокупности, постепенно сведя ее к численно ограниченному количеству. На данной стадии уже появляется возможность для решения идентификационных задач.

Использование материальных следов для решения идентификационных задач

Задачи идентификационного характера заключаются в определении индивидуального тождества, то есть в получении ответа на вопрос, является ли данный предмет тем самым предметом, которым оставлен данный материальный след. Можно сказать, что идентификационные задачи представляют собой наиболее важную часть в процессе расследования, поскольку позволяют увязать с расследуемым событием конкретный предмет или конкретное лицо.

При решении идентификационной задачи свойства уникальные свойства обнаруженного предмета сравниваются с уникальными свойствами, проявившимися в обнаруженном следе. Поэтому крайне важно обнаруживать и изымать те материальные следы, где отражено как можно больше индивидуальных свойств, наличие которых у иных объектов маловероятно (дефекты, характерные потертости и пр.). В этом следователю и специалисту могут помочь хорошее знание природы каждого вида следов, а также понимание того, какие их качества могут обладать должным уровнем уникальности.

Заключение

В настоящее время появляется все больше методов и способов исследования материальных следов, в связи с чем данная тема является весьма актуальной. Материальные следы преступления представляют собой результаты материального отражения свойств, взаимодействующих в ходе преступной деятельности материальных объектов, исследование которых позволяет формировать доказательственную информацию об отдельных обстоятельствах совершенного преступления.

Библиография

1. Бабиченко К.Н. Проблемы относимости и допустимости доказательств в российском уголовном процессе. СПб.: Альфа, 2004. 28 с.
2. Баев О.Я. Основы криминалистики. М.: Норма, 2001. 113 с.
3. Возгрин И. А. Введение в криминалистику: История, основы теории, библиография. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 475 с.
4. Герасимов И.Ф., Драпкин Л.Я. Криминалистика. М., 2000. 672 с.
5. Герасимов В.Н. Научно-технические средства в работе следователя. М., 1985. 99 с.
6. Дмитриев Е.Н. Судебная фотография. М., 2009. 386 с.
7. Захарцев С.И. Оперативно-розыскные мероприятия: общие положения. СПб., 2004. 257 с.

The use of material traces in the process of crime investigation

Aleksandr I. Sotov

PhD in Law, Associate Professor,
Department of criminology,
Lomonosov Moscow State University,
119991, 1 Leninskie gory, GSP-1, Moscow, Russian Federation;
e-mail: sotoff@mail.ru

Aleksandr I. Sotov

Abstract

The article discusses the main scientific approaches to the use of material traces as evidence in criminal cases for both diagnostic and identification tasks. The author substantiates the value of material traces for criminalistics, which is much wider than for procedural activity and lies in check of available versions and track usage as bases for promotion of the new versions. The author of this article notes that the use of trace as a basis for the promotion of new versions is that its discovery can be a starting point for the formation of a new logical assumption about the nature of an incident. For the criminalist even the trace that refutes the previous logical structure and indicates not the guilt of the suspect, but, on the contrary, his innocence is important. Thanks to this trace, it is possible to discard the false version, which brings closer to the truth-seeking. The author considers three successive stages of the use of material traces in the investigation process. The author comes to the conclusion that the forensic value of material traces is in their informational and evidential potential, which contributes to the establishment of individual components of the mechanism of crime during the investigation.

For citation

Sotov A.I. (2018) *Ispol'zovanie material'nykh sledov v protsesse rassledovaniya prestuplenii* [The use of material traces in the process of crime investigation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7 (1A), pp. 157-161.

Keywords

Material traces, evidence, identification, diagnostics, crime.

References

1. Babichenko K.N. (2004) *Problemy otnosimosti i dopustimosti dokazatel'stv v rossiiskom ugovnom protsesse* [Problems of relevance and admissibility of evidences in the Russian criminal process]. Saint Petersburg: Al'fa Publ.
2. Baev O.Ya. (2001) *Osnovy kriminalistiki*. [Foundations of criminalistics]. Moscow: Norma Publ.
3. Dmitriev E.N. (2009) *Sudebnaya fotografiya* [Judicial photography]. Moscow.
4. Gerasimov I.F., Drapkin L.Ya. (2000) *Kriminalistika* [Criminalistics]. Moscow.
5. Gerasimov V.N. (1985) *Nauchno-tehnicheskie sredstva v rabote sledovatelya* [Scientific and technical means in the work of the investigator]. Moscow.
6. Vozgrin I. A. (2003) *Vvedenie v kriminalistiku: Istoriya, osnovy teorii, bibliografiya* [Introduction to criminology: History, basic theory, bibliography]. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press Publ.
7. Zakhartsev S.I. (2004) *Operativno-rozysknye meropriyatiya: obshchie polozheniya* [Operational search measures: general provisions]. Saint Petersburg.

УДК 34.096**Выявление преступлений в сфере банкротства экономико-криминалистическими средствами****Леонов Александр Иванович**

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры судебной бухгалтерии и бухгалтерского учета,
Нижегородская академия МВД России,
603135, Российская Федерация, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3;
e-mail: lalwlm@rambler.ru

Соловьев Олег Демьянович

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры судебной бухгалтерии и бухгалтерского учета,
Нижегородская академия МВД России;
603135, Российская Федерация, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3;
e-mail: solod-nn@rambler.ru

Софьин Александр Александрович

Кандидат экономических наук,
преподаватель кафедры судебной бухгалтерии и бухгалтерского учета,
Нижегородская академия МВД России,
603135, Российская Федерация, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3;
e-mail: alsofyin@yandex.ru

Аннотация

С криминалистической точки зрения как неправомерное снижение издержек производства, так и целенаправленный вывод денежных средств из прибыли в конечном итоге могут привести к процедуре банкротства хозяйствующего субъекта: в первом случае посредством осуществления контрольных функций со стороны государства, во втором – по инициативе самого предприятия. Процесс выявления и доказывания криминального банкротства многообразен и сложен. Это подтверждается существенным разрывом в статистических данных о соотношении поданных заявлений о банкротстве и регистрации зарегистрированных преступлений. При этом необходимо учитывать, что базовый вектор доказывания в большей степени ориентирован на использование различных форм применения специальных экономических знаний, таких как аудит, документальная ревизия, судебно-бухгалтерская экспертиза и финансово-аналитическая экспертиза, что впоследствии затрудняет использование иных видов экономико-криминалистических средств в рамках уголовного процесса. Авторами подчеркивается важность выявления фактов преднамеренного банкротства в условиях снижения уровня инфляции, сокращения сумм расходов за счет фальсификации и снижения качества продукции и применения

незаконных схем вывода прибыли с предприятия с помощью процедуры банкротства. Наличие данных фактов наносит серьезный ущерб интересам государства и нормальному деловому обороту.

Для цитирования в научных исследованиях

Леонов А.И., Соловьев О.Д., Софьин А.А. Выявление преступлений в сфере банкротства экономико-криминалистическими средствами // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 7. № 1А. С. 162-168.

Ключевые слова

Банкротство, экономико-криминалистические средства, следы преступной деятельности в учетных данных, формы использования специальных экономических знаний, признаки криминального банкротства, анализ учетных данных.

Введение

Все последние годы Правительство Российской Федерации и Центральный банк проводили работу по снижению уровня инфляции в стране. По данным Росстата, в сентябре 2017 г. инфляция в России составила в годовом исчислении 3% и продолжает снижаться. Министерство экономического развития также скорректировало прогнозный уровень инфляции на 2017 г. до 3,2%. В то же время было озвучено мнение о пагубном воздействии снижающихся показателей инфляционных процессов на развитие и эффективность деятельности коммерческих и других структур. Действительно, в современных экономических условиях в Российской Федерации такое мнение имеет право на существование.

Речь, как представляется, идет о влиянии инфляционных показателей на эффективность деятельности хозяйствующих субъектов во взаимосвязи множества критериев оценки такой эффективности: рентабельности, конкурентоспособности, соответствия качества продукции, работ и услуг требованиям законодательства РФ и ЕАЭС (Евразийского экономического союза), социальной ответственности и т. д.

Основная часть

Существует мнение, что в условиях низкой инфляции, а иногда и дефляции, должны исчезнуть неэффективные компании, а остаться на рынке должны те, которые научатся снижать свои издержки за счет высокоэффективных организационно-технологических и управленческих решений. Хотя следует отметить, что из данного правила есть свои исключения, например, градообразующие предприятия в моногородах, несмотря на низкую эффективность отдельных из них по причине выполнения ими определенных социальных функций, а также наличия определенных социальных обязательств государства перед ними. В целом же указанное утверждение, безусловно, применимо к деятельности большинства коммерческих, государственных и муниципальных предприятий.

Вместе с тем следует признать, что во многих структурах слишком велики издержки, прежде всего управленческие расходы, которые оказывают довольно большое влияние на себестоимость продукции, работ или услуг конкретных организаций (компаний, фирм и т. д.). Снижение издержек, повышение производительности, техническое перевооружение и

модернизация призваны повысить конкурентоспособность, рентабельность и увеличить прибыльность. Однако в современной России очень часто происходит наоборот: увеличение штата непроизводственных рабочих увеличивает себестоимость, а издержки снижаются за счет противоправных действий, в том числе экономических, технологических, учетных и др.

Следует отметить, что Правительство РФ осознает пагубность сложившейся ситуации, и именно поэтому в декабре 2016 г. была принята Стратегия по противодействию незаконному обороту промышленной продукции. Авторами статьи неоднократно затрагивались вопросы противодействия незаконному обороту различных видов продукции и разрабатывались определенные алгоритмы выявления контрафактной и фальсифицированной алкогольной [Соловьев, 2015], табачной продукции [Леонов, Соловьев, 2016], а также предлагались методики повышения эффективности противодействия обороту контрафактной и фальсифицированной продукции [Соловьев, 2017].

Совершая различного рода нарушения (фальсификация сырья, нарушения технологических процессов производства, подлоги в документальных данных), производители «снижают» свои издержки, фактически снижая качество своего продукта. При этом получаемая прибыль либо используется не по назначению, либо выводится. Меры, принимаемые для снижения издержек, носят половинчатый характер, фактического улучшения не наблюдается, качество и промышленной продукции, и выполняемых работ, и оказываемых услуг оставляет желать лучшего.

С криминалистической точки зрения как непропорциональное снижение издержек производства, так и целенаправленный вывод денежных средств из прибыли в конечном итоге могут привести к процедуре банкротства хозяйствующего субъекта: в первом случае посредством осуществления контрольных функций со стороны государства, во втором – по инициативе самого предприятия.

В этом свете следует признать, что процесс выявления и доказывания криминального банкротства, как красноречиво свидетельствует существенный разрыв в статистических данных о соотношении поданных заявлений о банкротстве и регистрации зарегистрированных преступлений в этой сфере, многообразен и сложен [Леонов, Соловьев, 2015]. При этом базовый вектор доказывания в большей степени ориентирован на использование различных форм применения специальных экономических знаний, таких как аудит, документальная ревизия, судебно-бухгалтерская и финансово-аналитическая экспертизы.

Направления реализации преступного замысла при криминальных банкротствах разнообразны, и только часть из них находит отражение в качестве следов преступной деятельности в данных бухгалтерского, оперативно-технического, налогового, статистического и управленческого учетов. При этом использование различных видов документальных исследований наиболее результативно, если учетные данные сохранились и пригодны для проведения исследования, обеспечен необходимый объем учетных записей для формулирования ответов на поставленные вопросы перед экспертом (аудитором, ревизором, специалистом) и поставленные на разрешение вопросы относятся к компетенции специалиста. В этом свете инициатор применения специальных экономических знаний, вне зависимости от способа криминального банкротства, должен обеспечить специалиста следующими источниками учетной информации: учредительными документами организации, учетной политикой предприятия, отчетностью организации (охватывающей исследуемый период времени ее работы), статистической отчетностью, договорами, контрактами и другими документами, отражающими хозяйственное взаимодействие с контрагентами, материалами

инвентаризации имущества и обязательств, регистрами учета оборотных и внеоборотных активов, кредиторской и дебиторской задолженности, выписками по счетам (расчетным, депозитным, ссудным и др.), открытым за изучаемый период в кредитных организациях в валюте Российской Федерации и иностранной валюте.

Содержание анализа учетных данных для определения признаков криминального банкротства состоит из следующих этапов.

1. Изучение данных оперативно-технического учета, первичных бухгалтерских документов и регистров учета с целью определения состава и стоимости имущества, используемого организацией и находящегося за исследуемый период времени в правовом режиме собственности, аренды, лизинга, безвозмездного использования.
2. Изучение документов изменения стоимости имущества организации, стоящего на учете (акты переоценки стоимости имущества, акты уничтожения, акты порчи имущества, акты введения в эксплуатацию, учетные карточки на имущество).
3. Анализ сделок с имуществом за исследуемый период времени, которые привели к уменьшению валюты баланса (для продавца).
4. Анализ сделок с имуществом за исследуемый период времени, проводимый на основе учетных данных контрагентов.
5. Анализ сделок с имуществом за исследуемый период времени, проводимый на основе данных кредитных организаций участников сделки либо кассовых документов, подтверждающих цель, способ и факт совершенных расчетов.

Одним из наиболее эффективных методов защиты интересов кредиторов и государства в данном случае является признание совершенных сделок недействительными и привлечение виновных лиц к ответственности в соответствии с законодательством РФ.

Правом оспаривания сделок компании-должника на стадии банкротства в соответствии со ст. 61.9 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» обладают:

- внешний управляющий по своей инициативе или по решению кредиторов;
- конкурсный управляющий также по своей инициативе или по решению кредиторов;
- кредитор, если долг перед ним больше 10% от общей суммы долгов компании;
- уполномоченные государственные органы (ФНС), если долг перед ними больше 10% от общей суммы долгов фирмы.

Заключение

Основной целью инициатора применения специальных экономических знаний в рамках анализа совершенных организацией сделок и обращения с исковым заявлением в суд является возврат имущества в конкурсную массу с целью взыскания налоговой задолженности. При достижении данной цели особое внимание должно быть уделено сделкам с участием аффилированных лиц, по внесению имущества в виде вклада в уставные капиталы других организаций, по неправомерному кредитованию.

В заключение хотелось подчеркнуть важность выявления фактов преднамеренного банкротства в условиях снижения уровня инфляции, сокращения сумм расходов за счет фальсификации и снижения качества продукции и применения незаконных схем вывода прибыли с предприятия с помощью процедуры банкротства. Наличие данных фактов наносит серьезный ущерб интересам государства и нормальному деловому обороту.

Библиография

1. Журавлев С.Ю., Котельников П.А. К вопросу о понятии и содержании экономико-криминальных несоответствий как комплексных следов преступной деятельности экономической направленности // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2013. № 4-2. С. 209-216.
2. Леонов А.И., Соловьев О.Д. Использование экономической информации при выявлении преднамеренных банкротств // Юридическая наука и практика: вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 4 (32). С. 134-138.
3. Леонов А.И., Соловьев О.Д. Применение специальных знаний при выявлении признаков контрафактной табачной продукции // Юридическая наука и практика: вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 2 (34). С. 174-178.
4. Матушкина Н.В. Криминалистическая модель преступной деятельности по совершению экономических преступлений // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2010. № 1. С. 55-60.
5. О несостоятельности (банкротстве): федер. закон Рос. Федерации от 26.10.2002 № 127-ФЗ; принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 27.09.2002; одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 16.10.2002. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/
6. Прокофьева Т.В. Особенности функционирования современных организованных преступных формирований экономической направленности // Вестник МГЛУ. 2014. № 15 (701). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-funktsionirovaniya-sovremennyh-organizovannyh-prestupnyh-formirovaniy-ekonomicheskoy-napravlennosti>
7. Соловьев О.Д. Антиконтрафактный тренинг как элемент профессиональной подготовки сотрудников подразделений ЭБиПК // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2017. № 15-2. С. 174-175.
8. Соловьев О.Д. Применение специальных познаний при выявлении признаков контрафактной алкогольной продукции // Юридическая наука и практика: вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 2 (30). С. 100-104.
9. Швейцер С.В. Правоохранительная деятельность по обеспечению экономической безопасности страны // Инновационная наука. 2016. № 3-1 (15). С. 263-265.
10. Belousova S.V. Economic crimes: trends and ways to overcome them (with the Irkutsk Oblast as an example) // Problems of economic transition. 2016. Vol. 58. No. 7-9. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/10611991.2016.1251223>

Detection of crimes in the sphere of bankruptcy by economic and criminalistic means

Aleksandr I. Leonov

PhD in Law,
Associate Professor at the Department of judicial accounting,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
603135, 3 Ankudinovskoe hwy, Nizhny Novgorod, Russian Federation;
e-mail: lalwlm@rambler.ru

Oleg D. Solov'ev

PhD in Law,
Associate Professor at the Department of judicial accounting,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
603135, 3 Ankudinovskoe hwy, Nizhny Novgorod, Russian Federation;
e-mail: solod-nn@rambler.ru

Aleksandr A. Sof'in

PhD in Economics,
Senior Lecturer at the Department of judicial accounting,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
603135, 3 Ankudinovskoe hwy, Nizhny Novgorod, Russian Federation;
e-mail: alsofyin@yandex.ru

Abstract

From a criminalistic point of view, both improper reduction of production costs and purposeful withdrawal of money from profits can ultimately lead to the bankruptcy procedure of an economic entity: in the first case – through exercising supervisory functions on the part of the state, in the second case – by the initiative of the enterprise itself. The process of identifying and proving criminal bankruptcy is diverse and complex. This is confirmed by a significant gap in the statistical data on the ratio of filed applications for bankruptcy and registration of crimes. At the same time, it is necessary to take into account that the basic vector of proof is focused more on the use of various forms of application of special economic knowledge, such as audit, documentary audit, forensic accounting and financial and analytical examination, which subsequently makes it difficult to use other types of economic and criminalistic means in criminal procedure. The authors also emphasise the importance of revealing the facts of deliberate bankruptcy under the conditions of a falling inflation rate, reducing costs through falsification and lowering the quality of products and applying illegal schemes for withdrawing profits from the enterprise through bankruptcy procedures. The presence of these facts causes serious damage to the interests of the state and normal business turnover.

For citation

Leonov A.I., Solov'ev O.D., Sof'in A.A. (2018) Vyyavlenie prestuplenii v sfere bankrotstva ekonomiko-kriminalisticheskimi sredstvami [Detection of crimes in the sphere of bankruptcy by economic and criminalistic means]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7 (1A), pp. 162-168.

Keywords

Bankruptcy, economic and criminalistic means, traces of criminal activity in accounting data, forms of using special economic knowledge, features of criminal bankruptcy, analysis of accounting data.

References

1. Belousova S.V. (2016) Economic crimes: trends and ways to overcome them (with the Irkutsk Oblast as an example). *Problems of economic transition*, 58 (7-9). Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/10611991.2016.1251223> [Accessed 22/12/17].
2. Leonov A.I., Solov'ev O.D. (2015) Ispol'zovanie ekonomicheskoi informatsii pri vyyavlenii prednamerennykh bankrotstv [The use of economic information in the detection of deliberate bankruptcy]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii* [Legal science and practice: journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 4 (32), pp. 134-138.
3. Leonov A.I., Solov'ev O.D. (2016) Primenenie spetsial'nykh znaniy pri vyyavlenii priznakov kontrafaktnoi tabachnoi produktsii [The use of special knowledge in identifying signs of counterfeit tobacco products]. *Yuridicheskaya nauka i*

- praktika: vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii* [Legal science and practice: journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2 (34), pp. 174-178.
4. Matushkina N.V. (2010) Kriminalisticheskaya model' prestupnoi deyatelnosti po soversheniyu ekonomicheskikh prestuplenii [A criminalistic model of criminal activity in committing economic crimes]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Ekonomika i pravo* [Bulletin of the Udmurt University. Series: Economics and law], 1, pp. 55-60.
 5. *O nesostoyatel'nosti (bankrotstve): feder. zakon Ros. Federatsii ot 26.10.2002 № 127-FZ: prinyat Gos. Dumoi Feder. Sobr. Ros. Federatsii 27.09.2002: odobr. Sovetom Federatsii Feder. Sobr. Ros. Federatsii 16.10.2002* [On insolvency (bankruptcy): Federal Law of the Russian Federation No. 127-FZ of October 26, 2002]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/ [Accessed 22/12/17].
 6. Prokof'eva T.V. (2014) Osobennosti funktsionirovaniya sovremennykh organizovannykh prestupnykh formirovaniy ekonomicheskoi napravlenosti [The peculiarities of modern organised crime units created to commit economic crimes]. *Vestnik MGLU* [Bulletin of Moscow State Linguistic University], 15 (701). Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-funktsionirovaniya-sovremennyh-organizovannyh-prestupnyh-formirovaniy-ekonomicheskoy-napravlenosti> [Accessed 10/12/17].
 7. Shveitser S.V. (2016) Pravookhranitel'naya deyatelnost' po obespecheniyu ekonomicheskoi bezopasnosti strany [Law enforcement activities aimed at ensuring the country's economic security]. *Innovatsionnaya nauka* [Innovative science], 3-1 (15), pp. 263-265.
 8. Solov'ev O.D. (2017) Antikontrafaktnyi trening kak element professional'noi podgotovki sotrudnikov podrazdelenii EBiPK [Anti-counterfeit training as an element of professional training of specialists in ensuring economic security and combating corruption]. *Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami* [Topical problems of fighting against crimes and other offences], 15-2, pp. 174-175.
 9. Solov'ev O.D. (2015) Primenenie spetsial'nykh poznanii pri vyyavlenii priznakov kontrafaktnoi alkogol'noi produktsii [The use of special knowledge in the detection of counterfeit alcohol products]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii* [Legal science and practice: journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2 (30), pp. 100-104.
 10. Zhuravlev S.Yu., Kotelnikov P.A. (2013) K voprosu o ponyatii i sodержanii ekonomiko-kriminal'nykh nesootvetstviy kak kompleksnykh sledov prestupnoi deyatelnosti ekonomicheskoi napravlenosti [On the concept and content of economic and criminal discrepancies as complex traces of criminal economic activities]. *Izvestiya TulGU. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki* [Bulletin of Tula State University. Economics and law], 4-2, pp. 209-216.

УДК 343.1**Оценка доказательств в современном уголовном судопроизводстве****Петрухина Алсу Наилевна**

Кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции,
Муромский институт (филиал) Владимирского государственного университета
им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
602264, Российская Федерация, Муром, ул. Орловская, 23;
e-mail: pmarek@yandex.ru

Попова Вера Владимировна

Кандидат исторических наук,
доцент кафедры юриспруденции,
Муромский институт (филиал) Владимирского государственного университета
им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
602264, Российская Федерация, Муром, ул. Орловская, 23;
e-mail: pmarek@yandex.ru

Статья выполнена при поддержке СПС «КонсультантПлюс».

Аннотация

В настоящей статье рассматриваются некоторые проблемы, возникающие при оценке доказательств в условиях реализации принципа состязательности сторон в уголовном судопроизводстве, а также предлагаются подходы к совершенствованию правоприменительной практики. Автор проводит сравнительно-правовое исследование опыта зарубежных стран в области оценки доказательств. Сделан вывод, что помощь специалиста в оценке заключения эксперта будет способствовать развитию состязательных начал в уголовном судопроизводстве и обеспечению равных возможностей сторон в отстаивании своей правовой позиции по уголовному делу. В судебной-следственной практике возникает потребность в назначении судебной экспертизы и в случае противоречия заключения эксперта другим доказательствам (например, результатам несудебной экспертизы, которые могут быть приобщены к материалам уголовного дела в качестве «иных документов»). Поэтому предлагается расширить перечень оснований для назначения повторной судебной экспертизы таким общим основанием, как наличие противоречий между выводами эксперта и другими доказательствами по уголовному делу.

Для цитирования в научных исследованиях

Петрухина А.И., Попова В.В. Оценка доказательств в современном уголовном судопроизводстве // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 7. № 1А. С. 169-174.

Ключевые слова

Оценка доказательств, заключение эксперта, уголовный процесс, внутреннее убеждение, субъекты доказывания.

Введение

Современное построение уголовно-процессуального судопроизводства по состязательному принципу, активная роль сторон и других участников уголовного судопроизводства в доказывании определяют актуальность вопроса оценки доказательств. Как справедливо отмечено В.П. Притузовой, «не будь этого, нельзя даже представить себе, каким бы образом следователь воспринимал бы тот или иной ставший ему известным факт, почему одни факты и обстоятельства признаются не имеющими значения для дела, а другие – имеющими значение» [Притузова, 1959, 74].

Основная часть

В теории уголовно-процессуального права нет четкого определения понятия оценки доказательств. Одни авторы, например, В.Д. Арсеньев, ограничиваются определением роли оценки доказательств, сводя ее в основном к достоверности [Арсеньев, 1964, 130-137]. Другие, в частности Т.В. Аверьянова, отмечают, что «сущность оценки заключения эксперта – это не что иное, как оценка доказательств, логическая операция, выражающаяся в оценочных суждениях. При этом оценочные суждения должны опираться на знания и практический опыт следователя (суда) прежде всего в области процесса экспертного исследования с тем, чтобы правильно определить все его критерии» [Аверьянова, 2006]. Третьи, например, И.М. Резниченко, указывают, что «оценку доказательств следует различать как деятельность, как результат этой деятельности и судебный акт» [Резниченко, 1968].

Из указанных определений следует, что, с одной стороны, оценка доказательств – это итог, результат мыслительной деятельности, с другой – это сама мыслительная деятельность, с третьей – это и мыслительная деятельность, и результат, и судебный акт [Матюшин, 1987].

Однако, на наш взгляд, будет неправильным противопоставление деятельности ее правовому результату. Как верно отмечает С.А. Зайцева, иначе «в стороне остается внешняя (правовая) сторона оценки доказательств, поскольку оценочные акты мысли проявляются в конкретных процессуальных действиях и находят свое выражение в процессуальных документах» [Зайцева, 1999, 12]. Представляется, что наиболее верное и полное определение оценки доказательств, сущность которого отражена в действующем законодательстве, дано П.А. Лупинской, которая под оценкой доказательств понимает «мыслительную, логическую деятельность, имеющую своей целью определенный вывод, суждение об относимости, допустимости, достоверности, значении (силе) каждого доказательства и достаточности их совокупности для установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания и разрешения уголовного дела» [Лупинская, 2009, 361].

В действующем УПК, в отличие от УПК РСФСР, нет специальной нормы о всесторонности, полноте и объективности рассмотрения всех обстоятельств дела (ст. 20). Однако в нормах, регулирующих конкретные правоотношения, эти требования сохранены. Так, в ч. 4 ст. 152 УПК РФ указано, что «предварительное расследование может производиться по месту нахождения обвиняемого или большинства свидетелей в целях обеспечения его полноты, объективности и соблюдения процессуальных сроков». Кроме того, в ч. 4 ст. 7 УПК РФ указано, что определение суда, постановление судьи, прокурора, следователя, дознавателя должны быть законными, обоснованными и мотивированными.

Интересно отметить, что согласно общепризнанным в Англии правилам оценки

доказательств при производстве по уголовным делам ее критерием должно быть «отсутствие разумного сомнения». Иными словами, обвинение, на котором в основном лежит бремя доказывания, и в отдельных случаях защита должны доказать обстоятельства дела таким образом, чтобы у суда не осталось разумного сомнения в истинности тех тезисов, на которых настаивает субъект доказывания. В то же время не являются редкостью и некоторые специфические правила, ограничивающие свободу судей при оценке доказательств, например, правила о «подкреплении доказательств», согласно которым в отдельных случаях вынесение обвинительного приговора возможно только тогда, когда обвинительные доказательства формально подкрепляются другими. Указанная особенность английского доказательственного права дает основания для утверждения о его сходстве с доказыванием, основывающемся на формализации доказательств [Гуценко, Головкин, Филимонов, 2002, 102].

Согласно УПК Франции [Лунгу, Марченко, Суханов, 1996] судья принимает решение на основании своего внутреннего убеждения. Данное правило закреплено в ст. 353 УПК применительно к суду ассизов, а также в ст. 427 и 537 УПК – к остальным судам, разрешающим дело, по существу. Однако, в отличие от российских судов, суд ассизов не мотивирует приговор, «поэтому убеждение судей совершенно бесконтрольно как со стороны участников судебного разбирательства, так и со стороны вышестоящих инстанций» [Гуценко, Головкин, Филимонов, 2002, 323]. Считаем, что данный опыт оценки доказательств не применим в современных российских условиях. Из ст. 17, 88 УПК РФ следует, что процессуальный закон четко определяет субъектов оценки доказательств – это лица, которые ответственны за производство по уголовному делу. При этом только суд, прокурор, следователь, дознаватель вправе по результатам оценки принимать процессуально значимые решения. В то же время, как верно отмечала П.А. Лупинская, «все участники процесса оценивают доказательства и на этой основе определяют свою позицию по отношению к обвинению (обвиняемый, его защитник, потерпевший). Однако оценка доказательств этими субъектами процесса не имеет правового значения в том смысле, что она не определяет содержания решения, имеющего правовое значение» [Лупинская, 2009, 362]. Так, по ходатайству подозреваемого, обвиняемого прокурор, следователь, дознаватель вправе признать доказательство недопустимым (ч. 3 ст. 88 УПК РФ). Суд вправе признать доказательство недопустимым по ходатайству сторон или по собственной инициативе в порядке, установленном ст. 234 и 235 настоящего Кодекса (ч. 4 ст. 88 УПК РФ).

На практике все чаще стали наблюдаться случаи, когда специалисты в различных областях разъясняют сторонам и суду вопросы, входящие в их профессиональную компетенцию, в том числе по выводам заключений экспертов. Как совершенно правильно пишет А. Алесандро, в оценке заключения эксперта защитнику и иным указанным выше лицам могут оказать существенную помощь специалисты, чьи консультации помогают стороне создать свою версию происшедшего, высказать сомнения в обоснованности освещения его обстоятельств другой стороной [Алесандро, 2008].

В литературе описываются интересные случаи эффективного использования помощи специалиста при оценке заключения эксперта. В.В. Конин приводит следующий пример из своей адвокатской практики. Так, в одном из случаев, когда эксперт выполнил исследование почерка по электрографической копии и дал категоричное заключение, специалист по ходатайству адвоката дал заключение, в котором указал, что в настоящее время отсутствуют методики исследования почерка по электрографическим копиям. Данное заключение, представленное адвокатом в ходе судебного следствия, повлекло за собой исключение заключения эксперта из числа доказательств [Конин, 2007, 139].

Представляется заслуживающим внимание предложение А. Александровой о необходимости уточнения и дополнения ч. 2 ст. 207 УПК РФ, предусматривающей основания назначения повторной экспертизы: «В случаях предоставления сторонами заключения специалиста, которое ставит под сомнение заключение эксперта, а также при наличии неразрешенных противоречий в выводах эксперта и специалиста назначается повторная экспертиза» [Александрова, 2008]. Однако в судебно-следственной практике возникает также потребность в назначении судебной экспертизы и в случае противоречия заключения эксперта другим доказательствам (например, результатам несудебной экспертизы, которые могут быть приобщены к материалам уголовного дела в качестве «иных документов»). Поэтому представляется необходимым расширить перечень оснований для назначения повторной судебной экспертизы таким общим основанием, как наличие противоречий между выводами эксперта и другими доказательствами по уголовному делу. Для этого целесообразно изложить ч. 2 ст. 207 УПК РФ в следующей редакции:

«В случаях возникновения сомнений в обоснованности заключения эксперта или наличия противоречий в выводах эксперта или с другими доказательствами по уголовному делу по тем же вопросам может быть назначена повторная экспертиза, производство которой поручается другому эксперту».

Заключение

Считаем, что помощь специалиста в оценке заключения эксперта будет способствовать развитию состязательных начал в уголовном судопроизводстве и обеспечению равных возможностей сторон в отстаивании своей правовой позиции по уголовному делу.

Библиография

1. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза: курс общей теории. М.: Норма, 2006. 272 с.
2. Александрова А. Мнение специалиста опровергает заключение эксперта? // Уголовное право. 2008. № 1 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Арсеньев В.Д. Вопросы общей теории судебных доказательств. М.: Юридическая литература, 1964. 179 с.
4. Гуценко К.Ф., Головкин Л.В., Филимонов Б.А. Уголовный процесс западных государств. 2-е изд., доп. и испр. М.: Зерцало-М, 2002. 528 с.
5. Зайцева С.А. Оценка доказательств в российском уголовном процессе: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999.
6. Конин В.В. Использование специальных знаний адвокатом при осуществлении защиты в уголовном судопроизводстве // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: материалы Международной научно-практической конференции (г. Москва, 14-15 февраля 2007 г.). М.: ТК Велби, Изд-во «Проспект», 2007.
7. Лунгу П.Ф., Марченко М.Н., Суханов Е.А. (ред.). Уголовно-процессуальный кодекс Франции по состоянию на 1 января. М.: Юридический колледж МГУ, 1996. 326 с.
8. Лупинская П.А. (ред.). Уголовно-процессуальное право Российской Федерации. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2009. 1072 с.
9. Матюшин Т.Б. Общие вопросы оценки доказательств в судопроизводстве. Хабаровск, 1987. 68 с.
10. Притузова В.П. Заключение эксперта как доказательство в советском уголовном процессе. М.: Госюриздат, 1959. 162 с.
11. Резниченко И.М. Оценка доказательств в советском гражданском процессе: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 1968. 13 с.

Evaluation of evidence in modern criminal proceedings

Alsu N. Petrukhina

PhD in Law, Associate Professor,
Department of Law,
Murom Institute (branch) of Vladimir State University
named after Alexander Grigoryevich and Nikolay Grigoryevich Stoletov,
602264, 23 Orlovskaya st., Murom, Russian Federation;
e-mail: pmarek@yandex.ru

Vera V. Popova

PhD in Historical Sciences, Associate Professor,
Department of Law,
Murom Institute (branch) of Vladimir State University
named after Alexander Grigoryevich and Nikolay Grigoryevich Stoletov,
602264, 23 Orlovskaya st., Murom, Russian Federation;
e-mail: pmarek@yandex.ru

Abstract

This author of this article examines some problems that arise when assessing evidence in the context of implementation of the adversarial principle in criminal proceedings, and proposes approaches to improving the law enforcement practice. The author contains the definition of the concept of evaluation of evidence and a comparative legal study of foreign experience in evaluation of evidence. The author concludes that help of specialist in the evaluation of the expert opinion will contribute to the development of adversarial origins in the criminal procedure and equal opportunities of the parties in defending its legal position in a criminal case. There is a need for appointment of judicial examination in forensic practice in case of contradiction of the expert's report to other evidence (e.g. results of non-judicial expertise, which can be attached to the materials of the criminal case as "other documents"). Therefore, the author proposes to expand the list of grounds for a second judicial examination according such general grounds as the contradictions between the conclusions of the expert and other evidence in a criminal case. For this purpose, it is advisable to make appropriate adjustments in part two of the article 207 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

For citation

Petrukhina A.I., Popova V.V. (2018) Otsenka dokazatel'stv v sovremennom ugolovnom sudoproizvodstve [Evaluation of evidence in modern criminal proceedings]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7 (1A), pp. 169-174.

Keywords

Evaluation of evidence, expert report, criminal procedure, inner conviction, the subjects of proof.

References

1. Aleksandrova A. (2008) Mnenie spetsialista oprovergaet zaklyuchenie eksperta? [Does specialist opinion confute expert opinion?]. *Ugolovnoe pravo* [Criminal law], 1. SPS "Konsul'tantPlyus" [SPS Consultant].
2. Arsen'ev V.D. (1964) *Voprosy obshchei teorii sudebnykh dokazatel'stv* [Issues on general theory of court evidence]. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.
3. Aver'yanova T.V. (2006) *Sudebnaya ekspertiza: kurs obshchei teorii* [Forensics: a course of the general theory]. Moscow: Norma Publ.
4. Gutsenko K.F., Golovko L.V., Filimonov B.A. (2002) *Ugolovnyi protsess zapadnykh gosudarstv* [Criminal procedure in Western states], 2nd ed. Moscow: Zertsalo-M Publ.
5. Konin V.V. (2007) Ispol'zovanie spetsial'nykh znaniy advokatom pri osushchestvlenii zashchity v ugolovnom sudoproizvodstve [The use of expert knowledge in legal proceedings]. *Teoriya i praktika sudebnoi ekspertizy v sovremennykh usloviyakh: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (g. Moskva, 14-15 fevralya 2007 g.)* [Proc. Int. Conf. "The theory and practice of forensic examination in modern conditions"]. Moscow: TK Velbi, Prospekt Publ.
6. Lungu P.F., Marchenko M.N., Sukhanov E.A. (eds.). (1996) *Ugolovno-protsessual'nyi kodeks Frantsii po sostoyaniyu na 1 yanvarya* [Criminally-remedial Code of France as at January, 1]. Moscow: Law School of Moscow State University.
7. Lupinskaya P.A. (ed.). (2009) *Ugolovno-protsessual'noe pravo Rossiiskoi Federatsii* [Criminal procedure law of the Russian Federation], 2nd ed. Moscow: Norma Publ.
8. Matyushin T.B. (1987) *Obshchie voprosy otsenki dokazatel'stv v sudoproizvodstve* [General issues of evaluation of evidence in court proceedings]. Khabarovsk.
9. Prituzova V.P. (1959) *Zaklyuchenie eksperta kak dokazatel'stvo v sovetskom ugolovnom protsesse* [Expert opinion as evidence in the Soviet criminal trial]. Moscow: Gosyurizdat Publ.
10. Reznichenko I.M. (1968) *Otsenka dokazatel'stv v sovetskom grazhdanskom protsesse. Dokt. Dis. Abstract* [Evaluation of evidence in the Soviet criminal trial. Doct. Dis. Abstract]. Moscow.
11. Zaitseva S.A. (1999) *Otsenka dokazatel'stv v rossiiskom ugolovnom protsesse. Dokt. Dis. Abstract* [Evaluation of evidence in the Russian legal proceedings. Doct. Dis. Abstract]. Saratov.

УДК 34**Государственные гарантии как форма поддержки инвестиционной и предпринимательской деятельности: финансово-правовой аспект****Запорожцев Дмитрий Сергеевич**

Аспирант кафедры
финансового, банковского и таможенного права,
Саратовская государственная юридическая академия,
410028, Российская Федерация, Саратов, ул. Чернышевского, 104;
e-mail: dmitriaugust@yandex.ru

Аннотация

Цель. В настоящей статье проведено исследование государственных гарантий как формы поддержки инвестиционной и предпринимательской деятельности на основе российского и зарубежного опыта. Для достижения цели предполагается осуществить анализ сущности гарантий как формы поддержки, исследование регулирующих их правовых норм, выявления общих черт, а также существенных отличий. **Методология.** Для достижения цели автором используются методы теоретического уровня научного познания: формально-юридический, аналитический и синтез. Полагаем, что данная научная работа окажет влияние на последующие научные исследования государственных гарантий. **Результаты.** В ходе исследования было выявлено, что на рынке капиталов происходит жесткая конкурентная борьба за привлечение инвестиций, а обеспечение их одной из приоритетных задач любого государства. Государственные гарантии являются важнейшим условием для привлечения инвестиций и создания благоприятного инвестиционного климата в России.

Для цитирования в научных исследованиях

Запорожцев Д.С. Государственные гарантии как форма поддержки инвестиционной и предпринимательской деятельности: финансово-правовой аспект // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 7. № 1А. С. 175-181.

Ключевые слова

Инвестиции, долговые обязательства, правовое отношение, государственная гарантия, муниципальная гарантия.

Введение

В настоящее время углубленное изучение государственных гарантий как формы поддержки инвестиционной, а также предпринимательской деятельности, объективно необходимо и оказывает положительное влияние на развитие финансового права. Анализ государственных гарантий имеет значение для последующих научных исследований в области финансового права.

Финансово-правовое значение государственных гарантий в поддержке инвестиционной и предпринимательской деятельности

Инвестиционная и предпринимательская деятельность оказывают непосредственное влияние на финансово-экономическую сферу государства, положительным образом воздействуют на различные сегменты его экономики.

В связи с этим происходит активный процесс внедрения различных финансовых инструментов в инвестиционную деятельность, одним из которых являются государственные и муниципальные гарантии.

Л.Д. Сангинова справедливо отмечает, что гарантии выступают поддержкой для инновационных направлений деятельности, в развитии которых заинтересовано государство. Из этого следует, что гарантии, предоставляют определенные преимущества отдельным экономическим субъектам [Сангинова, 2015, 36]. При этом вышеуказанный автор предлагает ряд принципов, требующих соблюдения при предоставлении государственных гарантий. К основным из данных принципов следует отнести следующие:

- государственные гарантии не должны нарушать конкуренцию;
- гарантии должны предоставляться в исключительном случае, когда другие формы финансовой поддержки оказались малоэффективными;
- государственную гарантийную поддержку можно использовать как эффективный инструмент повышения уровня доверия на инвестиционном рынке [там же, 37].

В настоящее время на федеральном подзаконном уровне сложилась определённая нормативная база, непосредственно направленная на финансово-правовое регулирование государственных (муниципальных) гарантий в инвестиционной сфере и содержащая основные принципы финансирования инвестиционных проектов и стимулирования частных инвестиций в Российской Федерации. В основном это постановления Правительства РФ. В то же время продолжает действовать Указ Президента Российской Федерации от 17 сентября 1994 № 1928 «О частных инвестициях в Российской Федерации»¹, заложивший, по сути, начало подзаконного финансово-правового регулирования в рассматриваемой сфере. В соответствии с данным нормативно-правовым актом Правительство Российской Федерации должно ежегодно выделять капитальные вложения в размере 0,5 процента валового внутреннего продукта на финансирование высокоэффективных инвестиционных проектов, а финансовые средства размещаются на конкурсных началах. При этом если высокоэффективные инвестиционные проекты прошли конкурс, то финансирование на их реализацию осуществляется как из федерального бюджета, так и путем предоставления государственных гарантий.

¹ См.: СЗ РФ. 1994. № 22. Ст. 2462.

Среди постановлений Правительства РФ, регулирующих предоставление государственных (муниципальных) гарантий в инвестиционной сфере, следует выделить следующие. Во-первых, это Постановление Правительства РФ от 01 мая 1996 г. № 534 «О дополнительном стимулировании частных инвестиций в Российской Федерации»². Во-вторых, это Постановление Правительства Российской Федерации от 22 ноября 1997 № 1470 «Об утверждении Порядка предоставления государственных гарантий на конкурсной основе за счёт средств Бюджета развития Российской Федерации и Положения об оценке эффективности инвестиционных проектов при размещении на конкурсной основе централизованных инвестиционных ресурсов Бюджета развития Российской Федерации»³. Данным нормативно-правовым актом были закреплены цель предоставления публичных гарантий (финансовая поддержка и стимулирование инвестиционной активности в Российской Федерации), источник их финансирования (Бюджет развития Российской Федерации), субъекты (российские инвесторы), условия предоставления (на конкурсной основе, под заемные средства, для реализации инвестиционных проектов).

В-третьих, это постановление Правительства Российской Федерации от 14 декабря 2010 № 1016 «Об утверждении Правил отбора инвестиционных проектов и принципалов для предоставления государственных гарантий Российской Федерации по кредитам либо облигационным займам, привлекаемым на осуществление инвестиционных проектов»⁴. В-четвертых, 23 октября 2014 года вступила в силу Программа поддержки инвестиционных проектов, реализуемых на территории Российской Федерации на основе проектного финансирования, утвержденная Постановлением Правительства РФ от 11 октября 2014 № 1044⁵. Особенность Программы состоит в том, что в ней вводится система единых требований, которым должны соответствовать кредиты российских кредитных организаций и международных финансовых организаций, выдаваемых на инвестиционные проекты.

Государственная финансовая поддержка инвестиционной и предпринимательской деятельности осуществляется во многих развитых странах. Представляется интересным кратко рассмотреть зарубежный опыт правового регулирования в данной сфере на примере Италии.

Министерство экономического развития Италии усовершенствовало финансовую политику доступа компаний к микрокредитам и создало Гарантийный фонд, который предоставляет публичные гарантии для финансовой поддержки развития малого и среднего бизнеса. Данный фонд инвестирует до 80% от суммы предоставленной публичной гарантии, она именуется как «прямая гарантия». Предоставление гарантии полностью бесплатное, без уплаты какой-либо комиссии в данный Фонд [Fondo di garanzia, [www](http://www.fondogaranzia.it)]. Компании могут получить публичные гарантии в данном фонде на следующие цели:

- на осуществление инвестиционной деятельности;
- гарантии для покрытия краткосрочной задолженности;
- гарантии для предоставления краткосрочного банковского кредита и краткосрочных банковских обязательств (антициклические меры);

² См.: СЗ РФ. 1996. № 19. Ст. 2298; 1996. № 27. Ст. 326.

³ См.: СЗ РФ. 1998. № 3. Ст. 345.

⁴ См.: СЗ РФ. 2010. № 52 (часть I). Ст. 7081; 2017. №25. Ст. 3685.

⁵ См.: Постановление Правительства РФ от 11 октября 2014 г. № 1044 «Об утверждении Программы поддержки инвестиционных проектов, реализуемых на территории Российской Федерации на основе проектного финансирования» // СЗ РФ. 2014 . № 42. Ст. 5751; 2017. № 22. Ст. 3167.

- гарантии для создания новых предприятий [Presentato a Maarsciano il Fondo di garanzia, www].

Подобный зарубежный опыт представляется весьма позитивным и полезным при осуществлении финансово-правового регулирования инвестиционной и предпринимательской деятельности в нашей стране.

Заключение

Таким образом, в результате анализа подзаконных нормативно-правовых актов федерального уровня, касающихся государственной поддержки инвестиционной деятельности в РФ, а также рассмотрения зарубежного опыта в данном сегменте можно сделать следующие выводы. Не вызывает сомнений, что коммерческие организации, осуществляющие свою деятельность в России, должны иметь возможность использовать законодательные привилегии для обеспечения своих имущественных обязательств и осуществления инвестиционной деятельности. При этом государственные гарантии должны быть основной формой государственной поддержки перспективных и инновационных инвестиционных проектов. Представляется целесообразным внедрить в России итальянскую модель Гарантийного фонда для оказания финансовой поддержки развития малого и среднего бизнеса. Решение затронутой проблемы требует теоретического осмысления вопросов финансово-правового регулирования предоставления государственных гарантий для инвестиционных проектов и финансирования предпринимательской деятельности в Российской Федерации.

Библиография

1. Алимов В.В. Влияние государственной инвестиционной политики на формирование инвестиционного климата страны // Бизнес в законе. 2010. №3. С. 247-250.
2. Головастова Т.И. Система государственных гарантий для иностранных инвесторов важнейший элемент государственного регулирования привлечения иностранного капитала // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2009. №2. С. 39-46
3. Ленчук Е.Б. Современные инструменты инвестиционной поддержки проектов в области импортозамещения // Этап. 2015. №3. С. 25-37.
4. Меняйло Л.Н. Меры государственной поддержки инвестиционной деятельности как фактор, способствующий экономическому развитию страны // Вестник БелОИ МВД России. 2014. №2-1. С. 120-123
5. Сангинова Л.Д. Совершенствование государственной гарантийной поддержки инвестиционных проектов // Мир (Модернизация. Инновации. Развитие). 2015. №2-1 (22). С. 36-42.
6. Сангинова Л.Д. Государственные гарантии при реализации инвестиционных проектов как инструмент обеспечения экономического роста: зарубежный и отечественный опыт // Экономика. Налоги. Право. 2017. №1. С. 83-90.
7. Чумаков А.Б. Новый инструмент поддержки инвестиций в РФ // Правовая жизнь. 2014. №3. С. 35-37.
8. Постановление Правительства Российской Федерации от 22 ноября 1997 № 1470 «Об утверждении Порядка предоставления государственных гарантий на конкурсной основе за счёт средств Бюджета развития Российской Федерации и Положения об оценке эффективности инвестиционных проектов при размещении на конкурсной основе централизованных инвестиционных ресурсов Бюджета развития Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 3, ст. 345.
9. Постановлением Правительства Российской Федерации от 22 июня 1994 г. № 744 «О порядке размещения централизованных инвестиционных ресурсов на конкурсной основе» // СЗ РФ. 1994. № 9, ст. 1025.
10. Указ Президента Российской Федерации от 17 сентября 1994 № 1928 «О частных инвестициях в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1994. № 22, ст. 2462.
11. Постановление Правительства РФ от 01 мая 1996 г. № 534 «О дополнительном стимулировании частных инвестиций в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1996. № 19 ст. 2298; 1996. № 27, ст. 326.

12. Постановление Правительства РФ от 11 октября 2014 № 1044 // СЗ РФ. 2014. № 42, ст. 5751; 2017. № 22, ст.3167
13. Постановление Правительства Российской Федерации от 14 декабря 2010 № 1016 «Об утверждении Правил отбора инвестиционных проектов и принципалов для предоставления государственных гарантий Российской Федерации по кредитам либо облигационным займам, привлекаемым на осуществление инвестиционных проектов» // СЗ РФ. 2010. № 52 (часть I), ст. 7081; 2017. №25, ст. 3685.
14. Fondo di garanzia. L'intervento pubblico di garanzia sul credito alle PMI italiane. URL: <http://www.fondidigaranzia.it/>
15. Presentato a Maarsciano il Fondo di garanzia a sostegno del credito alle medie, piccole e micro imprese. URL: <http://tuttoggi.info/presentato-a-marsciano-il-fondo-di-garanzia-a-sostegno-del-credito-alle-medie-piccole-e-micro-imprese/78552/>

State guarantees as a form of support for investment and entrepreneurial activity: the financial and legal aspect

Dmitriy S. Zaporozhtsev

Postgraduate,
Department of financial, banking and customs law,
Saratov state law academy,
410028, 104 Chernyshevskogo st., Saratov, Russian Federation;
e-mail: dmitriaugust@yandex.ru

Abstract

Object. In this article, a study of state guarantees as a form of support for investment and entrepreneurial activity on the basis of Russian and foreign experience was conducted. To achieve the goal, it is intended to analyze the nature of guarantees as a form of support, study the legal norms that regulate them, identify common features, and also substantive differences. **Methods.** To achieve the goal, the author uses methods of theoretical level of scientific knowledge: formal-legal, analytical and synthesis. We believe that this scientific work will influence the subsequent scientific research of state guarantees. **Results.** There is no doubt that commercial organizations operating in Russia should be able to use legislative privileges to secure their property obligations and carry out investment activities. At the same time, state guarantees should be the main form of state support for promising and innovative investment projects. It seems advisable to introduce an Italian model of the Guarantee Fund in Russia to provide financial support for the development of small and medium-sized businesses. The solution of the affected problem requires a theoretical interpretation of the issues of financial and legal regulation of the provision of state guarantees for investment projects and entrepreneurial activities financing in the Russian Federation.

For citation

Zaporozhtsev D.S. (2018) Gosudarstvennye garantii kak forma podderzhki investitsionnoi i predprinimatel'skoi deyatel'nosti: finansovo-pravovoi aspekt []. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7 (1A), pp. 175-181.

Keywords

Investments, debt obligations, legal relationship, state guarantee, municipal guarantee.

References

1. Alimov V.V. (2010) Vliyanie gosudarstvennoi investitsionnoi politiki na formirovanie investitsionnogo klimata strany [Influence of state investment policy on the formation of the country's investment climate]. *Biznes v zakone* [Business in law], №3. S. 247-250.
2. Chumakov A.B. (2014) Novyi instrument podderzhki investitsii v RF [A new tool to support investment in the Russian Federation]. *Pravovaya zhizn'* [Legal life], 3, pp. 35-37.
3. *Fondo di garanzia. L'intervento pubblico di garanzia sul credito alle PMI italiane*. Available at: <http://www.fondidigaranzia.it/> [Accessed 14/03/2017].
4. Golovastova T.I. (2009) Sistema gosudarstvennykh garantii dlya inostrannykh investorov vazhneishii element gosudarstvennogo regulirovaniya privlecheniya inostrannogo kapitala [The system of state guarantees for foreign investors is the most important element of state regulation of attracting foreign capital]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya "Ekonomika i pravo"* [Bulletin of the Udmurt university. Series "Economics and law"], 2, pp. 39-46
5. Lenchuk E.B. (2015) Sovremennye instrumenty investitsionnoi podderzhki proektov v oblasti importozameshcheniya [Modern instruments of investment support for projects in the field of import substitution]. *Etap* [Stage], 3, pp. 25-37.
6. Menyailo L.N. (2014) Mery gosudarstvennoi podderzhki investitsionnoi deyatel'nosti kak faktor, sposobstvuyushchii ekonomicheskomu razvitiyu strany [Measures of state support of investment activity as a factor contributing to the economic development of the country]. *Vestnik BelYul MVD Rossii* [Bulletin of Belgorod law institute], 2-1, pp. 120-123
7. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 01 maya 1996 g. № 534 «O dopolnitel'nom stimulirovanii chastnykh investitsii v Rossiiskoi Federatsii» [Resolution of the Government of the Russian Federation of May 1, 1996, No. 534 "On additional stimulation of private investment in the Russian Federation"] (1996). *SZ RF* [Russian Federation code of laws], 19, art. 2298; 27, art. 326.
8. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 11 oktyabrya 2014 № 1044 [Resolution of the Government of the Russian Federation of October 11, 2014 No. 1044] (2014, 2017). *SZ RF* [Russian Federation code of laws], 42, art. 5751 (2014); 22, art. 3167 (2017).
9. Postanovlenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 14 dekabrya 2010 № 1016 "Ob utverzhdenii Pravil otbora investitsionnykh proektov i printsipalov dlya predostavleniya gosudarstvennykh garantii Rossiiskoi Federatsii po kreditam libo obligatsionnym zaimam, privilekaemym na osushchestvlenie investitsionnykh proektov" [Decree of the Government of the Russian Federation No. 1016 of December 14, 2010 "On approval of the rules for selection of investment projects and principals for granting state guarantees of the Russian Federation for loans or bond loans involved in the implementation of investment projects"] (2010, 2017). *SZ RF* [Russian Federation code of laws], 52 (1), art. 7081 (2010); 25, art. 3685 (2017).
10. Postanovlenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 22 iyunya 1994 g. № 744 "O poryadke razmeshcheniya tsentralizovannykh investitsionnykh resursov na konkursnoi osnove" [Decree of the Government of the Russian Federation of June 22, 1994 No. 744 "On the order of placement of centralized investment resources on a competitive basis"] (1994). *SZ RF* [Russian Federation code of laws], 9, art. 1025.
11. Postanovlenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 22 noyabrya 1997 № 1470 "Ob utverzhdenii Poryadka predostavleniya gosudarstvennykh garantii na konkursnoi osnove za schet sredstv Byudzheta razvitiya Rossiiskoi Federatsii i Polozheniya ob otsenke effektivnosti investitsionnykh proektov pri razmeshchenii na konkursnoi osnove tsentralizovannykh investitsionnykh resursov Byudzheta razvitiya Rossiiskoi Federatsii" [Resolution of the Government of the Russian Federation No. 1470 of November 22, 1997 "On approving the procedure for granting state guarantees on a competitive basis from the resources of the development budget of the Russian Federation and the regulation on the evaluation of the effectiveness of investment projects in the placement on a competitive basis of centralized investment resources of the development budget of the Russian Federation"] (1998). *SZ RF* [Russian Federation code of laws], 3, art. 345.
12. *Presentato a Maarsciano il Fondo di garanzia a sostegno del credito alle medie, piccole e micro imprese*. Available at: <http://tuttoggi.info/presentato-a-marsciano-il-fondo-di-garanzia-a-sostegno-del-credito-alle-medie-piccole-e-micro-imprese/78552/> [Accessed 15/03/2017].
13. Sanginova L.D. (2015) Sovershenstvovanie gosudarstvennoi garantiinoi podderzhki investitsionnykh proektov [Improvement of state guarantee support of investment projects]. *Mir (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitie)* [MIR (Modernization, Innovation, Development)], 2-1 (22), pp. 36-42.
14. Sanginova L.D. (2017) Gosudarstvennye garantii pri realizatsii investitsionnykh proektov kak instrument

obespecheniya ekonomicheskogo rosta: zarubezhnyi i otechestvennyi opyt [State guarantees for the implementation of investment projects as a tool to ensure economic growth: foreign and domestic experience]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo* [Economics. Taxes. Law], 1, pp. 83-90.

15. Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 17 sentyabrya 1994 № 1928 «O chastnykh investitsiyakh v Rossiiskoi Federatsii» [Decree of the President of the Russian Federation of September 17, 1994 No. 1928 “On Private Investment in the Russian Federation”] (1994). *SZ RF* [Russian Federation code of laws], 22, art. 2462.

УДК 34**Особенности современной налоговой системы Российской Федерации****Максимкин Кирилл Игоревич**

Студент,

Институт менеджмента и маркетинга

Российской академии народного хозяйства и государственной службы

при Президенте Российской Федерации,

119571, Российская Федерация, Москва, пр. Вернадского, 82;

e-mail: kirill2102@bk.ru

Аннотация

В данной статье рассматривается современное состояние налоговой системы Российской Федерации, а также особенности осуществления правоприменительной деятельности в условиях экономического кризиса. Говорится о трех основных принципах реализации налоговой политики: доминирование фискальной политики, сбалансированный подход и финансовая централизация. Представлен анализ актуальных проблем налогового законодательства и налогового администрирования в России, предложены пути их решения. Автор отмечает, что необходима работа по комплексному реформированию налогового законодательства России с учетом правоприменительной практики арбитражных судов, практической деятельности Федеральной налоговой службы России и, самое важное, мнений и обоснований научного сообщества. Новое, теоретически обоснованное налоговое законодательство будет способствовать разрешению существующих проблем налоговой системы России в целом.

Для цитирования в научных исследованиях

Максимкин К.И. Особенности современной налоговой системы Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 7. № 1А. С. 182-187.

Ключевые слова

Налоговое законодательство, налоговое администрирование, инновационное развитие, фискальная политика, налоговая децентрализация, бюджетирование, финансовая нагроможденность, пробелы в налоговом праве.

Введение

Налоговое право с правовой точки зрения представляет собой подотрасль финансового права, совокупность правовых норм, которые призваны регулировать общественные отношения в сфере налогообложения. Экономическая же сущность налогового права заключается в ключевом значении налогового регулирования и гармонизации налогового права в вопросе формирования и функционирования сбалансированной налоговой системы страны, которая обеспечивает необходимый для экономического и социального развития государства баланс между устойчивым бюджетом и инвестиционной привлекательностью страны, ее возможностями инновационного развития. Таким образом, проблемы современного налогового права, и в первую очередь несовершенство налоговой системы Российской Федерации, имеют важное значение и требуют дальнейшей разработки и решения.

Современное состояние налоговой системы Российской Федерации

В мировой практике принято выделять три основных принципа реализации налоговой политики:

1) доминирование фискальной политики – свойственная России налоговая политика, при которой государство активно реализует лишь одну экономическую функцию налогов – фискальную, то есть стремится к созданию максимальной налоговой нагрузки для пополнения и стабилизации бюджета;

2) сбалансированный подход – умеренный размер налогообложения, свойственный классическим рыночным экономикам;

3) финансовая централизация – так называемая «шведская модель» экономики, для которой характерны высокие ставки налогообложения наряду с высоким уровнем социальной поддержки и обеспечения.

Налоговая система Российской Федерации, как и ее налоговое законодательство, сформировалась после значительных социально-экономических, культурных и политических потрясений, в условиях правовой и финансовой неопределенности и стремления законодателей как можно скорее поставить Россию на «рельсы» рыночной экономики [Юшаева, 2015, www]. Особенности исторического развития России предопределили развитие налогового законодательства и налоговой системы в направлении доминирования фискальной политики и высокого уровня централизации финансов, однако с низким содержанием компонента социальной поддержки населения. На сегодня в налоговой системе России имеются определенные, четко обозначенные проблемы, отчасти унаследованные из 90-ых годов, отчасти сложившиеся в ходе реформирования и развития налогового законодательства в последнее время в условиях экономического кризиса и международной изоляции. Кроме того, определяющим аспектом развития налоговой системы Российской Федерации является сырьевая ориентация экономики и отсутствие развитого реального и инновационного производства практически во всех сферах.

Таким образом, можно выделить два самостоятельных блока проблем: отдельно налогового законодательства РФ и налоговой системы РФ в целом.

Основными актуальными проблемами налогового законодательства России являются следующие:

1. Отсутствие стабильной законодательной базы, поскольку Налоговый кодекс РФ –

кодифицированный нормативно-правовой акт, который подвержен внесению частых корректировок и правок [Налоговый кодекс Российской Федерации. Части первая и вторая, 2017]. Подобная ситуация понижает уровень доверия к налоговому законодательству и налоговой системе в целом, что отрицательно сказывается на инвестиционном климате и инвестиционной привлекательности государства (внешний фактор) и желании резидентов соблюдать налоговое законодательство (внутренний фактор).

2. Отсутствует экономическое обоснование вводимых или изменяемых налогов и сборов в виде экономически правовой документации.

3. Отсутствуют указания на нормы и принципы Конституции РФ при вводе новых налогов и сборов.

4. Доминирование фискальной политики порождает конфликт интересов между налогоплательщиками и бюджетом, что является одним из проявлений экономической необоснованности законотворческой деятельности в налоговой сфере.

5. Пробелы и недостаточная конкретика правовых норм в Налоговом кодексе РФ порождают бюрократизацию и чрезмерно комплексный (сложный) для налогоплательщиков подход к расчету и уплате налогов, что способствует уменьшению доверия налогоплательщиков к законодательству.

Все перечисленные проблемы налогового законодательства России имеют свое отражение в недостатках налогового администрирования и правоприменения, среди которых можно назвать следующие:

1. Громоздкая и непродуктивная система налогообложения в совокупности с чрезмерной налоговой нагрузкой на физических лиц и организаций среднего и малого бизнеса в совокупности с жесткой финансовой централизацией при доминировании фискальных интересов государства создают в российском обществе ситуацию, при которой значительная часть налогов «утекает» через теневую экономику [Алиев, Абдулгалимов, 2004]. То есть рост теневого сектора экономики, который составляет до 40% ВВП России, стимулируется отсутствием сбалансированности между социально-экономическими нуждами общества и стабильностью бюджета. Таким образом, одной из ключевых проблем налоговой системы РФ является ее ориентация на удовлетворение нужд бюджета при полном или частичном игнорировании таких функций налогов, как стимулирование инновационного развития, формирование системы социально справедливого распределения общественного продукта. Налоги и сборы в России играют роль основных источников доходов бюджета, не способствуя развитию экономики и общества.

2. Сложившаяся бюрократизация, сложность отчетности и порядка расчетов налогов при недостаточной конкретизации законодательной базы формируют у населения негативное восприятие налоговой политики государства и приводят к ухудшению финансовой грамотности населения.

3. Описанная выше ситуация создает отталкивающий инвестиционный климат на внешнем рынке. Инвесторы не готовы рисковать долгосрочными вложениями в российскую экономику ввиду нестабильности налоговой системы и высокой доли теневой экономики. С другой стороны, текущая ситуация повышенного риска создает благоприятные условия для инвестирования краткосрочного спекулятивного капитала, который в долгосрочной перспективе оказывает негативное воздействие на экономику и приводит к оттоку финансового капитала из страны [Баташева, 2015, www].

4. Недостаточный уровень стимулирования реального сектора экономики (проблема

нецелесообразного распределения налогов и сборов) на фоне благоприятной среды, которая сложилась в современных налоговых условиях, для экспортеров энергоресурсов поддерживает сырьевой тип экономики России, тормозит инновационное развитие и модернизацию реального производства, способствует потере конкурентных преимуществ на международном рынке.

Представленный перечень проблем можно дополнить, однако именно эти аспекты являются основополагающими недостатками современной налоговой системы РФ. Для разрешения данных проблем необходима в первую очередь работа по комплексному (а не эпизодическому) реформированию налогового законодательства РФ с учетом правоприменительной практики арбитражных судов, практической деятельности Федеральной налоговой службы России и, самое важное, мнений и обоснований научного сообщества (финансово-правовой и экономической сферы деятельности). Это будет способствовать формированию нового, теоретически обоснованного налогового законодательства, способного разрешить описанные выше актуальные проблемы налогового законодательства и налоговой системы России в целом. Так, например, реформа призвана гармонизировать налоговое администрирование, снизить уровень бюрократизации, повысить финансовую доступность налоговой информации, снять налоговое бремя с самых незащищенных слоев населения, сформировать систему корреляционного баланса между интересами бюджета и интересами общества, что также повысит уровень инвестиционной привлекательности страны [Гажиев, Пепеляв, 1998].

Исходя из общего направления необходимого развития налоговой системы РФ, реформирование налогового законодательства может включать следующие мероприятия [Карасев, 2004]:

- 1) конкретизацию положений налоговых нормативно-правовых актов; наделение правом трактовки и конкретизации налоговых органов;
- 2) упрощение налоговой отчетности;
- 3) упрощение налоговой системы путем создания исчерпывающего перечня налогов и сборов с подробным экономически обоснованным описанием; сокращение общего налогового бремени путем перераспределения налоговой нагрузки на крупный сегмент бизнеса;
- 4) введение прогрессивной шкалы налогообложения, что способствует более рациональному сбору и распределению общественного продукта для развития положений социально-ориентированного общества;
- 5) упрощение расчета НДС, принимая при расчете данного налога в качестве налоговой базы не реализацию продукции, а ее добавленную стоимость (реализация изначальной модели НДС, применяемая во Франции), которая состоит из амортизации, прочих налогов и сборов и т.д.;
- 6) модернизация принципов налоговой политики, направленных на формирование устойчивых распределительных налоговых потоков в реальный сектор экономики для развития инновационного производства, что способствует появлению новых более устойчивых и менее социально волатильных источников доходов бюджета.

Заключение

На современном этапе трансформации экономической системы России важным условием ее целостности и стабильности является эффективное функционирование ее подсистем, в том числе налоговой системы. Одним из важнейших направлений налоговой политики в долгосрочной перспективе является поддержание такого уровня налоговой нагрузки, который, с одной стороны, не создает препятствий для устойчивого экономического роста, а с другой –

отвечает потребностям в бюджетных доходах для предоставления важнейших государственных услуг.

Рассмотренный комплекс мероприятий является лишь малой частью большой комплексной работы по трансформации российской экономики и российского законодательства в соответствии со статьей 7 Конституции РФ, которая гласит, что Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

Библиография

1. Налоговый кодекс Российской Федерации. Части первая и вторая. М.: Юрайт, 2017.
2. Баташева Ф.А. Проблемы современной налоговой системы РФ и предложения по ее совершенствованию // Молодой ученый. 2015. № 17. С. 436-438. URL: <https://moluch.ru/archive/97/21802/>
3. Юшаева Р.С. Актуальные проблемы налоговой системы России // Концепт. 2015. Т. 13. С. 3546–3550. URL: <http://e-koncept.ru/2015/85710.htm>
4. Алиев Б.Х., Абдулгалимов А.И. Теоретические основы налогообложения. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. 159 с.
5. Гажиев Г.А., Пепеляв С.Г. Предприниматель. Налогоплательщик. Государство. М.: ФБК-Пресс, 1998. 221 с.
6. Карасев М.Н. Налоговая политика и правовое регулирование налогообложения в России. М.: Вершина, 2004. 224 с.

Features of modern tax system of the Russian Federation

Kirill I. Maksimkin

Student,
Institute of Management and Marketing
of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration under the President of the Russian Federation,
119571, 82 Vernadskogo av., Moscow, Russian Federation;
e-mail: kirill2102@bk.ru

Abstract

This article discusses the current state of tax system in the Russian Federation, as well as the features of the implementation of legal activities in times of economic crisis. The article considers three main principles of tax policy implementation: dominance of fiscal policy, balanced approach and financial centralization. The author presents the analysis of actual problems of tax legislation and tax administration in Russia and offers the ways of their solution. It is necessary to work on the complex reformation of the tax legislation of Russia taking into account the law-enforcement practice of arbitration courts, the practical activities of the Federal Tax Service of the Russian Federation and the opinions of the scientific community. The new, theoretically justified tax legislation will contribute to solving the existing problems of the Russian tax system as a whole. The author concludes that at the present stage of transformation of the economic system of Russia an important condition of its integrity and stability is the effective functioning of its subsystems, including tax system. One of the most important directions of national policy in the long term is to maintain a level of tax burden, which, on the one hand, does not create obstacles to sustainable economic growth, and, on the other hand, meets the needs of budgetary revenues to provide essential

Kirill I. Maksimkin

public services.

For citation

Maksimkin K.I. (2018) Osobennosti sovremennoi nalogovoi sistemy Ros-siiskoi Federatsii [Features of modern tax system of the Russian Federation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7 (1A), pp. 182-187.

Keywords

Tax legislation, tax administration, innovative development, fiscal policy, tax decentralization, budgeting, financial clutter, gaps in tax law.

References

1. Aliev B.Kh., Abdulgalimov A.I. (2004) *Teoreticheskie osnovy nalogooblozheniya* [Theoretical foundations of taxation]. Moscow: YuNITI-DANA Publ.
2. Batasheva F.A. (2015) Problemy sovremennoi nalogovoi sistemy RF i pred-lozheniya po ee sovershenstvovaniyu [Problems of modern tax system of the Russian Federation and proposals for its improvement]. *Molodoi uchenyi* [Young scientist], 17, pp. 436-438. Available at: <https://moluch.ru/archive/97/21802/> [Accessed 19/02/18].
3. Gazhiev G.A., Pepelyav S.G. (1998) *Predprinimatel'. Nalogoplatel'shchik. Gosudarstvo* [Entrepreneur. Taxpayer. State]. Moscow: FBK-Press Publ.
4. Karasev M.N. (2004) *Nalogovaya politika i pravovoe regulirovanie nalogooblozheniya v Rossii* [Tax policy and legal regulation of taxation in Russia]. Moscow: Vershina Publ.
5. *Nalogovyi kodeks Rossiiskoi Federatsii. Chasti pervaya i vtoraya* [Tax Code of the Russian Federation. Parts one and two] (2017). Moscow: Yurait Publ.
6. Yushaeva R.S. (2015) Aktual'nye problemy nalogovoi sistemy Rossii [Actual problems of tax system of Russia]. *Kontsept* [Concept], 13, pp. 3546-3550. Available at: <http://e-koncept.ru/2015/85710.htm> [Accessed 17/01/18].

УДК 341.24**Соглашение о зоне свободной торговли между Европейским союзом и Сингапуром****Наку Антон Аркадьевич**

Доцент кафедры европейского права,
Московский государственный институт международных
отношений (университет) МИД России;
119454, Российская Федерация, Москва, просп. Вернадского, 76;
e-mail: anton.naku@mail.ru

Макаренко Анастасия Кирилловна

Аспирант кафедры европейского права,
преподаватель кафедры французского языка,
Московский государственный институт международных
отношений (университет) МИД России,
119454, Российская Федерация, Москва, просп. Вернадского, 76;
e-mail: nastjamakarenko@gmail.com

Аннотация

В статье представлен обзор текста соглашения о зоне свободной торговли между Европейским союзом и Сингапуром, который был представлен Европейской комиссией. Переговоры по соглашению были завершены в 2014 г., однако оно до сих пор находится на стадии заключения. На настоящий момент соглашение не ратифицировано ввиду возникновения разногласий вокруг главы, регулирующей инвестиционную деятельность. Сингапур – первое государство Юго-Восточной Азии, с которым ЕС заключил торговое соглашение, и его второй торговый партнер в регионе. Кроме того, это первое торговое соглашение, переговоры по которому ЕС начал после вступления в силу Лиссабонского договора. Европейская комиссия считает соглашение с Сингапуром первым и ключевым шагом на пути к многостороннему соглашению с Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Авторы рассматривают основные аспекты, которые регулируются соглашением: торговля товарами и услугами, интеллектуальная собственность, конкуренция, государственные закупки, инвестиционная деятельность. Наибольшее внимание в статье уделено вопросам регулирования посредством соглашения не прямых инвестиций и разрешения инвестиционных споров, так как они послужили предметом разногласий в ходе переговоров и поводом для обращения в Суд ЕС с запросом относительно компетенции Европейского союза заключать подобные соглашения.

Для цитирования в научных исследованиях

Наку А.А., Макаренко А.К. Соглашение о зоне свободной торговли между Европейским союзом и Сингапуром // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 7. № 1А. С. 188-196.

Ключевые слова

Европейский Союз, Сингапур, соглашение о зоне свободной торговли, зона (ассоциация) свободной торговли, иностранные инвестиции, инвестиционные споры, наименования мест происхождения товаров, Европейская комиссия, Суд ЕС.

Введение

В 2007 г. Европейский союз начал переговоры по соглашению о зоне свободной торговли с Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (здесь и далее – АСЕАН). Ввиду того, что прогресс по этому проекту не был достигнут, ЕС сместил фокус на соглашения с отдельными государствами АСЕАН, и, в частности, в 2010 г. начал переговоры с Сингапуром, которые были успешно завершены 17 октября 2014 г. Тем не менее Европейская комиссия подчеркивает, что целью ЕС является заключение всеобъемлющего торгового соглашения с АСЕАН, и заключенное соглашение с Сингапуром в этом контексте является первым и важным шагом для достижения этой цели [European Commission, 2017, www].

Соглашение между ЕС и Сингапуром является одним из первых соглашений «нового поколения» о свободной торговле для ЕС: помимо классических положений о снижении таможенных пошлин и нетарифных барьеров в торговле товарами и услугами, оно содержит положения по вопросам, связанным с торговлей, таким, как защита интеллектуальной собственности, инвестиции, государственные закупки, конкуренция и устойчивое развитие.

В настоящее время по объему торговли Сингапур является 17-м партнером ЕС в мире в сфере торговли и пятым в Азии после Китая, Японии, Южной Кореи и Гонконга. В свою очередь, Европейский союз занимает второе место после Китая в списке торговых партнеров Сингапура [European Commission, 2016, www]. В 2016 г. объем торговли товарами между ЕС и Сингапуром составил 50,9 млрд евро, торговли услугами – 28,3 млрд. Объем взаимных инвестиций достиг уровня в 193 млрд евро, и по этому показателю Сингапур является вторым важнейшим рынком для ЕС после США [там же]. Так, например, в 2012 г. объем инвестиций из ЕС в Сингапур (126 млрд евро) практически вдвое превысил тот же показатель с США (65 млрд евро). По оценкам экспертов, в случае вступления в силу соглашения о свободной торговле экспорт ЕС в Сингапур вырастет приблизительно на 1,4 млрд евро в течение 10 лет, а экспорт Сингапура – на 3,5 млрд [European Commission, 2017, www].

История принятия соглашения

Переговоры с Сингапуром ЕС начал в 2010 г. Все основные вопросы были урегулированы к 2012 г., однако из-за несоответствия в законодательствах сторон оставалось несколько неразрешенных вопросов, в том числе относительно наименований мест происхождения товаров, финансовых услуг и инвестиций. В октябре 2014 г. соглашение было заключено, за исключением главы по инвестиционной деятельности. В 2015 г., после того как была проведена юридическая «чистка» главы по регулированию инвестиций, стороны объявили о заключении соглашения.

Структурно соглашение состоит из преамбулы, 17 глав, одного протокола и приложений к отдельным его статьям, а также пяти договоренностей (англ. «understanding») [European Commission, 2016, www]. Оно включает в себя вопросы регулирования торговли товарами и услугами, государственных закупок, инвестиций, интеллектуальной собственности,

конкуренции и устойчивого развития.

В части, касающейся торговли товарами, переговоры по заключению соглашения проходили легко, что объясняется сравнительной открытостью сингапурского рынка. Так, тарифная ставка, применяемая Сингапуром при импорте всех товаров, за исключением шести тарифных позиций (некоторые виды алкогольных напитков и сигареты), равна нулю. Кроме того, список так называемых чувствительных товаров, которые имеют особую значимость для экономики страны, у Сингапура исключительно мал. В связи с этим снижение тарифных ставок посредством соглашения установлено в гораздо большей части Европейским союзом для сингапурских товаров. Со вступлением в силу соглашения для 75% товарных позиций, импортируемых из Сингапура в ЕС, тарифные ставки снижаются до нуля, для 20% они будут снижаться ежегодно в трех- или пятилетний периоды в зависимости от того или иного товара. Еще для 5% товарных позиций, относящихся к продукции сельского хозяйства, ставки снижены не будут ввиду их «чувствительности» для европейского рынка.

Помимо этого, соглашение содержит положения относительно правил происхождения товаров, посредством которых определяются критерии определения страны происхождения товаров для дальнейшего взимания таможенных пошлин, применения преференций и других подобных целей. В соглашении между ЕС и Сингапуром такими критериями являются производство товаров или их достаточная переработка на территории ЕС или, соответственно, Сингапура. Конкретизация критерия достаточной переработки установлена для различных групп товаров в статье 5 протокола к соглашению. При этом именно этот критерий мог бы стать проблемой для Сингапура ввиду того, что многие товары, которые он экспортирует, производятся им совместно с другими странами – членами АСЕАН, поэтому ему трудно достигнуть требуемой доли произведенных в Сингапуре частей (материалов, компонентов и т. п.) в конечном продукте [Elijah, Kenyon, Hussey, van der Eng Acton, 2017]. Тем не менее в процессе проведения переговоров по соглашению были разработаны такие правила происхождения товаров, которые соответствуют интересам Сингапура.

Кроме того, в отношении торговли товарами соглашение содержит стандартные нормы по обмену информацией между сторонами, а также по применению санитарных и фитосанитарных мер. Наконец, по ряду товаров было достигнуто принципиальное согласие, согласно которому Сингапур привел свое законодательство в соответствие со стандартами ЕС. В частности, это коснулось тех секторов, в которых Сингапур применял сложную процедуру проверки на соответствие техническим стандартам в несколько этапов при импорте или в которых отсутствовал достаточный уровень прозрачности: автомобили и автомобильные запчасти, электронная техника и электронное оборудование, лекарственные препараты и экологически чистые технологии [там же]. После вступления в силу соглашения к этим товарам будут применяться стандарты проверки на соответствие техническим стандартам Европейского союза.

Торговле услугами посвящена глава 8 соглашения. Она устанавливает для услуг и их поставщиков режим наибольшего благоприятствования (здесь и далее – РНБ), а также оговорку о запрете возврата к ранее снятым торговым барьерам (англ. «ratchet clause») [там же]. Это означает, что ЕС автоматически получает новые преференции в том случае, если Сингапур когда-либо заключит более выгодное соглашение о торговле услугами, и наоборот. При этом определенный перечень услуг исключен из сферы регулирования данной главы: это аудиовизуальные услуги, национальный морской каботаж, авиаперевозки, а также добыча, производство и переработка ядерных (радиоактивных) материалов. В соглашении использован

подход к регулированию услуг, основанный на «позитивном перечне», т. е. гарантируется определенный уровень доступа и осуществления деятельности только в отдельных секторах услуг, зафиксированных в списках специфических обязательств. Подход, основанный на «негативном» перечне, а именно предоставление национального режима в отношении всех мер за исключением ограничений, зафиксированных в национальных перечнях, ЕС в своих соглашениях о свободной торговле с третьими странами не применяет.

Что касается государственных закупок, важно отметить, что и Европейский союз, и Сингапур являются сторонами Соглашения о правительственных закупках в рамках ВТО, что значительно облегчило переговоры между сторонами по данному вопросу. В соответствии с этим соглашением государства обязуются обеспечить открытость определенных правительственных заказов на закупку товаров и услуг для поставщиков из других стран – участниц соглашения на основе равного и справедливого участия иностранных поставщиков в торгах. Соглашение о зоне свободной торговли между ЕС и Сингапуром лишь расширяет те сферы, в которых могут быть открыты эти закупки, такие, как, например, сфера железнодорожного транспорта.

Главы, посвященные конкуренции и устойчивому развитию, не содержат в себе принципиально новых положений по сравнению с иными торговыми соглашениями ЕС, которые уже вступили в силу или находятся на стадии переговоров. Они подтверждают принятые сторонами обязательства в соответствии с их законодательством и международными стандартами. То же самое относится к главе о стандартах труда, в которой стороны принимают на себя обязательство следовать стандартам Международной организации труда. Что касается разрешения споров, соглашение содержит нормы, согласно которым в случае возникновения разногласий по толкованию и применению соглашения и невозможности разрешить их посредством консультаций стороны должны обращаться в специально созываемый арбитраж, для исполнения решений которого создан ряд комитетов и рабочих групп. Дополнительно соглашение предусматривает процедуру медиации для разрешения споров, затрагивающих любые принимаемые сторонами меры, оказывающие негативный эффект на взаимную торговлю и инвестиции.

Одним из препятствий в переговорах по заключению соглашения стала глава 11, которая охватывает вопросы регулирования интеллектуальной собственности, уделяя основное внимание наименованиям мест происхождения товаров – обозначениям, используемым на товарах, которые имеют особое географическое происхождение и обладают свойствами или репутацией, присущими этому месту происхождения. Это было связано с тем, что Сингапур, в отличие от ЕС, в своих двух- и многосторонних торговых соглашениях отдает предпочтение регулированию использования товарных знаков, а не наименований мест происхождения товаров. В частности, такой подход прослеживается в соглашении о Транстихоокеанском партнерстве, переговоры по которому Сингапур вел параллельно с переговорами по заключению соглашения с ЕС. Изначально Сингапур не имел намерений включать какие-либо наименования мест происхождения товаров в соглашение с ЕС. Однако после нескольких раундов переговоров список таких наименований был составлен и сейчас включает в себя 196 позиций [European Commission, 2016, www]. При этом по большей части это продукты, имеющие составное наименование (примерами такого продукта можно назвать «Пармиджано-Риджано», а не просто «пармезан») [там же], а также товары, которые уже имеют защиту при помощи товарных знаков. Данный список в течение длительного времени одобрялся сингапурским парламентом, но этот процесс был успешно завершён в апреле 2014 г.

Другой значительной проблемой для соглашения между ЕС и Сингапуром стал вопрос регулирования инвестиций. Соглашение о зоне свободной торговли с Сингапуром – это первое соглашение, переговоры по которому Европейский союз проводил после вступления в силу в 2009 г. Лиссабонского договора. Лиссабонский договор внес важную новеллу в регулирование инвестиционной деятельности, включив прямые иностранные инвестиции в соответствии со статьей 207 Договора о функционировании Европейского союза (здесь и далее – ДФЕС) в сферу общей торговой политики (здесь и далее – ОТП) ЕС, а согласно статье 3 ДФЕС ОТП относится к исключительной компетенции Европейского союза [Vermeeren, MacLennan, Nordin, Van Haute, 2017, www; Энтин. 2007].

Соглашение между ЕС и Сингапуром содержит обширный ряд положений, касающихся инвестиций. В частности, иностранным инвестициям сторон предоставляется национальный режим, обеспечивается равное и справедливое отношение к инвесторам обеих сторон, их защита и безопасность, а также свободное движение капиталов. В этом отношении данная глава соглашения является типичной, если проводить параллель с иными торговыми соглашениями ЕС «нового поколения», затрагивающими инвестиции. Двумя проблемными вопросами на переговорах оказались непрямые (портфельные) инвестиции, а также механизм разрешения споров между инвесторами и государствами. При этом под непрямыми инвестициями понимаются вложения инвестиционного капитала через различных посредников, в качестве которых могут быть консультанты, как инвестиционные, так и финансовые, а также различные финансовые фонды и организации (например, коммерческие банки) [Elijah, Kenyon, Hussey, van der Eng Acton], а механизм разрешения споров между инвестором и государством означает такой механизм, который позволяет компаниям подавать в суд на государства в связи с любым новым законом или политикой, которые они считают дискриминационными по отношению к своим инвестициям [там же].

Основной предмет разногласий был связан с тем, что ввиду своей особой природы и прямого указания на них в учредительных договорах ЕС эти два вопроса могут входить в сферу не исключительной, а смешанной компетенции Союза и государств-членов. В связи с этим Европейская комиссия обратилась в Суд ЕС с запросом «Обладает ли Союз соответствующей компетенцией для того, чтобы единолично подписывать и заключать Соглашение о зоне свободной торговли с Сингапуром?».

Европейская комиссия утверждала, что вопросы, охватываемые данным соглашением, в значительной степени относятся к общей торговой политике ЕС, которая, в свою очередь, является одной из сфер исключительной компетенции Союза. Такой же позиции придерживался и Европейский парламент. Если бы Суд постановил в пользу Комиссии, это означало бы, что соглашение может заключаться исключительно Советом ЕС на основании процедуры голосования квалифицированным большинством после одобрения Европейским парламентом (в соответствии со статьей 218 ДФЕС) [Vermeeren, MacLennan, Nordin, Van Haute], без необходимости дальнейшей ратификации со стороны каждого государства – члена Союза.

Европейский совет и все государства-члены, которые представили свои замечания Суду, включая Великобританию, утверждали, что соглашение подпадает не только под исключительную компетенцию Союза, но также под совместную компетенцию ЕС и государств-членов, что делает его так называемым «смешанным соглашением».

В своем решении от 17 мая 2017 г. Суд ЕС подтвердил последнюю позицию, указав, что соглашение между ЕС и Сингапуром является «смешанным соглашением» на том основании, что оно содержит некоторые положения, которые не могут относиться к исключительной

компетенции Союза [Court of Justice..., 2017, www].

Суд указал, что ЕС на основании статьи 3 ДФЕС обладает исключительной компетенцией в отношении заключения данного соглашения в следующих сферах регулирования: торговля товарами и услугами, включая транспортные услуги; государственные закупки и производство электроэнергии из возобновляемых источников; прямые иностранные инвестиции; интеллектуальная собственность; конкуренция; устойчивое развитие; обмен информацией, взаимодействие и урегулирование споров между сторонами, если они относятся к сфере прямых иностранных инвестиций.

Двумя областями соглашения, в которых ЕС, согласно позиции Суда, не обладает исключительной компетенцией, являются непрямые иностранные инвестиции и порядок разрешения споров между инвесторами и государствами (ISDS).

Таким образом, Суд ЕС принял решение, что соглашение о свободной торговле между ЕС и Сингапуром не может вступить в силу до того, как будет ратифицировано всеми государствами-членами. Необходимо отметить, что решение прямо противоречит устоявшейся практике ЕС, согласно которой соглашение о свободной торговле с третьей страной вводится в действие в максимально короткий срок после подписания в так называемом предварительном режиме (англ. «provisional application»), а процесс его ратификации национальными парламентами происходит параллельно. Теперь, опираясь на прецедент с Сингапуром, введение в действие без парламентской ратификации любого аналогичного торгового соглашения в последующем можно будет оспорить в судебном порядке.

Кроме того, это решение суда имеет важное значение ввиду предстоящего вступления в силу подписанного в октябре 2016 г. соглашения о свободной торговле между ЕС и Канадой. Планировалось, что оно вступит в силу в предварительном порядке в 2017 г., при том что против него выступает множество европейских профсоюзных и торговых организаций, а парламент бельгийского региона Валлония уже пытался заблокировать соглашение. Также решение может значительно повлиять на включение в последующие торговые соглашения ЕС глав, регулирующих инвестиции. Некоторые из государств, с которыми ЕС сейчас ведет переговоры по этому вопросу, уже высказывают предложения о том, чтобы вывести инвестиционные главы из-под действия соглашений о свободной торговле и заключать по ним отдельные соглашения [Суд ЕС создал..., 2017, www]. В том числе такая позиция была высказана властями Великобритании: в том случае, если в 2019 г. она выйдет из ЕС, с высокой степенью вероятности между ЕС и Соединенным Королевством начнутся переговоры по торговому соглашению и, возможно, отдельно по инвестиционному соглашению.

В декабре правительство Сингапура разместило информацию о том, что не будет включать в соглашение о свободной торговле с ЕС положения по непрямым инвестициям и разрешению инвестиционных споров в связи с намерением заключить с ЕС отдельное соглашение по этим вопросам [Van der Loo, 2017, www]. Однако Европейская комиссия пока не высказала своей позиции по данному предложению.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что на настоящий момент соглашение о свободной торговле между ЕС и Сингапуром сможет вступить в силу только после ратификации его всеми национальными парламентами государств – членом Союза, одобрения Европейской комиссией, Советом ЕС и Парламентом ЕС. Если же ЕС согласится с предложением сингапурских властей, процесс ратификации завершится гораздо быстрее. Представляется, что после решения Суда ЕС, принятого по данному соглашению, в ЕС может возникнуть новый порядок заключения соглашений о свободной торговле с третьими странами, при котором

инвестиционные положения будут предметом отдельных соглашений. Это позволит избежать слишком длительного процесса ратификации и вступления в силу торговых соглашений [Договор о функционировании..., 2008]. В частности, речь идет о соглашениях, по которым ЕС ведет переговоры с другими государствами – членами АСЕАН в настоящее время, такими, как, например, Вьетнам.

Заключение

Соглашение между ЕС и Сингапуром – первая торговая сделка, заключенная Европейским союзом с государством Юго-Восточной Азии, и ключевой шаг на пути к заключению соглашения ЕС – АСЕАН, который стал бы ярким примером «интеграции интеграций», т. е. взаимодействия двух интеграционных объединений [Жбанков, Калинин, Кашкин и др., 2015]. С учетом главы, регулирующей инвестиционную деятельность, это одно из всеобъемлющих торговых соглашений ЕС «нового поколения». Главный переговорщик от ЕС по данному соглашению – Руперт Шлегельмильх – соответствующим образом описал его в пресс-релизе Европейской комиссии от 20.09.2013: «Мы рады представить одно из наиболее всеобъемлющих на сегодняшний день соглашений о свободной торговле, которые когда-либо становились предметом для переговоров. <...> Сингапур и ЕС уже зарабатывают 1 млрд евро каждую неделю, и соглашение закладывает основы, на которых деловые связи могут процветать и дальше. Кроме того, это первый шаг к более тесным экономическим связям между двумя основными интегрированными регионами в мире – Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии и ЕС, а также 1,1 млрд их граждан».

Остается лишь дождаться окончательного решения сторон относительно того, будут ли заключены два отдельных соглашения или же Европейский союз все же уговорит Сингапур включить вызвавшую споры главу по регулированию инвестиционной деятельности в текст основного соглашения о зоне свободной торговли. В любом случае фактическое начало функционирования ассоциации свободной торговли между Европейским союзом и Сингапуром можно считать вопросом ближайшего будущего.

Библиография

1. Договор о функционировании Европейского союза от 07.02.1992 (в редакции Лиссабонского договора от 13.12.1997) // *Traité sur le fonctionnement de l'Union européenne*. OJ C 115 09.05.2008. Pp. 0001-0388.
2. Жбанков В.А., Калинин П.А., Кашкин С.Ю. и др. *Интеграционное право в современном мире: сравнительно-правовое исследование*. М.: Проспект, 2015. 416 с.
3. Суд ЕС создал новое препятствие для договора о ЗСТ между ЕС и Сингапуром // Сайт группы Finance Business Service, 2017. URL: <https://fbs-tax.com/mediacenter/news-ru/sud-es-sozdal-novoe-prepyatstvie-dlya-dogovora-o-zst-mezhdu-es-i-singapurom/>
4. Энтин Л.М. *Европейское право*. 2-е изд. М.: Норма, 2007. 960 с.
5. Court of Justice of the European Union PRESS RELEASE No 52/17. Luxembourg, 16 May 2017. URL: <https://curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/2017-05/cp170052en.pdf>
6. Elijah A., Kenyon D., Hussey K., van der Eng Acton P. (eds.). *Australia, the European Union and the new trade agenda*. A.C.T. Australian National University Press, 2017. 282 p.
7. European Commission // *Countries and regions – Singapore*, 2017. URL: <http://ec.europa.eu/trade/policy/countries-and-regions/countries/singapore/>
8. European Commission // *EU – Singapore trade statistics*, 2016. URL: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2006/september/tradoc_112009.pdf
9. EU – Singapore Free Trade Agreement. Authentic text as of May 2015. URL: <http://trade.ec.europa.eu/doclib/press/index.cfm?id=961>
10. Van der Loo G. *The Court's Opinion on the EU – Singapore FTA: Throwing off the shackles of mixity?* CEPS Policy

Insights – Thinking ahead for Europe, No 2017/17, May 2017. URL: https://www.ceps.eu/system/files/PI2017-17Gvdl_SingaporeJudgement.pdf

11. Vermeeren F., MacLennan J.F., Nordin S., Van Haute C. EU-FTA Update – Singapore. – White & Case LLP, 2017. URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=f326acfc-30a6-41a9-8126-92596f1dfe1>

Free Trade Agreement between the European Union And Singapore

Anton A. Naku

Associate Professor,
Department of European law,
Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University),
119454, 76 Vernadskogo av., Moscow, Russian Federation;
e-mail: anton.naku@mail.ru

Anastasiya K. Makarenko

Postgraduate,
Department of European law,
Lecturer of the Department of French language,
Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University),
119454, 76 Vernadskogo av., Moscow, Russian Federation;
e-mail: nastjamakarenko@gmail.com

Abstract

The article presents a review of the text of the free trade agreement between the European Union and Singapore, which was submitted by the European Commission. The negotiations on the agreement were completed in 2014, but it is still at the stage of signing and not ratified due to disputes around the chapter, dedicated to investments regulation. Singapore is the first country in Southeast Asia with which the EU has signed a trade agreement and its second largest trade partner in the region. This is also the first trade agreement, on which the EU started negotiations after the entry into force of the Lisbon Treaty. The European Commission considers the agreement with Singapore as the first and key step on the path to a multilateral agreement with the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN). The authors examine the main aspects that are regulated by the agreement: trade in goods and services, intellectual property, competition, government procurement, labour standards, sustainable development, investment activity. Most attention is paid to questions of indirect investment regulation and the mechanism of settlement of investment dispute, as they became the subject of dispute during the negotiations and the reason for applying to the European Court of Justice with a request regarding the competence of the European Union to conclude such agreements.

For citation

Naku A.A., Makarenko A.K. (2018) Soglashenie o zone svobodnoi trgovli mezhdou Evropeiskim soyuzom i Singapurom [Free Trade Agreement between the European Union and Singapore]. Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava [Matters of Russian and International Law], 7 (1A), pp. 188-196.

Keywords

European Union, Singapore, free trade agreement, free trade area, foreign investments, investment disputes, geographical indications, European Court of Justice.

References

1. Elijah A., Kenyon D., Hussey K., Eng Pierre van der (2017) *Australia, the European Union and the new trade agenda*. Acton, A.C.T.: Australian National University Press,.
2. Court of Justice of the European Union (2017). *Press release*, 52 (2017). Luxembourg, May 16. Available at: <https://curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/2017-05/cp170052en.pdf> [Accessed 19/02/18].
3. Dogovor o funkcionirovanii Evropeiskogo Soyuzha ot 07.02.1992 (v red. Lissabonskogo dogovora ot 13.12.1997 g.) [Treaty on the Functioning of the European Union of February 07, 1992]. *Traité sur le fonctionnement de l'Union européenne*. OJ C 115 09.05.2008 p. 0001 – 0388.
4. European Commission. *Countries and region*. Singapore, 2017. Available at: <http://ec.europa.eu/trade/policy/countries-and-regions/countries/singapore/> [Accessed 21/02/18].
5. European Commission. *EU – Singapore trade statistics, 2016*. Available at: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2006/september/tradoc_112009.pdf [Accessed 19/02/18].
6. *EU-Singapore Free Trade Agreement. Authentic text as of May, 2015*. Available at: <http://trade.ec.europa.eu/doclib/press/index.cfm?id=961> [Accessed 19/02/18].
7. Entin L.M. *Evropeiskoe pravo* [European law], 2nd ed. Moscow: Norma Publ., 2007.
8. Zhibankov V.A., et al. *Integracionnoe pravo v sovremennom mire: sravnitel'no-pravovoe issledovanie* [Integrational law in the world today: A comparative legal study]. Moscow: Prospekt Publ., 2015.
9. Sud ES sozdal novoe prepyatstvie dlya dogovora o ZST mezhdru ES i Singapurom [European Court of Justice has created new barrier for agreement between the European Union and Singapore]. *Finance Business Service*, 2017. Available at: <https://fbs-tax.com/mediacenter/news-ru/sud-es-sozdal-novoe-prepyatstvie-dlya-dogovora-o-zst-mezhdru-es-i-singapurom/> [Accessed 19/02/18].
10. Van der Loo G. The Court's Opinion on the EU-Singapore FTA: Throwing off the shackles of mixity? *CEPS Policy Insights – Thinking ahead for Europe*, (2017) 17, May. Available at: https://www.ceps.eu/system/files/PI2017-17Gvdl_SingaporeJudgement.pdf [Accessed 19/02/18].
11. Vermeeren F., MacLennan J.F., Nordin S., Van Haute C. EU-FTA Update – Singapore. *White & Case LLP*, 2017. Available at: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=f326acfc-30a6-41a9-8126-92596f1fdfe1> [Accessed 19/02/18].

УДК 341

Институциональные механизмы договора о безъядерной зоне в Северо-Восточной Азии**Нуцалханов Гамзат Нуцалханович**

Кандидат юридических наук, доцент,
кафедра конституционного права,
Северо-Кавказский институт,
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
367000, Российская Федерация, Махачкала, просп. Акушинского, 7;
e-mail: gamzat940@mail.ru

Аннотация

Цель. В статье обосновывается роль зон, свободных от ядерного оружия, в деле укрепления международного мира и безопасности. Развивая роль данного элемента международного режима нераспространения ядерного оружия, автор отмечает предпосылки формирования безъядерной зоны в Северо-Восточной Азии, те ключевые факторы, которые определяют необходимость ее создания в контексте сложившихся международных отношений. **Методология.** Для достижения цели автором используются теоретические методы научного познания: формально-юридический, аналитический, метод синтеза. **Результаты.** Основываясь на изучении опыта создания безъядерных зон в различных регионах мира, имеющих инициатив о безъядерной зоне в Северо-Восточной Азии, автор считает более прогрессивным начальное учреждение безъядерной зоны между Японией и Южной Кореей с последующим присоединением Северной Кореи, которой, как и другим государствам региона, будет предоставлена такая возможность.

Для цитирования в научных исследованиях

Нуцалханов Г.Н. Институциональные механизмы договора о безъядерной зоне в Северо-Восточной Азии // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 7. № 1А. С. 197-203.

Ключевые слова

Безъядерная зона, ядерное оружие, резолюция, руководящие принципы, договор, укрепление мира и безопасности.

Введение

Сложная военно-политическая обстановка на Корейском полуострове, которая порой приближается к достаточно опасной грани военного противостояния между Южной и Северной Кореей, продолжает оставаться существенной международно-правовой проблемой. Напомним, что в последний раз обострение ситуации на Корейском полуострове имело место в августе прошлого года, когда в результате взрыва мины в демилитаризованной зоне пострадали двое южнокорейских военнослужащих. В Сеуле возложили ответственность за происшествие на КНДР. Формально обе Кореи пребывают в состоянии войны со времен вооруженного конфликта 1950-1953 гг.

Институциональные механизмы договора о безъядерной зоне в Северо-Восточной Азии

В 2005 г. КНДР стала ядерным государством. В 2006, 2009 и 2013 гг. в стране были проведены подземные испытания данного вида оружия, что вызвало осуждение со стороны международного сообщества. В 2009 г. КНДР отказалась принимать участие в шестисторонних переговорах по своей ядерной программе, которые проходили при участии России, КНР, США, Японии и Южной Кореи. За последнее время увеличилось число запусков ракет с северокорейской территории. В июле текущего года власти Северной Кореи сообщили, что не заинтересованы в обсуждении останковки ядерной программы и отказа от нее в одностороннем порядке [Гальперин, [www](#)].

Тем самым безопасности Северо-Восточной Азии угрожает явное намерение Северной Кореи продолжать разработку, тестирование и развертывание ядерного оружия и средств его доставки, а также утверждение страны, что она является государством, обладающим ядерным оружием. Остальные пять участников шестисторонних переговоров по северокорейской ядерной программе – США, Япония, Южная Корея, Россия и Китай – единодушно выразили свое несогласие с разработкой Северной Кореей ядерного оружия и отказались относиться к ней как к ядерной державе.

Тем не менее в последние несколько лет ни одна из пяти этих стран не разработала и не предложила действенную стратегию для разрешения данной международной ситуации. Понимая безальтернативность политико-дипломатического урегулирования ядерной проблемы Корейского полуострова, механизм шестисторонних переговоров и идея безъядерной зоны, как нам представляется, дополняют друг друга и должны развиваться параллельно. Они могут оказать друг на друга усиливающее действие.

Следует отметить, что в 1992 г. Северная Корея и Республика Корея приняли совместную декларацию о денуклеаризации Корейского полуострова, которая, сохранив основные ограничения по ранее заключенным соглашениям о безъядерных зонах в других регионах мира, испытывает недостаток в таких элементах, как независимый механизм обеспечения соблюдения соглашения, эффективная система проверки (особо важный элемент в контексте исторического конфликта в данном регионе), протоколы, предусматривающие отрицательные гарантии безопасности от государств, обладающих ядерным оружием.

На наш взгляд, безъядерная зона в данном регионе должна принять форму международного договора с процедурой его ратификации, соответствующими условиями, согласовывающимися с рекомендациями ООН относительно безъядерных зон, специальными положениями, ориентированными на потребности региона. Договор также должен предусматривать эффективные меры управления, механизм проверки соблюдения обязательств, процедуру

внесения изменений, условия денонсации соглашения.

Актуальность темы настоящей статьи обусловлена отсутствием юридически закрепленной безъядерной зоны в Северо-Восточной Азии, а также существующей напряженностью международных отношений в исследуемом регионе, связанной в первую очередь с проводимыми Северной Кореей ядерными испытаниями.

США, занятые другими делами, включая довольно успешные попытки не дать Ирану получить ядерное оружие, сделали выбор в пользу политики стратегического терпения. Они потребовали, чтобы Северная Корея предприняла существенные шаги по сворачиванию своего существующего или предполагаемого ядерного потенциала, основанного как на плутонии, так и на уране, в качестве предварительных условий для проведения очередного раунда шестисторонних переговоров.

Соединенные Штаты, похоже, считают, что КНДР ни при каких обстоятельствах не откажется от существующего ядерного потенциала, и не заинтересованы двигаться вперед в этом вопросе. Япония сосредоточила усилия на том, чтобы разрешить давний вопрос с похищенными Северной Кореей людьми, и даже добилась некоторых успехов в решении этой проблемы. В разработке плана по ликвидации ядерного потенциала КНДР она, впрочем, не проявляет особой активности. Россия занята проблемами, существующими в других регионах, и поэтому не принимает активного участия в делах Северо-Восточной Азии.

Как было отмечено в одной из наших публикаций, безъядерная зона в данном регионе должна принять форму международного договора с процедурой его ратификации, соответствующими условиями, согласовывающимися с рекомендациями ООН относительно безъядерных зон, специальными положениями, ориентированными на потребности региона. Договор также должен предусматривать эффективные меры управления, механизм проверки соблюдения обязательств, процедуру внесения изменений, условия денонсации соглашения [Andrew Mack, 1995, 17].

Небольшое число государств в регионе будет настаивать на простой договоренности о вступлении договора в силу, согласно которой сдача на хранение депозитарию ратификационных грамот как Японией, так и Южной Кореей послужит основанием вступления договора в силу в отношении этих государств. Однако в Договоре о безъядерной зоне в Северо-Восточной Азии, который будет предполагать возможность присоединения других государств, в том числе и Северной Кореи, потребуется либо отдельное положение, указывающее на то, что соседние государства могут присоединиться к безъядерной зоне с соответствующей корректировкой границ зоны, либо механизм, аналогичный предусмотренному в Договоре о создании безъядерной зоны в Латинской Америке и Карибском бассейне, где границы безъядерной зоны распространяются на все потенциальные зональные государства и территории, но при этом государства, которые не готовы присоединиться к зоне, могут подписать отказ, который указывает на их принципиальную поддержку зоны, но не приводит зону в действие на их территории. Возможно, это могло бы представлять интерес для КНДР, учитывая прошлое одобрение такой зоны лидерами и представителями данного государства.

Особое внимание следует уделить структуре органов управления и процессу управления безъядерной зоной в Северо-Восточной Азии в контексте упомянутых проблем в области ядерной безопасности. Некоторые существующие в различных регионах мира безъядерные зоны ограничили минимальной структурой органов управления (Договор о безъядерной зоне в южной части Тихого океана и Договор о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии). Представляется целесообразным создание Комиссии по надзору за осуществлением Договора вместе с Исполнительным комитетом, который будет нести ответственность за принятие решений, а также рассматривать просьбы о разъяснении Договора, просьбы о

проведении инспекций по установлению фактов [Umebayashi Hiromichi, 2005, 16].

Учитывая сложности и высокие риски ядерного распространения, связанные с высокоразвитой ядерной промышленностью в регионе, для безъядерной зоны в Северо-Восточной Азии весьма приемлемой была бы полномасштабная система управления, аналогичная предусмотренной в Договоре о создании безъядерной зоны в Латинской Америке и Карибском бассейне (Договор Тлателолко). Для этого потребуется учредить ежегодную конференцию государств-участников Договора, специальную комиссию с необходимым техническим и профессиональным персоналом для мониторинга осуществления договора и предоставления необходимых консультаций сторонам соглашения, секретариат или исполнительный комитет, уполномоченный принимать решения по вопросам мониторинга и соблюдения Договора в период между заседаниями конференции, осуществление функций связи, распространение и обмен информацией между государствами-членами. Кроме того, как нам представляется, потребуется специализированное агентство по мониторингу с определенными полномочиями по проведению инспекций.

Концепция безъядерной зоны в Северо-Восточной Азии должна включать положения:

- закрепляющие право специализированного агентства проверять, что деятельность, связанная с ядерным оружием, не осуществляется прямо или косвенно под видом гражданских ядерных программ;
- о принятии полномасштабных гарантий МАГАТЭ;
- о регулярной полугодовой отчетности о состоянии ядерной деятельности;
- о проведении специальных инспекций по требованию стороны Договора.

Некоторые из существующих ЗСЯО в свободных от конфликтов регионах относительно слабы в своих механизмах наблюдения, поскольку опираются прежде всего на высокую степень взаимного доверия. Вопрос о соблюдении режима безъядерной зоны в контексте реалий Северо-Восточной Азии является проблематичным в связи с жалобами государств о несоблюдении предыдущих соглашений, будь то в рамках Совместной декларации или в рамках последующих шестисторонних переговоров. И, как представляется, Договор должен включать положение о том, что в случае его нарушения Комиссия по надзору за осуществлением Договора либо сторона Договора имеют право передать возникший спор в Международный суд ООН или в Совет Безопасности ООН, а также положение о необходимости предоставлять МАГАТЭ отчеты, которые могут быть связаны с предполагаемым нарушением.

Что касается механизма пересмотра Договора, внесения в него поправок, то ревизия действующих соглашений о создании безъядерных зон представляется делом сложным ввиду надобности консенсуса государств-участников. Однако роль обогащения урана и переработки ядерного топлива в деле распространения ядерного оружия не рассматривалась в существующих договорах о безъядерных зонах. Также существуют соображения о том, что ЗСЯО должны учитывать другие виды оружия массового уничтожения, такие как химическое, биологическое и радиоактивное распылительное оружие, системы доставки ракет. И эти соображения, и их реализация предполагают гибкий механизм ревизии Договора для снижения рисков ядерного распространения, о котором необходимо подумать дополнительно.

Заключение

В завершение нашего исследования необходимо отметить, что выход КНДР из Договора о нераспространении ядерного оружия ввиду того, что чрезвычайные события поставили под угрозу высшие интересы страны (статья 10 ДНЯО), сфокусировал внимание на проблеме

положения о выходе. Договор о безъядерной зоне в южной части Тихого океана (Договор Раротонга), хотя и имеет некоторые недостатки, содержит довольно требовательный критерий выхода, указывая, что «договор имеет постоянный характер и действует бессрочно при условии, что в случае нарушения какой-либо стороной положений, необходимых для достижения целей Договора, другие государства имеют право выхода из Договора». Таким образом, более жесткий механизм выхода, который, на наш взгляд, может быть использован в Договоре о безъядерной зоне в Северо-Восточной Азии, предполагает необходимость одобрения Советом Безопасности ООН просьбы государства-члена о денонсации.

Библиография

1. Гальперин М. Безъядерная зона в Северо-Восточной Азии? URL: <https://rusevik.ru/tehnologii/186580-bezyadernaya-zona-v-severo-vostochnoy-azii.html>
2. Горчаков В.В. Проблемы ядерной безопасности в Северо-Восточной Азии // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2016. № 4 (77). С. 62-69.
3. Задерей Н.В. Международная Тэджонская конференция по вопросу о создании ограниченно безъядерной зоны в Северо-Восточной Азии // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2008. С. 118-121.
4. Клюбанова А.В. Развитие безъядерных зон в контексте нераспространения ядерного оружия: реалии и перспективы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия б. Политология. Международные отношения. 2010. С. 87-92.
5. Лицарева Е.Ю. Региональный и национальный подходы к вопросам безопасности в Восточной Азии на рубеже веков // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 405. С. 101-113.
6. Лукашук И.И. Международно-правовое регулирование международных отношений. М.: Международные отношения, 1975. 173 с.
7. Метелина О.В. Международно-правовой режим безъядерных зон и современные тенденции его развития: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007. 230 с.
8. Саакян М. Политика Китая в области нераспространения оружия массового уничтожения // 21-й век. 2016. № 1 (38). С. 70-80.
9. Andrew Mack. A Northeast Asia Nuclear-Free Zone: Problems and Prospects // Chapter 11 of Nuclear Policies in Northeast Asia. UMDIR195I16, United Nations, 1995. 43 p.
10. Umabayashi Hiromichi. A Model Treaty on the Northeast Nuclear Weapon Free Zone // Peace Depot Yokohama. November 2005. P. 30.
11. Umabayashi Hiromichi. A Northeast Asia Nuclear Weapon-Free Zone // Peace Depot and Pacific Campaign for Disarmament and Security. Briefing Paper, April 2004. 7 p.

Institutional arrangements for a nuclear-weapon-free zone treaty in North-East Asia

Gamzat N. Nutsalkhanov

PhD in Law, Associate Professor,
Department of constitutional law,
North Caucasus Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia),
367000, 7 Akushinskogo av., Makhachkala, Russian Federation;
e-mail: gamzat940@mail.ru

Abstract

Objective. The article justifies the role of nuclear-weapon-free zones in strengthening international peace and security. The author considers the role of this element of international nuclear non-proliferation regime, and notes the prerequisites for the formation of a nuclear-free zone in North-East Asia, the key factors that determine the need for its creation in the context of established international relations. **Methodology.** To achieve the objective, the author uses theoretical methods of scientific knowledge: formal-legal, analytical, the method of synthesis. **Results.** Based on the study of the experience in the creation of nuclear-weapon-free zones in various regions of the world, the existing initiatives on a nuclear-free zone in Northeast Asia, the author considers initial establishment of a nuclear-free zone between Japan and South Korea with subsequent accession of North Korea as more progressive. The author notes that the South Pacific nuclear-weapon-free zone treaty, while having some drawbacks, contains a quite demanding withdrawal criterion, stating that "the Treaty is of a permanent nature and is *effective for an indefinite future period*, provided that in the event of violation of its provisions by a party necessary to achieve the objectives of the Treaty, other states are entitled to withdraw from the Treaty". Thus, a tighter withdrawal mechanism implies the need for the UN Security Council to approve the request of a member state for denunciation.

For citation

Nutsalkhanov G.N. (2018) *Institutsional'nye mekhanizmy dogovora o bez"yadernoi zone v Severo-Vostochnoi Azii* [Institutional arrangements for a nuclear-weapon-free zone treaty in North-East Asia]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7 (1A), pp. 197-203.

Keywords

Nuclear-free zone, nuclear weapon, resolution, guidelines, contract, strengthening peace and security.

References

1. Andrew Mack (1995). A Northeast Asia Nuclear-Free Zone: Problems and Prospects. *Chapter 11 of Nuclear Policies in Northeast Asia*. UMDIRI95I16, United Nations.
2. Gal'perin M. Bez"yadernaya zona v Severo-Vostochnoi Azii? [The nuclear-free zone in Northeast Asia?]. Available at: <https://rusevik.ru/tehnologii/186580-bezyadernaya-zona-v-severo-vostochnoy-azii.html> [Accessed 18/02/18].
3. Gorchakov V.V. (2016) Problemy yadernoi bezopasnosti v Severo-Vostochnoi Azii [Problems of nuclear safety in Northeast Asia]. *Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke* [Customs policy of Russia in the Far East], 4 (77), pp. 62-69.
4. Klyubanova A.V. (2010) Razvitie bez"yadernykh zon v kontekste nerasprostraneniya yadernogo oruzhiya: realii i perspektivy [Development of nuclear-free zones in the context of the non-proliferation of nuclear weapons: realities and prospects]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of Saint Petersburg University. Series 6. Political science. International relations], pp. 87-92.
5. Litsareva E.Yu. (2016) Regional'nyi i natsional'nyi podkhody k voprosam bezopasnosti v Vostochnoi Azii na rubezhe vekov [Regional and national approaches to security issues in East Asia at the turn of the century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 405, pp. 101-113.
6. Lukashuk I.I. (1975) *Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie mezhdunarodnykh otnoshenii* [International legal regulation of international relations]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ.
7. Metelina O.V. (2007) *Mezhdunarodno-pravovoi rezhim bez"yadernykh zon i sovremennye tendentsii ego razvitiya*. Dokt. Diss. [International legal regime of nuclear-free zones and modern trends of its development. Doct. Diss.]. Kazan', 230 s.

8. Saakyan M. (2016) Politika Kitaya v oblasti nerasprostraneniya oruzhiya massovogo unichtozheniya [China's policy in the field of non-proliferation of weapons of mass destruction]. *21-i vek* [21st century], 1 (38), pp. 70-80.
9. Umabayashi Hiromichi. (2004) A Northeast Asia Nuclear Weapon-Free Zone. *Peace Depot and Pacific Campaign for Disarmament and Security*. Briefing Paper, April.
10. Umabayashi Hiromichi. (2005) A Model Treaty on the Northeast Nuclear Weapon Free Zone. *Peace Depot Yokohama*. November. p. 30.
11. Zaderei N.V. (2008) Mezhdunarodnaya Tedzhonskaya konferentsiya po voprosu o sozdanii ogranichenno bez"yadernoi zony v Severo-Vostochnoi Azii [International Daejeon Conference on the establishment of a limited nuclear-Weapons-free zone in Northeast Asia]. *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya* [Oikumena. Regional studies], pp. 118-121.

УДК 328

Проблемы местного самоуправления в Италии**Шашкова Анна Владиславовна**

Кандидат юридических наук, доцент,
адвокат,
почетный консул Сент-Винсента и Гренадин,
доцент кафедры конституционного права,
Московский государственный институт международных
отношений (университет) МИД России,
119454, Российская Федерация, Москва, просп. Вернадского, 76;
e-mail: Anna_Shashkova@mail.ru

Аннотация

Настоящая статья посвящена анализу местного управления в Италии. Автор рассматривает структуру местного управления: областной совет, джунту и председателя джунты. Наиболее значимому анализу в настоящей статье подвергается вопрос выборов в областной совет. Статья указывает на широкие полномочия областного совета в следующих областях: законодательной, административной, контрольной, расследовательской, политической. Автор приходит к выводу о том, что эффективно осуществляемые функции и широкая компетенция областного совета являются основой развития регионов Италии.

Для цитирования в научных исследованиях

Шашкова А.В. Проблемы местного самоуправления в Италии // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 7. № 1А. С. 204-211.

Ключевые слова

Италия, территориальное деление, местное управление, областной совет.

Введение

Италия как единое государство окончательно сформировалась в 1870 г. Действующая Конституция 1947 г. в части территориального деления государства несколько раз была изменена [Шашкова, 2015]. Она определяет Италию как единое и неделимое государство. В то же время государство не только признает местные автономии, но и гарантирует самую широкую административную децентрализацию [Шашкова, 2001]. Ст. 114 Конституции Италии устанавливает деление Республики на государство, области, провинции, крупные города и коммуны. Она предусматривает автономию областей, провинций, крупных городов и коммун Италии, которая должна осуществляться в соответствии с принципами, предусмотренными Конституцией Италии.

Основная часть

Структура областного управления Италии определена в ст 21 Конституции. В ее состав входят:

- областной совет;
- джунта (правительство – исполнительный орган);
- председатель джунты.

Областной совет предусмотрен ст. 121 Конституции Италии. Данный орган осуществляет законодательную и административную власть, которой наделена область по Конституции и своему уставу-статуту. То есть областной совет – это своеобразный парламент области. Областной совет обладает правом законодательной инициативы на уровне государства и может вносить законодательные предложения в палаты Парламента.

Областной совет на уровне государства контролируется собранием представителей законодательного собрания области и автономной провинции (*la Conferenza dei Presidenti delle Assemblée Legislative delle Regioni e delle Province Autonome*). На европейском уровне председатели регионального совета участвуют в собрании представителей законодательных региональных европейских собраний (*alla Conferenza delle Assemblée legislative regionali europee –CALRE*) [Шашкова, 1999].

Конституционный закон № 1/1999 изменил порядок выборов в областные советы, предусмотренный ст. 122 Конституции Италии. Выборы в областные и провинциальные советы проводятся прямым голосованием по смешанной пропорционально-мажоритарной системе. Выборы проходят в один тур, причем 80% мест распределяется по пропорциональной системе, а 20% – по мажоритарной. Особенностью данной системы является то, что 20% мест достаются партии-победительнице в качестве «приза». Это делается для того, чтобы упрочить положение в областном совете партии, чей список занял первое место в масштабе области, и помочь ей сформировать устойчивое большинство. (Ряд итальянских политиков предлагает использовать при выборах итальянского парламента (или одной из его палат) эту же систему – «усиление» победившей партии дополнительными 20% мест).

В выборах в областные советы принимают участие совершеннолетние граждане Италии, проживающие в данной области. От участия в голосовании отстраняются лица, признанные недееспособными, а также находящиеся в местах лишения свободы.

Пассивным избирательным правом также обладают совершеннолетние граждане Италии, проживающие в данной области. Однако не могут быть избраны в областные советы главы и

заместители главы полицейского управления, главные инспекторы государственной безопасности, генеральные директора министерств, офицеры вооруженных сил, магистраты. Должность областного советника также несовместима с должностями депутата или сенатора итальянского парламента и депутата европейского парламента. Лицо не может быть допущено к участию в выборах в течение трех месяцев после освобождения данной должности. Несовместимость должностей предусмотрена ст. 122 Конституции Италии.

Ст. 126 Конституции Италии предусматривает, что выборы в областной совет проводятся:

- в случае истечения мандата (5 лет);
- в случае нарушения Конституции Италии либо существенного нарушения закона;
- по мотивам национальной безопасности;
- в случае отставки президента области, избираемого гражданами Италии прямым голосованием;
- в случае одновременной отставки большинства членов региональных советов;
- на основании мотивированного декрета президента Италии, заслушавшего комиссию депутатов и сенаторов по региональным вопросам.

Каждая область имеет собственный избирательный закон и вправе самостоятельно определять число членов областного совета, исходя из следующей нормы: минимум 20 советников и максимум 80 советников. Декрет-закон, принятый правительством Италии в 2011 г. детализирует данную норму: максимум 20 советников, не считая президента совета, если население области не превышает 1 млн человек, не более 30 советников для областей с населением менее 2 млн человек, не более 40 советников – при числе жителей до 4 млн человек, не более 50 советников — при числе жителей до 6 млн человек, не более 70 советников – при числе жителей до 8 млн человек и не более 80 советников – при числе жителей свыше 8 млн человек.

Декрет-закон учитывает административное деление Италии, а также исключает президента области из максимального числа избираемых советников. Наиболее значимыми по численному составу являются автономные области, где число советников варьируется от 35 человек в Валь д'Аоста (на сегодняшний день здесь проживает всего 128 210 человек) до Сицилии, в которой областной совет представлен 90 членами.

Областной совет может иметь следующий организационный состав:

- президент областного совета;
- администрация президента областного совета;
- вспомогательные комиссии;
- вспомогательные группы;
- собрания глав вспомогательных групп.

Президент областного совета – должность, предусмотренная ст. 122 Конституции Италии, которая формируется на основании собственного законодательства области. Данная должность имеется в большинстве областей. Однако в ряде областей она не предусмотрена: статуты областей Валь д'Аоста, Ломбардии, Трентино Альто-Адидже, Фриули-Венеция Джули, Эмилия-Романи и Сардинии не предусматривают данной должности. Статут Сицилии предусматривает должность президента регионального совета в случае снижения числа советников до 70 человек.

Должность президента областного совета не тождественна должности председателя джунты – эти должности не следует смешивать. Фигура президента областного совета аналогична

фигуре председателя палат итальянского парламента, например, Сената.

С 2000 г. президент регионального совета избирается населением области прямыми выборами, если статут области не предусматривает выборов президента из членов областного совета. В случае выборов президента областного совета из членов областного совета ему требуется либо простое большинство голосов, либо абсолютное большинство голосов при первом голосовании, а если абсолютного большинства голосов не было получено, то при втором голосовании по кандидатуре президента – простое большинство голосов.

В случае отставки президента области совет области также подлежит роспуску. Затем проводятся новые выборы в областной совет. До момента формирования новых органов области предыдущие органы области продолжают свою работу.

Президент областного совета организует работу совета и устанавливает порядок выступлений в областном совете. Его администрация состоит из двух вице-президентов и двух секретарей.

Вспомогательные комиссии областного совета делятся на общие и специальные. Они участвуют в законодательном процессе, обладая правом законодательной инициативы, а также проверяют поступающие в областной совет материалы по вопросам областной компетенции.

Вспомогательные группы состоят из советников, придерживающихся одинаковой политической линии.

Собрание глав вспомогательных групп областного совета позволяет координировать работу вспомогательных групп различного политического направления, разрабатывать программы работы областного совета и вспомогательных комиссий.

Основными функциями областного совета являются следующие.

Законодательная функция. На областном уровне областной совет обладает правом принимать региональные законы. Ст. 117 Конституции Италии наделяет региональные советы законодательными полномочиями в отношении исключительной компетенции области. Кроме того, областные советы обладают законодательной компетенцией в отношении остаточной компетенции, не закрепленной за исключительной компетенцией государства, по вопросам которой они могут принимать обыкновенные законы.

Административная функция. Областной совет осуществляет функции по управлению областью, а также государственными служащими, полномочия которых ограничиваются областными полномочиями.

Контрольная функция. Областной совет обладает контрольными полномочиями в отношении областной джунты и председателя областной джунты. Областной совет ежегодно до 31 декабря утверждает бюджет, представленный джунтой. Также ежегодно до 31 июля областной совет одобряет исполнение бюджета области за предыдущий год.

Расследовательская функция. Данную функцию областной совет осуществляет через вспомогательные комиссии, создаваемые для данных целей.

Политическая функция. Большинство областей наделяют в своих статутах областной совет полномочиями определять политическое и административное направление области.

В областях со специальным статутом областной совет имеет некоторые особенности. В Сицилии областной совет фактически является парламентом Сицилии: областное собрание Сицилии состоит из 90 депутатов. В отличие от остальных областей Италии члены областного собрания Сицилии носят наименование депутатов, а не советников. Штаб-квартира областного собрания Сицилии находится в Палермо, главном городе острова. После выборов областного совета Сардинии в 2014 г. в состав его входят 60 советников, избираемых на 5 лет. Областной совет Фриули-Венеция Джулия находится в Триесте и состоит из 49 советников. Каждый

советник, занимая свой пост, приносит присягу следующего содержания: «Клянусь осуществлять и исполнять свои обязанности, будучи федеральным по отношению к Республике, с единственной целью быть неразделимым с государством и областью». После принесения данной присяги на итальянском языке советнику предоставляется возможность принести присягу на одном из официальных языков области: фриульском, словенском или немецком. Областной совет Трентино-Альто Адидже работает сессионно: он проводит две сессии, равные по времени, в Тренто и в Больцано. Данный областной совет не избирается прямыми выборами: он состоит из советников, избранных в данных двух провинциальных советах – в Тренто и в Больцано. Областной совет Валь д'Аоста имеет французское название *Conseil de la Vallée* и состоит из 35 советников.

Областной совет избирает из своего состава областную джунту, являющуюся органом исполнительной власти области. Ее председатель и члены (ассессоры) избираются тайным голосованием в присутствии не менее двух третей членов областного совета. Каждый ассессор отвечает за конкретное направление областного управления. Должность председателя джунты предусмотрена ст. 121 Конституции Италии.

Председатель джунты обладает как исполнительными, так и представительскими функциями. Он представляет область, промульгирует областные законы и регламенты, осуществляет административное руководство области в рамках полномочий, делегированных центральными властями [Шашкова, Конституционно-правовые основы, 2017].

Органами местного самоуправления в провинциях и коммунах являются выборные советы, джунты (исполнительный орган власти), глава джунты (председатель) и выборные мэры в коммунах.

Коммунальные советы избираются по мажоритарной системе для коммун от 15 тыс. жителей и менее и по пропорциональной системе для более крупных коммун.

При выборах советов главных городов областей и ряда других наиболее крупных городов (Рим, Милан, Турин, Палермо, Неаполь, Венеция, Триест, Катания, Генуя) применяется смешанная мажоритарная и пропорциональная система. Мэры этих городов избираются прямым голосованием в два тура.

При выборах в провинциальные советы также применяется как мажоритарная система в одномандатных округах, так и пропорциональная система с использованием системы квот. В этом случае избирательным округом становится сама провинция.

Согласно своим уставам провинции и коммуны обладают правом проводить референдумы консультативного характера исключительно по вопросам местной компетенции.

Заключение

Можно прийти к выводу, что местное самоуправление в Италии имеет четкую структуру и широкие полномочия. Эффективно осуществляемые функции и широкая компетенция областного совета являются основой развития регионов Италии.

Библиография

1. Баглай М.В., Лейбо Ю.И., Энтин Л.М. (ред.). Конституционное право зарубежных стран. М.: НОРМА-ИНФРА-М, 2010. 832 с.
2. Барабанов О.В. Тенденции развития региональной политики Италии // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 1. С. 61-67.
3. Водяницкая Е.А. Конституционные основы судебной власти в Австрии // Ракитская И.А., Исаев М.А., Лейбо

- Ю.И. Конституционно-правовые основы судебной власти в зарубежных странах. М.: МГИМО-Университет, 2017. С. 292-314.
4. Волеводз А.Г. XIII Конгресс ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию: некоторые итоги // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 6 (23). С. 268-282.
 5. Иванов Д.В., Колесникова А.В. Актуальные вопросы соблюдения государствами международных стандартов в области прав человека // Московский журнал международного права. 2013. № 4. С. 3.
 6. Италия. Конституция и законодательные акты. М.: Прогресс, 1988. 392 с.
 7. Карпенко К.В. Конституционный совет в судебной системе Франции // Право и управление XXI век. 2013. № 3. С. 32-41.
 8. Кремянская Е.А. Распределение предметов ведения в современных государствах и особенности правового статуса регионов // Ракитская И.А., Молчаков Н.Ю. (ред.). Актуальные проблемы сравнительного, зарубежного и российского конституционного права. М.: МГИМО-Университет, 2017.
 9. Маклаков В.В. (ред.). Иностранное конституционное право. М.: Юристъ, 1996. 512 с.
 10. Маслова Е.А. Политика Италии: от экспансионизма к глобальным интересам // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2016. № 7 (318). С. 118-122.
 11. Ракитская И.А., Кремянская Е.А., Кузнецова Т.О. Конституционные основы Российской Федерации = Constitutional Basics of the Russian Federation. М.: МГИМО-Университет, 2014. 230 с.
 12. Туманов В.А., Половченко К.А. Конституционные основы судебной власти // Баглай М.В., Лейбо Ю.И., Энтин Л.М. (ред.). Конституционное право зарубежных стран. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. С. 326.
 13. Шашкова А.В. Конституционное право зарубежных стран. М.: Линкор, 2008. 187 с.
 14. Шашкова А.В. Конституционное право зарубежных стран. М.: Юрайт, 2017. 189 с.
 15. Шашкова А.В. Конституционно-правовые основы судебной власти в Италии // Карпенко К.В. (ред.). Конституционно-правовые основы судебной власти в зарубежных странах. М.: МГИМО-Университет, 2017. 325 с.
 16. Шашкова А.В. Новый закон о выборах в Италии // Сборник научных трудов по итогам II Международной научно-практической конференции (10 октября 2015 г.) «Основные проблемы и тенденции развития в современной юриспруденции», г. Волгоград. Волгоград, 2015. С. 25-27.
 17. Шашкова А.В. Понятие механизма государственного управления. Высшие и центральные органы публичной администрации в Испании // Юрист. 1999. № 4. С. 6-12.
 18. Шашкова А.В. Правительство Испании (организационно-правовые проблемы): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 162 с.
 19. Kremyanskaya E.A., Kuznetsova T.O., Rakitskaya I.A. Russian Constitutional Law. Cambridge Scholars Publishing, 2014. 230 p.
 20. Shashkova A.V., Rakitskaya I.A., Pavlov E.Ya. Emergence and Activity of Legal Entities in Russia in the Pre-Revolutionary Period (comparative analysis) // Bylye Gody. 2017. Vol. 46. No. 4. Pp. 1333-1344.
 21. Shashkova A.V. Russian Business Law. М.: Lincor, 2007. 483 p.
 22. Shashkova A.V. Study Manual on Bases of Russian Law // Cambridge Scholars Publishing. 2015. 374 p.

Problems of local government in Italy

Anna V. Shashkova

PhD in Law, Associate Professor, Lawyer,
Honorary Consul of Saint Vincent and the Grenadines,
Department of Constitutional Law,
Moscow State Institute of International Relations (University),
Ministry of Foreign Affairs of Russia,
119454, 76 Vernadskogo ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: Anna_Shashkova@mail.ru

Abstract

The present article analyses the problem of the local government of Italy. Italy as a state was finally formed in 1870. The current Constitution of 1947 regarding territorial division of the state was changed several times. It defines Italy as a single and indivisible state. At the same time, the state not only recognizes local autonomy, but also guarantees the widest administrative decentralization. The Constitution of Italy establishes the division of the Republic into the state, regions, provinces, major cities and communes. It provides the autonomy of the regions, provinces, major cities and communes of Italy, which must be carried out in accordance with the principles provided for by the Constitution of Italy. The author reviews the structure of local government: the regional council, the junta and the head of the junta. The core part of the research is dedicated to the elections to the regional council. The article shows wide powers of the regional council in the following areas: legislative, administrative, controlling, investigative and political. The author comes to the conclusion that effective execution of functions and wide competence of the regional council make it a ground for developing Italian regions.

For citation

Shashkova A.V. (2016) Problemy mestnogo samoupravleniya v Italii [Problems of local government in Italy]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7 (1A), pp. 204-211.

Keywords

Italy, territorial division, local government, regional council

References

1. Baglai M.V., Leibo Yu.I., Entin L.M. (eds.) (2010) *Konstitutsionnoe pravo zarubezhnykh stran* [Constitutional law of foreign countries]. Moscow: NORMA-INFRA-M Publ.
2. Barabanov O.V. (2012) Tendentsii razvitiya regional'noi politiki Italii [Trends in the development of the regional policy of Italy]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [Bulletin of MGIMO-University], 1, pp. 61-67.
3. *Italiya. Konstitutsiya i zakonodatel'nye akty* [Italy. Constitution and legislative acts]. Moscow: Progress Publ.
4. Ivanov D.V., Kolesnikova A.V. (2013) Aktual'nye voprosy soblyudeniya gosudarstvami mezhdunarodnykh standartov v oblasti prav cheloveka [Topical issues of observance by states of international standards in the field of human rights]. *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava* [Moscow Journal of International Law], 4, pp. 3.
5. Karpenko K.V. (2013) Konstitutsionnyi sovet v sudebnoi sisteme Frantsii [The Constitutional Council in the Judicial System of France]. *Pravo i upravlenie XXI vek* [Law and Management XXI Century], 3, pp. 32-41.
6. Kremyanskaya E.A. (2017) Raspredelenie predmetov vedeniya v sovremennykh gosudarstvakh i osobennosti pravovogo statusa regionov [Distribution of subjects of reference in modern states and features of the legal status of regions]. In: Rakitskaya I.A., Molchakov N.Yu. (eds.). *Aktual'nye problemy sravnitel'nogo, zarubezhnogo i rossiiskogo konstitutsionnogo prava* [Actual problems of comparative, foreign and Russian constitutional law]. Moscow: MGIMO-University.
7. Kremyanskaya E.A., Kuznetsova T.O., Rakitskaya I.A. (2014) *Russian Constitutional Law*. Cambridge Scholars Publ.
8. Maklakov V.V. (ed.) (1996) *Inostrannoe konstitutsionnoe pravo* [Foreign constitutional law]. Moscow: Yurist" Publ.
9. Maslova E.A. (2016) Politika Italii: ot ekspansionizma k global'nym interesam [Politics of Italy: from expansionism to global interests]. *Nauchno-analiticheskii zhurnal Obozrevatel' – Observer* [Scientific and analytical magazine Observer - Observer], 7 (318), pp. 118-122.
10. Rakitskaya I.A., Kremyanskaya E.A., Kuznetsova T.O. (2014) *Konstitutsionnye osnovy Rossiiskoi Federatsii* [Constitutional Basics of the Russian Federation]. Moscow: MGIMO-University.
11. Shashkova A.V. (2015) Novyi zakon o vyborah v Italii [New law on elections in Italy]. *Sbornik nauchnykh trudov po itogam II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (10 oktyabrya 2015 g.) "Osnovnye problemy i tendentsii razvitiya v sovremennoi yurisprudentsii", g. Volgograd* [Collection of proc. on the results of the II Int. Sc. and Pr. Conf.

- (October 10, 2015) "Main Problems and Development Trends in Modern Jurisprudence", Volgograd]. Volgograd, pp. 25-27.
12. Shashkova A.V. (2008) *Konstitutsionnoe pravo zarubezhnykh stran* [Constitutional law of foreign countries]. Moscow: Linkor Publ.
 13. Shashkova A.V. (2017) *Konstitutsionnoe pravo zarubezhnykh stran* [Constitutional law of foreign countries]. Moscow: Yurait Publ.
 14. Shashkova A.V. (2017) Konstitutsionno-pravovye osnovy sudebnoi vlasti v Italii [Constitutional and legal bases of judicial power in Italy]. In: Karpenko K.V. (ed.). *Konstitutsionno-pravovye osnovy sudebnoi vlasti v zarubezhnykh stranakh* [Constitutional and legal bases of judicial power in foreign countries]. Moscow: MGIMO-University.
 15. Shashkova A.V. (1999) Ponyatie mekhanizma gosudarstvennogo upravleniya. Vysshie i tsentral'nye organy publichnoi administratsii v Ispanii [Concept of the mechanism of public administration. Higher and central public administration in Spain]. *Yurist* [Lawyer], 4, pp. 6-12.
 16. Shashkova A.V. (2001) *Pravitel'stvo Ispanii (organizatsionno-pravovye problemy)*. *Doct. Diss.* [Government of Spain (organizational and legal problems). Doct. Diss.]. Moscow.
 17. Shashkova A.V. (2007) *Russian business law*. Moscow: Lincor Publ.
 18. Shashkova A.V. (2015) *Study manual on bases of Russian Law*. Cambridge Scholars Publ.
 19. Shashkova A.V., Rakitskaya I.A., Pavlov E.Ya. (2017) Emergence and activity of legal entities in Russia in the pre-revolutionary period (comparative analysis). *Bylye Gody*, 46 (4), pp. 1333-1344.
 20. Tumanov V.A., Polovchenko K.A. (2016) Konstitutsionnye osnovy sudebnoi vlasti [The Constitutional Bases of Judicial Power]. In: Baglai M.V., Leibo Yu.I., Entin L.M. (eds.). *Konstitutsionnoe pravo zarubezhnykh stran* [Constitutional law of foreign countries]. Moscow: Norma: INFRA-M Publ., pp. 326.
 21. Vodyanitskaya E.A. (2017) Konstitutsionnye osnovy sudebnoi vlasti v Avstrii [Constitutional base of the judiciary in Austria]. In: Rakitskaya I.A., Isaev M.A., Leibo Yu.I. *Konstitutsionno-pravovye osnovy sudebnoi vlasti v zarubezhnykh stranakh* [Constitutional and legal bases of judicial power in foreign countries]. Moscow: MGIMO-University, pp. 292-314.
 22. Volevodz A.G. (2015) XIII Kongress OON po preduprezhdeniyu prestupnosti i ugovnomu pravosudiyu: nekotorye itogi [XIII Congress of the United Nations on crime prevention and criminal justice: some results]. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyi zhurnal* [Library of the criminalist. Science Magazine], 6 (23), pp. 268-282.

УДК 338.4:343.8**Правовой статус и классификация субъектов инновационной деятельности в производственном секторе уголовно-исполнительной системы****Бармашов Владимир Игоревич**

Преподаватель кафедры организации оперативно-розыскной деятельности, Академия Федеральной службы исполнения наказаний России, 390000, Российская Федерация, Рязань, Сенная, 1; e-mail: vlado-18@rambler.ru

Аннотация

Специфика инновационной деятельности в производственном секторе уголовно-исполнительной системы определяется правовым статусом осуществляющих ее субъектов. В настоящей научной статье впервые не только раскрывается перечень этих субъектов, но и проводится их классификация в зависимости от выполняемых функций в области инновационной деятельности: субъекты, способствующие ее осуществлению, контролирурующие ее и оказывающие консультационные услуги. Автором доказывается, что инновационная деятельность осуществляется практически в каждом подразделении производственного сектора уголовно-исполнительной системы, но ни в одном из них не имеет приоритета над другими видами деятельности. При этом особое внимание уделяется изучению правового статуса одного из субъектов инновационной деятельности – Управления производственной деятельности и трудовой адаптации осужденных Федеральной службы исполнения наказаний. Автор считает необходимым расширить его полномочия, поставив задачу по поддержанию инновационных проектов на производственных объектах уголовно-исполнительной системы, что позволит повысить значение реализации инноваций для развития производственного сектора в целом.

Для цитирования в научных исследованиях

Бармашов В.И. Правовой статус и классификация субъектов инновационной деятельности в производственном секторе уголовно-исполнительной системы // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 7. № 1А. С. 212-217.

Ключевые слова

Инновационная деятельность, производство, уголовно-исполнительная система, классификация, правовой статус, субъекты.

Введение

Инновационная деятельность в Российской Федерации всегда имела огромное значение для развития не только частного, но и государственного сектора экономики. Для уголовно-исполнительной системы (далее – УИС), обладающей собственным широкомасштабным производственным кластером, инновационная деятельность выступает катализатором выполнения мероприятий, предусмотренных п. 4 р. 3 Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г., утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 14.10.2010 № 1772-р (ред. от 23.09.2015), в числе которых названы:

- проработка возможности внедрения новых организационно-правовых форм организации производственной деятельности в учреждениях УИС и создание дополнительных рабочих мест;
- модернизация, исходя из возможностей УИС, производственно-хозяйственной базы системы и повышение экономической эффективности труда осужденных.

Особенность осуществления инновационной деятельности в производственном секторе УИС в первую очередь определяется составом участников, вовлеченных в указанные отношения. Е.В. Максименко [Максименко, 2011, 166, 175] проводит закономерное разделение субъектов инновационной деятельности по цели деятельности на специализированные и неспециализированные.

Основная часть

Осуществление инновационной деятельности производственными подразделениями УИС не является их прямой задачей, в связи с чем все организации производственного сектора УИС являются *неспециализированными*, однако в зависимости от выполняемых полномочий степень их участия в инновационных отношениях будет различаться. В результате в настоящее время ряд производственных подразделений фактически *занимаются* инновационной деятельностью, другие *способствуют ее осуществлению*, третьи ее *контролируют*, а четвертые *оказывают консультационные услуги*.

В настоящее время в производственном секторе УИС функционируют 574 центра трудовой адаптации осужденных, 69 учебно-производственных и лечебно-производственных мастерских, 28 федеральных государственных унитарных предприятий ФСИН России. Ежегодно производственными подразделениями УИС производится свыше 100 тыс. наименований продукции машиностроения, металлообработки, лесозаготовительной, деревообрабатывающей, легкой промышленности, черной, цветной металлургии и других отраслей народного хозяйства.

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что инновационной деятельностью в производственном секторе УИС *занимаются* учреждения, исполняющие наказания, и ФГУП ФСИН России, специально созданные для обеспечения деятельности УИС.

Специального учреждения или органа УИС, *способствующего* реализации инновационных проектов, в производственном секторе УИС не существует. Однако, на наш взгляд, с подобной функцией на данный момент справляется Управление трудовой адаптации и производственной деятельности осужденных ФСИН России (далее – УОПДТАО ФСИН России), которое вместе с подконтрольными ему подразделениями в территориальных органах ФСИН России оказывает управленческие, материально-технические и консультационные услуги на производственных

объектах УИС. В положении об УОПДТАО ФСИН России, утвержденном приказом ФСИН России № 984 от 29.11.2016¹ (далее – Положение об УОПДТАО ФСИН России), в качестве задач, которые могут способствовать реализации инновационных проектов на производственных объектах УИС, указаны: осуществление мероприятий по повышению эффективности использования производственного оборудования и техники учреждений и органов УИС, их модернизации и обновлению; организация работы по использованию в деятельности по трудовой адаптации осужденных к лишению свободы и производственно-хозяйственной деятельности исправительных учреждений прогрессивных научно-технических разработок и технологий, повышению технического уровня и качества выполняемых работ и продукции, внедрению передового опыта.

Представленные выше задачи УОПДТАО ФСИН России фактически определяют способы его воздействия на осуществление инновационной деятельности в учреждениях и на предприятиях УИС, но при этом не содержат прямого указания на участие в инновационной деятельности. По нашему мнению, закрепление в Положении об УОПДТАО ФСИН России задачи по поддержанию инновационных проектов в учреждениях и на предприятиях УИС позволит акцентировать внимание его работников на необходимости сопровождения внедрения инновационных разработок, что в итоге создаст предпосылки к организации конкурентоспособного наукоемкого производства.

На ведомственном уровне инновационная деятельность в производственном секторе УИС напрямую *контролируется* Директором ФСИН России, который в соответствии с п. 4 и 11 Положения «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний» о Федеральной службе исполнения наказаний, утвержденного Указом Президента РФ от 13.10.2004 № 1314 (ред. от 08.09.2017), осуществляет контроль за внедрением результатов научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ.

И, наконец, исключительно *консультационные услуги* по осуществлению инновационной деятельности в производственном секторе УИС оказывают научно-исследовательские и образовательные организации ФСИН России, а также Координационно-методический совет ФСИН России.

Как справедливо считает Л.К. Туманова [Алексеева, Андреев, Андреева и др., 2011, 476], «тесное взаимодействие промышленных предприятий с научно-исследовательскими организациями способствует успешному осуществлению инновационной деятельности». Данной рекомендации следует и УОПДТАО ФСИН России, ежегодно прибегая к помощи научно-исследовательских и образовательных организаций ФСИН России для выполнения вышеуказанных задач.

В соответствии с Комплексными планами научно-исследовательской деятельности ФСИН России в 2014 г. ими было выполнено 6 заявок УОПДТАО ФСИН России на проведение научно-исследовательских работ, в 2015 г. – 5 заявок, в 2016 г. – 6 заявок, в 2017 г. – 7, в 2018 г. подано 10 заявок². Постепенное увеличение количества подобных заявок свидетельствует о востребованности взаимодействия в научной сфере УОПДТАО ФСИН России с научными и образовательными организациями ФСИН России.

¹ Документ представлен сотрудниками УОПДТАО ФСИН России 12.12.2016.

² Информация представлена научно-исследовательским отделом Академии ФСИН России 09.01.2018.

Координационно-методический совет ФСИН России – *консультативный* орган, одной из функций которого является разработка рекомендаций по практическому использованию результатов экспериментов, проводимых в УИС, а также выработка рекомендаций о целесообразности и возможности использования результатов научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, отечественного и зарубежного опыта, новых форм и методов оперативно-служебной, служебно-боевой и производственно-хозяйственной деятельности в практике учреждений и органов УИС. Принимаемые им решения, несмотря на рекомендательный характер, фактически являются обязательными для исполнения всеми учреждениями и органами УИС.

Интересно, что О.Н. Маркелова [Маркелова, 2013, 72] в своей диссертации предлагает создать *специализированное* подразделение, координирующее инновационную деятельность ФСИН России в целом, – Центр инновационной деятельности ФСИН России, который будет функционировать на базе реорганизованного отдела изучения отечественного и зарубежного опыта, истории УИС Федерального казенного учреждения «Научно-исследовательский институт ФСИН России» (далее – ФКУ НИИ ФСИН России). Однако мы с таким предложением не можем согласиться, так как данное научное учреждение выступает не только заказчиком, но и исполнителем (соисполнителем) научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, что поставит его в привилегированное положение по отношению к другим субъектам инновационной деятельности в УИС. Кроме того, реализация подобного проекта может потребовать увеличения штатной численности работников ФКУ НИИ ФСИН России.

Заключение

Таким образом, инновационная деятельность имеет важное значение для организации конкурентоспособного наукоемкого производства в УИС. Ни одно подразделение производственного сектора УИС не имеет прямой задачи по осуществлению инновационной деятельности, однако практически каждое в той или иной степени участвует в инновационных отношениях. Исходя из осуществляемых полномочий, можно провести классификацию субъектов инновационной деятельности в производственном секторе УИС на: 1) занимающиеся инновационной деятельностью (учреждения, исполняющие наказания, и федеральные государственные унитарные предприятия); 2) способствующие ее осуществлению (Управление организации производственной деятельности и трудовой адаптации осужденных ФСИН России); 3) контролирующие ее (Директор ФСИН России) и 4) оказывающие консультационные услуги (научно-исследовательские и образовательные организации ФСИН России, Координационно-методический совет ФСИН России).

Наряду с этим закрепление в Положении об УОПДТАО ФСИН России задачи по поддержке инновационных проектов на производственных объектах УИС позволит повысить значение реализации инноваций для развития производственного сектора УИС в целом.

Библиография

1. Алексеева Д.Г., Андреев В.К., Андреева Л.В. и др. Российское предпринимательское право. М.: Проспект, 2011. 1072 с.
2. Афанасьева Е.Г., Белицкая А.В., Вайпан В.А. и др. Предпринимательское право Российской Федерации. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: Инфра-М, 2017. 992 с.

3. Бушнев В.В. Субъекты правовой политики в сфере инноваций // Современное право. 2016. № 3. С. 17-21.
4. Глонина В.Н., Семенова А.А. Служебные произведения, созданные на военной службе: миф или реальность? // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2017. № 6. С. 39-44.
5. Грибанов Д.В. Ресурсы и правовое регулирование инновационной экономики // Российский юридический журнал. 2010. № 4. С. 144-155.
6. Друева А.А. Правовое положение участников инновационной деятельности: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 24 с.
7. Емельянова Е.В. Особенности правового регулирования общественных отношений в области труда осужденных к лишению свободы // Общество и право. 2009. № 5. С. 151-154.
8. Кардаш И.Н. Механизм правового регулирования инновационной деятельности в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 205 с.
9. Максименко Е.В. Правовое регулирование инновационной деятельности в Российской Федерации // Лафитский В.И. (ред.). Наследие юридической науки и современность: материалы заседаний V Международной школы-практикума молодых ученых-юристов (Москва, 26-28 мая 2010 г.). М., 2011. С. 165-179.
10. Маркеев А.И. Правовое регулирование инновационной деятельности. 2015. 100 с. URL: <http://учебники.информ2000.рф/investicia/inv406.pdf>
11. Маркелова О.Н. Правовые основы и организация инновационной деятельности в уголовно-исполнительной системе: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2013. 168 с.
12. Маркелова О.Н. Теоретико-правовые основы инновационной деятельности в уголовно-исполнительной системе // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. № 3. С. 228-237.

Legal status and classification of the subjects of innovative activity in the productive sector of the correctional system

Vladimir I. Barmashov

Lecturer,

Department of arrangement of operational search activity,
Academy of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
390006, 1 Sennaya st., Ryazan', Russian Federation;
e-mail: vlado-18@rambler.ru

Abstract

The specificity of innovation activity in the productive sector of the correctional system is determined by the legal status of its subjects. This article not only reveals the list of these actors, but also contains their classification according to functions performed in innovation activity: the subjects helping its implementation, the subjects monitoring it and the subjects providing advisory service. The author of this article proves that innovation activity is carried out almost in each unit of the productive sector of the correctional system, but it has a priority over other activities in none of them. Particular attention is paid to the study of the legal status of one of the subjects of innovative activity – Department of organization of production activities and labour adaptation of convicts of the Federal Penitentiary Service. The author suggests that it is necessary to extend its powers by assigning the task of maintaining innovation projects at the production facilities of the penal system that will increase the value of innovation for development of the production sector as a whole. The author comes to the conclusion that innovation activity is important for the organization of competitive high-tech industry in the penal correction system.

For citation

Barmashov V.I. (2018) *Pravovoi status i klassifikatsiya sub"ektov innovatsionnoi deyatel'nosti v proizvodstvennom sektore ugovovno-ispolnitel'noi sistemy* [Legal status and classification of the subjects of innovative activity in the productive sector of the correctional system]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7 (1A), pp.

Keywords

Innovation activity, production, correctional system, classification, legal status, subjects.

References

1. Afanas'eva E.G., Belitskaya A.V., Vaipan V.A. et al. (2017) *Predprinimatel'skoe pravo Rossiiskoi Federatsii* [Business law of the Russian Federation], 3th ed. Moscow: Norma: Infra-M Publ.
2. Alekseeva D.G., Andreev V.K., Andreeva L.V. et al. (2011) *Rossiiskoe predprinimatel'skoe pravo* [Russian business law]. Moscow: Prospekt Publ.
3. Bushnev V.V. (2016) Sub"ekty pravovoi politiki v sfere innovatsii [Subjects of legal policy in the sphere of innovations]. *Sovremennoe pravo* [Modern law], 3, pp. 17-21.
4. Drueva A.A. (2014) *Pravovoe polozhenie uchastnikov innovatsionnoi deyatel'nosti. Dokt. Diss. Abstract* [The legal status of participants of innovative activity. Doct. Diss. Abstract]. Moscow.
5. Emel'yanova E.V. (2009) Osobennosti pravovogo regulirovaniya obshchestvennykh otnoshenii v oblasti truda osuzhdennykh k lisheniyu svobody [Peculiarities of legal regulation of public relations in the field of labour of persons sentenced to imprisonment]. *Obshchestvo i pravo* [Society and law], 5, pp. 151-154.
6. Glonina V.N., Semenova A.A. (2017) Sluzhebnye proizvedeniya, sozdannye na voennoi sluzhbe: mif ili real'nost'? [Works for hire created during the military service: myth or reality?]. *Intellektual'naya sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prava* [Intellectual property. Copyright and related rights], 6, pp. 39-44.
7. Gribanov D.V. (2010) Resursy i pravovoe regulirovanie innovatsionnoi ekonomiki [Resources and legal regulation of innovative economy]. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal* [Russian law journal], 4, pp. 144-155.
8. Kardash I.N. (2013) Mekhanizm pravovogo regulirovaniya innovatsionnoi deyatel'nosti v Rossiiskoi Federatsii. Dokt. Diss. [The mechanism of legal regulation of innovative activity in the Russian Federation. Doct. Diss.]. Moscow.
9. Maksimenko E.V. (2011) Pravovoe regulirovanie innovatsionnoi deyatel'nosti v Rossiiskoi Federatsii [Legal regulation of innovative activity in the Russian Federation]. In: Lafitskii V.I. (ed.). *Nasledie yuridicheskoi nauki i sovremennost': materialy zasedanii V Mezhdunarodnoi shkoly-praktikuma molodykh uchenykh-yuristov (Moskva, 26-28 maya 2010 g.)* [Proc. Int. Conf. "Heritage of legal science and modernity"] Moscow, pp. 165-179.
10. Markeev A.I. (2015) *Pravovoe regulirovanie innovatsionnoi deyatel'nosti* [Legal regulation of innovative activity]. Available at: <http://uchebniki.inform2000.rf/investicia/inv406.pdf> [Accessed 19/02/18].
11. Markelova O.N. (2012) Teoretiko-pravovye osnovy innovatsionnoi deyatel'nosti v ugovovno-ispolnitel'noi sisteme [Theoretical and legal bases of innovative activity in the correctional system]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki* [Bulletin of Perm University. Legal science], 3, pp. 228-237.
12. Markelova O.N. (2013) *Pravovye osnovy i organizatsiya innovatsionnoi deyatel'nosti v ugovovno-ispolnitel'noi sisteme. Dokt. Diss.* [Legal framework and organization of innovation activity in the correctional system. Doct. Diss.]. Ryazan'.

УДК 34**К вопросу об уголовной ответственности юридических лиц за преступления в сфере валютного обращения****Магомедов Магомед Исалмагомедович**

Аспирант,
кафедра уголовного права,
Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина,
125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9;
e-mail: Magomedoff931107@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению вопроса об уголовной ответственности юридических лиц за преступления в сфере валютного обращения. Раскрываются основные принципы валютного законодательства, сущность и структура валютных операций, основные направления и формы валютного контроля. Отмечается, что переход экономики России к рыночным отношениям, расширение мировой торговли возможны лишь при условии стабильности национальной валюты. Для этого необходимо совершенствование валютного законодательства. Автор приходит к выводу, что юридические лица за совершение преступлений в сфере обращения с валютой, безусловно, должны нести ответственность, однако реализация данной концепции не обязательно связана с внесением поправок в Уголовный кодекс Российской Федерации, хотя такое возможно при условии пересмотра роли Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации в регулировании отношений, связанных с привлечением к ответственности за правонарушения.

Для цитирования в научных исследованиях

Магомедов М.И. К вопросу об уголовной ответственности юридических лиц за преступления в сфере валютного обращения // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 7. № 1А. С. 218-224.

Ключевые слова

Валютная политика, валютное обращение, валютная операция, национальная валюта, валютный контроль, уголовная ответственность.

Введение

Валютная политика и основные ее направления регулируются законом Российской Федерации «О валютном регулировании и валютном контроле» [О валютном регулировании и валютном контроле, 2003]. Согласно данному закону, резиденты и нерезиденты, нарушившие положения актов валютного законодательства Российской Федерации и актов органов валютного регулирования, несут уголовную, административную и иную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

В последнее время валютное законодательство в России претерпевало изменения в сторону либерализации. В начале появления валютного контроля был актуален принцип «все, что не разрешено, то запрещено», в настоящее же время главным становится принцип «все, что не запрещено, то разрешено». Стоит отметить, что переход экономики России к рыночным отношениям, расширение мировой торговли возможны лишь при условии стабильности национальной валюты. Для этого необходимо совершенствовать валютное законодательство. Совершенствование системы валютного регулирования призвано способствовать эффективному преодолению кризисных явлений в российской экономике и реализации тактических и стратегических интересов страны.

Уголовная ответственность юридических лиц за преступления в сфере валютного обращения

Основными принципами валютного законодательства являются следующие:

1. Принцип «разрешается все, что не запрещается». Данный принцип подразумевает, что при отсутствии установленного порядка проведения операции с валютой операцию проводят без определенных ограничений.
2. Принцип «прямого действия». Принцип гласит, что операции, по которым предусмотрено регулирование, должны быть обозначены в законе.

В законе «О валютном регулировании и валютном контроле» прописаны ограничения по осуществлению операций с валютой: нельзя устанавливать другие требования к проведению операций в валюте, кроме тех, которые уже прописаны.

Валютный контроль и регулирование операций с валютой в России осуществляются Центральным Банком и Правительством России. Обязанности органов валютного контроля могут быть ограничены Правительством со стороны экспортно-импортных операций, тогда Центральный банк должен регулировать операции, связанные с кредитами и депозитами, а также ценными бумагами.

В операциях с валютой могут участвовать как резиденты, так и нерезиденты.

Валютные операции включают проведение следующих действий: осуществление платежей с помощью иностранной валюты; произведение расчетов в рублях между резидентами и нерезидентами, а также между нерезидентами; куплю-продажу ценных бумаг резидентами на получение иностранной валюты; покупку и продажу ценных бумаг нерезидентами на получение российских рублей.

Валютные операции, в свою очередь, делятся на текущие и те, осуществление которых связано с движением капитала. Текущие операции включают переводы иностранной валюты; осуществление операций по получению или предоставлению финансовых кредитов сроком до 180 дней; переводы дивидендов и процентов по операциям, которые осуществляются с движением капитала; переводы пенсий, зарплат, наследства.

К валютным операциям, которые связаны с движением капитала, относятся предоставление и получение финансовых кредитов сроком свыше 180 дней; получение отсрочки по экспортно-импортным контрактам на срок более 90 дней; покупка ценных бумаг; вклады в уставной капитал компании; переводы в качестве оплаты прав собственности; остальные валютные операции, которые не относятся к текущим.

Стоит отметить, что целью создания закона «О валютном регулировании и валютном контроле» были стабилизация валютного рынка внутри страны, установление единой валютной политики на уровне государства для дальнейшего развития экономического состояния страны и мировой торговли.

Среди основных положений Закона можно называть следующие: основные понятия сферы валютных операций; классификация валютных операций по признакам; права и обязанности участников валютных операций; организация валютных операций; состав органов валютного контроля; предусмотренная ответственность за нарушение валютного законодательства.

Законом предусмотрены следующие принципы: единая система внутренней и внешней валютной политики государства; ограничение вмешательства государства в операции с валютными ценностями между субъектами; единая система валютного регулирования и контроля; защита прав и интересов субъектов валютных операций; функции валютного законодательства:

Регулирующая функция валютного законодательства основывается на установлении прав и обязанностей субъектов, которые участвуют в валютных операциях. Контрольная функция подразумевает осуществление контроля за соблюдением валютного законодательства.

Объектами валютного законодательства являются валюта, утвержденная в России (банкноты и монеты, денежные средства на банковских счетах); внутренние ценные бумаги (номинальная стоимость эмитированных и зарегистрированных в России ценных бумаг осуществляется в национальной валюте России); внешние ценные бумаги (которые не относятся к внутренним согласно Закону); валютные ценности (валюта иностранных государств, драгоценные металлы, драгоценные камни); иностранная валюта (банкноты, монеты, денежные средства на банковских счетах, которые являются законными средствами для осуществления платежей иностранным государством).

Регулирование валютных операций предусматривает выбор принципов по оформлению валютных операций. Таким образом государство защищает и повышает устойчивость национальной валюты, стабилизирует платежный баланс, а также создает нужный объем золотовалютных резервов в стране.

Основными направлениями валютного регулирования являются установление функций и обязанностей в отношении органов валютного регулирования; нахождение и становление путей развития рынка национальной валюты; регулирование путей использования иностранной валюты; организация операций с валютой между резидентами и нерезидентами; установление прав и обязанностей на владение, использование и распоряжение валютными ценностями.

Среди методов валютного регулирования выделяются следующие: обязательное проведение операций с валютой через банковскую систему; осуществление выдачи лицензий банкам для проведения валютных операций; обязательный перевод выручки по экспорту из-за границы; установление сроков возможной продажи выручки по экспорту на валютном рынке внутри страны; необходимость депонирования импортерами определенной суммы в рублях, которая эквивалентна объему иностранной валюты для покупки.

Под валютным контролем понимают контроль со стороны государственных органов за выполнением требований валютного законодательства.

Основные направления валютного контроля включают: контролирование экспортно-импортных операций; определение функций и обязанностей, возложенных на органы валютного контроля; контроль за наличием лицензии при осуществлении валютных операций; организацию учета валютных операций; контролирование выполнения обязательств в иностранной валюте перед государством; проверку валютных операций по переводу иностранной валюты по контракту, который может оказаться фиктивным.

Контроль валютных операций может осуществляться в трех формах: инспекционной проверки, анализа всех видов отчетности, применения санкций при нарушении законодательной вазы по валютным операциям.

Валютное законодательство не стоит на месте, оно меняется в условиях экономического кризиса, когда наблюдается усиление регулирования операций с валютными ценностями с целью стабилизации рынка за счет воздействия на субъекты валютного рынка, а также в условиях стабильности, когда выбирается направление к либерализации.

Совершенствование валютного законодательства проходит путем проведения соответствующих мероприятий органами государственного управления в сфере валютного регулирования. Сам процесс совершенствования нормативно-правовой базы регулирования и контроля валютных операций зависит от уровня развития валютных отношений между странами, а также от долгосрочной стратегии государства в области валютной политики.

В последнее время валютное законодательство в России претерпевало изменения в сторону либерализации. В начале появления валютного контроля был актуален принцип «все, что не разрешено, то запрещено», на данный момент главным становится принцип «Все, что не запрещено, то разрешено». Переход экономики России к рыночным отношениям, расширение мировой торговли возможны лишь при условии стабильности национальной валюты. Для этого совершенствуют валютное законодательство и определяют тип валютного режима.

Существует два основных варианта валютного режима, которые могут быть использованы государством для проведения валютных операций на внешнем и внутреннем рынках. Первый тип – режим, при котором лишь государство может совершать валютные сделки, то есть быть монополистом. Второй тип – это режим с использованием свободно конвертируемой валюты.

В целях борьбы с нарушениями валютного законодательства ст. 193 и 193.1 Уголовного кодекса Российской Федерации [Уголовный кодекс Российской Федерации, 1996] предусматривают ответственность за уклонение от исполнения обязанностей по репатриации средств в иностранной или национальной валюте и совершение валютных операций по переводу средств на счета нерезидентов с использованием подложных документов соответственно. Субъектами указанных преступлений являются руководители организаций-резидентов либо в отдельных случаях сотрудники организаций-резидентов, уполномоченные осуществлять валютные операции.

Согласно п. 6 ч. 1 ст. 1 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле» [О валютном регулировании и валютном контроле, 2003] организациями-резидентами признаются юридические лица, созданные в соответствии с законодательством Российской Федерации, и их филиалы и представительства за пределами страны.

Анализируя ст. 193 УК РФ и 193.1 УК РФ, нельзя обойти стороной вопрос об уголовной ответственности юридических лиц. Данная проблема является дискуссионной. В последние годы часто звучат предложения установить уголовную ответственность для юридических лиц. Чаще всего речь идет не о признании юридического лица субъектом преступления, а о возможности применения к нему мер принуждения в рамках возбужденного уголовного дела по факту совершения преступления в его интересах. Как отмечает Б.В. Волженкин, «целесообразно

различать субъект преступления и субъект уголовной ответственности» [Волженкин, 2007].

Недостатком ст. 193 УК РФ и 193.1 УК РФ, как и других статей УК РФ, устанавливающих ответственность за преступления в сфере экономики, являются санкции, предусматривающие лишение свободы в качестве наказания для руководителей и сотрудников юридического лица. В своих действиях эти лица, как правило, руководствуются интересами недобросовестной организации, в результате их наказания сама организация не страдает и продолжает деятельность.

Юридические лица, безусловно, должны нести ответственность за правонарушения, совершаемые в их интересах, но существует ряд сложностей, связанных с имплементацией соответствующих норм в УК РФ.

Прежде всего, проблемой является наличие в Российской Федерации двух законов, предусматривающих ответственность за правонарушения: УК РФ предусматривает ответственность за совершение преступлений, КоАП РФ [Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, 2001] – за совершение административных правонарушений. Ответственность за административные правонарушения могут нести и юридические лица. В такой ситуации любые изменения в УК РФ относительно введения уголовной ответственности организаций без соответствующего пересмотра роли в регулировании этой сферы КоАП РФ будут создавать дублирование и противоречия, при этом рушить концептуальное положение об уголовной ответственности за виновно совершенное деяние, вводя институт объективного вменения.

Уголовная ответственность юридических лиц – институт, характерный для англосаксонского права, но в то же время активно внедряемый в странах континентальной системы права. Первой из стран европейского континента, кто ввел в свое уголовное законодательство данный институт, были Нидерланды. Этому примеру в 1991 г. последовала Норвегия, а в 1992 г. – Франция, что развеяло надежды противников этого института в уголовном праве на его неприятие европейскими странами, которые, казалось, строго придерживались позиции индивидуальной уголовной ответственности за вину. Впоследствии концепцию уголовной ответственности организаций имплементировали в национальное законодательство Бельгия, Дания, Израиль, Ирландия, Исландия, Финляндия, позднее – Венгрия, Испания, Польша (Польша сделала оговорку в решении Конституционного трибунала, что принятый закон вводит не уголовную, а квазиуголовную ответственность юридических лиц) и ряд других стран Восточной Европы, вступивших в Евросоюз.

В российской юридической литературе часто звучат предложения о необходимости введения уголовной ответственности юридических лиц «на основе зарубежного опыта», при этом сам механизм многими авторами понимается не до конца. Так, например, В.В. Качалов в своей статье приводит следующие аргументы, критикуя противников введения уголовной ответственности юридических лиц: необходимо ввести уголовную ответственность юридических лиц, потому что мир не стоит на месте и хозяйственные связи развиваются, не надо противиться прогрессу; института административной ответственности юридических лиц недостаточно, потому что КоАП РФ не предусматривает ответственность за общественно опасные деяния [Качалов, 2016].

Первый аргумент выдает обывательский подход, а второй ничего не предлагает относительно пересмотра роли КоАП РФ в регулировании ответственности юридических лиц, что может привести к коллизии двух законов. Второй аргумент также является крайне спорным, потому что даже действующий КоАП РФ часто предусматривает достаточно суровые наказания для юридических лиц.

Следственный комитет России выразил мнение о необходимости внесения соответствующих поправок в УК РФ, мотивируя это необходимостью выполнения ратифицированных Российской Федерацией международных правовых актов.

Включение в национальное законодательство норм об ответственности юридических лиц обусловлено необходимостью применения Конвенции ООН против коррупции [Конвенция Организации Объединенных наций против коррупции, www]. Однако Конвенция не предусматривает в обязательном порядке внесение поправок именно в уголовные кодексы стран, каждое государство само вправе определить, каким образом предусмотреть меры ответственности организаций.

Заключение

Таким образом, юридические лица за совершение преступлений в сфере обращения с валютой, безусловно, должны нести ответственность, однако реализация данной концепции не обязательно связана с внесением поправок в Уголовный кодекс Российской Федерации, хотя такое возможно при условии пересмотра роли Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации в регулировании отношений, связанных с привлечением к ответственности за правонарушения.

Библиография

1. Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности. СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. 765 с.
2. Качалов В.В. Уголовная ответственность юридических лиц: критический анализ аргументов против // *Lex russica*. 2016. № 12. С. 32-40.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 07.02.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2017) // *Российская газета*. 2001. № 256.
4. Конвенция Организации Объединенных наций против коррупции (принята Генеральной Ассамблеей ООН 31 октября 2003 г.) // СПС «Гарант». URL: <http://base.garant.ru/2563049/>
5. О валютном регулировании и валютном контроле: федер. закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // *Собрание законодательства РФ*. 15.12.2003. № 50. Ст. 4859.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 19.12.2016) // *Собрание законодательства РФ*. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

To the question of criminal liability of legal persons for crimes in the sphere of currency circulation

Magomed I. Magomedov

Postgraduate,
Department of criminal law,
Kutafin Moscow State Law University,
125993, 9 Sadovaya-Kudrinskaya st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: Magomedoff931107@gmail.com

Abstract

The article is devoted to the issue of criminal liability of legal entities for crimes in the sphere of currency treatment. The author considers the basic principles of currency legislation, the essence and structure of currency transaction, the main directions and forms of currency exchange regulation. It is noted that the possibility of Russian economic transition to market economy, the expansion of world trade will be carried out only under the condition of stability of the national currency. For this it is necessary to improve the currency legislation. The author notes that the inclusion in national legislation of the norms on the liability of legal entities is due to the need to apply the UN Convention against corruption. However, the Convention does not provide for the amendment of the penal codes of countries in a general manner, and it is for the state itself to determine how to provide for the liability of organizations. The author comes to the conclusion that the responsibility of legal entities for committing crimes in the sphere of currency circulation is necessary, but the implementation of this concept is not necessarily associated with the amendments to the Criminal Code of the Russian Federation, although it is possible subject to a review of the role of the Administrative Code in regulating relations related to prosecution for offenses.

For citation

Magomedov M.I. (2018) K voprosu ob ugovolnoi otvetstvennosti yuridicheskikh lits za prestupleniya v sfere valyutnogo obrashcheniya [To the question of criminal liability of legal persons for crimes in the sphere of currency circulation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7 (1A), pp. 212-217.

Keywords

Monetary policy, currency circulation, currency transaction, national currency, currency regulation, criminal liability.

References

1. Kachalov V.V. (2016) Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits: kriticheskii analiz argumentov protiv [Criminal liability of legal entities: a critical analysis of the arguments against]. *Lex russica*, 12, pp. 32-40.
2. Kodeks Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh ot 30.12.2001 № 195-FZ (red. ot 07.02.2017) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.03.2017) [Code of Administrative Offences of the Russian Federation No. 195-FZ of December 30, 2001 (as amended on March 1, 2017) (2001)]. *Rossiiskaya gazeta* [Russian Newspaper], 256.
3. Konventsiya Organizatsii Ob"edinennykh natsii protiv korruptsii (prinyata General'noi Assamblei OON 31 oktyabrya 2003 g.) [Convention of United Nations against Corruption (adopted by the UN General Assembly on October 31, 2003)]. *SPS "Garant"* [SPS Garant]. Available at: <http://base.garant.ru/2563049/> [Available at 15/01/18].
4. O valyutnom regulirovanii i valyutnom kontrole: federal'nyi zakon ot 10.12.2003 № 173-FZ (red. ot 03.07.2016) [On currency regulation and currency control: Federal Law No. 173-FZ of December 10, 2003 (as amended on July 03, 2016)] (2003). *Sobranie zakonodatel'stva RF* (St. 4859) [Collected legislation of the Russian Federation (Art. 4859)], 50, 15th December.
5. Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 19.12.2016) [Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996 (as amended on December 19, 2016)] (1996). *Sobranie zakonodatel'stva RF* (St. 2954) [Collected legislation of the Russian Federation (Art. 2954)], 25, 17th June.
6. Volzhenkin B.V. (2007) *Prestupleniya v sfere ekonomicheskoi deyatel'nosti* [Crimes in the sphere of economic activity]. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press Publ.

УДК 34**Экстремистская деятельность с позиции административного права****Петров Иван Владимирович**

Доцент кафедры уголовного права и национальной безопасности,
Новосибирский университет экономики и управления,
630099, Российская Федерация, Новосибирск, ул. Каменская, 56;
e-mail: petrovpubl@mail.ru

Аннотация

В условиях все большего усложнения форм проявления политического, национального и религиозного экстремизма очевидна необходимость формирования новой правовой модели противодействия экстремисткой деятельности. Экстремизм разрушительным образом воздействует на общественные отношения и особенно опасен для подростков и молодежи. Явление экстремистской деятельности изучается в различных отраслях социально-гуманитарных наук, однако нормативное определение данного понятия в действующем законодательстве отсутствует. При этом в правоприменительной практике возникают ограничения, связанные с определением экстремисткой деятельности с учетом новых форм ее проявления. Автор приходит к выводу, что наиболее значимым для совершенствования правового регулирования противодействия экстремизму с позиции административного права является определение правовых категорий экстремизма и экстремисткой деятельности, а также ущерба обществу и общественным отношениям.

Для цитирования в научных исследованиях

Петров И.В. Экстремистская деятельность с позиции административного права // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 7. № 1А. С. 225-232.

Ключевые слова

Экстремистка деятельность, экстремизм, административное право, профилактика экстремизма, государственное регулирование.

Введение

Общественная безопасность напрямую зависит от уровня противодействия распространению экстремизма – приверженности к крайним позициям во взглядах в идеологии и политике. В международной практике разработано значительное количество инструментов профилактики и противодействия экстремизму, однако современные формы проявления экстремизма становятся все более разнообразными. Преступления, связанные с осуществлением экстремистской деятельности, приобретают гибридные формы, усиливается влияние международных экстремистских групп.

В данных условиях возникает необходимость формирования правовой модели противодействия экстремизму, учитывающей все аспекты его проявления. С этой целью необходимо дать определение экстремистской деятельности с позиции административного права, а также рассмотреть инструменты профилактики и противодействия экстремизму.

Обзор литературы

Экстремистская деятельность исследуется в правоведении и других областях науки: социологии, психологии, политологии, экономике, социальной философии. В имеющейся научной литературе рассматривается механизм влияния экстремизма на социально-экономическую структуру общества, политическую среду и национальную экономику, описаны виды экстремизма, который в самом общем смысле принято разделять на политический, националистический и религиозный. Все это лежит в основе современной правовой модели регулирования экстремизма.

Общие вопросы социально-правового и криминологического противодействия экстремистской деятельности исследованы С.Н. Фридинским и М.И. Халиковым [Фридинский, 2011; Халиков, 2008]. Категория экстремизма в аспекте ее нормативного определения рассмотрена в работах А.Г. Никитина, А.И. Трахова и З.М. Бешукова [Никитин, 2014; Трахов, Бешукова, 2013].

Анализ деятельности внутренних органов представлен в исследованиях М.Е. Белокобыльского [Белокобыльский, 2009], судебная практика рассматривается А.С. Лариным [Ларин, 2011], совершенствованию законотворческой деятельности уделяет внимание А.В. Петрянина [Петрянин, 2015], описывая возможности и ограничения определения состава преступления, связанного с экстремистской деятельностью как отдельных физических лиц, так и организацией.

Отдельные аспекты правового регулирования противодействия экстремистской деятельности, в частности определение признаков преступлений экстремистской направленности с помощью социальных групп в сети Интернет, исследованы в работах В.О. Давыдова. Автором проанализированы возможности и ограничения профилактики такой деятельности в современных условиях.

Вопросам международного сотрудничества в области противодействия экстремистской деятельности посвящены труды В.С. Шаповаловой [Шаповалова, 2015]. В частности, автор утверждает, что международное сообщество расширяет сотрудничество по предупреждению и пресечению экстремистских актов, совершенствует механизм координации взаимодействия по укреплению международно-правовых основ противодействия экстремизму.

Таким образом, в настоящее время в российской правовой науке категория «экстремистская деятельность» исследована с различных точек зрения и в различных аспектах правоприменения, однако системное определение данной категории с позиции административного права отсутствует.

Определение экстремисткой деятельности с позиции административного права

Федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления принимают участие в противодействии экстремистской деятельности в рамках своей компетенции. Кроме того, приоритетным направлением деятельности всех органов государственной власти является осуществление профилактических мер, в том числе воспитательных и пропагандистских, направленных на предупреждение экстремистской деятельности.

Концептуальные основы противодействия и формы экстремисткой деятельности определены пунктом 1 статьи 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [О противодействии экстремистской деятельности, 2017]. В частности, в данном нормативном акте приводится полный перечень действий и их признаков, которые можно отнести к экстремизму. Указанные действия включают в себя не только непосредственно деятельность, связанную с экстремизмом, но и организацию и финансирование этой деятельности. Особенности экстремистской деятельности отдельно определены в соответствующих нормативных актах, в том числе в Федеральном законе от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма».

На региональном уровне также принимаются локальные нормативные акты, позволяющие учесть региональные особенности проявления экстремизма, например, такие как Закон Республики Тыва от 13 декабря 2016 г. № 236-ЗРТ «О профилактике экстремистской деятельности в Республике Тыва», Закон Республики Дагестан от 4 апреля 2016 г. № 20 «О профилактике экстремистской деятельности в Республике Дагестан». Положения относительно профилактики экстремисткой деятельности также отражены в региональных нормативных актах различных субъектов России.

Деятельность организаций, осуществляющих экстремистскую деятельность, запрещается на основании вступившего в силу судебного решения. Министерством юстиции России публикуется список экстремистских организаций. Таким образом, в настоящее время с позиции административного права сложилась следующая модель: методы в самом общем смысле определяются в федеральном законе, при этом более подробно их формы раскрываются в региональных нормативных актах или определяются в региональных законах о противодействии правонарушениям [Абашина, 2010].

Однако в законодательстве нет единства относительно категории экстремисткой деятельности. Так, в Указе Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.» выделяются такие формы экстремизма, как политический и религиозный [О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г., 2017]. В распоряжении Генеральной прокуратуры РФ № 270/27р, МВД РФ 1/9789 и

ФСБ РФ № 38 от 16 декабря 2008 г. «О совершенствовании работы по предупреждению и пресечению деятельности общественных и религиозных объединений по распространению идей национальной розни и религиозного экстремизма» применяются такие термины, как «экстремизм под прикрытием ислама», «экстремистские проявления на религиозной основе».

В современном законодательстве определяются только характеризующие экстремистскую деятельность признаки и действия. При этом в правоприменительной практике возникают ограничения, связанные с определением экстремистской деятельности с учетом новых форм ее проявления, не позволяющие органам государственной власти использовать полномочия по профилактике и предотвращению экстремизма [Кулешов, 2013]. Все это вынуждает искать новые формы и методы, принимать дополнительные нормативные правовые акты с частично дублирующимися положениями. Следовательно, с позиции административного права наиболее значимым направлением совершенствования правовой модели профилактики и предотвращения экстремизма является определение правовой категории экстремистской деятельности с целью ее регулирования.

В настоящее время деятельностью по профилактике и противодействию экстремизму занимается орган, структура и полномочия которого определены Приказом Министерства здравоохранения РФ от 26 октября 2012 г. № 446 «О Координационном совете по организации воспитательной работы в образовательных учреждениях, находящихся в ведении Министерства здравоохранения Российской Федерации». Координационный совет осуществляет деятельность во всех министерствах и ведомствах по организации воспитательной работы в образовательных учреждениях Минздрава России. Ключевой целью данного органа является обеспечение согласованных действий при планировании воспитательной работы с молодежью, связанной с предупреждением экстремистской деятельности в студенческой среде.

Следовательно, положения о необходимом противодействии экстремизму содержатся в значительном количестве документов федеральных и региональных органов власти, однако данная деятельность не обладает комплексным характером. Координационный совет осуществляет деятельность только в рамках общественных отношений одной социальной группы – молодежи [Колов, 2010]. Между тем данная деятельность должна быть системно скоординирована и ориентирована на получение и распространение достоверной информации, в том числе относительно деятельности экстремистских групп, осуществляющих деятельность за рубежом.

При поиске приемлемой для решения указанной проблемы правовой формы необходимо учитывать следующее. В ряде исследований предлагается отличать просто экстремистскую деятельность от незаконной экстремистской деятельности [Никитин, 2014]. С данной позицией, по нашему мнению, нельзя согласиться, так как необходимо разделять политическую деятельность и экстремистскую деятельность. Согласно исследованиям в области социально-гуманитарных наук, последняя оказывает негативное воздействие на общественные отношения. Поэтому с позиции административного права экстремистскую деятельность следует определять путем толкования категории, позволяющей, с одной стороны, рассматривать экстремистскую деятельность максимально широко, а с другой – устанавливать границы данной деятельности. Считаем, что в основе такого определения должна быть категория вреда, наносимого общественным явлениям или процессам, реализуемого индивидуально, по отношению к группе людей или населению в целом. Необходимо нормативно закрепить категорию ущерба обществу

и общественным отношениям, а также инструменты и методы его определения вместо, или в дополнение к существующему перечню форм, инструментов и методов экстремистской деятельности.

В доказательство необходимости реализации данного предложения отметим, что в настоящее время наиболее эффективной является деятельность в области расследования преступлений экстремисткой направленности. Так, согласно статистике правоохранительных органов, их количество преступлений экстремисткой направленности растет быстрее других видов преступлений [Петрянин, 2015]. Благодаря внесенным в Уголовный кодекс Российской Федерации поправкам относительно определения состава преступлений, связанных с экстремизмом, увеличивается эффективность прокурорского надзора [Борисов, 2014].

Однако при этом, согласно действующему законодательству, именно противодействие является ключевым принципом в борьбе с экстремистской деятельностью и включает в себя значительное количество регуляторных функций, в частности ограничение распространения информации, финансовый контроль деятельности организаций, также определяемые соответствующими нормативными актами. Следовательно, более широкое и при этом однозначное толкование экстремистской деятельности позволит расширить правоприменительную практику в области профилактики и противодействия экстремизму.

Заключение

Рассмотрев современное состояние нормативного регулирования с позиции административного права в отношении определения категории экстремистской деятельности, можно сделать следующие выводы. Нормативного определения экстремистской деятельности как категории в современном законодательстве нет, в федеральном законе и соответствующих региональных нормативных актов определяются только характеризующие данное явление признаки и действия. В правоприменительной практике возникают ограничения, связанные с определением экстремистской деятельности с учетом новых форм ее проявления.

Таким образом, с позиции административного права является наиболее значимым определение правовой категории экстремизма и экстремистской деятельности с целью ее регулирования, а также категории ущерба общественным отношениям как ключевой характеристики экстремистской деятельности. Целесообразным представляется широкое определение экстремизма с учетом существования гибридных форм его проявления, более гибкое определение полномочий федеральных и региональных органов власти по профилактике и противодействию экстремизму.

Библиография

1. Абашина Л.А. Уголовная ответственность юридических лиц за участие в экстремистской деятельности и легализации преступных доходов // Среднерусский вестник общественных наук. 2010. № 4.
2. Белокобыльский М.Е. Отдельные аспекты правовой основы деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел, осуществляющих борьбу с преступлениями экстремистского характера // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 2.
3. Борисов С.В. Деятельность органов прокуратуры в системе профилактики экстремизма в Российской Федерации // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2014. № 2(16).
4. Давыдов В.О. Обнаружение признаков преступлений экстремистской направленности, совершаемых с

- использованием средств социальной компьютерной коммуникации // Известия ТулГУ. Серия «Экономические и юридические науки. 2013. № 5-2.
5. Колов А.М. Пределы экстремизма и правовые основы противодействия его проявлениям // Бизнес в законе. 2010. № 3.
 6. Кулешов Р.В. Соотношение понятий пресечения и противодействия экстремистской и террористической деятельности // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 4.
 7. Никитин А.Г. Виды и классификации экстремистского поведения: общетеоретические и правовые проблемы // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1(29).
 8. О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». 2017..
 9. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.: указ Президента РФ от 12.05.2009 № 537 // СПС «КонсультантПлюс». 2017.
 10. Петрянин А.В. Современная стратегия законотворческой деятельности в области противодействия экстремизму в Российской Федерации // Юридическая техника. 2015. № 9.
 11. Трахов А.И., Бешукова З.М. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательного регулирования и правоприменения // Общество и право. 2013. № 2(44).
 12. Фридинский С.Н. Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России (социально-правовое и криминологическое исследование): дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2011.
 13. Халиков М.И. Экстремизм (уголовно-правовой аспект) // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2008. № 2.
 14. Шаповалова В.С. Правовой механизм международного сотрудничества в борьбе с проявлениями экстремизма в XXI веке // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2015. № 2.

Extremist activity from the standpoint of administrative law

Ivan V. Petrov

Associate Professor,
Department of criminal law and national security,
Novosibirsk University of Economics and Management,
630099, 56 Kamenskaya st., Novosibirsk, Russian Federation;
e-mail: petrovpubl@mail.ru

Abstract

In the context of the growing complexity of the forms of political, national and religious extremism, the need to develop a new legal model for countering extremist activity is evident. Extremism has a devastating impact on public relations and is particularly dangerous for adolescents and young people. The phenomenon of extremist activity is studied in various branches of social sciences, but there is not the normative definition of extremist activity as a category, only the features and actions characterizing this phenomenon are determined. At the same time, in law enforcement practice, there are restrictions associated with the definition of extremist activity, taking into account new forms of its manifestation. The author concludes that the most important for the improvement of legal regulation of countering extremism from the position of administrative law is the definition of legal categories of extremism and extremist activity, as well as damage to society and public relations. It is necessary to consolidate the category of damage to society and social relations, as well as the tools and methods of its determination instead of or in addition to the existing forms,

Ivan V. Petrov

tools and methods of extremist activity. It seems appropriate to use a broad definition of extremism, taking into account the existence of hybrid forms of its manifestation, a more flexible definition of the powers of federal and regional authorities to combat and prevent extremism.

For citation

Petrov I.V. (2018) Ekstremistskaya deyatelnost' s pozitsii administrativnogo prava [Extremist activity from the standpoint of administrative law]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7 (1A), pp. 225-232.

Keywords

Extremist activity, extremism, administrative law, prevention of extremism, state regulation.

References

1. Abashina L.A. (2010) Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits za uchastie v ekstremistskoi deyatelnosti i legalizatsii prestupnykh dokhodov [Criminal liability of legal persons for participation in extremist activity and money laundering]. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk* [Central Russian journal of social sciences], 4.
2. Belokobyl'skii M.E. (2009) Otdel'nye aspekty pravovoi osnovy deyatelnosti operativnykh podrazdelenii organov vnutrennikh del, osushchestvlyaya-yushchikh bor'bu s prestupleniyami ekstremistskogo kharaktera [Certain aspects of the legal bases of the activity of the operative detective divisions of the internal affairs bodies combating extremist crimes]. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve* [Gaps in the Russian legislation], 2.
3. Borisov S.V. (2014) Deyatel'nost' organov prokuratury v sisteme profilaktiki ekstremizma v Rossiiskoi Federatsii [The activities of prosecutors in the system of prevention of extremism in the Russian Federation]. *Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii. Seriya "Pravo"* [Bulletin of Samara Academy for the Humanities. Series "Law"], 2(16).
4. Davydov V.O. (2013) Obnaruzhenie priznakov prestuplenii ekstremistskoi napravlenosti, sovershaemykh s ispol'zovaniem sredstv sotsial'noi komp'yuternoii kommunikatsii [Detection of signs of extremist crimes committed with the use of computer means of social communication]. *Izvestiya TulGU. Seriya "Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki"* [News of Tula State University. Series "Economics and law sciences"], 5-2.
5. Fridinskii S.N. (2011) Protivodeistvie ekstremistskoi deyatelnosti (eks-tremizmu) v Rossii (sotsial'no-pravovoe i kriminologicheskoe issledovanie). Dokt. Diss. [Countering extremist activity (extremism) in Russia (socio-legal and criminological research). Doct. Diss.]. Moscow.
6. Khalikov M.I. (2008) Ekstremizm (ugolovno-pravovoi aspekt) [Extremism (criminal and legal aspect)]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya "Ekonomika i pravo"* [Bulletin of Udmurt University. Series "Economics and law"], 2.
7. Kolov A.M. (2010) Predely ekstremizma i pravovye osnovy protivodeistviya ego proyavleniyam [The limits of extremism and the legal bases of extremism counteraction]. *Biznes v zakone* [Business in law], 3.
8. Kuleshov R.V. (2013) Sootnoshenie ponyatii presecheniya i protivodeistviya ekstremistskoi i terroristicheskoi deyatelnosti [The relationship between the concepts of restraint and counteraction of extremist and terrorist activity]. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve* [Gaps in the Russian legislation], 4.
9. Nikitin A.G. (2014) Vidy i klassifikatsii ekstremistskogo povedeniya: obshche-teoreticheskie i pravovye problemy [Types and classification of extremist behavior: general theoretical and legal issues]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava* [Actual problems of economics and law], 1(29).
10. O protivodeistvii ekstremistskoi deyatelnosti: feder. zakon ot 25.07.2002 № 114-FZ [On countering extremist activity: Federal Law No. 114-FZ of July 25, 2002] (2017). *SPS "Konsul'tantPlyus"* [SPS Consultant].
11. O strategii natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii do 2020 g.: ukaz Prezidenta RF ot 12.05.2009 № 537 [On the national security strategy of the Russian Federation until 2020: Decree of the President of the Russian Federation No. 537 of May 12, 2009] (2017). *SPS "Konsul'tantPlyus"* [SPS Consultant].
12. Petryanin A.V. (2015) Sovremennaya strategiya zakonotvorcheskoi deyatelnosti v oblasti protivodeistviya ekstremizmu v Rossiiskoi Federatsii [Current strategy of the legislative activities in the field of countering extremism in the Russian Federation]. *Yuridicheskaya tekhnika* [Legal technique], 9.

13. Shapovalova V.S. (2015) Pravovoi mekhanizm mezhdunarodnogo sotrudnichestva v bor'be s proyavleniyami ekstremizma v XXI veke [The Legal mechanism for international cooperation in the fight against manifestations of extremism in the twenty-first century]. *Vestnik Taganrogskego instituta imeni A.P. Chekhova* [Bulletin of Taganrog State Institute named after A.P. Chekhov], 2.
14. Trakhov A.I., Beshukova Z.M. (2013) Prestupleniya ekstremistskoi napravlen-nosti: problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya i pravoprimereniya [Crimes of an extremist orientation: problems of legislative regulation and right application]. *Obshchestvo i pravo* [Society and law], 2(44).

Мартышин Орест Владимирович

доктор юридических наук, профессор
Профессор кафедры теории государства и права
Московский государственный юридический университет
им. О.Е. Кутафина

Рецензия на монографию «Прогнозирование правовых рисков» кандидата юридических наук, доцента Агамирова Карэна Владимировича

Выходные данные монографии: Агамиров К. В. Прогнозирование правовых рисков. В 2-х т. / К. В. Агамиров. Москва: Издательство «Русайнс», 2018. 328 с. + 332 с. (42 п. л.). ISBN: том 1 - 978-5-4365-2454-2; том 2 - 978-5-4365-2455-9

Новое исследование К.В. Агамирова является важным вкладом в развитие юридической науки. Автор исследует актуальную тему правовых рисков в аспекте их выявления, предупреждения и профилактики.

В монографии представлен инструментарий управления правовыми рисками, базирующийся на юридическом прогнозировании, - систематическом исследовании перспектив развития правовых явлений и процессов на определенных уровнях: стратегии развития законодательства и правовой системы в целом (первый уровень), конкретных отраслей, институтов и норм (второй уровень), правового поведения (третий уровень).

Такой подход выражает многомерность правовой системы, состоящей как в законодательном регулировании общественных отношений, так и правореализации, действиях по претворению нормативных правовых предписаний в жизнь. Таким образом, исследование механизма предупреждения правовых рисков ведется на уровне нормативного правового регулирования и правового поведения, статического и динамического аспектов правовой системы. Правовые риски присутствуют не только на стадии планирования и подготовки нормативных правовых актов, но и при реализации субъектами права действующих норм. Автор обосновывает необходимость проектирования правового поведения личности, создающего предпосылки для правомерного поведения и минимизации факторов отклоняющегося поведения.

Важным новшеством данной работы следует признать анализ выявления, предупреждения и профилактики правовых рисков на основе богатого фактического нормативного материала. Исследуя действующее законодательство в политико-правовой сфере, области общественной безопасности, экономических, социальных и культурно-духовных отношений, автор предлагает конкретные меры по совершенствованию действующего законодательства, отмене устаревших норм, принятию новых нормативных правовых актов.

Серьезным научным прорывом является детальное исследование законотворческих рисков, которые состоят в непродуманном подходе к планированию законодательных работ. Автор подчеркивает отсутствие прогностической составляющей в законодательной деятельности, а ведь нормы и институты отраслей законодательства могут эффективно выполнять свои функции только в том случае, если будут ориентированы как на закрепление

социальных отношений объективной реальности, так и на учет факторов, определяющих тенденцию их дальнейшего развития. В этой связи автор выделяет стадии этапа законотворческой деятельности и предлагает прогностический механизм учета правовых рисков для каждой из них, основанный на выявлении круга общественных отношений, правовое регулирование которых представляется необходимым в ближайшие 10-15 лет; обосновании проектов нормативных правовых актов, опосредующих сферы общественных отношений, нуждающиеся в правовом урегулировании; последовательном улучшении законодательного обеспечения уже урегулированных правом сфер общественной жизни; разработке прогнозов возможных изменений в методах и формах правового регулирования.

При анализе правовых рисков в сфере правореализации автором проработан детальный механизм перевода правовых предписаний в правовое поведение субъектов, исследованы причинно-следственные факторы и связи как правомерного, так и отклоняющегося поведения, что значительно повышает практическую значимость монографии, выводы которой можно использовать для повышения эффективности деятельности правоохранительных структур по предупреждению и профилактике преступлений.

Монография К.В. Агамирова решает актуальную научную задачу и развивает важное научное направление.

Правила для авторов

Уважаемые авторы! Представляем вашему вниманию обновленные требования, которым должны строго соответствовать направляемые нам рукописи.

Структура статьи, присылаемой в редакцию для публикации:

- 1) заголовок (название) статьи;
- 2) автор(ы): фамилия, имя, отчество (полностью);
- 3) данные автора(ов): телефон, адрес, научная степень, звание, должность и место работы, рабочий адрес, e-mail;
- 4) аннотация (авторское резюме);
- 5) ключевые слова;
- 6) текст статьи должен быть разбит на части: введение, тематические подзаголовки, заключение или выводы;
- 7) список использованной литературы в алфавитном порядке;
- 8) пункты 1-5 и 7 должны быть продублированы на английском языке (требования к аннотации см. далее).

Все материалы должны быть присланы в документе формата .doc, шрифт TimesNewRoman, кегль 14, первая строка с отступом, межстрочный интервал полуторный, сноски с примечаниями постраничные, нумерация сносок сплошная. Ссылки в тексте на библиографический список оформляются в квадратных скобках; указываются фамилия автора из списка, год издания работы и страница: [Иванов, 2003, 12].

Требования к аннотации на английском языке

Англоязычная аннотация должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной (**не быть калькой русскоязычной аннотации**);
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье, по схеме: предмет, тема, цель работы; метод или методология проведения работы; область применения результатов; выводы);
- «англоязычной» (написанной качественным английским языком);
- **объем от 150 до 250 слов.**

При невозможности предоставить англоязычную аннотацию необходимо предоставить аналогичный текст на русском языке, с требуемым объемом и структурой.

Фамилии авторов статей на английском языке представляются в одной из принятых международных систем транслитерации, в нашем издательстве – Британского института стандартов (www.translit.ru, меню **Варианты**, пункт **BSI**).

Оформление библиографических ссылок в тексте

Ссылки в тексте оформляются в стиле [Фамилия (фамилии), год, страница]. Например, такая ссылка:

Иванова П.П., Петров А.А. К вопросам о детских тарелочках // Жизнь. 2012. № 2. С. 343.

будет выглядеть в тексте как

[Иванова, Петров, 2012, 343].

При ссылке на интернет-ресурс ссылка выглядит как [Иванов, 2009, www] или (при невозможности установить год) [Иванов, www].

Постраничные сноски используются в случае смысловых комментариев, ссылок на архивы и неопубликованные документы. Допустимо указывать в постраничных сносках группы источников (например, ряд работ или диссертаций по какой-либо теме), которые не включаются в библиографию.

В библиографию включаются ссылки на использованные в работе:

- книги;
- статьи в периодике, коллективных монографиях, сборниках по итогам конференций;
- диссертации и авторефераты;
- нормативные акты;
- электронные ресурсы.

В библиографию не включаются (даются в постраничных сносках) ссылки на:

- архивы;
- неопубликованные документы.

Правила оформления библиографии на русском языке

Библиография оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка».

Правила оформления библиографии на английском языке

Английский вариант библиографии, с заголовком References, пишется согласно Гарвардской системе оформления библиографических ссылок, по следующей схеме:

Авторы (транслитерация), год публикации, транслитерация названия статьи, перевод названия статьи на английский язык (в квадратных скобках), транслитерация названия источника (книга, журнал), перевод названия источника (в квадратных скобках), место издания, издательство, страницы.

Пример:

Кочукова Е.В., Павлова О.В., Рафтопуло Ю.Б. Система экспертных оценок в информационном обеспечении учёных // Информационное обеспечение науки. Новые технологии: Сб. науч. тр. М.: Научный Мир, 2009. С. 190-199.

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauchnyi Mir, pp. 190-199.

Более подробные правила и примеры Гарвардской системы оформления представлены по ссылке <http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/harvard.htm?part=2> или <http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf>

Если у вас нет возможности оформить английские список литературы и аннотацию по нашим правилам, это сделают специалисты издательства. Обращайтесь, вам обязательно помогут!

Об издательстве

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает 14 научных журналов:

№	Название журнала	Направление
1	Вопросы российского и международного права	юридические науки
2	Культура и цивилизация	культурология
3	Технические науки: теория, методика, приложения	технические науки
4	«Белые пятна» российской и мировой истории	история
5	Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке	философия
6	Вопросы биологии и сельского хозяйства: теории и ситуации, проблемы и решения	биологические и сельскохозяйственные науки
7	Фундаментальные и клинические медицинские исследования	медицина
8	Экономика: вчера, сегодня, завтра	экономика
9	Педагогический журнал	педагогика
10	Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования	психология
11	Искусствоведение	искусствоведение
12	Социологические науки	социология
13	Теории и проблемы политических исследований	политология
14	Язык. Словесность. Культура	филология

Журналы выходят на русском и английском языках, основное содержание номеров составляют статьи ведущих российских и зарубежных ученых и начинающих исследователей, а также сообщения о выходе книг по теме изданий.

Журналы издательства «АНАЛИТИКА РОДИС» рассчитаны на ученых, специалистов, аспирантов и студентов, а также всех, кто интересуется проблемами современной науки.

Услуги издательства

Помимо выпуска научных журналов издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает научные издания, монографии, авторефераты, а также художественную литературу.

Рукописи изданий, поступающих к нам, подвергаются корректуре, редактированию и, при необходимости, научному редактированию. Техническое оформление в издательстве «АНАЛИТИКА РОДИС» включает вёрстку, раз-

работку оригинал-макетов, дизайн обложек и иллюстраций. На каждом этапе работы авторы имеют возможность оценить результаты и внести свои коррективы, пожелания и дополнения.

Наши специалисты осуществляют помощь в оформлении научных работ – от статей до диссертаций, по требованиям ГОСТа, ВАК или конкретных научных организаций, а также техническое, литературное и научное редактирование, корректуру.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» имеет широкие научные связи с отечественными и зарубежными учёными и организациями.

Rules for authors

Dear authors! We present you the updated requirements that the manuscript must strictly comply with.

Structure of an article for publication sent to the publisher:

1. title (name);
2. author (s): the surname, first name, patronymic (in full);
3. author (s) details: phone, address, academic degree, title, occupation and place of work (+address), e-mail;
4. annotation (author's abstract);
5. key words;
6. the text of the article must be split into several parts: introduction, subject subtitles, conclusion or summary;
7. list of references;
8. Items 1-5 and 7 must be accomplished in English (see below the requirements for annotations).

All materials must be sent in .doc format, Times New Roman, size 14, indented first-line, one-and-a-half line spacing, per-page footnotes and solid footnotes numeration. References to the bibliography in the text are to be made in square brackets: [Ivanov, 2003, 12].

The requirements for abstract in English and bibliographical references

An abstract in English must be:

- informative (be free of common words);
- original (**without being a calque (loan-translation) of Russian-language annotation**);
- substantive (to reflect the main content of an article and research results);
- structured (to follow result description logic in the article according to the scheme: subject, topic, work objective, method or work performance methodology, application range of the results; summary);
- "English-speaking" (written in high-grade English);
- **volume from 150 to 250 words.**

Let's see the following structural variant of a bibliographical ref in English for articles from journals, collections and conferences:

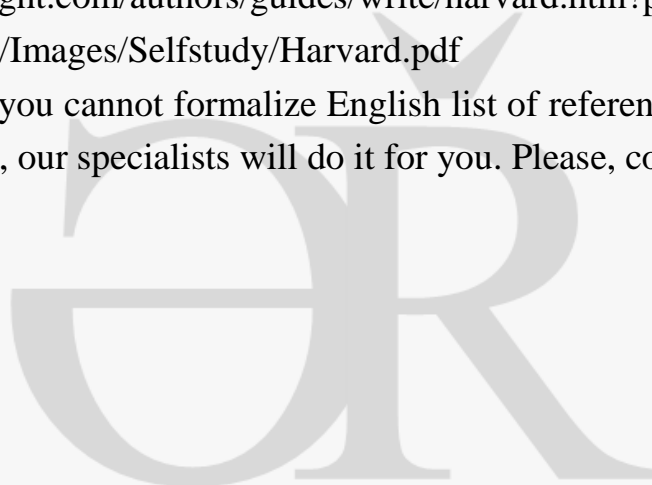
The authors (transliteration), year, title of the article in transliteration, translation of the title into English in square brackets, the name of the source (transliteration and translation), place, publishing house and pages.

Example:

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauchnyi Mir, pp. 190-199.

At that while **preparing the list** of literary sources of the **English-language** part of the article our **publishing house insists on using Harvard system of bibliographical references delivery**. You can find the possible typography variants on <http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/harvard.htm?part=2> or <http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf>

If for some reasons you cannot formalize English list of references and abstract in accord with our rules, our specialists will do it for you. Please, contact us, we are always ready to help!

About the publishing house

Publishing house "ANALITIKA RODIS" issues 14 scientific journals:

№	Name of the journal	Scientific area
1	Matters of Russian and international law	Jurisprudence
2	Culture and civilization	Culturology
3	Technical sciences: theory, methodology, applications	Technical
4	"White spots" of the Russian and world history	History
5	Context and reflection: philosophy of the world and human being	Philosophy
6	Questions of biology and agriculture: theories and situations, problems and solutions	Biological and agricultural
7	Basic and clinical medical research	Medical
8	Economics: Yesterday, Today and Tomorrow	Economics
9	Pedagogical Journal	Education science
10	Psychology. Historical-critical reviews and current researches	Psychology
11	Art Studies	Art Studies
12	Sociological Sciences	Sociological Sciences
13	Theories and Problems of Political Studies	Political science
14	Language. Philology. Culture	Philology

Journals are published in Russian and English. The articles of leading experts, as well as researchers working on dissertations, are published in each journal respective to its coverage, along with the reports of the books output of leading contemporary researchers!

The journals of the "ANALITIKA RODIS" publishing house are designed for specialists, students and postgraduate students, as well as anyone interested in problems of modern science.
